

№ 1881.

38
6/64

СЫНЪ

438
1.

ОТЕЧЕСТВА.

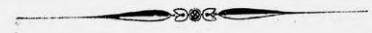
802-11
279

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга одиннадцатая.

Н О Я Б Р Ъ .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.
1848.

1881/1.

XX 438
11

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОДИННАДЦАТОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Разборъ мнѣній М. П. Погодина о началѣ Руси. (Въ защиту исторической правды и автора «Исторіи Русской Церкви»). Соч. <i>Н. Савельева-Ростиславица</i>	1—78
Неизвѣстный донынѣ, благотворительный поступокъ генералиссимуса князя Суворова.	79—80

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. — Обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. — Извѣстія изъ Дунайскихъ княжествъ. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ съ 15 сентября по 15 октября сего года. — Иностранныя извѣстія. Обзоръ современныхъ, замѣчательныхъ событій за границею. (Англія. — Ирландія. — Франція. — Австрійская Имперія. — Пруссія. — Германія. — Италія. — Испанія. — Далмація. — Молдавія и Валахія. — Ионическіе острова. — Персія. — Остъ-Индія. — Вестъ-Индія.	1—86
---	------

III. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

На смерть графа Василья Васильевича Левашова. Соч. <i>И. К.</i>	1—2
Добро и зло. Романъ <i>П. Фурманна</i> . Часть третья.	1—38
Прогулка по Рейну. Соч. <i>Барона Розена</i> . (Окончаніе).	39—80
Рѣшительный и нерѣшительный. Соч. <i>А. М....скаго</i> . (Продолженіе).	81—98

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Невѣста контрабандиста. (Италіянская повѣсть.) Соч. <i>Урбино</i>	1—44
---	------

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го ноября 1848 года

Цензоръ *Н. Елагинъ*.
Цензоръ *В. Ланеръ*.

C-XXXXVI-681

Редакторъ *К. Масальскій*.
Издатель *К. Жернаковъ*.

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- Знаменитый живописецъ, Давидъ Теньеръ. (Статья Арсена Гуссе). 1—12
- Малакка, Сингапуръ, Сіамъ и Кохинхина. (Отрывокъ изъ путешествія вокругъ свѣта г. Лапласа, на фрегатѣ Артемиза) 13—34

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- Воспоминанія Оаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни.—Исторія Наполеона. Соч. Н. Полеваго. (Статья первая).—Иванъ Матвѣевичъ Прямыковъ и Оома Михеичъ Бирюковъ, оба—люди Русскіе. Пестрота въ разсказѣ и разсказъ въ пестротѣ, изъ юмористическихъ записокъ бурсака.—Очерки современной жизни. Соч. М. Корсини. 1—48

VII. СМѢСЬ.

- Заочная любовь. (Разсказъ Альфонса Карра).—Эмансипированныя женщины четырнадцатаго вѣка.—Предчувствіе матери.—Игра природы.—Нѣкоторые привычки и странности людей.—Новѣйшія моды.—Новыя русскія книги.—Новыя французскія книги. 1—22
- О продолженіи изданія *Сына Отечества* на 1849 годъ.

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложены: 1) Пять повѣстей и другихъ сочиненій *Константина Масальскаго*: I. Первая любовь послѣдняго въ родѣ. II. Разсказъ о томъ, какъ три неузнанные генія сочиняли натуральную повѣсть. III. Сей и Этогъ, или вражда братьевъ. Кукольная мелодрама. IV. Романъ на ледяныхъ горахъ. V. Быль 1703 года. 2) *Донъ-Кихотъ Ламанскій*, Романъ Сервантеса, переведенный съ испанскаго К. Масальскимъ. (Съ парижскими политическими картинками). Книга вторая. 3) Парижская картинка модъ. 4) Ноты новаго романа подъ названіемъ: «Сосна.» Слова *Лермонтова*. Музыка А. К. . . . ва.

Всего 44 печ. лист.

Русская Исторія.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ М. П. ПОГОДИНА

О НАЧАЛѢ РУСИ.

(ВЪ ЗАЩИТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ И АВТОРА «ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.»)

СОДЕРЖАНІЕ.

Важность вопроса о происхожденіи Руси. Начало школы, защищаемой М. П. Погодинымъ: ловля созвучій Байеромъ и его послѣдователями. Разногласіе байеріанъ между собою относительно вопроса о томъ, гдѣ жили и кто были Варяги—Русь. Приговоръ Гизо историческимъ разногласіямъ, и единство мнѣній славянистовъ о старобитныхъ жилищахъ варяжской Руси. Географическое положеніе ея (по Нестору, его продолжателю, Арабамъ и западнымъ писателямъ) въ предѣлахъ балтійской Серби, на варяжскомъ или сербскомъ Поморьѣ. Искаженіе Географіи М. П. Погодинымъ, и несправедливые его отзывы о противникахъ Скандинавоманіи. Распространеніе Варяговъ на востокъ Балтійскаго моря: эпоха владычества Сербовъ. Призваніе Рюрика съ Поморія. Ошибочный взглядъ М. П. Погодина

К. XI. — Стд. I.

на на это событіе съ его послѣдствіями. Языкѣ Варяговъ—Руси: западно-славянская стихія въ составѣ нашего языка. Имена и фамильныя прозвища поморскихъ Сербовъ, сравнительно съ великороссійскими. Основная причина всѣхъ ошибокъ М. П. Погодина: сагоманія. Несообразныя съ фактами догадки его о лицѣ Рюрика и языкѣ рускомъ. Славянская мифологія варяжской Руси, вывороченная наизнанку защитникомъ скандинавоманіи. Политическій бытъ Новагорода и вообще законоположеніе древней Руси, сравнительно съ бытомъ и законами Сербовъ; натяжки М. П. Погодина. Славянскій характеръ походовъ варяжской Руси. Заключение.

«Вопросъ о происхожденіи Варяговъ—Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ принесли они къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно важнѣе всякаго другаго частнаго вопроса, на прим. вопроса о мѣстѣ погребенія Ляпунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи Русской Правды въ первоначальныя времена, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учреждений, которыя гораздо позже встрѣчаются въ русской исторіи, и къ которымъ глазъ такъ уже приглядѣлся, что они кажутся нашими національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса не лзя почти опредѣлить: точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть можетъ, узнавъ его, мы нашли бы отголосокъ гораздо ближе къ намъ, «нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ «начало, однажды брошенное въ жизнь, вдругъ не умираетъ, «но, перерождаясь безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь распорядокъ службы, наборъ войска, помѣстная система, дума, судебныя пошлины, отчасти управленіе и судопроизводство въ московской Россіи не есть ли

«отголосокъ варяжскаго элемента, и рѣшить этого не лзя «теперь, не зная кто были Варяги—Русь.»

Такъ писалъ даровитый нашъ юристъ, г-нъ Кавелинъ, по случаю выхода въ свѣтъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», напечатанныхъ М. П. Погодинымъ въ Москвѣ въ 1846 году. Авторъ этихъ Изслѣдованій, какъ известно, всегда былъ ревностнымъ приверженцемъ Байеро—Шлёцеровой гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ—Руси; но, придавая Варягамъ исключительно Скандинавское происхожденіе, М. П. Погодинъ всегда *отмалчивался*, когда приходилось опредѣлить по Нестору географическое положеніе той земли, гдѣ обитали Варяги, призваніемъ нашими предками. Это еще въ 1842 году было замѣчено профессоромъ Московскаго университета, О. Л. Морошкинымъ, который своими «Историко-критическими изслѣдованіями о Руссахъ и Славянахъ» *желалъ раскрыть степень юридическаго родства, въ какой состоятъ между собою Русскіе Славяне съ Балтійскими Славянами* (стр. 24). Не смотря на законность требованій критики: сперва указать географическое положеніе Варяжской земли, а затѣмъ приступать къ рѣшенію вопроса о томъ, кто были Варяги—Русь, — не смотря на очевидную необходимость такой логической послѣдовательности, почтенный М. П. Погодинъ остался на прежнемъ пути, и—естественно—уже не могъ придти къ логически-правильному построенію историческаго силлогизма *. Между тѣмъ «главное начало Русской Исторіи, само по себѣ ложное, необходимо должно было задержать успѣхи русской исторіи Законодательства», по справедливому замѣчанію Морошкина, который весьма основательно утверждалъ, что «мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть Исторіи, достойной Русскаго народа, доколѣ будемъ вѣрить Шлёцеру и его продолжателямъ: Шлёцеръ не понималъ Нестора и

* См. въ моемъ «Славянскомъ Сборникѣ», стр. **VIII—XLV**; въ особенности обращаю вниманіе бывшаго моего наставника, доселѣ мною уважаемаго, на причины, породившія Скандинавоманію и откровенно изложенныя мной на страницахъ V, VI, VII, VIII, IX, X, XIII и XIV.

вообще заставляя летописцевъ говорить такъ, какъ ему было угодно, порицая что было противно его системѣ» (стр. 18). Основательность этого, мимоходомъ сдѣланнаго, отзыва о *направленіи* Шлёцера вполне раскрыта и доказана въ моемъ «Славянскомъ Сборникѣ» (стр. III—LXIV и LXXXIII—CVI). Но защитникъ Шлёцера не обратилъ должнаго вниманія на эту книгу потому, что «Славяне провозгласили побѣду надъ Шлецеромъ, его системою и *последователями*»; восторжъ потому, что одинъ изъ молодыхъ любителей исторіи въ посланіи ко мнѣ и Морошкину осмѣлился написать между прочимъ:

Была пора: *чужимъ умомъ*
 Жила Россія молодая;
 Но совершился переходъ —
 Теперь пришла чреда иная,
 И дума *Русская*, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
 Вдругъ свѣтлымъ брызнула ключемъ!...
 Да, да, пора *нѣмецкихъ мнѣній*
Кривые толки разобрать,
 И свѣтомъ истины прогнать
 Густую тьму *пустыхъ сомнѣній!* *.

Въ слѣдствіе этихъ уважительныхъ (!!!) причинъ — какъ объявлено на 380 страницъ втораго тома «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи» — М. П. Погодинъ не читалъ и обширнаго трактата моего о варяжской Руси, помѣщеннаго въ XXXVII части «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1845, отд. II, стр. 1—64). Такимъ образомъ объясняется, почему въ 1846 году провоз-

* Это посланіе, напечатанное въ «Маякѣ» 1844 года, въ 1845 году было перепечатано въ любопытной книжкѣ А. В. Александрова, изданной подъ заглавіемъ «*Современные историческіе труды въ Россіи*», и заключающей въ себѣ остроумное оправданіе моей системы отъ всѣхъ обвиненій, взыденныхъ на славянскую школу. О стихотвореніи даровитаго Москвича, помѣщенномъ тамъ во второмъ письмѣ, стр. 51, 52, почтенный М. П. Погодинъ почелъ нужнымъ припомнить въ своихъ ученыхъ «Исследованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ о Русской Исторіи», и притомъ *дважды*, въ I-мъ томѣ на стр. 332, во II мѣ на стр. 380.

глашено почтеннымъ авторомъ «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій» совершенное уничтоженіе непріятельскаго войска, тогда какъ самый большой корпусъ враждебнаго ополченія остался въ сторонѣ, *будто бы* нарочно обойденный; а въ самомъ дѣлѣ — какъ увидятъ читатели далѣе — потому, что и надъ другими-то противниками скандинавоманіи одержана была поверхность съ грѣхомъ пополамъ, такъ и не представлялось никакой возможности вновь помѣряться силами въ чистомъ полѣ: это было отступленіе безъ бою, прикрытое громкимъ именемъ побѣды... Но истина всегда возьметъ свое! На страницахъ 94 и 426 во второмъ томѣ упомянутаго сочиненія авторъ изрекъ приговоръ самому себѣ, осудивъ тѣхъ изыскателей, которые «не обращаютъ никакого вниманія на противоположныя мнѣнія и не разбираютъ ихъ доказательствъ.»

Одержавъ мнимую побѣду надъ славянскою школою, а въ самомъ дѣлѣ только уклонившись отъ невозможной борьбы съ историческою правдою, ученый защитникъ Байеро-Шлёцеровыхъ гипотезъ уволилъ себя отъ разбора всѣхъ противоположныхъ мнѣній и, обманывая самого себя, искренно началъ убеждаться въ мнимой непогрѣшимости любимаго ученія, когда прикрылъ передъ собою односторонность скандинавоманіи.... Это подало поводъ г. Кавелину въ началѣ 1847 года, повторить передъ М. П. Погодинымъ упрекъ за то, что въ «Исследованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» *обойденъ* самый главный вопросъ нашей древней исторіи, ибо авторъ не рѣшилъ: *гдѣ* была родина Варяговъ, а слѣдственно и *кто* они были! Но, какъ юристъ, еще не ознакомившійся со всеми источниками нашей до-Рюриковской и потомъ до-татарской эпохи, г. Кавелинъ не могъ принять на себя рѣшенія важнаго вопроса о происхожденіи Руси, и потому ограничился лишь нѣкоторыми возраженіями противу скандинавоманіи. Не смотря на очевидную справедливость этихъ возраженій, г. Погодинъ нашелъ въ нихъ только частности, а не прямое рѣшеніе спорнаго вопроса, и потому остался при своемъ прежнемъ мнѣніи; когда же замѣтилъ, что къ славянской школѣ, непрерывно усиливающей-

ся новыми приверженцами, присоединился въ нынѣшнемъ году и ученый авторъ «Исторіи Русской Церкви», преосвященный Филаретъ рижскій; тогда въ Москвитянинъ (1848, № 8) снова загремя батарея противу славянистовъ, поставленная М. П. Погодинымъ.

Въ «Славянскомъ Сборникѣ» представлена мною *Исторія русской исторической критики до 1845 года*: подробно разобрано ученіе Байера, Миллера, Шлёцера, Крузе, Круга, Куника, Сабинина и прочихъ послѣдователей гипотезы о скандинавскомъ происхожденіи Варяго-Руссовъ. Обозрѣвъ такимъ образомъ *всѣ* системы, которыя были воздвигаемы въ теченіе ста десяти лѣтъ всеми поклонниками Байера-Шлёцеровыхъ гипотезъ, долгомъ поставлю разобрать ученіе М. П. Погодина, изложенное имъ въ «Исслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ о Русской Исторіи» (1846) и торжественно теперь провозглашенное въ Москвитянинъ *единственно правымъ*, по поводу I части классическаго творенія преосвященнѣйшаго епископа рижскаго.

Воздавъ должную дань хвалы прекрасному труду его преосвященства объ Исторіи Русской Церкви, М. П. Погодинъ переходитъ къ предмету, который близокъ къ его сердцу, именно къ вопросу объ основателяхъ Русскаго государства. «Для насъ Русскихъ,» пишетъ онъ въ Москвитянинъ (1848, № 8, стр. 46), «ничего не можетъ быть *противнѣе* мысли основанія государства нашего Норманнами. Всѣ русскіе историческіе писатели прошедшаго столѣтія считали *священнымъ долгомъ* вооружаться противъ этого мнѣнія, и «употребляли всѣ силы, чтобъ опровергнуть оное»; наши современники повторяютъ то же явленіе, напр. Макси-

* Въ примѣръ противниковъ скандинавомаіи прошлаго вѣка М. П. Погодинъ приводитъ Тредьяковскаго, Ломоносова и Болтина, забывалъ, что Тредьяковскій передъ Академіей признавалъ мнѣнія Байера и Миллера *весьма вѣроятными*, и только изподтишка осмѣлялся подтрунить надъ скандинавомаіей; что эта *шутка* его издана уже черезъ три года послѣ его смерти подъ важнымъ заглавіемъ «Трехъ разсужденій»; и наконецъ, что Болтинъ съ Татищевымъ и Бутковымъ составляютъ школу скандинаво-финскую, слѣд. не могутъ причисляться къ защитникамъ славянскаго происхожденія Варяго-Руссовъ.

«мовичъ, Морошкинъ, Надеждинъ. *Чтобъ грѣха таить: самъ я выдержалъ пресильную борьбу съ собою*, даже послѣ разсужденія о происхожденіи Руси, очень обрадовался было внутренно мысли Каченовскаго о Ваграхъ, которая открывала мнѣ надежду подъ именемъ Варяговъ-Норманновъ «уразумѣть Славянъ; но *истина* (?) опять взяла свое: я перечесть, перевѣрилъ всѣ источники и утвердился въ первомъ убѣжденіи, что основатели Русскаго государства были Норманны немецкіе.»

Уважаая это стремленіе къ *истинѣ* въ бывшемъ моемъ наставникѣ, буду говорить откровенно. Со мною было вовсе противное тому, что рассказываетъ о себѣ М. П. Погодинъ. Поступивъ въ Московскій университетъ (1833) съ сильнымъ предубѣжденіемъ въ пользу скандинавской системы, я только къ концу третьяго курса началъ колебаться въ ней, когда М. Т. Каченовскій отказался отъ гипотезы Эверса и призналъ Руссовъ племенемъ Славянскимъ, разселившимся у насъ изъ-за Карпатовъ *. Уже по выходѣ изъ университета, посвятивъ нѣсколько лѣтъ внимательному изученію этого вопроса первостепенной важности, сообразивъ *всѣ* мнѣнія со всѣми имъ *доказательствами*, наконецъ, освободясь отъ всякаго пристрастія къ напередъ составленнымъ гипотезамъ, я началъ читать источники и убѣдился, что Байеръ, котораго намъ выдавали за отца исторической критики, былъ основателемъ школы созвучій — не болѣе. Самъ онъ первый отправился на ловлю созвучій: подъ его перомъ Новгородцы превратились въ кавказскихъ Кабардинцевъ, на томъ основаніи, будто бы въ русскомъ языкѣ буквы *и* и *к* сходны, послѣ чего и началась ломка: *Новгородцы, Ковгородцы, Кобгородцы, Кобородцы, Кабардинцы!!!* Наши малороссійскіе обитатели рѣки Буга, Славяне-*Бужане*, помощію такой же операціи, превратились въ татарскихъ *Буджаковъ*, а днѣпровскій *Витичевъ* перенесенъ на мѣсто подвинскаго *Витебска!!!* Миллеръ слѣдовалъ тому же направленію, превращая нашихъ славянскихъ обитателей рѣки

* Славян. Сборникъ, стр. ССХХІ и прим. 536.

Полоты, Полочанъ, въ турецкихъ *Половцехъ*, сказочнаго царя *Дадона* въ скандинавскаго бога *Одина*, а *Бову* королевича въ *Бауса* Оденевича!!! Струбе пошелъ тѣмъ путемъ и вымучилъ изъ славянскаго *Перуна* имя скандинавскаго бога *Тора*, такимъ образомъ: *Перунъ*, *Ферунъ*, *Терунъ*, *Терь*, *Торъ*!!! Разумется, школа созвучій—сама того не замѣчая—тотчасъ же обнаружитъ свою нелогичность, какъ скоро потребовать не ломки звуковъ, а доказательствъ. Предложите, напримѣръ, всѣмъ последователямъ Байера вопросъ самый простой и естественный: *откуда* призвали Новгородцы князей себѣ, или: *гдѣ* жили, и слѣдственно *кто* были наши Варяги-Русь?

Шведы, прозванные у Славянъ Варягами, а въ Византіи сами прозавшіе себя кончикомъ греческаго слова *pyrghos* (свѣтложелтый, огненный), которое худо слышалось Шведамъ, и превращено ими въ *Rhos*, *Russ*,—отвѣчаетъ *Кругъ*.

Фрисландцы съ Нѣмецкаго моря, ибо у нихъ было герцогство *Hriustri*, позднѣе *Rustring*, а въ Россіи есть городъ *Ростовъ*,—отвѣчаетъ *Гольманъ*.

Черноморскіе Руссы, вѣроятно скандинавскіе потомки бога *Одина*,—отвѣчаютъ *Фатерь* и *Неймаъ*.

Датскіе Ютландцы, у которыхъ была *Rosengau* (Розовая волость),—отвѣчаетъ *Крузе*, либо—*Земландцы*, на островъ которыхъ есть урочище *Roesnild*, или же *Норвежскіе Вермеландцы*, у которыхъ былъ король Гогни, а это имя звучитъ почти также, какъ *Каганъ*, титулъ русскихъ государей *Владимира* и *Ярослава*.

Ферейцы съ острововъ *Ферейскихъ*, находящихся на предѣлахъ Атлантическаго океана, отвѣчалъ *А. О. Вельтманъ* (отказавшійся впоследствии отъ этой гипотезы).

Финскіе Скандинавы изъ *Ботники*, гдѣ была область *Рюсалаандъ*,—отвѣчаетъ *П. Г. Бутковъ*, признающій кромѣ того еще двѣ *Чудскія* или *Финскія Руси*, одну на *Волгѣ*, другую на *Двиьрѣ*.

Неизвѣстные скандинавскіе завоеватели, которые прозвали сами себя *Русь*, именемъ, не означавшимъ ни страны, ни народа, провозгласилъ покойный *Н. А. Полевой*, сознав-

шійся однако жъ, что въ Скандинавіи *не находилось* ни имени *Варяговъ*, ни имени *Руссовъ*, но заключившій отсюда, что имя *Russ* можетъ быть означало *морскихъ воиновъ* изъ Скандинавіи (!!).

Мнѣніе *Полеваго* принялъ и г-нъ *Куникъ*, объявившій наперекоръ *Нестору*, что *Варяги-Русь* именно были *Свейскіе* или *Шведскіе морскіе воины* изъ *Упландскаго rodslagen'a* (корабельнаго стана); а что они никакъ не могли быть Славянами доказывается, по мнѣнію этого ученаго, во-первыхъ тѣмъ, что имя *Русь* кончится на букву *ерь* (ь), а во-вторыхъ тѣмъ, что духъ порядка исключительно приличенъ лишь иноземцамъ, и потому долженъ служить доказательствомъ, что *Руссы* суть не *Русскіе* (Славяне), а *шведскаго духа сыны* ославянившіеся въ татарскую эпоху *.

По мнѣнію *О. И. Сепковского*, *Рюрик* и *Варяги* были воины и поэты изъ *всѣхъ* скандинавскихъ земель (!!), и потому они не имѣли права называться никакимъ народнымъ именемъ, а выдумали себѣ *поэтическое* имя *Русь*, которое было кѣмъ-то увѣчано (!) и стало дѣрого (!) всѣмъ *Норманнамъ*.

Наконецъ, по мнѣнію ученаго *Сабинина*, скандинавская *Русь* находилась въ предѣлахъ нашего отечества; эти Скандинавы прозвали нашихъ предковъ Славянами—т. е. слабыми подручниками (отъ скандинавскаго *slaf*), а когда это имя *Слабыхъ* или *Славянъ* получило другой смыслъ, то Скандинавы перевели оное и своихъ подручниковъ начали называть *Россами* (отъ *Ros*, хвала, слава). Скандинавскій богъ *Одинъ* измѣнился въ *Волоса* (*Одинъ*—*Водинъ*—*Водъ*—*Вольдъ*—*Волоть*—*Волось*); а *Бальдюръ*, упавшій въ море и тамъ невольно покушавшійся, превратился въ *Купалу*. Ученый авторъ дошелъ до того, что не шутя началъ увѣрять, будто бы онъ уже зналъ по-древне-скандинавски прежде, чѣмъ выучился говорить на своемъ отечественномъ языкѣ: «помню, что въ дѣтствѣ моемъ, я, живши въ деревнѣ, спрягалъ гла-

* Объ этихъ гипотезахъ г-на *Куника* см. въ *Слав. Сборникѣ* прим. 54, стр. *XLII—XLVII*.

толы болѣе по исландскимъ спряженіямъ, нежели по Гречевой руссѣйской грамматикѣ.» * Словомъ, что весь мы родимся Скандинавами, а потомъ уже только по грамматикѣ Н. И. Греча выучиваемся по-русски и забываемъ природный нашъ языкъ скандинавскій...

Куда же прикажете вѣхать Новгородцамъ за варяго-русскимъ княземъ Рюрикомъ и его братьями? Одинъ изыскатель отправляетъ новгородскихъ пословъ къ тѣмъ изъ шведскихъ странниковъ, которые хорошенъко не дослышали греческаго слова *ruthos*; другой къ воинамъ-поэтамъ изъ всѣхъ земель скандинавскихъ; третій заставляетъ Новгородцевъ вѣхать за Рюрикомъ во Фрисландію, четвертый въ Ботнику, пятый на островъ Зеландію, либо Ютландію, либо въ норвежскую Вермеландію, шестой на Черноморье, седьмой на Ферейскіе острова въ Атлантическій океанъ; осьмой приказываетъ Новгородцамъ отыскивать князя Рюрика среди Неизвѣстныхъ завоевателей, вѣроятно морскихъ воиновъ Скандинавіи; девятый указываетъ на Упландію, какъ на жилище этихъ, искомымъ авторомъ, не поддѣльныхъ Шведскаго духа сыновъ; а десятый всю Россію заселяетъ Скандинавами и самъ превращается въ Скандинава...

Гдѣ же тутъ истина, которая, по самому существу своему, должна отличаться характеромъ *единства*, какъ говорилъ одинъ изъ умнѣйшихъ историческихъ мыслителей Европы, Гизо **. А вотъ приговоръ подобнымъ разнорѣчивымъ показаніямъ, находимый у самого Михаила Петровича Погодина: «если предоставитъ сіи мнѣнія ихъ судьбѣ, то онѣ *взаимно поразятся*...» (т. II, стр. 178). Этотъ афоризмъ автора «Исследованій, Забѣчаній и Лекцій» вполне примѣняется ко всѣмъ системамъ, поставившимъ себя цѣлью—не открытіе истины, а защиту скандинавоманіи ***.

* Подробный критическій обзоръ всѣхъ этихъ мнѣній см. въ Слав. Сборникѣ, стр. CVI—CLI.

** Histoire de la civilisation en France, XII leg.

*** Забѣчу впрочемъ, что авторъ напрасно соединяетъ въ одну школу и восточныхъ или черноморскихъ скандинавомановъ Неймана съ Фатеромъ и Туркофила Эверса и Ломоносова съ его славянскою системою Варяжской

Но какое мнѣніе самого-то Михаила Петровича? Неужели онъ смогъ сблизить между собою эти несогласимыя между собою показанія защитниковъ скандинавоманіи, разсылающихъ новгородское посольство за Рюрикомъ чуть не по всему свѣту?

Вотъ окончательный выводъ г. Погодина, болѣе 20 лѣтъ размышлявшаго о средствахъ защитить Байеро-Шлёцерова ученіе. Исписавъ 166 страницъ, для доказательства любимой гипотезы, онъ говоритъ: «закключаю: *кто были именно «Варяги-Русь и гдѣ они жили—не рѣшено до-сихъ-поръ съ «достоверностію, и едва ли когда-нибудь будетъ рѣшено за «недостаткомъ свѣдѣній»* (т. II, стр. 166). Замѣтьте сознание: *не рѣшено*, говоритъ г. Погодинъ, и придаетъ Варяго-Руссамъ имя Норманновъ, которое принимаетъ исключительно въ значеніи *Скандинавовъ*, хотя Фульдскія летописи подъ имя *Nordmanni* (сѣверяне) подводятъ и *сѣверныхъ Славянъ*, обитавшихъ на южномъ берегу Балтійскаго моря *: Эти послы балтійскихъ Поморянъ къ Арнульфѣ именно называются *legati Nordmannorum, scilicet ab aquilone Slavorum*. Чтѣ можетъ быть яснѣе! Однако жѣ почтенный М. П. Погодинъ дотога съумѣлъ посторонними разсужденіями запутать дѣло, что читатель наконецъ начинаетъ вѣрять скандинавизму варяжской Руси, не замѣчая очевидной ложности силлогизма:

Гдѣ жили варяжскіе Руссы—не рѣшено;

Кто они были — не рѣшено;

Слѣдственно: достоверно, что они были Норманны, то *есть* Скандинавы!

Озадачивъ читателя такимъ силлогизмомъ, М. П. Погодинъ почитаетъ уже рѣшеннымъ дѣломъ, что варяжская Русь находилась «въ *какомъ-нибудь углу сѣвера или древней Скандинавіи*» (т. II, стр. 166), какъ будто бы на сѣверь и

Руси, широко простиравшейся по Балтійскому южному берегу. Тутъ былъ однако жѣ умыселъ: г-ну Погодину хотѣлось разительнѣе противополжить эти ученія скандинавской системѣ, какъ единой истинной. Хорошо же это единство!

* См. въ моемъ Славянскомъ Сборникѣ, стр. XXXI.

не было въ древности никого кромѣ Скандинавовъ! Почтенный авторъ позабылъ на сей разъ, что по берегамъ Балтійскаго моря искони жили и финскія племена, и литовскія, и славянскія; но такая забывчивость ему была необходима, чтобъ читатели повѣрили превращенію всего сѣвера въ мнимую Скандинавію и не вспомнили о Поморьѣ, на которое указалъ Ломоносовъ, котораго не отвергалъ и Карамзинъ, которое признавали отчизною Варяговъ и Каченовскій, и Венелинъ, и Макаровъ, и Морошкинъ, и Надеждинъ, и Максимовичъ, и Святный, словомъ всѣ защитники исконнаго вѣрованія нашихъ предковъ, какъ увидимъ далѣе.

Знакомство съ древностями славянскихъ народовъ всегда приводило къ убѣжденію, что родина варяжскихъ Руссовъ находилась на южномъ балтійскомъ Поморьѣ... Безсмертный нашъ исторіографъ, хотя и долженъ былъ согласиться съ Шлёцеромъ, однако жъ не отказалъ въ *вѣроятности* и противоположному мнѣнію, что Руссы обитали при устьѣ Вислы, въ соседствѣ съ литовскими Пруссаками *. Тамъ же отыскивалъ варяжскую Русь и авторъ «Россіи» (1837), О. В. Булгаринъ, во многомъ сблизившійся съ ученіемъ славянистовъ. Тамъ ее указывалъ и И. П. Боричевскій, этотъ знатокъ литовской исторіи, написавшій любопытное изслѣдованіе о Руссахъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, а по изданіи мною «Славянскаго Сборника» окончательно перешедшій на сторону славянистовъ (1845). Такъ же поступилъ извѣстный московскій ученый, князь М. А. Оболенскій, который прежде былъ защитникомъ скандинавизма Варяговъ-Руси, а теперь уже призналъ «въ высшей степени правдоподобнымъ» мой выводъ, что предки наши всегда были Русью, и призвали къ себѣ князей русскихъ же съ варяжскаго, сербскаго По-

* Исторія Государства Россійскаго, т. I, гл. 2 (по изданію Эйверлинга стр. 30). Карамзинъ не могъ явно отвергнуть мнѣнія Шлёцера, потому-что обязанъ былъ посылать черезъ А. И. Тургенева рукопись своей Исторіи на просмотръ Шайцеру; см. объ этомъ важныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ почтеннымъ редакторомъ археографической комиссіи, І. І. Григоровичемъ, въ Славян. Сборникъ примѣчаніе 223.

морья (см. «Чтенія въ Моск. Общ. Ист.» 1846, № 4). То же мнѣніе разделяетъ со мной редакторъ Актовъ археографической комиссіи, отецъ протоіерей І. І. Григоровичъ, сообщившій мнѣ драгоценныя свѣдѣнія объ *истинныхъ* отношеніяхъ канцлера Румянцева къ Кругу и Шлёцеру *; равно какъ и редакторъ Полнаго Собранія Русскихъ Летописей, Я. И. Березниковъ, справедливо утверждающій, что сомнѣваться въ славянствѣ призванныхъ нами Варяговъ теперь могутъ только люди мало знакомые съ памятниками древней нашей письменности. Наконецъ, въ числѣ защитниковъ мысли о славянствѣ призванныхъ нами Варяговъ пока довольно упомянуть имена: неутомимаго И. П. Сахарова — издателя «Сказаній Русскаго Народа», Н. И. Павлищева — составившаго прекрасный Историческій Атласъ Россіи (Варшава 1845), славнаго единоплеменника нашего — Мацѣевскаго, открывшаго ученому міру сокровища исторіи славянскихъ законодательствъ и признавшаго бытіе Руси на томъ же славянскомъ Поморьѣ.

Откуда же происходитъ и что доказываетъ это *единство* убѣжденій писателей славянской школы? Отвѣтъ высказанъ у Гизо, слова котораго предложены выше. Если бы М. П. Погодинъ ознакомился ближе съ древностями обще-славянскими, то и онъ перемѣнилъ бы свое мнѣніе, увидѣлъ бы односторонность скандинавоманіи и не сталъ бы упрекать глубокученнаго автора «Исторіи Русской Церкви» за сомнѣніе въ скандинавскомъ происхожденіи Руссовъ (Москвит. 1848, № 8, стр. 47).

Однако жъ мысль о важности изученія славянскихъ древностей для правильнаго объясненія многихъ явленій нашей русской исторіи уже начинаетъ сознаваться М. П. Погодинымъ. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ «Изслѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» (т. II, стр. 321, 322, 381 — 384, 395 — 400); великодушно указываетъ «матеріалы, изъ которыхъ должно будетъ строить *Славянскія сѣни* въ Русскую Исторію» (стр. 396, 399); обращаетъ вниманіе моло-

* Славян. Сборникъ, прим. 96 и 223.

дыхъ работниковъ на эти слѣхи (стр. 399) и въ заключеніе откровенно говоритъ: «если переимѣнится нашъ схоластическій образъ мыслей (!) и воспитанія, то соединенными усиліями многихъ дѣлателей съдая наша древность явится для насъ въ неожиданномъ доселѣ свѣтъ! До тѣхъ поръ пусть это будутъ наши *ria desideria*. Я съ своей стороны долженъ сказать, что слишкомъ поздно могъ смотрѣть на предметъ съ этой стороны; все свое вниманіе я обращалъ на Норманновъ и имъ до сихъ посвящалъ труды свои» и проч. (т. II. стр. 400). Въ III-мъ же томъ, на страницѣ 296, откровенно пишетъ: «можетъ быть, я самъ увлекаюсь Норманскимъ элементомъ, который разыскиваю 25 лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи». Сожалѣя объ этомъ увлеченіи Скандинавоманіей и слишкомъ позднемъ знакомствѣ автора «Издѣлованій» съ славянскими древностями, приглашаемъ почтеннаго М. П. Погодина выкинуть хладнокровно въ дѣло.

До временъ Байера, предки наши постоянно указывали отчизну Рюрика на южномъ балтійскомъ Поморьѣ, *; Варягами въ обширномъ смыслѣ называли не только всѣхъ обитателей Варяжскаго (Балтійскаго) моря, но и всѣхъ западныхъ Европейцевъ, почему и латинское или римское вѣронсповѣданіе слыло у насъ варяжскою вѣрою; въ тѣсномъ же смыслѣ, собственно Варягами называли Сербскихъ обитателей Поморія Варяжскаго, начиная отъ Стараго-Града за Гданскомъ (Данцигомъ): такъ засвидѣтельствовали продолжатели Нестора. Это уже неоспоримо послѣ изданія Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (т. II, с. 227.) Свидѣтельство нашихъ лѣтописцевъ подкрѣпляютъ и арабскіе писатели, которые положительно говорили объ этихъ собственно-Варягахъ: «Sie sind die Slaven der Slaven», welches, прибавляетъ академикъ Френъ, dem arabischen Sprachgebrauch zu Folge, heißen würde: «Sie sind die vorzüglichsten aller Slaven**». Имѣя пе-

* Журн. Мин. Нар. Просв. 1845, ч. XXXVII, отд. 2. — Слав. Сборн.

** То есть: «Варяги—знаменитѣйшіе изъ всѣхъ Славянъ.» Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, von C. M. Frähn (1823), стр. 192. На слѣдующей 193 страницѣ прямо упоминается море *Varenogov-Sla-*

редъ собою два положительныя свидѣтельства, свое и чужеземное что «Варяги суть сербскіе Поморяне», и что они при томъ «Славяне изъ Славянъ», то есть славнѣйшіе или знаменитѣйшіе изъ всѣхъ Славянъ (по толкованію г-на Френа), уже легко было понять настоящей смыслъ многихъ, дотолеъ казавшихся загадочными, указаній Несторовой лѣтописи; стоило только сличить ее съ доселѣ-неизмѣнными свидѣтельствами этнографин. Изъ Нестора мы знаемъ, что западная Двина впадаетъ въ море Варяжское (Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I, стр. 3). Ясно, что собственно-Варяжскимъ моремъ называлось Балтійское, хотя въ обширномъ смыслѣ всѣ воды Западной Европы назывались моремъ варяжскимъ, со включеніемъ даже и Средиземнаго, какъ видимъ изъ Нестора и Арабовъ. Какіе же народы обитали на собственно-варяжскомъ побережьѣ? На восточныхъ берегахъ племена литовскія, спускавшіяся къ нижней Вислѣ; тамъ, литовское племя Прусовъ сосѣдило съ Лягами, занимавшими среднюю Вислу. На западъ отъ Вислы, весь южный берегъ Варяжскаго моря занимали славянскія племена, известныя подъ мѣстнымъ именемъ Поморянъ; эти поморскіе Славяне простирались до устья Лабы (Эльбы), откуда уже начиналась по западному варяжскому побережью земля Анголовъ (Ангельнъ), столицею которой былъ Шлезвигъ, та южная оконечность Датскаго королевства, которая въ наши дни сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій между Германцами и Датчанами. Далѣе, съверо-западное побережье варяжское занимали родственные Датчанамъ Скандинавы, именно Свеи (Шведы), заселившіе также и островъ Готландъ, а за Свеями ихъ родичи Норвежцы, или Норманы, которыхъ у насъ звали Мурманами или Урманами. Наконецъ къ востоку отъ нихъ видимъ Чудь или Финновъ. Вотъ весь окружныя племена при Варяжскомъ морѣ! Какому жъ изъ этихъ народовъ собственно принадлежало имя Варяговъ-Руси: Литовцамъ, поморскимъ Славянамъ, Англиямъ (или вообще Датчанамъ),

или, das Meer der Warenger der Slaven. Переводчикъ вставляетъ отъ себя, въ скобкахъ, союзъ *und*, желая раздѣлить эти два имени; но намъ нѣтъ дѣла до личныхъ илліній переводчика.

Свеямъ, Норвежцамъ или Мурманамъ? О Финнахъ, облегающихъ Ботнику, и извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Чуди, разумѣется и думать нечего... Продолжатели Нестора и арабскіе писатели прямо указывали на балтійскихъ Сербовъ или поморскихъ Славянъ, занимавшихъ все южное варяжское Поморье. А Несторъ? Онъ опредѣлительно указалъ варяжскую Русь, и ясно изложилъ дѣло. По его словамъ, послы Новгородцевъ и ихъ союзниковъ «идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся зваху ты Варязи-Русь, яко се друзии зовутся Свіе, друзии же Урмане, Англяне, друзии Гъте; тако и си» (т. I, стр. 8). И такъ, ясно, что Варяги-Русь *другой* народъ, нежели Свен, Урмане, Англяне, Готландцы; ясно, что Новгородцы послали не къ Свеямъ, не къ Урманамъ, не къ Англянамъ, не къ Готландцамъ, а къ *другому* народу. Кто же этотъ *другой* народъ? Остаются всего-навсего Литовцы, да поморскіе Славяне: но литовскія племена наши сосѣди, и къ нимъ не нужно ѣхать «за море»; и такъ очевидно, что Варягами назывались у насъ поморскіе Славяне, «славнѣйшіе изъ всѣхъ славянскихъ народовъ», по отзыву Арабовъ. Это вполне согласно съ *точнымъ географическимъ указаніемъ* Нестора на жилища собственно-Варяговъ. Упомянувъ объ эстонской Чуди, литовскихъ Пруссахъ, примыкавшихъ къ нижней Вислѣ, и Ляхахъ, занимавшихъ среднюю Вислу, онъ обращается къ описанію южнаго берега Варяжскаго моря и пишетъ: «по тому же морю съдять Варязи до земли Англянски» (т. I, стр. 2), то есть до Ангельна при устьяхъ Эльбы, а это именно и есть славянское Поморье, обиталище воинственной балтійской Серби, искони обитавшей между Пруссами и Ляхами съ одной стороны и датскими Англами съ другой,—почему арабскіе писатели и помѣщали Данемаркъ (Даремаршъ) именно на западъ отъ варяжской Руси, которая была слѣдственно на славянскомъ Поморьѣ. Въ Несторово время эти Варяги, обитатели славяно-сербскаго Поморья, простирались на югъ «до земли Волошски» (I, 2); да и въ настоящее время ближайшими южными сосѣдами балтійскихъ Сербовъ, уцѣлѣвшихъ нынѣ въ Лузациі, остаются чехо-моравскіе Влахи или

Волохи! Показаніе Нестора оправдалось не только положительнымъ свидѣтельствомъ его продолжателей и Арабовъ, но и самую дѣйствительностью, представляемою фактами этнографіи и географіи! Замѣтимъ, наконецъ, что Несторъ описалъ торговый «путь изъ *Варяжъ* въ Греки» и также по Днѣпру и Двинѣ «изъ Грекъ въ *Варяги*» (т. I, стр. 3); а современникъ Несторовъ, Адамъ Бременскій, во второй книгѣ своей Церковной Исторіи Сѣвера (сочиненной 1072—1076 г.) обстоятельно указалъ даже на разстояніе знатнѣйшихъ городовъ, торговавшихъ съ Греціей и Русью. Что же это за города? Вольинъ (которую Датчане называли Юлинъ, а Нѣмцы — Винета), Деминъ, Старградъ, — все города *поморскихъ Славянъ*, или балтійскихъ Сербовъ — *единственнаго торговаго народа на варяжскомъ Поморьѣ*. Балтійско-сербская Вольинъ считалась однимъ изъ величайшихъ городовъ въ цѣлой Европѣ, средоточіемъ торговли всѣхъ сѣверныхъ народовъ.

И такъ, вотъ гдѣ находилась родина призваннаго Новгородцами князя; вотъ кто были тѣ сопутники Рюрика, которые съ нимъ явились въ нашу Русь и приводили въ удивленіе Арабовъ своими широкими мечами, отчего и справедливо называли себя Варангами или Меченосцами (отъ славяно-поморскаго слова *варянгъ*, мечъ), а у насъ слыли подъ именемъ Варяговъ!—Теперь понятно, по какой причинѣ у насъ въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ указывали на югъ Балтійскаго моря какъ на отчизну родоначальника нашихъ государей; вотъ отчего въ XVII столѣтіи провозглашалъ ту же мысль безсмертный Богданъ Хмельницкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, а изъ чужестранцевъ, не знавшихъ по-русски, Бернардъ Латомъ (Bernardus Latomus) и Хемницій (Fridericus Chemnitius); вотъ отчего въ прошломъ вѣкѣ на Поморьежъ указывали ученый Святитель Димитрій Ростовскій, Байеровъ сотрудникъ—Селмій (датскій реформаторъ, обратившійся въ православіе), гениальный Ломоносовъ и знаменитый Георгій Конисскій, а изъ чужеземныхъ ученыхъ: Ассемани, Эккардъ, Нарушевичъ и другіе. Вотъ почему въ наше время склонились къ той же мысли: А. В.

Александровъ, Я. И. Бередниковъ, О. М. Бодянский, И. П. Боричевскій, С. О. Бурачекъ, Ю. И. Венелинъ, А. О. Вельтманъ, I. I. Григоровичъ, Н. П. Демидовъ, Н. В. Елагинъ, Баронъ Л. И. Зедделеръ, Д. Зубрицкій, В. Игнатовичъ, Л. А. Кавелинъ, М. Т. Каченовскій, А. Клевановъ, М. Н. Макаровъ, М. А. Максимовичъ, В. А. Мацѣвскій, О. Л. Морошкинъ, Н. И. Морошкинъ, Н. И. Надеждинъ, П. Никитинъ, князь М. А. Оболенскій, Н. И. Павлицевъ, г-нъ Поповъ, С. В. Руссовъ, И. П. Сахаровъ, Ф. Н. Святный, С. М. Строевъ, А. В. Терещенко, С. П. Шевыревъ, К. П. Масальскій, и нѣкоторые другіе,—наконецъ двѣ духовныя особы, докторъ Богословія архимандритъ Макарій и преосвященнѣйшій Филаретъ, епископъ рижскій, противъ котораго ополчился «Москвитянинъ» (1848, № 8).

Разсмотримъ же доводы М. П. Погодина въ защиту скандинавоманіи.

Прежде всего онъ оставилъ безъ вниманія очевидно-ясное свидѣтельство Несторова продолжателя, что варяжская земля начиналась за Старградомъ на сербскомъ Поморьѣ. Другое, столь же ясное свидѣтельство Арабовъ, что эти собственно такъ называемые Варяги суть «Славяне изъ Славянъ» и *правильное объясненіе* этихъ словъ другимъ выраженіемъ «Варяги славянѣйшій изъ Славянскихъ народовъ» также не понравились пылкому скандинавофилу: онъ рѣшился не упоминаеть объ нихъ и принялъ въ текстъ своей книги *неправильное перетолкованіе* ориенталиста-шмёцерянина будто бы слова Арабовъ означаютъ то же, что «Варяги живутъ

* Желательно слышать голоса объ этомъ остальныхъ нашихъ ученыхъ. Надобно же положить окончательное рѣшеніе слишкомъ—стольному процессу скандинавоманіи съ историческою правдою!—Сула по статьѣ В. В. Григорьева о Мухамеданской нумизматикѣ (Фин. Вѣст. 1847), этотъ даровитый ориенталистъ также долженъ быть причисленъ къ соединившимся съ славянскою школою; а И. П. Срезневскій, въ разсужденіи о древнихъ письменахъ славянскихъ, помѣщенномъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (юль, 1848), открыто призналъ Русскій языкъ въ половинѣ IX вѣка однимъ изъ нарѣчій славянскихъ, а совсѣмъ не скандинавскихъ, ч. XIX, отд. II, стр. 63, 64.

противъ Славянъ!!! (т. II, с. 63)—Принявъ за основаніе очевидную несправедливость, явно противорѣчащую прямому смыслу рѣчи, изыскатель уже вездѣ началъ видѣть не то что *есть* а то что *ему хотѣлось* видѣть... Ясное какъ день, свидѣтельство Нестора, что Варяги—Русь совсѣмъ *другой* народъ, нежели Шведы, Норвежцы, Англыне и Готландцы, показалось г. Погодину «наяснѣйшимъ свидѣтельствомъ, что Варяги Несторовы суть Скандинавы *единоплеменники* Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ и Готовъ»!!! (II, с. 22, 23) Наперекоръ Нестору, превративъ нашихъ Варяговъ въ Скандинавовъ, критикъ уже не могъ понять географическаго указанія ихъ страны, и посадилъ ихъ... въ море. Да, въ море; другаго мѣста имъ уже не осталось на землѣ. Прислушайтесь внимательно. По мнѣнію изыскателя, географическое указаніе Нестора «показываетъ маловажную неточность и неосмотрительность» (II, с. 8). Изъ чего же это видно? Вотъ изъ чего: забывъ о шлезвигскомъ Ангельнѣ, коренной отчизнѣ *Англовъ*, г. Погодинъ въ Англынахъ увидѣлъ—*Англичанъ*, жителей Великобританіи (II, 8), хотя Несторъ для отличія называетъ сію послѣднюю древнимъ ея именемъ «Вританія» (I, с. 2) или «Врѣтанья» (с. 7). Смѣшавъ родину *Англовъ*, при устьяхъ Эльбы, съ тою странною Бриттовъ, куда нѣкогда перешла дружина *Англовъ*, изыскатель пришелъ въ новое затрудненіе отъ земли *Влаховъ* или *Волоховъ*. Если, по указанію Нестора, идти на западъ отъ Ляховъ и Пруссовъ по сербскому Поморью до земли Англынской, а потомъ отъ устьевъ Эльбы идти вверхъ по теченію этой рѣчки къ ея истоку, то на самомъ югѣ древней балтійской Сербіи, такъ и наткнешься на чехо-моравскихъ ихъ сосѣдей, именно *Влаховъ* или *Волоховъ*. Но г. Погодинъ указанію Нестора не послѣдовалъ, Шафарикова «Славянскаго Народописанія» не развернулъ, и потому настоящихъ *Волоховъ* просмотрѣлъ, а Несторовскими *Волохами* призналъ *Французовъ!!!* (II, 8—18, 140) Пересадивъ же *Волоховъ* отъ верховья Эльбы и Одера во Францію, изыскатель, разумеется, не зналъ что дѣлать съ *Фрягами*. Желая отвязаться отъ нихъ, онъ объявилъ, что «подъ *Фрягами* *можетъ быть*

разумѣлось *какое-либо общее названіе* (?), не означавшее ни Генуэзцевъ, ни Французовъ» (II, с. 18),—тогда какъ слѣдовало только обратиться къ Манассіиной летописи (с. 72) или къ нашей Никоновой (V, 180), для убѣжденія въ неосновательности этого предположенія; описанныя тамъ сношенія римскаго папы Льва III съ Фрягами, именно съ Фряжскимъ княземъ Каруломъ», не оставляютъ никакого сомнѣнія, что имя Фряговъ вовсе не было «какимъ-либо общимъ названіемъ», а точно означало Франковъ, ибо современникъ папы Льва III «фряжскій князь Карусъ», то есть знаменитый государь Франковъ, Карлъ Великій, не можетъ же быть обращенъ въ мифъ, для подкрѣпленія теоріи нашего ученаго... Запутавшись въ отысканіи земли Англиской и Волошской, авторъ наконецъ впалъ въ противорѣчіе самому себѣ. Признавши въ Варягахъ Скандинавовъ, изыскатель увѣряетъ, что «Варяги, по мнѣнію Нестора (?), жили по Варяжскому морю, то-есть по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, до Англии и Франціи» (II с. 14); а далѣе, именно утверждаетъ, что варяжская Русь находилась «между Урманами или Норвежцами и Англичанами» (с. 190, 284), забывъ, что между Норвегіей и нынѣшней Англіей—не земля, а Нѣмецкое море, между Франціей же и Великобританіей *проливъ*: и такъ приходится Варяго-Руссовъ посадить въ море, и заставить, какъ рыбъ, жить въ водѣ!... Пристрастіемъ къ скандинавамъ доведенный до необходимости обвинить Несторову летопись въ «маловажной (?) неточности и неосмотрительности», авторъ думаетъ, что «противорѣчіе можно *кажется* разрѣшить, съ небольшою (?) впрочемъ натяжкой» (II, 8); а между тѣмъ, въ укоръ другимъ, самъ же высказываетъ вполне-основательную мысль: «если есть определенная причина оправдать Нестора, понимая его *иначе*,—не лучше ли принять ее, нежели прибѣгать къ такому всеобщему оправданію: онъ-де не имѣлъ яснаго понятія о странахъ» (II, с. 141). Должно искренно сожалѣть, что этого умнаго правила, предложеннаго другимъ изыскателямъ, почтенный Михаилъ Петровичъ не захотѣлъ примѣнить къ собственнымъ изысканіямъ!

Теперь, надѣюсь, и самъ г-нъ Погодинъ убѣдится, на *чьей* сторонѣ правда, кто превратно толкуетъ летопись предподобнаго Нестора, избѣгаетъ яснаго смысла у продолжателей Несторовыхъ и у арабскихъ писателей, а въ слѣдствіе того, на сколько *справедливы* рѣзкіе отзывы, въ «Измѣдованіяхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ» о противникахъ Байеро-Шлѣцеровой гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзко выражается Михаилъ Петровичъ! Если вѣрить ему, то всѣ труды гг. Беренникова, Бодянскаго, Венелина, Каченовскаго, Максимовича, Морощкина, обоихъ Строевыхъ и многихъ другихъ ровно уже ничего не стѣять. Въ ихъ сочиненіяхъ, по увѣренію г. Погодина, только «поверхностныя, неосновательныя, ложныя мнѣнія» (т. I, с. 297), «незначущія придирки и совершенное невѣданіе объ исторической литературѣ» (I, 311), «дичь» (I, 332), «фокусъ-покусъ» (I, 316), «дѣтская опрметчивость» (I, 401), «нелѣпости» (I, 363, 405, 406, 417; II, 381), «историческая бессмыслица, которая не можетъ идти далѣе» (I, 407), «безотчетныя толкованія» (I, 412), «лабиринтъ логомахи» (I, 447), «пустыя мнѣнія» (I, 447), «безполезное вельерѣчіе» (I, 469), «несообразности» (I, 468), «путаница» (II, 186), «ученое упрямство» (II, 193), «хитросилетенія и схоластическія тонкости» (II, 195), вообще «пустословіе» (II, 213) и тому под. Обо всѣхъ противникахъ системы скандинавизма варяжской Руси, живыхъ и мертвыхъ, читаемъ у Шлѣцера приверженца самые безпощадныя отзывы: не вѣрять шлѣцеріанамъ,—провозгласилъ въ своихъ «Измѣдованіяхъ» Михаилъ Петровичъ,—«невѣжи» (I, 99; II, 296), вѣтряныя мельницы (I, 331), «школьники» (I, 331, 362, 347, 454), «крикуны и неучи» (II, 121, 418). По мнѣнію г. Погодина, они «не могутъ окинуть взглядомъ цѣлаго» (I, 325), «занимаются одними каталогами» (I, 330), * «заводятъ въ лѣсъ и показываютъ дичь» (I, 332), «составляютъ нелѣпныя школы» (I, 325), даже «выдумываютъ мнѣнія и сочиняютъ свидетельства» (II, 121). Труды ихъ родились на свѣтъ будто бы «benevolentiae caritandae

* Это говоритъ М. П. Погодинъ о П. М. Строевѣ; по его алфавитный указъ

causa», для снисканія благосклонности Каченовскаго (I, 331) «носятъ на себя признаки разстроеннаго воображенія» (II, 121), заставляютъ «науку гнушаться ими» (I, 383), возбуждаютъ въ знатока негодование» (I, 362), и проч. и проч. и проч.

Если бы противники Михаила Петровича въ самомъ дѣлѣ были *таковы*, какъ онъ объявляетъ о нихъ, то онъ совершенно правъ, и скандинавоманія должна быть принята за истину! Но въ томъ-то и сила, что рѣзкость выраженія и основательное безпристрастіе вовсе не одно и тоже; спокойное, хладнокровное опроверженіе противниковъ служило бы вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ правоты изыскателя, нежели восклицанія, подобныя вышеприведеннымъ. Къ истинному прискорбію должно замѣтить, что характеръ этого господствуетъ во всѣхъ трехъ томахъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій». Не только другихъ ученыхъ, но и самого себя изслѣдователь иногда потчуетъ любимыми эпитетами; напримѣръ: «такъ рассуждалъ я сначала, бывъ *невъжесою* въ первоначальной славянской исторіи, вмѣстѣ со всеми нашими изслѣдователями, старыми и новыми, сказать съ ихъ позволенія» (т I, с. 160).—При такой настроенности духа, не удивительно, что изыскатель переиживаетъ имена писателей, не вникаетъ въ настоящій смыслъ рѣчи авторовъ, цитуетъ книги на память и оттого иногда указываетъ въ подтвержденіе себя на то, что прямо подрываетъ мнѣнія шлеперіанъ... Къ крайнему прискорбію, все это горькая правда. Представляю доказательства. Извольте выслушать.

Во второмъ томѣ «Изслѣдованій» *дважды* упоминается

затель къ «Исторіи Государства Россійскаго» дѣйствительно есть ключъ къ великому творенію Карамзина; а 10-лѣтнее археографическое путешествіе по Россіи открыло много важныхъ памятниковъ древности. Почтенный шлеперіанецъ забылъ также, что не Кругъ, а Строевъ открылъ Георгія Амартола, см. «Слав. Сборн.» прим. 432.

о мнѣніяхъ господина *Счастлиаго*, который будто бы дополнилъ гипотезу Максимовича и, подобно ему, выводилъ Руссовъ съ острова Рюгена (стр. VIII и 196). Но господинъ Счастливый не писалъ никакихъ историческихъ изслѣдованій; онъ переводилъ стихами, довольно удачно, польскихъ поэтовъ. О варяжской Руси писалъ вовсе не Счастливый, а Филимонъ Никитичъ Святной. Московскій изслѣдователь смѣшалъ стихотворца съ историческимъ критикомъ, и труды послѣдняго приписалъ первому. Сочиненіе Святнаго, напечатанное вполнѣ въ 1845 году въ журналъ «Маякъ», состоитъ изъ VI главъ; а г. Погодинъ, не прочитавъ самаго сочиненія своего противника, положился на Крузе, прочитавшаго только одну первую главу Историко-критическихъ изслѣдованій Святнаго о варяжской Руси. И какой же судъ произнесенъ М. П. Погодинымъ мнимому Счастливому, то есть Святному: «Крузе разобралъ *всю* (!!) его доказательства, и показалъ ихъ неосновательность (!!). Прибавлю, что *всю* онъ состоятъ въ естественныхъ или случайныхъ употребленіяхъ именъ, происшедшихъ отъ *произвола писателей*» (т. II, с. 196)!!! Вотъ легкій способъ опровергать противника, *не читая его произведеній!*—Другой способъ заключается въ *умышленномъ непониманіи настоящаго смысла рѣчи*, «у необузданныхъ Славянъ», по выраженію М. П. Погодина (II, с. 381). Когда вышла брошюра профессора Морошкина о значеніи имени Руссовъ, въ «Москвитинѣ» провозглашено, что Морошкинъ превратилъ Славянъ и Руссовъ въ народъ турецкій,—мысль, которую съ торжествомъ опровергъ Михаилъ Петровичъ простымъ заключеніемъ: мы не говоримъ по-турецки, слѣд. мы не Турки. Но мысль Морошкина была вовсе не та; чтобъ уничтожить всякій поводъ къ недоумѣнію и перетолкованію, это мѣсто было *измѣнено*, и когда въ 1842 году явились вполнѣ «Историко-критическія Изслѣдованія О. Л. Морошкина о Руссахъ и Славянахъ», то въ I главѣ втораго отдѣленія, на страницахъ 88 и 89, преподробно объяснено, что «Славяно-Руссы и настоящіе Турки суть два народа совершенно различные, совершенно разнаго происхожденія», хотя араб-

скіе писатели и называли насъ Турками, по замѣчанію ориенталиста-академика; причину-то сего названія и вознамѣрился объяснить Морошкинъ съ своей точки зрѣнія: удачно или нѣтъ его объясненіе, это другое дѣло, подлежащее разбору критики. Но господинъ Погодинъ не обращаетъ вниманія на подлинный смыслъ рѣчи въ книгѣ своего противника; а такъ какъ книга уже не допускаетъ никакого недоумѣнія, то Михаилъ Петровичъ Погодинъ вытаскиваетъ прежнюю брошюрку и попрежнему съ торжествомъ восклицаетъ г-ну Морошкину: «говорите ли вы по-турецки? Нѣтъ! Такъ вы не Турокъ» (т. II, с. 378). Въ другомъ мѣстѣ (с. 210) господинъ Погодинъ увѣряетъ, будто бы Морошкинъ ищетъ «юридическаго родства между Турками и нами», тогда какъ у Морошкина и мысли о томъ не было. Но увидѣвъ у своего противника то, чего нѣтъ, ученый швейцарянинъ не досмотрѣлъ того, что въ самомъ дѣлѣ есть; такъ на стр. 203 второго тома «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» увѣрительно говорится, будто у господина Морошкина, принимающаго нѣсколько Руссей «не сказано, изъ какой же брать намъ себя Варяго-Русскаго князя Рюрика», а между тѣмъ въ книгѣ Морошкина очень ясно высказана мысль, что Несторовы варяжскіе руссы были Славяне балтійскіе и жили въ древней Вагріи, нынѣшней Голштиніи (см. въ Историко-критич. Изслѣдованіяхъ О. Л. Морошкина стр. 50—51 и 111—116). Одерживать такими средствами побѣду надъ необузданными Славянами очень легко. Но у швейцарянь есть еще въ запасѣ и третье средство, именно: въ *подтвержденіе* своихъ гипотезъ, они иногда цитуютъ (на память, безъ указанія страницъ) то, что явно *испровергаетъ* ихъ неосновательныя предположенія, и потомъ смѣло провозглашаютъ побѣду... Вотъ и доказательство.

Во второмъ же томѣ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій», на страницахъ 189 и 198, мысль о славянствѣ Варяговъ, какъ балтійскихъ Поморянь, называется «несправедливою и произвольною», по той будто бы причинѣ, что Вагры и

прочіе Поморяне были *Ляхи*, а Несторъ указывалъ варяжскую Русь *на западъ отъ Ляховъ*. «Почему думаетъ Максимъ мовичъ, что Вагры, Вильцы и прочіе не Ляхи? «спрашиваетъ М. П. Погодинъ. «Всѣ славянскія за Поморянами племена, и Вильцы и Вагры и прочіе *вѣрно* причислялись къ *Ляхамъ*; это согласно съ исторіей расселенія племенъ (?) «и съ *новѣйшими изслѣдованіями Шафарика*, по остаткамъ «ихъ нарѣчій» (II, 189). А новѣйшія-то изслѣдованія Шафарика и доказали совершенную невѣрность этой классификаціи языковъ и несогласіе прежней гипотезы съ лингвистикой. Разверните «Славянское Народописаніе» Шафарика, переведенное О. М. Бодянскимъ; на страницѣ 59, тамъ говорится, что «рѣчь Лужицко-Сербская, простиралась прежде *по цѣлой родинѣ Полабскихъ Сербовъ*, отъ Салы *черезъ Лябу (Эльбу) къ самой Одрѣ*, то есть въ Машиніи, Лужицахъ (Лужиціи) и *слѣзюномъ краѣ*». Этотъ лингвистическій выводъ Шафарика вполне согласенъ и съ фактами историческими. Бѣльскій именно называлъ Сербіей или Сърбіей не только Мишнію, но также *Мекленбургъ и Поморье за Одеромъ*. Познанскій князь Премиславъ II женился на Людгардѣ, княжнѣ *поморской*, и польскіе писатели именовали ее княжнѣю *сербской*. Это было извѣстно и нашимъ древнимъ лѣтописцамъ; во II томѣ «Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей», изд. археографическою комиссіею, читаемъ на страницѣ 227, что супруга Премислава польскаго, «княгиня Лукерья, бѣ рода князей *Сербскихъ*, съ Кашубъ, отъ *Поморія Варязкаго*, отъ Старога-града за Гданскомъ» (Данцигомъ). Не зная этихъ фактовъ не могъ Московскій ученый: свидѣтельства Бѣльскаго и другихъ польскихъ писателей есть и у Бандтке, (т. I, с. 28), а его Польскую Исторію разбиралъ въ «Телескопѣ» (1831) самъ же М. П. Погодинъ; важное свидѣтельство русскихъ лѣтописей о балтійской Сербіи или варяжскомъ Поморьѣ явилось, но безъ всякаго вывола, въ дополненіи къ «Изслѣдованіямъ, Замѣч. и Лекц.» (т. II, с. 415). Это важное согласіе фактовъ лингвистики съ свидѣтельствами польскими и русскими даетъ теперь возможность исправить пунктуацію одного доселѣ неправильно

читаемаго мѣста въ Несторовой лѣтописи. Преподобный лѣтописецъ рассказываетъ, что послѣ покоренія Дунайской земли Римлянами при императорѣ Августѣ * тамошніе *Словене*, оставившіе родину, удалились къ единоплеменникамъ, и одни изъ нихъ, которые пришли къ Ляхамъ, тѣ прозвались *Ляхи*,—(подобно какъ отъ Ляховъ и вислинскіе Поляне назвались Ляхами); другіе *Словене* удалились къ Лутичамъ и прозвались *Лутичи*; иные къ Мазурамъ или Мазовшанамъ и прозвались *Мазовшане*; иные ушли же и нашли убежище у Поморянъ и потому прозвались *Поморяне*. Вотъ подлинный текстъ Нестора: «Словени ови пришедше съдоша на Висль и прозвашася Ляхове(а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне—Ляхове), друзи—Лутичи, ии—Мазовшане, ии Поморяне» (I, с. 3). Московскій ученый не догадался объ истинномъ чтеніи этого мѣста Несторовой лѣтописи. Онъ читалъ по-прежнему: «Ляхове друзи Лутичи, ии Мазовшане, ии Поморяне», (II, 198, 388), и такимъ способомъ неправильно давъ Нестору совсѣмъ другой смыслъ, превратилъ и Лутичей и Поморянъ въ Ляховъ. Напротивъ, предложенное мною чтеніе, правильное граматически, восстанавливаетъ согласіе между Несторомъ и его продолжателемъ, Арабами, польскими историками и фактами лингвистики, которые все приводятъ къ тому убѣжденію, что наши Варяго-Руссы были обитатели варяжскаго Поморья, слѣдственно—балтійскіе Сербы, жившіе въ самомъ дѣлѣ на западъ отъ Ляховъ и Прусовъ до шлезвигскаго Ангельна, а на югъ до истоковъ Эльбы и Одера, какъ утверждалъ нашъ древнѣйшій бытописатель. Тамъ-то, въ свидѣтельство истинны, и донынѣ уцѣлѣли *живыя доказательства*: близъ устьевъ Эльбы, неподалеку отъ Ангельна, остатки некогда могущественнаго сербскаго народа, Сербы-Древане; близъ верховья Эльбы и Одера, отрасль чехо-моравскаго народа, Влахи или Волохи.

* Подробности этого событія см. въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 234—279. Причина же, по которой въ этомъ мѣстѣ лѣтописи Итальянцы названы *Волохами*, основательно объяснена Святнымъ.

Но Варяги или меченосные при-балтійскіе Сербы имѣли владѣнія и на восточныхъ берегахъ Балтійскаго (Варяжскаго) моря: «по сему же морю съдять Варязи съмо ко востоку до предѣла Симова,» говоритъ преподобный Несторъ въ началѣ своей лѣтописи (стр. 2). Предѣломъ Симовымъ считалась Волга, естественная граница между азіатскими народами, происшедшими отъ Сима, и европейскими потомками Гафета: «Волга идетъ на востокъ въ часть Симову,» писалъ Несторъ. На Волгѣ владычествовали надъ турецкими и финскими или чудскими племенами Болгаре, восточная отрасль нашего русскаго народа, что засвидѣствовано арабскими писателями, которые положительно удостовѣряютъ насъ въ славянствѣ Владавцевъ болгарскихъ и въ сходствѣ правовъ, обычаевъ и языка у Болгаръ и у Русскихъ. И такъ владѣнія Варяговъ на восточной сторонѣ Балтійскаго моря, по свидѣтельству Нестора, простирались до державы болгарскаго Владавца; слѣдственно, охватывали землю ильменскихъ Словенъ, до истоковъ Волги. Отсюда объясняется свидѣтельство нашей древнѣйшей лѣтописи: «ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни» (стр. 9). Въ I вѣкѣ христіанской вѣры, когда Апостолъ Андрей Первозванный пришелъ въ землю ильменскихъ Словенъ, Новгорода еще не было; это ясно изъ разсказа Несторова (с. 4). Основаніе этого, впоследствии столь знаменитаго города, должно относиться къ такъ-называемой Готской эпохѣ, когда въ нашей западной Руси утвердились тѣ воинственные при-Балтійцы, которые наводили ужасъ на древній Римъ...

Превосходныя изслѣдованія шведскаго ученаго Іакова Гробера совершенно уничтожили ложное мнѣніе, будто бы сильныя Gutones или Gothi вышли изъ Скандинавіи; остроумные выводы его, основанные на соображеніяхъ здравой исторической логики, привели къ убѣжденію, что Gutones издревле обитали на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря *;

* Переводъ съ итальянскаго Гроберовыхъ изысканій, столь важныхъ и для нашей древней исторіи, помѣщенъ А. В. Александровымъ въ «Сынѣ Отечества» 1842, № 8.

а «восточная часть Германіи съ давнѣйшихъ временъ, то-есть сколько намъ извѣстно изъ исторіи, была населена *Славянами*,» пишетъ Шлѣцеръ *. «Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянскій Исторіи,» писалъ онъ, «скоро совсѣмъ истребятъ старинное всеобщее мнѣніе, будто сіи Германскіе Славяне пришли только тогда, когда будто бы вышли настоящіе Нѣмцы, жившіе до того въ ихъ земляхъ; въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и прочихъ странахъ никогда не было Нѣмцевъ прежде Ободритовъ, Поморянъ, Сербовъ, тамъ жившихъ: они суть *старожилы своихъ земель* въ разсудительномъ значеніи.» Кто же, слѣдственно, были тѣ многочисленныя Gutones, которыхъ видѣлъ на балтійскомъ Поморьѣ славный марсельскій уроженецъ Плиней, за три вѣка предъ Р. Х.? Ясно, что Сербы (Сирбы, Сорбы), издавна занимавшіе весь обширный Куть (уголь) образуемый Лабою и Одрою, отчего и называли себя по мѣсту жительства Полабами, Ободричами, Поморьянами и проч., а вообще *Кутичами* или *Кутинцами*. Это-то мѣстное имя прибалтійскихъ Сербовъ и было измѣнено иноземцами въ Cuttones, Gutones, Cytones, Gotones, Kothini, Koteni, Kotensii, а позднѣйшими писателями сокращено въ Gothi **. Во второмъ вѣкѣ нашего христіанскаго лѣтосчисленія начинается раздвиженіе владѣній этого народа, съ одной стороны по свейской землѣ, а съ другой по Двинѣ на нашу Русь. Будучи отличными мореходами, владѣя обширнымъ флотомъ, поморскіе Славяне (Venedi, Morini) по свидѣтельству Юлія Цезаря превосходившіе всѣхъ народовъ въ искусствѣ мореплаванія, утвердили свою власть надъ южною землею Свейскъ, и вотъ на выспѣ *** и юго-восточной Швеціи является

* Шлѣцеровъ «Исторія,» перев. Д. И. Языкова, часть II, стр. 423 и слѣд.

** Слѣдуетъ думать, что предложенное мною объясненіе имени этого народа имѣетъ на своей сторонѣ наиболѣе вѣроятности. Подробности смотрите въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 198—218, 223—229 и 280—303.

*** Вусра—по польски и сербо-поморски—островъ, то-есть земля *выспрь* выдававшаяся изъ морской бездны. Впослѣдствіи, когда Свен отняли у Славянъ этотъ островъ, то измѣнили это имя въ Wusby. Память о владычествѣ обитателей сербскаго Кута сохранилась надъ этимъ островомъ въ имени Goth-land.

со втораго вѣка имя Кутинцевъ, измѣненное на нѣмецкій ладь (g вв. k). Въ то же время Балтійское море, Висла и Западная Двина открываютъ бранноноснымъ Поморьянамъ путь въ нашу Русь; поднявшись по Двинѣ, они спускаются внизъ по Днѣпру и проникаютъ до береговъ Босфора и Донской Алаи. Это происходило во второмъ вѣкѣ, и вотъ, въ то время когда по однимъ писателямъ Cuttones, Gutones, Kotensi, Gothi, проникаютъ до самого Дона, Плиній (VI, 7) и Птолемей (V, 9) указываютъ намъ въ предѣлахъ древняго босфорскаго царства народъ Serbi,—между тѣмъ какъ Аммианъ Марцеллинъ прямо называетъ этихъ враговъ Рима и Руси Servingi или (по саксонскому выговору, измѣняющему s на t) Therwingi.

Такимъ образомъ, для каждаго безпристрастнаго изыскателя исторической истины становится очевиднымъ, что у насъ во II-мъ вѣкѣ, въ III и IV, дѣйствовали не иные кто, какъ единоплеменные намъ кутные Сербы, распространившіеся по нашей землѣ изъ своего прибалтійскаго Кута. Послѣ того никому не покажемся удивительнымъ, что писатели среднихъ вѣковъ находили сходство въ языкѣ и нравахъ у этихъ Goth'овъ съ дунайскими Словенами. Такъ въ VI вѣкѣ Прокопій именно утверждалъ (во 2 главѣ I книги), что Краинскіе туземцы (*уѣтхидес*), то-есть природные Словенцы, говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ и Готы, поселившіеся въ Мизіи (нынѣшней Босніи и Сербіи), и Вандалы, утвердившіеся въ сѣверной Африкѣ; «одинъ у всѣхъ языкъ, называемый готскимъ,» прибавляетъ онъ въ заключеніе, объяснивъ выше, что всѣ эти народы ничѣмъ инымъ не отличаются другъ отъ друга какъ только наименованіями. Вотъ почему жителямъ Далматин, населенной Словенцами, усвоено было имя Gothi, съ того времени, когда въ Далматин утвердился Сербъ. Такъ Ома архидіаконъ въ исторіи города Салона (Hist. Salonitana, c. VII) прямо говоритъ, что тамошніе Далматы отъ многихъ называются Gothi, хотя собственное имя ихъ тѣмъ не менше есть Словенцы: Gothi a pluribus dicebantur, et nihilominus Sclavi sunt secundum proprietatem nominis. Самъ онъ также назы-

васть Далматію землей Словенской (Sclavonia), а жителей ея, то-есть Словенцевъ, Готами (сар. XVI etc.). Вотъ почему на салонскомъ соборѣ, въ половинѣ XI вѣка, латинское духовенство Далматин и Хорватин или Кроацин, запрещаъ Богослуженіе на туземномъ языкѣ словенскомъ, назвали готски-ми письменамаи (litterae Gothicae) азбуку, позбрѣтвенную Кирилломъ и Меодіемъ, и увѣрили будто бы Меодій писалъ по-готски на своемъ словенскомъ языкѣ (in eadem Slavonica lingua) многое противъ римско-католической вѣры. Мало-по-малу, съ уничтоженіемъ словенскаго Богослуженія въ Далматіи и Кроацин, вытѣснилось имя Gothi изъ письменнаго употребленія и оставалось только у однихъ олатинившихся Далматовъ и Хорватовъ для ручательства, въ значеніи схизматика, еретика, но все же Словенца, какъ засвидѣтельствованъ въ XV вѣкѣ Туберони (Comment. I, 6), справедливо утверждавшій, что Словене и Готы одного народнаго происхожденія: Sclavenos et Gothos eandem esse nationem.

И такъ, всѣ историческія свидѣтельства среднихъ вѣковъ убѣждаютъ, что Gothi, «единоплеменники краинскихъ и далматскихъ Словенцевъ,» были также Славяне, именно кутные Сербы, исконные обитатели Кута между Лабой и Одрой, распространившіеся по всему Поморью до Гданска (Данцига). Послеъ того становится понятна причина, почему польскій король Болеславъ Храбрый, когда завоевалъ у Сербовъ гданское Поморье, то принялъ титулъ короля готскаго Rex Gothorum. Таково было общее вѣрованіе всѣхъ славянскихъ писателей до половины прошлаго вѣка *.

* Наперекоръ этому народному убѣженію всѣхъ Славянъ, германскіе и скандинавскіе археологи минувшаго вѣка объявили Guton'овъ или Goth'овъ народомъ тентонскаго племени. Доводы ихъ опирались единственно на Codex argenteus, который хранится въ Упсалѣ и *приписывается* Ульфилѣ. Это пергаменная рукопись синяго цвѣта, на которой серебряными буквами начертанъ древній нѣмецкій переводъ Четверо-Евангелія. Она издревле находилась въ Вестфалин, въ верденскомъ аббатствѣ; во время же тридцатилѣтней войны перенесена въ Прагу, здѣсь досталась Шведамъ, отправлена ими въ Стокгольмъ, наконецъ графомъ Делагарди подарена упсальскому университету, гдѣ и хранится доселѣ. Этотъ древній нѣмецкій переводъ Нового За-

Узнавъ, кого должно разумѣть подъ именемъ Gutones, Goto-nes, Kotensii, поздиѣ Gothi, мы поймемъ, *какой народъ* утвердилъ

вѣта былъ нѣсколько разъ издаваемъ и объясняемъ. Въ исходѣ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи найдена значительная часть посланій Апостола Павла. Одинъ изъ монахъ ученыхъ противниковъ, г. Смѣловскій помѣстилъ въ журналѣ Мин. Нар. Просв. (1841, № 12) нѣсколько отрывковъ изъ этого древне-нѣмецкаго перевода Нового Заѣта, и не найдя въ немъ ничего славянскаго, заключилъ, что языкъ Готѣовъ былъ не славянскій, но *аученые мужи* Европы не полагали, будто переводъ сей сдѣланъ неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно когда, но *приписывали* его Ульфилѣ, епископу готескому, и относили къ 360 году по Р. Х.» (отд. II, стр. 169), и даже «Фридрихъ Шлегель не сомнѣвался въ подлинности Ульфилова перевода Библии» (с. 172). Но мало ли въ чемъ не сомнѣвались ученые мужи Европы, и что однако жъ вносилъ въ оказывалось неправильнымъ, ложнымъ? Догадки, не подкрѣпленныя доказательствами, не могутъ быть выдаваемы за аксіомы, за истины, не требующія доказательствъ; а гдѣ же *доказательства* предположенію, что этотъ древне-нѣмецкій переводъ Нового Заѣта дѣйствительно принадлежитъ готескому епископу Ульфилѣ? Можно ли допустить силлозизмъ такого рода: I. Въ Вестфалин, составляющей часть древней Саксоніи, гдѣ никогда не было Готовъ, хранился древле-нѣмецкій переводъ Нового Заѣта; II, рукопись эта относится къ девятому вѣку; III, сдѣлственно, это и есть переводъ Св. Писанія, совершенный Ульфилоу въ четвертомъ вѣкѣ, для народа, занявшаго Сербію, Боснію, Кроацию и Далматію? При такой очевидной неправоности силлогизма, построеннаго г. Смѣловскимъ, гораздо основательнѣе разсуждать на оборотъ, а именно: такъ какъ всѣ свидѣтельства среднихъ вѣковъ убѣждаютъ, что Gothi были единоплеменники краинскихъ и далматскихъ Словенцевъ, то и языкъ Goth'овъ былъ однимъ изъ языковъ славянскихъ, а отнюдь не нѣмецкихъ; сдѣлственно и древле-нѣмецкій Codex argenteus не имѣетъ никакого отношенія къ Goth'амъ, никогда не бывавшимъ въ саксонской Вестфалин, точно также какъ не принадлежатъ Goth'амъ такъ называемыя готическія зданія въ Германіи, Франціи, Англии. Какъ неосновательно построили готическихъ зданій, парижскаго собора Богоматери или лондонскаго вестминстерскаго аббатства, приписывать дунайскимъ Goth'амъ, не бывавшимъ ни въ Парижѣ ни въ Лондонѣ; также точно несправедливо саксонскую рукопись IX вѣка приписывать дунайскому епископу IV вѣка, а въ сдѣлствие того «единоплеменникамъ краинскихъ и далматскихъ Словенъ,» Сербамъ и Хорватамъ навязывать нѣмецкій (саксонскій) языкъ, и Серба Ульфилу превращать въ Саксонца, забывая, что даже самое имя Ульфила встрѣчается не у Саксонцевъ, а у Сербовъ. Такъ напримѣръ, когда папа Александръ II (1061—1073) приказалъ запечатать въ Далматіи и Кроацин всѣ церкви, въ которыхъ отправлялось Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, ревностѣйшимъ защитникомъ славянской литургіи, явился сербскій священникъ Ульфила, о дѣйствіяхъ и страданіи котораго упоминается на 77 и 78 страницахъ «Исторіи первобытной христіанской церкви у Славянъ,» Магѣвскаго, переведенной О. Евекимъ (Варшава, 1840).

ся въ нашей западной или днѣпровской Руси, и потомъ устремился на сѣверъ, гдѣ покорилъ эстонскую Чудь (Thuidos),

Но что же слѣдуетъ заключить о Серебряномъ Кодексѣ, отъзна котораго была саксонская Вестфалія? Не перепрыгивая изъ предѣловъ Саксоніи въ сербскія земли, съ рейнскихъ береговъ на Дунай, обратимъ вниманіе на слѣдующія обстоятельства: дополнительныя части Серебрянаго Кодекса, заключающія въ себѣ большую часть посланій Апостола Павла, относится къ IX вѣку, какъ полагаютъ ученые, а съ ними и г. Смѣловскій. Если это справедливо, то появленіе перевода Новаго Завѣта на древне-нѣмецкомъ языкѣ въ саксонской Вестфаліи, становится какъ нельзя понятнѣе; ибо IX вѣкъ былъ дѣйствительно эпохою для саксонскаго или сѣверно-нѣмецкаго языка: подъ покровительствомъ англо-саксонскаго короля Альфреда Великаго (871—901) процвѣла цѣлая литература, какъ говоритъ Фридрихъ Шлегель. На языкѣ саксонскомъ явилось множество стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій, даже ученыхъ трактатовъ; любовь къ поэзіи обнаружилась нѣсколькими опытами—изложить Христіанство въ пѣснопѣвнѣяхъ, и Священное Писаніе облечь въ поэтическую форму повѣствованія; творенія этого рода появились у Саксоновъ, въ Англіи и въ Германіи трудами Отфрида (Ист. древн. и нов. литтер. I, стр. 290, 313).—Если перелагали св. писаніе въ стихи, то неужели не заботились о настоящемъ переводѣ Новаго Завѣта?—Тогда римская церковь еще не заключилась въ тѣсныя предѣлы одной латини; слѣд. переводъ съ греческаго подлинника на языкъ народный былъ очень возможенъ для саксонской пастыи Рима.—Нѣсколько славянскихъ словъ, встрѣчаемыхъ въ этомъ переводѣ, объявляются также очень легко и понятно, безъ путешествія на Дунай. Саксоны въ Ангелнѣ сошлись съ Славянами, именно съ балтійскими Сербами, отъ которыхъ заимствовали судъ присяжныхъ, общую поруку и нѣкоторыя другія учрежденія, совершенно чуждыя, нѣмецкому праву, какъ доказали новѣйшія изслѣдованія юристовъ.

Другой ученый противникъ мой, П. Г. Бутковъ, указалъ на свидѣтельство Рубруквиса, Барбаро и Бусбека, что поселившіеся въ Крыму Готы говорили по-нѣмецки (Оборона лѣт., прим. 47). На это не лишнимъ считаю замѣтить, что Барбаро удостовѣрился въ томъ—какъ самъ пишетъ—«отъ слуги-нѣмца, который свободно объяснялся съ ними на природномъ языкѣ своемъ, и они хорошо понимали другъ друга» (Библиот. иностр. писат. о Россіи, I, 35); но Бекманъ, основываясь на Гакетъ, доказалъ, что Барбаро видѣлъ не нѣмецъ, а Евреевъ, издревле обитавшихъ въ Крыму, а тѣ, которыхъ слышалъ Бусбенъ въ Константинополѣ говорящими по-нѣмецки, были также *Жидаи*, изгнанные изъ Венгрии и Польши. (Beekman. Lit. der ält. Reisebesch., p. 179). И такъ, о языкѣ крымскихъ Готовъ свидѣтельства Барбаро и Бусбека не могутъ быть признаны достаточными для рѣшенія спора. Впрочемъ, если бы даже и были впоследствии представлены неопровержимыя свидѣтельства, что эти крымскіе Готы говорили по нѣмецки, то и тутъ вопросъ о языкѣ дунайскихъ Готовъ, для которыхъ переведено Ульфилоу священное писаніе, не могъ бы считаться рѣшеннымъ; ибо поселившіеся въ Тавриду въ четырехъ селеніяхъ Готы Тетрациты составляли особую, очень незначительную часть

Словенскій Новгородъ (Novago...), бѣлозерскую Весъ (Vasina), ростовскую Мерю (Merens) и Мордву (Morden-zimnis). Такимъ образомъ въ разсказъ Юрнанда отъбывается нашъ сѣверно-русскій союзъ, состоявшій именно изъ Новгородцевъ, Веси, Мери, Кривичей и Чуди. Приближеніе къ берегамъ Волги произвело войну между Балтійцами и обитателями Волги, Болгарами, извѣстными подъ именемъ Унновъ. Донскіе Алане и днѣпровскіе Русины пристали къ своимъ восточнымъ братьямъ; кровопролитное сраженіе на Днѣстрѣ (prope Danastri margines) въ 369 году, по свидѣтельству Амміана Марцеллина, потрясло могуществоerving'овъ или по саксонскому выговору Therving'овъ. Возстаніе туземцевъ не только не было потушено трагическою кончиною князя Божя, пригвожденнаго ко кресту, но еще болѣе раздражило днѣпровскую Русь противъ жестокости за-балтійскихъ выходцевъ; отдѣленные отъ своихъ единоземцевъ, дѣйствовавшихъ на сѣверѣ, они не устояли противу стремительнаго напора сыновъ Дона и Волги, предводимыхъ грознымъ Велемиромъ, и наконецъ принуждены были искать убѣжища въ предѣлахъ Восточной Римской имперіи, за Дунаемъ, гдѣ впоследствии и основали самобытное государство *сербское*.

Что стало съ нхъ сѣверными единоплеменниками, обладателями Новгорода (Novago), Веси (Vasina), Мери (Merens) и Чуди (Thuidos)—Юрнандъ и Марцеллинъ умалчиваютъ, занимаясь исключительно отношеніями новоцривичившихъ въ римскую имперію низоземцевъ. Но покореніе Литвы, совершенное въ половинѣ IV вѣка, тогда еще сильнымъ Ярманомъ, соединило сербское Поморье съ нашею по-двинскою или кривичьскою Русью, съ землею ильменскихъ Словенъ и дальнѣйшими сѣверными странами. Дружинамъ, стоявшимъ въ этихъ земляхъ, Западная Двина всегда представляла безопасный путь сообщенія съ поморскими единоплеменниками, *варяшими* объ-онъ-поль моря, и сербскій

пришедшихъ съ Поморья завоевателей. По свидѣтельству Проконія, число ихъ простиралось до 3,000 человекъ. А что Саксоны были нѣкогда друзьями полабскихъ Сербовъ и участвовали въ ихъ походахъ, представлено у меня доказательство въ «Славянскомъ Сборникѣ» стр. 208—212.

мечъ (*варягъ*) всегда могъ *предварить* и отразить удары противниковъ *. И вотъ, въ нашей древнѣйшей летописи читаемъ дошедшее до Нестора преданіе, что «имаху дань Варяги изъ Заморья на Чуди, и на Словенехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичехъ» (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, с. 8). Когда впервые начали меченосные Поморяне имать дань съ сѣверной Руси, до Нестора не дошло свидѣній, и дань эту онъ представляетъ какъ дѣло бывалое съ-издавна. За то Нестора намъ дополнилъ Юрнадъ, повѣренный соображеніями исторической критики, на основаніи законовъ логической вѣроятности и естественности. Въ Юрнадѣ находимъ начало, въ Несторѣ окончаніе событія—воскресаетъ *періодъ владычества Меченосныхъ Заморцевъ или Варяговъ*, изгнаніемъ которыхъ начинается новый періодъ бытія нашей Руси.

Гдѣ находилось собственно *Варяжское Поморье*, намъ уже открыли и Несторъ и его продолжатель и арабскіе писатели. Несторъ указалъ варяжскую землю на западъ отъ Ляховъ и Прусовъ, а продолжатель его подтверждаетъ это, и прямо говоритъ, что варяжское Поморье есть земля сербская, начинающаяся на западъ отъ Гданска и Старграда; западный предѣлъ воинственныхъ Варяговъ-Славль, славнѣйшихъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ (по сказанію Арабовъ), достигая до земли англійской, или Ангельна, оканчивался слѣдственно родиною древанскихъ Сербовъ при устьяхъ Лабы (Эльбы); на югъ варяжская земля сосядала съ чехоморавскими Волохами, почти тамъ же, гдѣ и до нынѣ граница лужицкихъ Сербовъ. Въ половинѣ IX вѣка эта балтійская Сербъ была раздѣлена между многими владѣтелями; поэтому, когда междоусобія внушили Новгородцамъ мысль «поискать собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву», они могли найти такого властителя среди единоплеменныхъ поклонниковъ Перуна, въ сербской меченосной Руси. Такимъ-то образомъ призваны князья «валечныхъ Русовъ» изъ Руси, отъ Поморья балтійскаго альбо нѣмецкаго собран-

* Отсюда объясняется и значеніе имени *Варяговъ* и славяно-поморскаго слова *варягъ*, въ которомъ заключается то же самое понятіе что и въ нашемъ словѣ *мечъ*, какъ орудію мещущемъ удары на враговъ.

ныхъ», по выраженію славнаго Богдана Хмельницкаго *; то были Рюрикъ **, Синеусъ и Труворъ, Годолубовичи, внуки ободритскаго краля Витислава (Vitislai regis), отъ втораго его сына Годолуба (Godelaibi), княжившіе у Варгоровъ и Ободритовъ, по драгоценному извѣстію, сохраненному Латомомъ и Хемниціемъ ***. *Ясный соколъ* меченосной сербской Руси оставилъ варяжское Поморье и *перелетною ласточкою* явился на призывъ Новгородцевъ къ намъ, въ Русь старобитную....

Какая была *цѣль* призванія въ Новгородъ Рюрика и его братьевъ? Вопреки гипотезамъ Миллера и М. П. Погодина, будто бы Новгородцы нуждались въ *защитникахъ* и потому кинулись къ скандинавскимъ разбойникамъ, «съ голоду» бросавшимся на грабежъ въ западную Европу (по выраженію Шлёцера), — изъ летописи преподобнаго Нестора мы видимъ, что Новгородцы нуждались не въ *защитѣ*, а въ *нарядѣ*, нарушенномъ внутреннею усобицею. Послы новгородскіе сказали Рюрику: «вся земля наша велика и обильна, а *наряда* въ ней цѣтъ; да поидете княжить и володѣть нами». И избрашася *3 брата съ роды своими*, пошла по собѣ *всю Русь* и придоша; старѣйшій Рюрикъ съѣзъ въ Новуградъ, а другіи Синеусъ на Бѣлвозеръ, а третій Изборетъ Тру-

* Исторія Русовъ или Малой Россіи, Георгія Конискаго, изд. московскимъ историческимъ обществомъ (1846), стр. 73.

** *Raroch, rarog*, у Чеховъ, Поляковъ и Сербовъ означаетъ особый родъ синяго, голубаго *сокола*, *accipiter stellaris, falco cyanopus*; *Roric* или *Ruric* ласточка, *hirundo arus*.—Слав. Сборникъ, стр. 215, 216, 217.—Замѣчу здѣсь, что братъ Годолубовъ, *Trasico* долженъ быть названъ по-русски *Драско* (сокращенное имя Драгомира), а не *Страшикъ* (какъ напечатано у меня на 216-й страницѣ) и не *Тразикъ*, какъ думалъ М. П. Погодинъ (т. II, с. 395).

*** Военный Энциклопед. Лексиконъ, ч. XI, кн. 44, стр. 618.— Очень жаль, что М. П. Погодинъ повѣрилъ неосновательной выходкѣ Байера противъ Латома и Хемниціи, которыхъ показанія оправдались теперь совершеннымъ согласіемъ съ свидѣтельствомъ Нестора, его продолжателя и Арабовъ. *Wagria* есть нѣмецкій переводъ имени земли *Вялковъ Лутичей*, какъ звали Древанскіе Сербы своихъ единоплеменниковъ, обитавшихъ въ области *Велетской* (нынѣ Голштиніи); восточная же часть велетской земли, гдѣ была и столица Велеградъ (*Magnopolis*, нынѣ *Mecklenburg*), находилась въ зависимости Ободритовъ, почему и называлась у летописцевъ землею *ободритскою*.

ворь. Отъ *тѣхъ* прозвася *Руская земля* Новгородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни, прибавляетъ Несторъ (т. I, стр. 8, 9). И такъ, земля ильменскихъ Словенъ или Новгородцевъ, уже совершенно оваряжившихся въ слѣдствіе прежняго пятывѣковаго владычества Варяговъ (съ половины IV-го вѣка до половины IX), теперь измѣнила свое частное и мѣстное имя на племенное имя Руси, общее и всей нашей земль и призванному князю, переселившемуся въ Новгородъ съ *братьями* и съ *роды своими* и *со всею Русью*. Эту мысль Несторъ (т. I, стр. 12) подтверждаетъ далѣе: «а *Словѣнскъ языкъ* (народъ) и *Рускый* одинъ, отъ Варягъ бо»—(которые сами были Славянами изъ Славянъ, по свидѣтельству Арабовъ)—«прозвася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; языкъ Словѣнскый бѣ имъ единъ».

Разсмотримъ же языкъ или рѣчь призванныхъ къ намъ Руссовъ, ихъ имена, право или политическія учрежденія и языческія вѣрованія.

М. П. Погодинъ справедливо написалъ: «Варяги-Русь пришли къ намъ съ *своими* законами и обычаями, точно какъ съ *своими* именами, вѣрованіями, своимъ языкомъ, образомъ «дѣйствія» (III, стр. 359). Если бы изслѣдователь вникъ въ подлинный смыслъ Нестора, опредѣлилъ географическіе предѣлы собственно-варяжской земли и слѣдственно узналъ, гдѣ жили и кто были Варяги-Русь, то легко и правильно рѣшилъ бы заданные себѣ вопросы, не прибѣгая къ произвольнымъ догадкамъ, выдаваемымъ за непреложную истину. Не зная же, гдѣ находилась, а слѣд. и къ какому племени принадлежала варяжская Русь, М. П. Погодинъ допустилъ предположеніе, что призванное къ намъ племя «обитало въ *какомъ-нибудь* углу сѣвера или *древней Скандинавіи*» (ч. II, с. 166), и потому принужденъ былъ допустить у насъ существованіе скандинавскаго языка, не засвидѣствованное никакими памятниками. Вліяніе его, по увѣренію сочинителя, «могло быть ощутительныхъ отъ IX «до XII столѣтія, отъ пришествія Рюрика съ Варягами-Русью «до Нестора» (II, стр. 89). Эта гипотеза, основанная на

шаткомъ «можетъ быть», далѣе провозглашается уже несомнѣнною истиною. Въ третьемъ томъ, на страницѣ 354, читаемъ: «Русскій языкъ—норманскій, скандинавскій, *которымъ говорили первые князья, ихъ бояре, дружина и всѣ «прочіе выходцы»*. Такимъ образомъ выдается за чистую истину мнѣніе, совершенно противоположное положительному свидѣтельству Нестора, что языкъ Варяговъ-Руси и новгородскихъ Словенъ *одинъ*, свидѣтельству, прямо вытекающему изъ той истины, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ», какъ пишутъ Арабы, и какъ показываетъ самое дѣло. Поэтому-то, утверждая одно, а на дѣлѣ вида другое, изслѣдователь принужденъ былъ по неволѣ выдумать новое предположеніе: «этотъ скандинавскій языкъ впоследствии, *можетъ быть* въ 5 или 6 колѣнъ, когда сообщеніе съ «скандинавскимъ сѣверомъ прервалось (?) и Русь совсѣмъ «ослабилась, вышелъ изъ употребленія, уступивъ мѣсто «туземнымъ нарѣчіямъ, оставивъ въ нихъ *только слабые слѣды*» (т. III, с. 354); въ примѣчаніи же предлагается догадка, что этотъ скандинавскій языкъ «у насъ долже держался *вѣроятно* въ Новгородѣ». Такъ-то одно произвольно допущенное предположеніе породило новыя предположенія, столь же произвольныя. «А что скандинавскій языкъ былъ «въ употребленіи *никогда очень много*, то доказываютъ названія (семи) днѣпровскихъ пороговъ, сохранныя императоромъ Константиномъ» (т. III, стр. 354). Вотъ къ чему привели изыскателя эти невѣроятныя *вѣроятно* и *можетъ быть!* Семь названій—изъ которыхъ однако жъ три объясненія *натянуты*, какъ сознался самъ Михаилъ Петровичъ на 86 страницѣ втораго тома—приняты за цѣлый языкъ!!! Четыре словечка или, пожалуй, семь словъ (съ тремя натягиваемыми) равны цѣлому языку: это можетъ утверждать только одна пламенная привязанность къ скандинавоманіи, а не хладнокровное изслѣдованіе истины *. Какъ при подоб-

* Четыре названія, *хорошо объясненыя* изъ скандинавскаго языка по увѣренію М. П. Погодина (т. II, с. 86), столь же легко объясняются изъ славянскихъ нарѣчій, см. «Чаромутіе», П. А. Лукашевича стр. 141 и 142. — Въ

номъ разительно-целогическомъ заключеніи не пришло изыскателю на память глубоко-вѣрное замѣчаніе, высказанное самимъ же Михаиломъ Петровичемъ, на 355 страницъ III тома, что «сходства Словенскаго языка съ Финскимъ и «Скандинавскимъ, *соблазняютъ нынѣ у насъ очень многихъ, указываютъ только на единство первоначальнаго, предъ-историческаго происхожденія, но не больше*». Вотъ что правда, то правда. Если бы эти слова пришли на память М. П. Погодину, то онъ конечно не сталъ бы на 88 страницъ втораго тома придавать скандинавское происхожденіе словамъ балтійскихъ Сербовъ, какъ доказано П. Г. Бутковымъ въ «Оборонѣ Русской Лѣтописи» (стр. 281, пр. 102); не сталъ бы превращать наши славяно-русскіе Холмогоры (Архан. г.) въ скандинавскій Holmgard, когда неоспоримо извѣстно, что Голмгардомъ называли Скандинавы нашъ Новгородъ; не впасть бы наконецъ въ такую непонятную односторонность, что даже слова чисто-славянскія, общія почти всѣмъ славянскимъ народамъ, началъ уже безъ околнжности называть скандинавскими, напр. бояре, люди, мужи, огнищане и пр. (т. II, стр. 89).

А какъ легко бы дойти до вѣрныхъ заключеній о языкѣ варяжской Руси, если бы только идти прямо, логически! «Варяги суть Славяне изъ Славянъ», слѣд. они говорили *по-славянски*, языкъ ихъ былъ *славянскій*, по свидетельству Арабовъ. Теперь обратимся къ Нестору и его продолжателямъ; по ихъ свидетельству, варяжская земля есть земля сербскихъ князей, предѣлы которой на западъ и югъ совпадали именно съ границами балтійской Серби, слѣд. князья, бояре и воины съ варяжскаго Поморья были Сербы и говорили *по-сербски*, понятно для новгородскихъ Словенъ, Веси, Мери и Кривичей *. Выводъ отсюда: языкъ (народъ и рѣчь) новгородскихъ Словенъ и балтійско-сербской Ру-

этой книгѣ есть нѣсколько объясненій, очень любопытныхъ для изыскателя славянскихъ древностей, наприм. толкованіе именъ Ulphilas (стр. 49), Hunni (с. 56), Vandali (с. 82) и нѣк. друг.

* На сербскомъ Поморьѣ были также Кривичи и Мери, какъ и въ нашей сѣверной Руси.

си былъ одинъ—этотъ выводъ становится правильнымъ заключеніемъ обоихъ силлогизмовъ, и вмѣстѣ даетъ возможность исторически раскрыть филологическую тайну образования нашего Великороссійскаго нарѣчья, тайну, которой никакъ не могли объяснить изслѣдователи-скандинависты, но которая чрезвычайно важна въ исторіи нашего языка. Фактъ этотъ указанъ былъ въ 1834 году О. И. Сенковскимъ. Этотъ ученый съ свойственною ему филологическою проницательностію замѣтилъ: «весьма ошибаются тѣ, которые относятъ великороссійское нарѣчіе или нынѣшній русскій языкъ къ восточнымъ славянскимъ нарѣчіямъ: *нашъ языкъ, по кореннымъ своимъ формамъ, принадлежитъ къ западнымъ; только произношеніе его заимствовано изъ восточныхъ нарѣчій*, и оно еще значительно измѣнилось здѣсь на мѣстѣ отъ, вліянія финнизма, то есть такъ сказать растворилось и смягчилось въ сѣверномъ вокализмѣ. Внимательное разсмотрѣніе химическихъ началъ языка обнаруживаетъ удивительное смѣшеніе расъ и поколѣній въ нынѣшнемъ сѣверномъ славянскомъ народѣ. *Даже произношеніе нашего языка не все принадлежитъ такъ называемымъ восточнымъ нарѣчіямъ: значительная часть его, особенно въ отношеніи къ гласнымъ, взята изъ западныхъ, что доказываетъ, что сѣверные чловѣки произошли отъ смѣси восточнаго и западнаго славянскихъ коленъ* *. Замѣчаніе глубоко-вѣрное, хотя и не объясненное исторически! Филологія прійдя на помощь исторіи, обнаружила настоящій смыслъ Несторова выраженія «суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣни» (I, с. 9), и соображенія исторической критики о тождествѣ Варяго-Руссовъ съ балтійскими Сербами оправдала важнымъ открытіемъ западно-славянской стихіи въ составъ нашего великорусскаго языка.

Въ самомъ дѣлѣ, филологическія изысканія М. А. Максимовича доказали, что главнымъ отличіемъ нашего русскаго языка по всѣмъ его нарѣчіямъ отъ языковъ западно-славянскихъ издревле было полногласіе; но мы Великороссіице

* Библиот. для Чтенія, 1834, т. I, отдѣл. наукъ, стр. 54, прим. 19.

утратили многія коренныя формы, замѣнивъ ихъ сокращенными, то-есть западно-славянскими. Великороссъ не употребляетъ коренныхъ русскихъ формъ: волога, волость, володѣть, забороло, морочно, порохъ, соромъ, хоробрый и проч.; но говорить по западно-славянски: влага, власть, владѣть, забрало, мрачно, прахъ, срамъ, храбрый и проч. Обитатели русскаго юга, Малороссы и Червоноруссы, покажутъ въ своемъ языкѣ также слѣды западно-славянскаго вліянія, въ замѣнъ звуковъ *o, c*, звукомъ *и*, какъ у древнскихъ Сербовъ на Лабѣ (Эльбѣ),—наприм. кистъ вм. кость, ничъ вм. ночь, пичъ вм. печь и проч. Такимъ образомъ филологія указала западно-славянскую стихію въ составъ нашего языка, а тѣмъ самымъ оправдала Арабовъ, что Варяги, оставившіе по себѣ эту стихію, дѣйствительно были «Славяне изъ Славянъ»; оправдала Нестора, что у Варяго-Руссовъ и новгородскихъ Славянъ «языкъ одинъ»; оправдала продолжателя Несторова, что варяжская Русь была именно «земля Сербскихъ князей». Филологія своимъ образомъ высказала тоже самое, въ чемъ убѣждаютъ насъ соображенія здравой исторической критики! Нашествіе западно-славянскаго народа, именно балтійскихъ Сербовъ, и долговременное ихъ господство у насъ на сѣверъ, выступили сами собою изъ исторіи языка, которою совершенно оправдались выводы исторической логики! Тутъ—скажу словами М. П. Погодина, обращенными имъ къ лицу г. Шегрена—«все ясно, естественно, согласно съ ходомъ вещей, съ извѣстіями лѣтописей. Зачѣмъ же отъ этого *свѣта* «уходить намъ произвольно въ условный мракъ, завязывать «узлы и употреблять потѣмъ все *хитрости* остроумія и учености, чтобъ ихъ развязывать? Мое разсужденіе покажется «поверхностнымъ, въ сравненіи съ глубокимъ изысканіемъ «почтеннаго академика; но для чего *топиться въ глубинѣ*, «если на самой поверхности находятся все нужныя объясненія?» *

* Это писалъ авторъ «Исслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи» (т. III, стр. 134), дѣльно опровергая гипотезы г-на Шегрена, который

Западно-славянскій элементъ, именно сербо-поморскій, отозвался не только въ языкѣ, но и въ *прозвищахъ* или *фамиліяхъ*, употребляемыхъ у насъ въ Великороссіи. Встрѣчая въ историческихъ памятникахъ среднихъ вѣковъ или въ новѣйшей исторіи Прусскаго королевства иную мекленбургскую фамилію, подумаешь, что это нашъ какой-нибудь Русакъ. Приведу нѣсколько мекленбургскихъ, то-есть древнихъ сербскихъ велеградскихъ фамилій, съ того варяжскаго Поморья, которое было исконною землею сербскихъ князей, какъ засвидѣтельствовали Несторъ и его продолжатель. Вотъ эти балтійско-сербскія фамиліи изъ Мекленбурга: Барнековъ, Брусевичъ, Буковъ, Бѣловъ (Бюловъ), Варгинъ, Величинъ, Галовъ, Глазевичъ, Гостковскій, Грабовъ, Грубовъ, Дроздовъ, Душинъ, Дѣвничинъ, Дѣвичъ, Ерошинъ, Капиловъ (Капеловъ), Карповъ, Кленовъ, Ковалкинъ (Кавалкинъ), Краковъ, Красевичъ, Лисовъ, Лужковъ, Луковъ, Малховъ, Мальчицкій, Маховъ, Молчанъ, Несуховъ, Палбицкій, Пльшничъ, Плюсковъ, Помайскій, Росткинъ, Рыбинъ, Рыбеничъ, Рьпинъ, Свериковъ, Свѣковъ, Стославъ, Стукинъ, Суковъ, Сукевичъ, Тарновичъ, Тетеревъ, Хмѣленцинъ, Цѣловъ (Цюловъ), Цѣпинъ (Чепелинъ), Чарниковъ (Царниковъ), Чернинъ и проч.

Вотъ исторически-извѣстныя фамиліи нашихъ единоплеменниковъ на варяжскомъ Поморьѣ, въ землѣ сербскихъ князей. Послѣ того, для насъ уже понятно будетъ, что значать окончанія на *овъ, инъ, ичь* въ именахъ нашихъ пословъ, упоминаемыхъ въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, напр. Коницаръ Предславинъ, Праствъ Турдовъ, Гримъ (и=о) Звирьковъ, Каръ Тудковъ, Каршевъ, Вонковъ, Праствъ Берновъ, Явтягъ Гунаревъ, Алданъ Кольклековъ, Стеги Етоновъ, Алданъ Гудовъ, Мугуръ Утинъ, Синко Боричъ. Не привожу всѣхъ именъ, потому-что договоры еще не очищены историко-филологическою критикою; для полнаго

усиливался отвергнуть древность распространенія русскихъ владѣній по финскому сѣверу.—М. П. Погодинъ убѣдительно защитилъ ясныя сказанія нашихъ лѣтописей соображеніями здравой исторической критики.

возстановленія *въсѣхъ*, искаженныхъ Греками и переписчиками Нестора, именъ русскихъ пословъ потребны труды такихъ славянствовъ, каковы О. И. Бодянской и И. И. Срезневскій, которыхъ и вызываю на это прекрасное поприще. Относительно жъ иныхъ именъ, не объяснимыхъ ни изъ какого языка, припомню читателямъ умное замѣчаніе Венелина, помѣстившаго любопытное изслѣдованіе о славянскихъ именахъ въ I томѣ своихъ Историко-критическихъ изысканій о Болгарахъ (стр. 35—42): «первый и самый простой способъ давать имена лицамъ состоитъ въ выдуманіи словъ или звуковъ, совсѣмъ не относящихся къ словопроизводству и совершенно невразумительныхъ. Такъ водится въ народѣ, напримѣръ, въ черни у Карпато-Россовъ, гдѣ герольдія еше не въ модѣ, найдете имена: Тева, Двѣло, Шекмарь, Рушакъ, Мамайло, Бургуць и проч., *рождающіеся и исчезающія смѣсью съ лицами*, и ни изъ какого языка не объяснимыя. Подобное же можно найти и у другихъ Славянскихъ племенъ».

* Само собою разумѣется, что незачѣмъ прибѣгать къ случайнымъ созвучіямъ, когда очевиденъ славянскій корень въ собственномъ имени; при словахъ же, общихъ двумъ народамъ, необходимо изслѣдовать, кто у кого заимствовалъ. По соседству народы часто мѣняются собственными личными именами; поэтому историческая логика, встрѣчая одно имя у Скандинавовъ и у Славянъ, не можетъ рѣшить вопроса о происхожденіи того лица безъ предварительныхъ изслѣдованій географическихъ. — «Норманны и Славяне искони жили рядомъ, въ соседствѣ по Балтійскому морю, и въ незапамятныя еще времена обмѣнялись многими словами, кои встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ», говоритъ М. П. Погодинъ (т. III, стр. 28—29). Датѣ, на основаніи Гельмольда и Диппинга, онъ признаетъ, что «въ дружинахъ *Норманнскихъ* всегда было очень много *Славянъ*»; что «флотъ Норманскій, приплывавшій во Фризію, состоялъ изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже «Ободритовъ», то-есть западныхъ Поморянъ сербскихъ; что «въ экспедиціи противъ Англіи 857 года было много *Вендовъ*», то-есть тѣхъ же Балтійскихъ Сербовъ. Тутъ же, въ 46 примѣчаніи, изслѣдователь справедливо говоритъ, что «Сабининъ напрасно вмѣсто *облива* или *чаши*, въ другихъ случаяхъ, вмѣсто *тожества корней*, видитъ здѣсь происхожденіе словъ Славянскихъ «отъ Скандинавскихъ». Зачѣмъ же, послѣ того, самъ авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» во II томѣ (68—74) подыскавъ нѣсколько подобозвучныхъ скандинавскихъ именъ, объявилъ варяжскія имена скандинавскими? а въ III томѣ (с. 38) началъ уже положительно утверждать, что Рюрикъ и Олегъ «пришли *прямо изъ Скандинавіи*», хотя объ этомъ ни у Нестора и ни

М. П. Погодинъ не рѣшилъ вопроса, *гдѣ именно* жили призванные къ намъ Варяги, а потому не могъ дать правильного отвѣта на вопросы, вытекающіе отсюда, а именно: кто они были? какимъ языкомъ говорили? какими законами руководствовались? какую вѣру исповѣдывали? Повѣривъ Байеру, что «Варяги жили въ какомъ нибудь углу *Скандинавіи*» (т. II, с. 166, 318), московскій ученый пошелъ по слѣдамъ его и — отвергнувъ положительныя свѣдѣтельства географіи, не обративъ должнаго вниманія на вполнѣшія указанія филологіи — основался на *созвучіяхъ*, для подкрѣпленія жъ софистическихъ отсюда выводовъ — обратился къ *сказкамъ*, послѣ чего далъ совершенно превратный смыслъ законамъ, нравамъ и вѣрованіямъ Варяго-Руссовъ. Вотъ какъ повелъ онъ дѣло:

у кого изъ летописцевъ нѣтъ ни слова... Имя Рюрикъ онъ объявилъ скандинавскимъ потому, что у Скандинавовъ встрѣчаются Rorokut, Orik, Roges; но скрылъ то важное обстоятельство, что *корня* этому имени *нѣтъ* въ скандинавскомъ языкѣ, слѣд. оно *заимствовано* ими у балтійскихъ соседствъ, именно у Сербовъ, у которыхъ рорикомъ или рурикомъ называется особая порода ласточекъ. — Братьямъ Рюриковымъ, *Синусу* и *Трувору* вовсе нѣтъ надобности подыскивать созвучія въ скандинавскихъ именахъ, Snio, Signiut, Siniam, Sven, Truete, Trigut, когда есть Славянскія имена Труборъ, Trebor, Прудыусъ. — Имя *Олегъ* также не есть искаженное скандинавское Olov, Olaf, Helgi, а правильное славянское, произведенное отъ корня *логъ*, *лежъ* (по образцу слова: *ноч-лежъ*) и сохранилось доселѣ въ уменьшительномъ нашемъ словѣ: *олежень*. — Сынъ Рюриковъ *Игорь* также не нуждался въ искаженіи скандинавскихъ Ingo, Inguio, Ingue, Ingwat, когда у Славянъ есть свое слово *иго*; отъ него и произведено имя *Игорь*, то-есть владетель, несущій иго или бремя правленія. — Супруга Игоря Рюриковича *Ольга* есть женское производное имя отъ мужскаго: *Олежъ*. — Вотъ всѣ варяжскія имена въ княжескомъ семействѣ! Чистыя славянскія имена *Святославъ*, *Владиміръ*, *Роговолодъ*, *Рогнода*, *Малуша*, *Звенильдъ*, *Лютъ* и нѣк. другія, если иногда и употреблялись у Скандинавовъ, все-таки жъ *заимствованы* ими у Славянъ; слѣдственно, если и находимъ въ Скандинавіи эти имена, въ искаженномъ видѣ, то здравая историческая логика не дозволитъ изслѣдователю называть Скандинавами людей, носившихъ славянскія имена, бывшихъ притомъ «Славянами изъ Славянъ», по свидѣтельству арабскаго писателя, и пришедшихъ съ варяжскаго Поморья, или изъ «земли Сербскихъ князей», изъ-за Гданьска и Старграда, какъ поленилъ намъ продолжатель преподобнаго Нестора. Еще нѣкоторыя соображенія о собственныхъ именахъ Варяговъ и о русскихъ названіяхъ дѣйствительныхъ пороговъ см. въ моемъ «Слав. Сборникѣ», стр. XXXII—XXXIV и прим. 527.

Сознавшись въ невѣдѣніи Скандинавами нашего Рюрика, (т. II, с. 135—137), М. П. Погодинъ указалъ на то, что имя Hrogekur, Hогis, Rorek было въ употребленіи у Скандинавовъ, искусно прикрывъ молчаніемъ, что имя это не имѣетъ корня въ скандинавскомъ языкѣ и перешло въ него отъ балтійскихъ Славянъ; признавъ же имя признаннаго нами князя *скандинавскимъ* (II, с. 68), изыскатель обратился къ *повѣстямъ* и *сказкамъ*, въ надеждѣ «отобрать изъ нихъ истину» (II, с. 137), и съ радостію объявилъ, что «теперь мы надѣемся *короче узнать* изъ трудовъ «Общества свѣрвныхъ Антикваріевъ въ Коенгагенѣ» эти сказки, въ которыхъ заключается будто бы «наша Исторія за нѣсколько столѣтій до Рюрика» (т. II, с. 137). Почтенный защитникъ Байеровой сагоманіи не скрылъ впрочемъ, что всѣ эти повѣсти и сказки были уже известны старику Даллину и инымъ писателямъ (и.), которыми и представлены въ сокращеніи; скрылъ только одно, именно основательный отзывъ ученаго, который природнымъ благоразуміемъ былъ удержанъ отъ паденія въ сагоманію. Этотъ ученый былъ Шлѣцеръ. Въ I томѣ своего «Нестора» онъ привелъ «Далиновы бредни» (с. 366); показалъ, что «здесь больше ошибокъ нежели строкъ» (с. 359), и что исторія нашего Рюрика съ его преемниками «передѣланная на выворотъ, приклеена къ Шведской Исторіи» для доказательства, будто бы «надъ семи царями Шведское королевство имѣло съ древнѣйшихъ временъ право покровительства» (с. 366). Относительно событій до-Рюриковской эпохи, которыя такъ хочется почтенному М. П. Погодину «узнать короче», припомню для почтеннаго московскаго ученаго хладнокровное разсужденіе Шлѣцера: «Что же теперь думать объ Исландскихъ разсказчикахъ, кои говорятъ намъ о короляхъ финляндскихъ, пермскихъ и полоцкихъ, о царяхъ гольмгардскихъ и острогардскихъ, съ которыми датскіе и шведскіе владѣтели вели кровавыя войны и заключали договоры о бракосочетаніяхъ еще до Р. X. и въ послѣдующія столѣтія? Заслуживали ли *снъ глупости* того, чтобы Байеръ, Миллеръ и Щербатовъ внесли ихъ въ Русскую

Исторію, и разсказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ? Все это есть не иное что, какъ *глупыя выдумки*. Датчанинъ Саксо началъ первый; онъ умеръ въ 1204 году, слѣдственно почти 100 лѣтъ былъ моложе Нестора, а настоящія Исландскія сказки (съ которыми не надобно смѣшивать Снорровой истинной Хроники) моложе и его. И сія люди разсказываютъ намъ о происшествіяхъ такихъ земель, въ которыхъ до 1000 года никто не умѣлъ *писать*; о происшествіяхъ, случившихся *до нихъ за 500, 800, даже 1000 лѣтъ*, и о которыхъ *ничего* не говоритъ тутошній житель Несторъ, хотя онъ и всѣхъ ихъ старѣе... Безстыдство выдумщиковъ заставляло молчать критику: они все разсказываютъ такъ подробно, называютъ вездѣ людей и мѣста по именамъ (только берегутся говорить о *времени*), почему позднѣйшіе ихъ читатели и подумали, что тутъ надобно быть *челу-нибудь* вѣрному, хотя въ подобныхъ обстоятельствахъ и встрѣчали несообразныя глупости (на пр. о Перми). Не подумайте однакоже, что бы сіи сказочники хотѣли обманывать съ намѣреніемъ; все презрѣніе падаетъ только на тѣхъ, кто имъ вѣритъ. Если бы на первой Лейпцигской ярмаркѣ вышла повѣсть о Хлодовикѣ съ разными анекдотами, и хотя безъ показанія историческихъ источниковъ, но съ большимъ наблюденіемъ правдоподобія, нежели въ Гаральдовой и прочихъ сказкахъ; то нашелся ли бы въ наше время кто-нибудь, кто принялъ бы эту повѣсть не за рыцарскій романъ?... И такъ, выбросимъ Исландскія *бредни* изъ всей Русской древнѣйшей Исторіи» *.

Величайшая заслуга Шлѣцера заключается въ обличеніи заблужденій Байера, Миллера и Щербатова, которые желали ввести—наперекоръ Нестору—саги или сказки Исландцевъ (Скандинавовъ) въ русскую исторію. Почтенный ав-

* Шлѣцеровъ «Несторъ», пер. Д. И. Языковымъ, ч. I, стр. 52—53. Далѣе, на страницѣ 408, у Шлѣцера представлено доказательство *новѣйшей поддѣлки* этихъ сагъ (сказокъ). Хронологическая повѣрка сагъ, лучше всего доказывающая ихъ недостоверность, представлена у меня въ Славянскомъ Сборникѣ, стр. XXVII—XXX (прим. 39) и CVIII—CXIV.

торь «Изсѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» хочетъ возстановить славу Байера, котораго называетъ *знаменитымъ* (т. II, с. 318), и объявляетъ, наперекоръ Шлѣцеру, что «изъ «иностранныхъ источниковъ для древней Русской Исторіи «важное мѣсто занимаютъ сѣверныя саги» (т. I, с. 277). Мнѣніе Шлѣцера о бесполезности исландскихъ сагъ для русской исторіи—по увѣренію М. П. Погодина — «*рѣшительно опровергнуто* новыми изсѣдователями; надъ сагами «трудились долго, *многіе* ученые, ученые первоклассные, «которые разобрали ихъ, сравнили, изсѣдовали и отдѣлили «ложь отъ истины» (т. I, с. 458). Все это, съ позволенія сказать, поэтическая гипербола! Противу мысли Шлѣцера и Карамзина о бесполезности сагъ для русской исторіи писали не *многіе*, а только двое: О. И. Сенковский и П. Г. Бутковъ. Мнѣніе перваго было тогда же опровергнуто С. М. Строевымъ (Скромненкою) и С. П. Руссовымъ; усиліе же другаго защитника сагъ согласить ихъ съ хронологіею и исторіею оказалось бесполезнымъ послѣ опроверженій, представленныхъ мною въ «Славянскомъ Сборникъ.» Теперь на защиту сагъ ополчились вы—извольте, выслушаемъ ваши доводы.

Вы полагаете, что источники сагъ *древности часто незапамятной* (т. II, с. 277). Но эта мнимо-незапамятная древность очень сомнительна. Сноро-Стурлезонъ именно говоритъ въ началѣ Heimskringla, что одну часть сказаній списалъ онъ такъ, какъ *слышалъ* отъ мудрыхъ мужей, а другую по стариннымъ *стихамъ*, которыя пѣлись у людей *для препровожденія времени*, и прибавилъ: «хоть мы и не знаемъ что въ нихъ *правды*, но у стариковъ онъ почитались *правдивыми*». Тюдольфъ, скальдъ Гаральда Прекрасноволосаго (863—933), при которомъ норвежскіе изгнанники заселили Исландію, *сочинилъ пѣсни* объ Инглингахъ, умноженную потомъ изъ *разказовъ* умныхъ людей; а другой собиратель пѣсней, священникъ Ари, былъ современникомъ Олафа (святаго), внука Гаральдова, убитаго въ 1035 году: любопытный и памятный Ара «освѣдомлялся отъ свѣдущихъ стариковъ, а пѣсни—прибавляетъ Снорро—ка-

жется мнѣ, нисколько не измѣняются, *если* только пропѣты *вѣрно* и сочинены разумительно». Въ томъ-то и сила, *если* пѣвцамъ не придетъ охота передѣлывать, измѣнять, а если соблазнить лукавый—цу, и прощай *вѣрность*, за которую безъ сомнѣнія и не погонятся люди, желающіе слушать пѣсни и разказы для веселаго препровожденія времени, а вовсе не для того чтобы изсѣдовать историческую истину и опредѣлять степень правдивости разказовъ. Притомъ же, искусная лесть и красное слово, а подъ часъ и гипербола, всегда сродны поэтамъ, даже тогда, когда они говорятъ о современныхъ событіяхъ; что жъ, когда имъ приходится *сочинять* о прошедшемъ, для того, чтобы возвеличить предковъ прославляемаго лица?... Тутъ уже въ *изобрѣтении* только душа мѣру будетъ знать... Вотъ почему благоразуміе не позволить хладнокровному Шлѣцеру разсужденію и заключенію «о внутреннемъ недостоинствѣ Исландскихъ сказокъ» (Нест. I, с. 426) предпочесть тѣ одностороннія похвалы сагамъ, которыми увлекся М. П. Погодинъ. Поддавшись увлеченію сагами,—единственнымъ источникомъ которыхъ были стихи да изуствыя разказы, по слухамъ,—онъ забылъ собственныя слова свои, сказанныя имъ въ укоръ Н. И. Надеждину: «въ томъ и задача — *разобрать древность* преданія и *степень вѣрности*; а до тѣхъ поръ «можно принимать подобныя показанія къ свѣденію, но не *льзя основывать на нихъ ничего* (т. II, стр. 311).» Что же послѣ того значать *похвалы* Стрингальма, Гейера и другихъ писателей, старающихся увидать «печатъ исторической правды» въ сагахъ или сказкахъ, сочиненныхъ лишь для того, чтобы веселѣе убить время, по свидѣтельству самаго Снорро, который впрочемъ и самъ не ручался за истину, откровенно сознавшись, что не знаетъ, *правду* ли разказываютъ въ сагахъ. Впрочемъ даже и защитники сагъ проговариваются во многомъ, подтверждающемъ Шлѣцеровъ приговоръ сагамъ. «Въ основаніи ихъ, были *вѣрнѣе* ли (??) дѣйствительныя преданія, какъ ни *исполнены* онъ *басенъ* и *странныхъ похожденій* (!)», пишетъ Стрингольмъ; а московскій защитникъ сагъ, приводя одну об-

ширною выписку изъ Стрингольма, въ которой между прочимъ находится это признаніе (т. II, с. 420), не замѣтилъ, что подписалъ приговоръ самому себѣ; потому-что *баснословность* сагъ теперь признается Стрингольмомъ, а достоверность преданія никакъ не можетъ быть доказана однимъ словомъ *върлотно*. Самъ же почтенный М. П. Погодинъ говорить по другому случаю: «нужно *изслѣдовать*, а не *рѣшать* опротивенію» (т. I, стр. 286). Самъ же онъ, не примѣчая того, потрясъ мнимую важность сагъ, признавъ, что «Снорро сократилъ и *передѣлывалъ* саги» (т. I, с. 281), что въ нихъ «*лабиринтъ частыхъ противорѣчій*» (I, 282), что «*нечего* искать въ сагахъ *подробностей обстоятельствъ составляющихъ событіе, частныхъ хронологическихъ, географическихъ, біографическихъ*, болшею частію невѣрныхъ» (I, 287).» Такъ въ чемъ же заключается важность сагъ для русской исторіи, когда древніе изустные рассказы въ нихъ передѣланы, и въ лабиринтъ противорѣчій—подробности событій невѣрны, хронологія невѣрна, географія невѣрна, біографическія подробности невѣрны?... «Но *общія черты*: сношенія, переговоры, условія, занятія, военныя дѣла и проч. имѣютъ *величайшую важность* для русской исторіи, дополняя, объясняя, оживляя наши свѣденія объ этомъ «періодъ» (I, 287). Тутъ во-первыхъ противорѣчіе самому себѣ, потому-что на предшествующей страницѣ изыскатель призналъ *справедливыми* слова Деппинга, который именно писалъ: «тщетно искать у нихъ годовыхъ чиселъ, *общихъ событій*, происшествій современныхъ и извѣстныхъ». Вторыхъ противорѣчіе исторической истинѣ, ибо—не смотря на все увѣренія, будто бы саги подтверждаютъ Нестора—хладнокровное разсмотрѣніе дѣла обнаружило, что саги противорѣчатъ и Нестору и положительному преданію нашей Православной Церкви, какъ доказано во многихъ мѣстахъ «Славянскаго Сборника», въ особенности жъ на страницахъ XXIX, CXLII и CXLIII. Надѣюсь, что послѣ такого разъясненія дѣла, супруга Ярослава будетъ избавлена отъ сказочной на нее напраслины, принятой и на 472 страницу третьяго тома «Изслѣдованій, Зам. и Лекцій».

Но Михаилъ Петровичъ «Славян. Сборника» не читалъ, а потому не могъ хладнокровно рѣшить споръ относительно достоинства сагъ; однако же, смѣло спросилъ: «въ комъ *есть человѣчскій смыслъ*, тотъ можетъ ли не дорожить драгоцѣнною Эймундовою Сагою?» (т. III, с. 115). Защитникъ сагъ не довольный тѣмъ, припомнилъ льта покойнаго С. М. Строева и воскликнулъ: «*Наше невѣжество* таково, что «достаточно было *молодому* челоуѣку» (а развѣ молодость Строева преступленіе? развѣ молодой челоуѣкъ не можетъ судить здраво и видѣть разительную противоположность между лѣтописью Нестора и сказкою объ Эймундѣ?) «съ ссылкою «на Маккензи указать на *ничего-незначащія невѣрности* (!) въ « Эймундовой сагѣ, чтобы многіе ученые мужи начали говорить о ней съ осторожностію и удержаніемъ. Не «битый надо искать, не извѣстій о происшествіяхъ, а *духу, красокъ, общихъ понятій*». А если отместная борьба Ярослава съ братоубійцею Святополкомъ отличалась священнымъ характеромъ, совѣстѣмъ инымъ, нежели какой- видимъ въ сагѣ, соединившей и Бориса и его убійцу Святополка въ одно небывалое лице мнимаго князя Бурислейфа? Если другая война Ярослава съ племянникомъ, Брячиславомъ Полоцкимъ, началась, продолжалась и окончилась совѣстѣмъ иначе, нежели какъ описывается въ сагѣ война между Ярислейфомъ и его небывалымъ братомъ Вартилафомъ? Какой же *человѣчскій смыслъ* позволить искать *духу, красокъ, общихъ понятій* Ярославова времени въ сагѣ, смѣшавшей лица и представившей все дѣло на выворотъ, какъ можно удостоверить изъ параллельнаго сличенія лѣтописи Нестора съ Эймундовой сагою въ «Слав. Сборникѣ» (стр. CXXX—CXLIV). «Эти господа не понимаютъ, что Тысяча и одна «ночь *лучше* знакомитъ съ Востокомъ, чѣмъ иное отчетливое «изысканіе ориенталиста», говорить въ заключеніе М. П. Погодинъ (т. III, с. 115). Однако жъ, Тысяча и одна ночь нѣкѣмъ еще не включена въ число *важныхъ* источниковъ *Исторіи* Арабскихъ Халифовъ, какъ поступилъ съ сагами авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», показавшій на опытъ, до чего можетъ доводить

такое усиленное исканіе «духа, красокъ и общихъ понятій» Руси въ *исландскихъ* сказкахъ, писанныхъ впрочемъ не для чего иного, какъ для веселаго коротавья длинныхъ сѣверныхъ вечеровъ, по добродушному признанію самого Снорро Стурмезона... Забывъ объ этой существенной цѣли сочиненія сагъ (сказокъ) и принявъ ихъ за *важный* источникъ древней русской исторіи, Московскій ученый въ III томѣ своихъ Изслѣдованій (стр. 102) посадилъ на Полоцкій престолъ конунга *Эймунда*, наследникомъ его утвердилъ *Рагнара*, а *Боларию* заставилъ Ярослава отдать *Олаву Порвежскому*, — тогда какъ *Болгарія* никогда не принадлежала Ярославу, а Полоцкій престолъ, отданный Равноапостольнымъ Владиміромъ старшему сыну, не выходилъ изъ-подъ власти его потомства; ибо неоспоримо, что въ Полоцкѣ по смерти *Изяслава Владиміровича*, княжилъ *Брячиславъ Изяславичъ*, враждовавшій съ дядею Ярославомъ, а передъ кончиною передавшій княженье сыну своему, воинственному *Всеславу Брячиславичу*, который и вступилъ на отчій столъ, независимо отъ Ярослава, въ 1044 году, какъ засвидѣтельствовалъ современный ему Преподобный нашъ лѣтописатель: «въ се же лѣто (6552 отъ Сотв. міра) умре Брячиславъ, сынъ Изяславъ, внукъ Володимеръ, отецъ Всеславъ, — и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столъ его» * ... И такъ на дѣль оказывается, что Шлёцеръ, Карамзинъ, Руссовъ, Каченовскій и другіе ученые, отвергавшіе достовѣрность сагъ, правы; что покойный товарищъ мой, С. М. Строевъ, совершенно былъ правъ, не признавалъ саги за важный источникъ русской исторіи, и называлъ ихъ только замѣчательными произведеніями словесности обитателей отдаленнаго острова; что напротивъ, совершенно неправъ тотъ, кто обвинилъ другихъ въ *невѣжествѣ* и въ *отсутствіи* *человѣческаго* смысла за то, что осмѣливались называть сказки (саги) сказками, а не историческимъ источникомъ, по важности равнымъ съ лѣтописью **...

* Полное Собр. Рус. Лѣтоп., т. I, стр. 67.

** Въ послѣднее время присоединился къ числу противниковъ сагъ извест-

Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ ошибочныхъ мнѣній М. П. Погодина относительно древней Руси: *сагоманія!* Она-то заставила его не вѣрить Арабамъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ»; перетолковать Несторово географическое указаніе Варяжской земли на Балтійскомъ Поморьѣ; не обратить вниманія на свидѣтельство Несторова продолжателя, что Варяжское Поморье есть земля Сербскихъ князей, начинающаяся за Гдаискомъ; измѣнить подлинный смыслъ нашей древнѣйшей лѣтописи о единствѣ языка Варяжской Руси и Новгородскихъ Словенъ. Сагоманія заставила Московскаго ученаго пренебречь положительнымъ свидѣтельствомъ иноземныхъ лѣтописцевъ, что призванные Новгородцами Рюрикъ и его братья были именно сыновья князя Годолоуба, внуки Сербско-Поморскаго князя Витислава, и принять подъ свое покровительство отвергнутую Шлёцеромъ Гаральдову и Бозеву сказку, въ которой упоминаются имена трехъ свейскихъ (шведскихъ) разбойниковъ, Рёрекра, Сиггерра и Туареса, которые будто жили вмѣстѣ на берегахъ Упландіи. Почтенный авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» обольстился созвучіемъ именъ этихъ *свейскихъ* разбойниковъ; забылъ свидѣтельство Нестора, что призванные къ намъ Варяги Русь совсѣмъ *другой* народъ *нежели Свей* (I, стр. 8); забылъ даже собственное признаніе, что «во всѣхъ извѣстіяхъ, къ тому времени относящихся, Шведы и Русь различаются» (т. II, стр. 144); припомнилъ замѣчаніе Шлёцера, что эти Шведскіе пираты по времени не имѣютъ никакого отношенія къ эпохѣ нашего Русскаго князя Рюрика, но все таки рѣшился принять сказочныхъ героевъ подъ свою защиту, въ силу будто бы *«сходства* именъ, *слишкомъ разительнаго* (!) Какой напѣстрожайшій критикъ откажется отъ такого *сильнаго* доказательства!» (т. II, стр. 131). И вотъ единственно по нѣко-

ный, уважаемый самъ М. П. Погодинымъ, ученый ориенталистъ и знатокъ отечественныхъ древностей, Е. В. Григорьевъ. Рѣзко, но справедливо онъ выразился о недостовѣрности сагъ относительно русской исторіи, въ «Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», т. I, отд. I, стр. 161.

рому сходству именъ, наперекоръ Нестору и хронологіи, Варяжская Русь превращена въ Свейскую землю, Руссы въ Свеевъ, князя въ морскихъ разбойниковъ, жившихъ въ иное время, а Новгородцы приневолены изыскателемъ для водворенія *порядка* въ землѣ великой и обильной—обратиться именно къ нарушителямъ всякаго гражданскаго порядка! Въ защиту же такого превращенія мѣсть, время, лицъ и политическихъ обстоятельствъ — предлагаются догадки, опирающіяся единственно на личный авторитетъ писателя. Сознавшись, что упоминаемые въ сказкѣ шведскіе разбойники не имѣютъ никакого отношенія къ основателямъ нашего государства, М. П. Погодинъ пишетъ: «впрочемъ въ лѣтосчисленіи сказочникъ (!) «*могъ ошибиться*» — извольте, допустимъ даже и эту догадку; но изъ чего же слѣдуетъ, что *эти* Свейскіе пираты призваны княжить въ Новгородъ, когда объ этомъ даже и въ самой сказкѣ-то не говорится? Неужели историческая критика заключается въ подыскиваніи сходства именъ, случайно упоминаемыхъ, и на основаніи такихъ случайныхъ упоминаній мы должны принимать за истину догадки, противорѣчущія здравой логикѣ, географіи и хронологіи? «Для меня это упоминаніе, особенно теперь, *кажется* очень важнымъ; *можетъ быть*, въ этой сагѣ «кроется многое для объясненія происхожденія Рюрика» (т. II, стр. 137). Но неужели такое важное дело можетъ быть рѣшено однимъ авторитетомъ изыскателя, безъ всякихъ доказательствъ?

Предложивъ догадки, опирающіяся лишь на *кажется* и *можетъ быть*, М. П. Погодинъ почелъ вопросъ о Рюрикѣ рѣшеннымъ, и въ III томѣ догадку свою уже выдаетъ за неоспоримую истину, утверждая положительно, что Рюрикъ и Олегъ «пришли *прямо изъ Скандинавіи*» (стр. 88); что преемники ихъ, до Ярослава включительно, «по своему происхожденію, духу, образу жизни, мыслей и дѣйствій были *чистые Норманны*» (стр. 87); что они *говорили по-Скандинавски*, равно какъ ихъ бояре и дружина (с. 354); что этотъ Скандинавскій языкъ уступилъ место туземному

Славянскому въ *ялтомъ* или *шестомъ колѣнѣ*, то есть при Ярославе Владиміровичѣ или Изяславе Ярославичѣ (т. III, стр. 354). Допустимъ все это въ угодность автору, хотя наперекоръ исторической правдѣ; допустимъ, будто *книжка* «*слѣдовъ* заключать, чтобъ туземцы употреблялись на войну» (III, 121); войны же Олега, Игоря, Владиміра, Ярослава хотя состояли изъ Новгородскихъ Словенъ, Кривичей, Радимичей, Вятчичей, Сяверянъ, Кіевскихъ Полянъ, Дульбоговъ, Хорватовъ и прочихъ туземныхъ племенъ, однако жъ должны означать по мнѣнію автора не *туземное ополченіе*, а «только *могущество* Олега, какъ повелителя столь многихъ племенъ» (III, 121); забудемъ на время объ исторической логикѣ и согласимся, будто бы все Русское войско состояло изъ Скандинавовъ (III, 108, 116), а «туземцы совершенно не употреблялись, обреченные на любезное свое земледѣліе» (III, 125). Положимъ, что туземныя Славянскія племена находились къ пришельцамъ изъ Скандинавіи въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ Галицкіе Русины къ Австрійскому (Нѣмецкому) правительству; примемъ это положеніе автора, высказанное имъ въ возраженіе мнѣніямъ пресвященнаго Филарета Рижскаго въ «Москвитянинѣ» (1848, № 8, стр. 48). Посмотримъ на свѣдѣнія: официальный языкъ нѣмецкаго правительства Австрійскаго есть Нѣмецкій, а отнюдь не Русскій, не Чешскій, не Сербскій, словомъ, ни одного изъ подвластныхъ славянскихъ народовъ; то ли же видимъ въ нашей Руси? Вотъ Олегъ, спутникъ и родственникъ Рюрика, посылаетъ въ Грецію пословъ для заключенія мира. И такъ послы Скандинавскаго князя, сами Скандинавы, по увѣренію М. П. Погодина, заключаютъ съ Греками письменный договоръ; слѣд. это официальный памятникъ тогдашняго языка, которымъ говорили призванные къ намъ Варяги Русь. Что же? это языкъ Скандинавскій? Совсѣмъ нѣтъ! Договоръ родственника Рюрика, Олега, писанъ по-Славянски. Договоръ Игоря и Святослава также писаны по-Славянски. Вотъ официальные, дипломатическіе памятники языка Варяго-Руссовъ въ X вѣкѣ! Авторъ «Из-

сѣдованій, замѣчаній и лекцій о Русской Исторіи самъ защищалъ подлинность договоров Олега, Игоря и Святослава; и эти памятники Варяжской эпохи неоспоримо подтверждаютъ во первыхъ истину свидѣтельствъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ», а языкъ Новгородскихъ *Словенъ* и Варяжской *Руси* одинъ есть, и во вторыхъ — несправедливость гипотезы, будто бы русскимъ языкомъ назывался Скандинавскій, и князья съ боярами и дружиною будто бы говорили по Скандинавски *.

* Статья эта уже была набрана въ типографіи, когда отъ одного любителя исторіи я получилъ нѣсколько номеровъ Черниговскихъ Губерн. Вѣдомостей 1843 года. Тамъ въ *Прибавленіи* къ № 12, марта 19, (часть неофициал. стр. 167 — 170) помѣщено окончаніе разсужденія «О первобытныхъ обитателяхъ Россіи». Неизвѣстный авторъ этого любопытнаго изслѣдованія, написаннаго умно и дѣльно, знакомъ со всеми трудами ученыхъ изыскателей древности, и прекрасно изложилъ свои соображенія по этому предмету. Отъ глубокой древности дойди постепенно до варяжской Руси, призванной къ намъ въ Новгородъ, авторъ предлагаетъ вопросы о томъ, *гдѣ* жило и *кто* было это Русское племя, и отвѣчаетъ:

«Можно на этотъ счетъ написать нѣвые томы in folio, и все таки кончить тѣмъ, что не дойти до настоящей истины. Не лучше ли объяснить все это дѣло *гораздо* проще и *естественнѣе*».

«Норманны дѣйствительно прославились своими морскими разбоями и предприимчивостью. Но *кто* были Норманны? Вообще не отдѣльный народъ. Западная и южная Европа назвали ихъ сѣверными людьми (Nord-manni), потому что они приходили *съ сѣвера*. На сѣверѣ Европы была Скандинавія, — и вотъ вообще заключеніе, что Норманны были Скандинавы. А между тѣмъ это вовсе несправедливо. Вспомнимъ скандинавскія саги: едва только Одинъ поселился въ Скандинавіи, какъ уже *морскіе разбойники* дѣлаютъ на него *безпрестанныя нападеныя*; эти разбойники являлись съ *противоположнаго берега Балтійскаго моря*, гдѣ жили *Венеды, Ванны, то-есть Славяне*. Впослѣдствіи промыселъ морскихъ разбоевъ, вѣроятно, очень понравился и Скандинавамъ, и они тоже пустились на добычу. Но Славяне еще *при Юліи Кесарь* были извѣстны своимъ *удальствомъ на морѣ*; а впослѣдствіи высылали не менѣе другихъ разбойничьихъ судовъ. Слѣдственно, Норманны было общее прозваніе, данное морскимъ разбойникамъ *съ сѣвера*; но въ самомъ дѣлѣ оно принадлежало *разнымъ народамъ*, которые часто вели и междоусобную войну. А потому, если Византійцы называли Варягами Норманновъ, то это опредѣленіе всего менѣе удовлетворительно для изысканій: изъ этого еще никакъ не лзя узнать, какого именно народа были эти люди. При Византійскомъ дворѣ Варяги были тѣлохранителями, которые набирались изъ чужеземцевъ *разныхъ націй*».

«Остается подумать о племени *Руссовъ* или *Русь*, къ которому принадлежали наши три знаменитые витязи... Удивительное дѣло! Несторъ жилъ око-

Пришедшее къ намъ племя, кто бы оно ни было, разумѣется пришло къ намъ съ *своими* религіозными вѣрованіями: въ этомъ положеніи здравой логики не лзя не согласиться съ М. П. Погоднымъ (т. III, стр. 359). Справедливо говоритъ онъ: «Олегъ и мужи его, чистые Норманны, перваго поколѣнія, большею частію пришедшіе

до 200 лѣтъ послѣ этого событія. — а не могъ уже указать на жилище русскаго племени, изъ котораго пришли три брата: это племя какъ будто исчезло. Гдѣ жъ оно было? и *куда дѣвалось* въ этотъ *короткій* промежутокъ? Время было не такъ отдалено, чтобъ русскіе Славяне не помнили этого! Или, чтобъ самое племя Руссовъ забыло о своихъ выходцахъ, которые основали самую обширную монархію въ Европѣ! Однако же ни тѣ, ни другіе не оставили (?) намъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельств (?). Скандинавскія саги не говорятъ объ этомъ ничего, хотя мы и долго думали, что Рюрикъ съ братьями пришелъ отсюда. Остается намъ, слѣдственно, искать ихъ блужде. Уже многіе думали о берегахъ нынѣшней Пруссіи и балтійскомъ Поморьѣ: тамъ въ названіяхъ урочищъ осталось нѣчто *русское*. Мы видѣли, что эти мѣста въ незапамятныхъ временахъ обитаемы были славянскимъ языкомъ, и что эти Поморяне занимались морскими разбоями. Конечно, тутъ жилъ не одинъ народъ — тогда этого не было: были только племена съ многоразличными названіями. Но все они вѣроятно имѣли *торговельныя сношенія съ при Ильменскими Славянами*, и *хорошо знали другъ друга*. Между этими племенами было одно, которое называлось Русью. Торговля и морское удалство познакомили ихъ съ Новгородцами, — и они рѣшились пригласить ихъ на княженіе, по волѣ народа, который *собственныхъ посадниковъ* не слушается, не боится: усмирять ихъ *силою* не лзя, потому что вооруженная сила должна быть взята *изъ того же буйнаго народа*; слѣдственно, пусть придутъ *иноземные витязи съ своей дружиною!* Они будутъ хранить общественный порядокъ и безопасность, а народъ будетъ по неволѣ повиноваться вооруженной силѣ. И Рюрикъ явился съ братьями и дружиною! — Но все таки должно полагать, что прибывшіе гости и народъ, призвавшій ихъ, могли *понимать другъ друга*: въ тогдашнее время *судь* и *расправа* не могли производиться на *бумагѣ* ни чрезъ *переводчиковъ*. Варяго-Русь *должна* была *знать* *Славянскій языкъ*. А такъ какъ это знаніе языка не могло тогда *пріобрѣтаться* *учеными*; то всего вѣроятнѣе и яснѣе, что *это племя Поморья* было *тоже Славянскій языкъ*. Предположивъ это, все прочее само собою объясняется. Дружина отшельниковъ поселилась въ Новгородѣ — и какъ это то событіе не замѣтилъ. Это частное переселеніе было такъ обыкновенно тогда, что не могло обратитъ на себя особеннаго вниманія; только послѣдствіе сдѣлало событіе важнымъ».

Здравый русскій смыслъ вывелъ автора на прямую дорогу къ истинѣ, — и потому-то его *предположенія*, выведенныя изъ самой *сущности дѣла*, вполне оправдались современною *Наукою*, которая поленила теперь и Несторовы географическія сказанія, ясныя и опредѣлительно-точные, какъ надѣюсь, согласятся мои читатели.

«съ Рюрикомъ, не могли бы клясться чужими богами, богамъ, которымъ не вѣрили: всякій клянется своею клятвою. Какъ послѣ некоторые Варяги-христиане присягаютъ въ церкви по христіанскому закону: такъ и *Олеги* клялся по «своему Русскому закону» (т. III, стр. 304—305). Это совершенная правда; послушаемъ же Нестора, чѣмъ клялися *Олеги* и его дружинники, пришедшіе съ самимъ Рюрикомъ: «по Русскому закону кляшася оружиемъ своимъ, и Перуномъ богомъ своимъ, и Волосомъ скотыимъ богамъ» (Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 13). И такъ теперь намъ извѣстна религія прошедшаго племени: оно чтило главнымъ богомъ Перуна, а покровителемъ скота называло Волоса; следовательно: какъ «Славяне изъ Славянъ», какъ пришельцы съ Варяжскаго поморія, изъ земли Балтійскихъ князей Сербскихъ, говорившіе однимъ языкомъ съ Новгородскими Словенами, Варяжскіе Руссы должны были исповѣдывать одну вѣру съ нашими туземцами. Если же они пришли изъ земли Славянской и принесли съ собою языкъ Славянскій и вѣру Славянскую, то неоспоримо, что они были народомъ Славянскимъ. Извернуться тутъ уже никакъ не лзя. Доведенный до крайности, авторъ «Исследованій, Замѣчаній и Лекцій» рѣшился на отчаянную мѣру — объявилъ Славянскихъ Перуна и Волоса богами Скандинавскими, и сослался въ этомъ случаѣ на «здравый разумъ» (т. III, стр. 304). Это уже верхъ усердія къ падающей Скандинавщинѣ! шагъ смѣлый, отважный, на который рѣшались только два человека во всемъ ученомъ мѣрѣ: Струбе, вымучившій изъ нашего Перуна Скандинавское имя Торъ (Перунъ — Ферунъ — Терунъ — Теръ — Торъ), да г-нъ Сабининъ, заставляющій Славянскаго Волоса волею неволею принять на себя имя Скандинавскаго Одина, посредствомъ такой операціи: Волосъ — Волотъ — Володъ — Вольдъ — Водъ — Одъ — Одинъ!!! О Богослуженіи нашихъ Руссовъ, въ которомъ изыскатель желаетъ найти сходство съ Скандинавскимъ, достаточно прочитавъ любопытныя изслѣдованія И. П. Срезневскаго, для убѣжденія въ обще-Славянскихъ

чертахъ куміро-поклоненія Руссовъ, между тѣмъ какъ у московскаго ученаго сходство это иногда уже черезъ мѣру натянуто, на пр: «присяга у Руссовъ производилась *положеніемъ оружія предъ кумиромъ*, а въ Нормандіи Норманны *поднимали щиты на голову*» (т. III, стр. 319).

Не смѣвши оскандинавить Варяжскую Русь иначе, какъ посредствомъ искаженія всѣхъ очевидныхъ указаній географіи, хронологіи, лингвистики и міеологіи, — М. П. Погодинъ приступаетъ къ послѣднему средству: обзорно нашихъ законовъ и обычаевъ, которымъ также усиливается придать скандинавское происхожденіе.

Для правильнаго рѣшенія о характерѣ законодательства Варяго-Руссовъ, здравая историческая логика построитъ слѣдующій силлогизмъ:

I) Родиною Варяжской Руси, по свидѣтельству Нестора и его продолжателя, была страна на западъ отъ Ляховъ и Прусовъ, именно земля Сербовъ, начинавшаяся за Гданскомъ и Старградомъ, граничившая при устьяхъ Лабы съ землею Англовъ, и на югъ доходившая до Чехо-Моравскихъ Волоховъ, донынѣ обитающихъ между истоками Лабы и Одры.

II) Какъ туземцы Варяжскаго или Сербскаго поморья Варяжскіе Руссы были Сербы, чѣмъ и оправдывается свидѣтельство Араба, называющаго Варяговъ славившимъ изъ Славянскихъ народовъ.

III) Внимательное изученіе русскаго языка открыло въ немъ Западно-Славянскую стихію, и оправдало слова Нестора, что языкъ Руси пришедшей къ намъ изъ страны Западно-Славянской, одинаковъ съ языкомъ Новгородскихъ Словенъ; а это свидѣтельство подтверждается аффиціальными памятниками X вѣка, именно, договорами Омега, Игоря и Святослава, писанными по-Славянски.

IV) Эти Варяжскіе Руссы, поклоняясь Перуну и Волосу, божествамъ Славянскимъ, принадлежали и по вѣроисповѣданію къ одному семейству съ нашею Ильменскою и Днѣпровскою Русью.

Слѣдственно: у варяжскихъ Руссовъ, — которые обитали

на Сербскомъ Поморьѣ, были славнѣйшимъ пзъ Славянскихъ народовъ, говорили по славянски и поклонялись однимъ божествамъ съ прочими Славянами, — законы и обычаи *должествовали* также носить характеръ славянскій, и сходствовать преимущественно съ сербскими.

Это выводъ здравой исторической логики. Оправдывается ли онъ фактами историческими? Совершенно! Взгляните на политическое устройство нашего великаго Новгородца, наиболее подчинившагося влиянію забалтійскихъ пришельцевъ: по свидетельству самого Нестора, «ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжска.» Напрасно нѣмце усиливались приравнить политическій бытъ Новгородцевъ къ устройству республикъ древняго міра; напрасно желали у насъ найти сходство съ вольными городами среднихъ вѣковъ, освобождавшимися изъ подъ ига феодальныхъ бароновъ: ученому автору «Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ», Рейцу, предоставлена была честь указать намъ типъ нашего Новгорода, въ сербскомъ Дубровникѣ *. Такимъ образомъ, на Адриатическомъ поморьѣ, у переселившихся туда Сербовъ открылось политическое устройство вольныхъ городовъ, подобное нашему Новгородскому: одинаковыя историческія начала раскрылись одинаковыми послѣдствіями. Отсюда объясняется и чрезвычайное сходство сербскаго права съ нашимъ, очевидно доказанное западно-славянскимъ нашимъ единоплеменникомъ, чешскимъ или богемскимъ историкомъ, Палацкимъ, въ «Сравненіи законовъ Сербскаго царя Стефана Душана съ древнѣйшими Чешскими и Русскими постановленіями,» равно какъ и внимательнымъ обзоромъ древнихъ Винодольскихъ законовъ, которыми руководствовались на томъ же Сербо-Хорватскомъ поморьѣ, въ Винодомъ, какъ называлась область между городами Сенемъ

* См. превосходное сочиненіе Рейца «Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка, раскрытыя изъ ихъ муниципальныхъ статутовъ.» Оно переведено съ Нѣмецкаго и помѣщено покойнымъ Валуевымъ въ I томѣ «Сборника историческихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ.» (М. 1846) Дубровникъ — славянское названіе Рагузы.

и Рѣкой, известными у насъ болѣе подъ ихъ итальянскими названіями Zengo и Fiume *.

Этого не замѣчали наши историки, желавшіе найти на древнихъ нашихъ уставахъ какой-нибудь отпечатокъ скандинавизма, хотя ученѣйшій и благоразумнѣйшій изъ нашихъ юристовъ, баронъ Розенкамфъ откровенно сознался, что «сходство древнихъ Русскихъ законовъ съ Скандинавскими проистекаетъ изъ *разныхъ причинъ*, требующихъ изслѣдованія особаго, и изъ сего сходства нельзя заключить, что Руссы пришли изъ упландскихъ шведскихъ береговъ изъ Рослагена» (Труды Моск. общества Ист. и Древн. Росс. ч. IV, кн. I, стр. 153, 154). Этому заключенію умнаго юриста не повѣрилъ М. П. Погодинъ. Объявивъ Варяжскую Русь «*какимъ шибудь* угломъ съвера или древней Скандинавіи» (т. II, с. 166), онъ уже тѣмъ самымъ вынуждаемъ былъ объявить наши Русскіе законы *Скандинавскими!!* Онъ такъ и поступилъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (т. II, с. 91; т. III, с. 359, 360, 416). Посмотримъ же, чтó почитаетъ нашъ почтенный изслѣдователь заимствованіемъ у Скандинавовъ.

Во-первыхъ, *кровавая мечь* называется у него закономъ «по преимуществу скандинавскимъ» (т. III, стр. 370). Это несправедливо: кровь за кровь — общій законъ всѣхъ народовъ, неозаренныхъ христіанствомъ; ее находимъ не только у язычниковъ, но и у Евреевъ. У Славянъ — пишетъ авторъ «Россіи» въ историческомъ и проч. отношеніяхъ, О. В. Булгаринъ, — «мечь была священною обязанностью гражданина, и тотъ почитался безчестнымъ, кто не отмстилъ за обиду. Кровь за кровь было у нихъ правило, сильнѣе всѣхъ законовъ. Это сохранилось нынѣ у Черногорцевъ, Далма-

* Сочиненіе Палацкаго, переведенное съ Чешскаго О. М. Бодянскимъ, помѣщено съ первымъ году «Чтеній» Моск. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (№ 2, за сѣд. 23 февр. 1846 года). Винодольскій законъ 1280 года, въ подлинникѣ, но съ словаремъ и грамматическими примѣчаніями, помѣщенъ О. М. Бодянскимъ въ № 4-мъ «Чтеній» (за сѣд. 27 апрѣля 1846). — Почтенный М. П. Погодинъ оказалъ бы важную услугу исторіи, помѣстивъ въ «Москвитинѣ» подлинникъ и переводъ важнѣйшихъ грамотъ изъ «Сербскихъ своенницъ».

товъ, Босняковъ, особенно у Морлаховъ, и только теперь выводится у Сербовъ. Местъ по-словацки называется *освѣта*, и отмстить значить *освѣтитися* или *освятитися*. Даже христіанская религія не могла истребить у Морлаховъ безчеловѣчнаго предразсудка, что кровь убійцы успокоиваетъ душу убитаго или тѣнь убіеннаго. Обязанность брата, друга и сына есть мстить кровью за кровь, за смерть ближняго имъ чловѣка. Жена сохраняетъ окровавленную рубаху мужа, чтобъ воспламенить ею дѣтей, когда они прійдутъ въ возрастъ. У Морлаховъ были примѣры, въ наше время, что мститель сберегалъ голову убитаго имъ врага, какъ драгоценность. Но у Черногорцевъ понынѣ сохранился обычай, что убійца можетъ откупиться деньгами, если хочеть избѣжать мести: въ такомъ случаѣ собираются посредники, избранные обѣими сторонами, и улаживаютъ дѣло; это называется у Черногорцевъ: послать на *виру* (или вѣру). Обычай этотъ перешелъ даже въ древніе письменные славянскіе законы; въ Россіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *виры*. Кромѣ платы денежной, виновный долженъ просить прошенія у родственниковъ убитаго, и тогда враги дѣлуются, и обиженный говорить обидчику: Богъ тебя проститъ! Этотъ судъ у Черногорцевъ называется кровавое коло, то есть кровавое собраніе.»—Отсюда очевидно, какъ несправедливо считать нашу славянскую *виру* искаженіемъ скандинавскаго *wehrgeld*, на что въ особенности ссылается М. П. Погодинъ (т. III, стр. 381), скрывая сходство древнихъ обычаевъ у Славянъ, обычаевъ перешедшихъ потомъ въ законы. — *Судъ присяжныхъ*, вопреки автору разбираемой книги (ib.), есть учрежденіе чисто-славянское, какъ уже доказано трудами Мацѣвскаго, Палацкаго и другихъ ученыхъ юристовъ; слѣдственно, это вопросъ уже рѣшенный: отъ Славянъ это постановленіе перешло къ Нѣмецкимъ народамъ, а не на оборотъ.—Право *убивать вора*, оставаясь за то безнаказаннымъ, доннынѣ еще остается въ древней силѣ у нашихъ сербскихъ единоплеменниковъ на Черной горѣ, какъ можете прочесть на 146 страницѣ любопытнаго «Путешествія въ Черногорію,» совершен-

наго г. Поповымъ. — Законъ о смертной казни, назначаемой за *покражу коня*, не есть право исключительно Саксонское, какъ полагаетъ авторъ «Изслѣдованій, Замѣчаний и Лекцій» (т. III, стр. 382), а постановленіе выходящее изъ быта всякаго воинственнаго народа; вотъ почему оно существовало и у нашихъ казаковъ, не имѣвшихъ никакого сношенія съ Нѣмцами, существуетъ и доннынѣ у Черногорцевъ, какъ видимъ изъ книги г. Попова, стр. 148.— *Пеню за пѣду на чужомъ конѣ* названъ М. П. Погодинъ закономъ «чисто скандинавскимъ» (т. III, стр. 381), черезъ нѣсколько же строкъ сознался, что «Ютландскій законъ новѣе Ярославова» (т. III, стр. 382), именно что «Ютскіе законы, кои сравниваемы были съ Русскою правдою, вышли «223 года спустя послѣ нея» (т. III, стр. 386). Но такъ какъ отсюда выходило бы заключеніе совершенно противное тому, какое хотѣлось Михаилу Петровичу, то онъ и допустилъ существованіе одного какого-то «древнѣйшаго закона скандинавскаго или нѣмецкаго, который (будто бы) былъ основаніемъ и Ярославова и Ютландскаго» (III, 382); далье, впрочемъ, онъ выразился скромнѣе, утверждая, что эти *предположаемые* имъ Скандинавскіе законы «не смотря на *позднюю редакцію*, относятся къ *глубокой древности* и *могли быть слѣдовательно источникомъ Русской правды*» (386). Но опирая на свой личный авторитетъ догадки и предположенія, ученый утворъ все же никакъ не сможетъ дать имъ силу доказательствъ: «нужно», сказалъ самъ же онъ (т. I, 286)— «изслѣдовать, а не рѣшать опрометью,»—*по догадкамъ*, выдаваемымъ за *доказательства*, прибавить всякій благоразумный читатель.

Выслушаемъ еще доводъ М. П. Погодина: «числа 3, 6, «12, 40 въ пеняхъ общи Руссамъ съ сѣверными народами, «такъ что по сему сходству марку и гривну можно почитать «однозначительными» (т. III, с. 382). Но что же отсюда слѣдуетъ относительно происхожденія Руссовъ изъ *накого тибудь* угла древней *Скандинавіи* Какъ доказать, что эти постановленія, исторически младшія у Скандинавскихъ народовъ, чѣмъ на Руси, не были заимствованы ими у насъ

или у другихъ славянскихъ же сосѣдей, именно у балтійскихъ Сербовъ, съ которыми Ютландцы граничили по Ангельму, «Англианской землѣ», какъ говоритъ Несторъ? Законодательство развивается не у разбойниковъ, а у народа привыкшаго къ охладной жизни, къ трудолюбію, промышленности, торговлѣ: такую землю на цѣломъ сѣверѣ, по изслѣдованіямъ Кладена *, была земля балтійскихъ Вендовъ, или Вановъ, какъ называли Нѣмцы и Скандинавы славянскихъ обитателей варяжскаго Поморія, прародину Сербовъ. Вотъ почему Скандинавы, по свидѣтельству собственныхъ сагъ, многое заимствовали у балтійскихъ Вановъ; вотъ почему и наши предки обратились сюда же на *варяжское Поморье*, въ землю *князей сербскихъ*, когда явилась потребность въ князѣ, могущемъ водворить *порядокъ* въ сѣверной Руси нашей, великой и обильной, но взматенной усобицами, по ясному сказанію Несторову.

Последніе доводы, представленные М. П. Погодинымъ въ доказательство Скандинавскаго происхожденія Руси, заключаются въ указаніи на *испытаніе желѣзомъ*, которое будто «перешло къ намъ изъ Скандинавіи» (III, стр. 383), тогда какъ этотъ обычай существовалъ на всемъ западѣ и югѣ Европы; на *судебныя подлики* (III, 383), которые вѣчно были и будутъ въ употребленіи у восточныхъ племенъ, еще младенчествующихъ, относительно развитія гражданскихъ понятій; и на существованіе *рабства и кабалы* (III, 384), которое также является у многихъ народовъ, если не у всѣхъ. — М. П. Погодинъ самъ замѣтилъ, что уже перешелъ границу вѣроятія; въ надеждѣ скрыть отъ читателей антилогичность построенныхъ имъ умозаключеній объ этихъ всѣхъ постановленіяхъ, онъ объявлялъ: «если онъ *общія*, «то нельзя отнять ихъ и у *Норманновъ*; онъ являются со мною «жествомъ (?) другихъ обычаевъ или именъ чисто-норманскихъ (?). слѣд. должны быть *принесены* Норманами же,

* Превосходныя «Розысканія Кладена о Славянахъ въ Браниборской (Бранденбургской) области» помѣщены въ I томѣ Валуевскаго «Сборника Ист. и Статист. свѣдѣній» стр. 223—246.

«которые вступили у туземцевъ *случайное сходство* съ собою «въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами, при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою» (III, с. 417). Слѣд. въ основаніе критики все-таки полагается *созвучіе* именъ будто-бы чисто-норманскихъ (скандинавскихъ), тогда какъ и это шаткое основаніе оказалось невѣрнымъ *; а въ подтвержденіе созвучій подбираются обычай и постановленія, будто-бы «чисто-скандинавскія» хотя въ другомъ мѣстѣ эти мнимо-скандинавскіе законы и обычай выдаются уже за *общіе* и славянскимъ народамъ: такъ зачѣмъ же называть ихъ заимствованными отъ пришельцевъ, когда они свойственны и туземцамъ?

Высказавъ задушевную мысль, что все даже обще-человѣческое принесено къ намъ Скандинавами, авторъ переходитъ къ обзорѣннн этихъ мнимыхъ «чисто-норманскихъ» обычаевъ, доказывающихъ будто-бы скандинавское происхожденіе Руси.

Какіе же это обычай? «Мужъ давалъ за жену выкупъ, вѣно» (III, с. 418), «женихъ долженъ былъ прежде всего обращаться къ отцу невесты и предлагать ему свою просьбу чрезъ сватовъ» (419), «красота уважалась» (ib), «многоженство допускалось, по-крайней-мѣрѣ между князьями» (420), «было различіе между женами и наложницами» (ib.), «дѣти отдавались на воспитаніе» (421) и пр. Да на основаніи этого, право, и кавказскихъ Адыговъ или Черкесовъ можно записать въ чистые Скандинавы!!!—Послушаемъ еще кое-что далье: «мясо варилося въ котлахъ и пеклось на угляхъ; кисель варился; были повара» (с. 440)!! Тутъ же, по случаю конскаго мяса, авторъ смѣется, что оно «столько *соблазна*» «являло Каченовскаго и его слушателей, *видѣвшихъ* здѣсь во-«сточное обыкновеніе» (с. 439); да чтожь прикажете дѣлать, когда не одни Скандинавы покушивали конское мясо? когда Арабы и весь вообще Магометане ѣли и вѣдятъ конину? Покойные М. Т. Каченовскій и С. М. Строевъ никогда впрочемъ не основывали своихъ соображеній на

* См. выше стр. 41, 42 и примѣчаніе (тамъ же).

конскомъ мясъ; у Строева оно пришлось только къ слову, въ «Критическомъ взглядѣ на статью «Скандинавскія саги» и — что ни говорите — Строевъ былъ правъ, спрашивая у О. И. Сенковского: «гдѣ же слѣдъ этихъ нравовъ и обычаевъ скандинавскихъ? не въ томъ ли, что Святославъ употреблялъ въ пищу лошадиное мясо?» М. П. Погодинъ въ I томѣ смѣло теперь говорить. «и въ томъ» (с. 315); указанные же Строевымъ у Индусовъ, Евреевъ, Грековъ и Франковъ тѣ сходства въ нравахъ и обычаяхъ, которыя выдавались въ 1834 году за доказательство скандинавскаго происхожденія Руссовъ, назвалъ слишкомъ уже не-литературно (т. I, с. 316). Не смотря, однако жъ, на такой жестокой приговоръ, всѣ благоразумные изслѣдователи Исторіи соглашались, что предъявленное двумя господами скандинавистами сходство нравовъ и обычаевъ ни мало не можетъ служить доказательствомъ скандинавскаго происхожденія Руссовъ. Точно также никого не убѣдить и новое мнѣніе, впервые высказанное въ исторической литературѣ, будто бы «медь напитокъ норманскій, равно и квась» (III, 441); будто-бы какія-то, никому въ мирѣ неизвѣстныя, «саги были однимъ изъ важныхъ источниковъ Нестора» (I, 447). Этихъ сагъ никто не читалъ, никто не видалъ, но Михаилъ Петровичъ увѣряетъ положительно, что «наши саги имѣли одинъ и тотъ же источникъ съ исландскими» (ib.), и что «переводъ изъ сагъ въ летопись мечется въ глаза» (I, 446). По его мнѣнію, веселые пиры нашихъ князей обличаютъ въ нихъ «норманскихъ конунговъ» (443), (III, равно какъ «звѣрная ловля» (452), «рыбная ловля» (453) и даже наша сѣверная «баня» (ib.).... Да, за все это еще никто, даже изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ сагоманіи, не производилъ нашихъ варяжскихъ Руссовъ — этихъ «Славянъ изъ Славянъ», по выраженію Араба — въ Скандинавы.... «Авторъ Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о русской Исторіи», единственный человекъ, который рѣшился привести подобное доказательство!

Увлекаемый, по собственному признанію, желаніемъ дать побольше мѣста норманскому элементу (т. III, с. 296), М.

П. Погодинъ придумалъ еще два «сильнѣйшихъ доказательствъ» тому, будто бы наши Руссы были сперва обитателями «какого нибудь угла древней Скандинавіи» (т. II, 90, 91, 166). Эти доказательства слѣдующія. *Нравственныя качества некоторыхъ лицъ*, напр. «страсть къ войнѣ» (т. III, с. 454 и слѣд.), «славолюбіе» (457), «корыстолюбіе» (458), «жестокость» (459), «гордость» (464), «мстительность» (468), «хитрость» (469), «сластолюбіе» (471), «пьянство» (472), — какъ будто бы эти пороки не общее достоинство падшаго человечества, доколѣ оно не воспрянетъ къ духовному возрожденію.... Какъ же этими пороками некоторыхъ лицъ доказывается, что Руссы были выходцами изъ *какого нибудь угла древней Скандинавіи*?... Припомните, чѣмъ былъ Владиміръ до крещенія, и чѣмъ сталъ послѣ возрожденія духомъ христіанства; неужели же прикажете допустить, что это не одинъ и тотъ же человекъ, падшій язычникъ и возставшій христіанинъ, но два разныхъ человека, а именно: до 988 года княжилъ въ Кіевѣ славолюбивый, воинственный, жестокой, гордый, хитрый; винолюбивый и сластолюбивый *Скандинавъ* Владиміръ; а послѣ 987 года сѣлъ на кіевскомъ престолѣ *другой*, какой-то *неизвѣстнаго происхожденія* князь Владиміръ!

Въ заключеніе рассмотримъ тѣ, что называютъ *внутреннимъ*, твердымъ доказательствомъ *скандинавскаго* происхожденія Варяговъ-Руси (NB наперекоръ Нестору, его продолжателю и Арабамъ, упоминающимъ о Варягахъ-*Славянахъ*). Во II томѣ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», на страницѣ 90 и 91, читаемъ: «къ числу *сильнѣйшихъ* доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ *дѣйствія*. Походы первыхъ «князей по *рѣкамъ* и *морямъ*, взиманіе *даш*, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствія въ войнѣ и «мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ занятія, добрыя и худыя «качества, однимъ словомъ *вся ихъ жизнь*, весь ихъ бытъ «обличаютъ въ нихъ *Норманновъ*. Наши летописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норман-

«новъ. Прежніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними «такъ сказать доказательствами, то есть свидѣтельствами, не «обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это *внутреннее доказательство* «должно причислить къ *самымъ значительнымъ и твердымъ*».

Въ подтвержденіе этой мысли приведены въ III томѣ (стр. 201—207) нѣсколько описаній морскихъ набѣговъ, изъ Нестора и Византійцевъ, сравнительно съ извѣстіями Арабовъ и западныхъ лѣтописцевъ, «дабы видѣть еще яснѣе, «что это рѣшительно одни и тѣже люди, съ одинакими пріемами» (III, 201). Походъ Аскольда и Дира на Константинополь названъ у автора «дѣломъ достойнымъ норманской отваги» (III, 187).

Противу гипотезы Эверса, выдававшего Русь за племя турецкое, М. П. Погодинъ не могъ придумать ничего лучше; но, какъ доказательство происхожденія варяжской Руси изъ *какого нибудь угла древней Скандинавіи*, такое сравненіе — помимо географіи собственно варяжской земли — вовсе ничего не доказываетъ въ пользу Скандинавоманіи. Въ имя Nordmanni (сверяне) нельзя включать только скандинавское племя, то есть Шведовъ, Норвежцевъ и Датчанъ, какъ то дѣлаетъ М. П. Погодинъ, забывая собственное признаніе, что «въ дружинахъ норманскихъ *всегда* было очень много *Славянъ*» (III, 28—29), что «флотъ норманскій, приплывавшій во Фризію, состоялъ изъ Датчанъ, Норвежцевъ и *Ободритовъ*» (29), что въ экспедиціи противъ «Англіи 857 года было много *Вендовъ*». (ib.) Односторонность взгляда на имя Nordmanni какъ на исключительное будто бы названіе Скандинавскихъ народовъ произтекла отъ превратныхъ понятій Гердера и Шафарика объ идилическомъ, будто бы, характерѣ Славянъ, понятій безусловно принятыхъ за непреложную истину М. П. Погодинымъ. Онъ не вспомнилъ, что сказка о Балтійскихъ Славянахъ, которые будто бы вовсе не знаютъ оружія и всю жизнь проводятъ только въ музыкальныхъ упражненіяхъ, раскрыта съ настоящей точки зрѣнія авторомъ «Россіи», какъ ловкій обманъ, употребленный Славянскими лазутчиками,

высланными съ Поморья поразвѣдать объ истинномъ ходѣ войны между Бояномъ и Византіяцами, желавшими повсюду возставлять враговъ противу своего грознаго соперника *. Не вспомнивъ прекрасныхъ разсужденій Ф. В. Булгарина объ этомъ предметѣ, М. П. Погодинъ вообразилъ Славянъ совершенными пастушками идилической Аркадіи, и потому всякій удалой подвигъ считалъ противорѣчивымъ *тихому* характеру Славянскихъ народовъ. Вслѣдствіе такого образа мыслей, всѣ подвиги удалства отняты изыскателемъ у Славянъ и отданы Скандинавскому племени, одному облеченному именемъ Норманновъ, вопреки самому Лиутпранду, который именно переводитъ имя Nordmanni словами *aquilonares homines* (сверные люди) и поясняетъ, что такъ называли Русь именно *a positione loci, по мѣстополюженію*. О Фульдскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ обитатели Славяно-Сербскаго Поморья названы Нѣмецкимъ именемъ Сверянь или Норманновъ, М. П. Погодинъ и не упоминаетъ; а въ нихъ онъ могъ бы прочесть прелюбопытное извѣстіе о томъ, какъ 889 года къ императору Арнульфу приходили *legati Nordmannorum, scilicet ab aquilone Slavorum*. Послѣ того онъ не миновалъ бы и Юлія Цезаря, у котораго находимъ положительныя извѣстія о морской силѣ и военномъ искусствѣ Поморскихъ Славянъ или Венетовъ: свидѣтельство этого величайшаго полководца древности, который самъ лично сражался съ ними за обладаніе страной Белговъ и наконецъ побѣдилъ опасныхъ своихъ соперниковъ, никакъ бы не могло и не должно быть обойдено молчаніемъ **. Не вѣрить этому свидѣтельству нѣтъ ни малѣй-

* Обзоръ различныхъ мнѣній, Гердера, Карамзина, Полеваго и Булгарина, о характерѣ Славянъ, представленъ въ моемъ «Славянскомъ Сборникѣ», на стр. 96—97, прим. 40.

** Свидѣтельство Юлія Цезаря о *Венетахъ*, которыхъ онъ также называетъ и *Андами* и *Поморянами*, указано было мною еще въ 1844 году (въ «Маякѣ») въ пятой главѣ моего «Свода новѣйшихъ розысканій о старобытности Славянъ въ восточной или великой Германіи»; Сводъ этотъ вошелъ и въ «Слав. Сборникъ» (стр. 64—108), гдѣ, на страницѣ 94-ой помѣщены полныя слова Юлія Цезаря, повѣренныя Гельмольдомъ и другими писателями среднихъ вѣковъ.

наго основанія, ибо Цезарь писалъ не по слухамъ, а то, чему самъ былъ очевидный свидѣтель. А что находимъ въ запискахъ его о войнѣ Галльской (Commentar. de bello Gallico, lib. III, cap. 8)? Что Венеды или Поморскіе Славяне были отличнѣйшими мореходами, имѣли множество кораблей, превосходили прочихъ народовъ въ искусствѣ мореплаванія, распространили власть свою далеко по берегамъ морей и посѣщали даже Британнію,—гдѣ въ самомъ дѣлѣ сохранилась память объ этомъ владычествѣ нашихъ единоплеменниковъ, въ названіяхъ многихъ мѣстъ именемъ *Венедовъ* * и даже именно *Rossii* **. Изъ торнанда, Фредегарія и другихъ писателей первой половины среднихъ вѣковъ мы знаемъ достоверно, что имена *Venedi*, *Veneti*, *Antes*, *Slavi* означаютъ одинъ и тотъ же народъ: германскихъ Славянъ. *Ab una stirpe exorti tria nomina reddidere, id est Veneti, Antes, Slavi*, писалъ Торнадъ; изъ Бонифація же и грамматъ знаемъ, что именемъ *Венедовъ* преимущественно называли иноземцы тѣхъ Славянъ, которыхъ обиталища начинались отъ рѣки Салы и простирались по всему Балтійскому Поморью, то-есть Сербовъ. И вотъ, вмѣстѣ съ именемъ *Венедовъ*, то-есть Славянъ Балтійскихъ, является имя *Руси*, *Роси*, *Rossii*. Свидѣтельство Юлія Цезаря, повѣренное мѣстностью, представило въ полномъ свѣтѣ истины и Арабскія сказанія о Варенгахъ-Славянахъ, славнѣйшихъ между всеми Славянскими народами, и Нестора съ его продолжателемъ, что Варяжская Русь дѣйствительно находилась на Варяжскомъ Поморьѣ, прародинѣ Славяно-Сербовъ (а не въ «какомъ нибудь углу

* Напримѣръ: три Венты, Виндобела, Виндолана, Виндомисъ, Виндавія и прочія, упоминаемыя въ Дорожничѣ Антонина, у Птолемея и Равенскаго географа.

** Имя *Rossii*, *Руси* и *Moravii*, въ древней Британніи, привело въ изумленіе г-на Сабинна (Ж. Миш. Нар. Пров. 1834, т. XVI, стр. 76); свидѣтельство Цезаря дало ключъ къ разрѣшенію исторической загадки, отчего во многихъ приморскихъ областяхъ древней Римской Имперіи является имя *Russ* и *Ross*: открылось, что тутъ уже не случайное сходство созвучій, какъ многимъ казалось, а память древняго владычества Поморянъ-Венетовъ, которые также назывались Вандалами, о чемъ см. въ «Слав. Сборникѣ» стр. 97 и 98.

древней *Скандинавіи*», какъ утверждалъ М. П. Погодинъ), и наконецъ, что языкъ у этой Руси одинъ съ Новгородскими Словенами, ибо тотъ и другой составляютъ отрасли одного корня.

Припомнимъ же теперь собственное признаніе М. П. Погодина, что въ средніе вѣка, въ Норманскихъ походахъ на Фризію или сѣверо-западную Германію и Британію *всегда* бывали вмѣстѣ съ Норвежцами и Датчанами ихъ восточные сосѣди, *Славяне*, именно Сербскіе Поморяне,—и рассказъ Нестора, Арабовъ, Западныхъ писателей сравнимъ съ описаніемъ набѣговъ нашихъ Днѣпровскихъ и Донскихъ казаковъ: насъ поразитъ одинаковый характеръ этихъ походовъ, которые въ XVII вѣкѣ предпринимались по Черному морю нашими Славянскими удальцами, не смотря на силу и могущество Султановъ, еще наводившихъ тогда ужасъ на всю Европу.

Вотъ рассказъ Тьерри (I, 162) о походахъ такъ называемыхъ Норманновъ, то есть Норвежцевъ и Датчанъ, съ которыми *всегда* находились Славяне (какъ сознался М. П. Погодинъ): «ихъ флоты, состоявшіе изъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, устьями рѣкъ часто поднимались вверхъ, выбрасывая мѣстами на берегъ толпы неустрашимыхъ грабителей. Если мостъ или какое другое препятствіе останавливало ихъ плаваніе, они вытаскивали свои суда на сушу, носили и возили ихъ, пока препятствіе было устранено. Изъ большихъ рѣкъ они wpłyвали въ меньшія, потомъ переходили изъ рѣки въ рѣку, овладѣвали большими островами, укрѣпляли ихъ и учреждали тутъ свои зимнія становища, гдѣ подъ плетеными шалашами складывали добычу и пльниковъ».

Вотъ рассказъ Араба Массуди (въ переводѣ В. В. Григорьева), о томъ, какъ Руссы, съ позволенія Казарскаго Кагана, по Доу достигли рѣки Казарской или Волги; какъ они перетаскивали суда свои, и потомъ Волгою спустились въ Казарское (Каспійское) море, «разсыпались въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами... Руссы вездѣ проливали кровь, вводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства,

производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.... Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ.... Наконецъ жители сихъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи и купеческія суда, отправились къ островамъ (становищамъ Руссовъ); но Руссы ударили на нихъ и нѣсколько тысячъ Мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семь морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать».

Вотъ разсказъ Нестора (I, 12) о походѣ Олега съ 2000 судовъ подъ Царь-градъ: «и приде къ Царю-граду, и Греци замкоша судъ (гавань), а городъ затворнша. И выльзе Олегъ на берегъ, и повелъ воемъ изъволочити корабли на берегъ, и повоева около города, и много убійство створи Грекомъ, и поматы многы разбиша, а церкви пожьгоша; а ихъ же имяху помоняники, овѣхъ посѣкаху, другія же мучаху, ныя же разстрѣлаху, а другія въ море вметаша, и ина многа зла творяху Русь Грекомъ, елико же ратнии творятъ».—О походѣ Игоря Несторъ разсказываетъ (I, с. 18, 19): «иже поидоша и приидуша, и почаша воевати Вифанскія страны, и воеваху по Понту до Фраклія и до Флагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплѣнивше, и судъ весь пожьгоша. Ихъ же емше, овѣхъ растнаху, другія аки страны поставляюще и стрѣлаху въ ня, изимахуть, опаки рудъ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть ихъ; много же святыхъ церквей огневи предаша, манастиръ и села пожьгоша, и имѣнья не мало обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ востока.... обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въружившеса на Греки, и брани межю ими бывши злы, одва одольша Грци; Русь же възратншася къ дружинѣ своей къ вечеру, на ночь влзшоша въ лодью и отбьгоша».

А вотъ два отрывка изъ оттоманскихъ государственныхъ летописей Наимы-Эфендія (въ переводѣ П. С. Савельева) о нападеніи нашихъ казаковъ, Дибровскихъ и Донскихъ, на тѣ же самые берега Понта Эвксинскаго и Босфора. «*Напа-*

деніе казаковъ на Синопъ. Въ мѣсяцъ реджѣбъ (августъ 1614 года), казацкія чайки вышли въ Черное море, разграбили сперва, по обыкновенію, деревни лежащія на берегахъ Дуная и при морѣ. Взлвъ проводниками себѣ рабовъ-отступниковъ, они пристали къ Анатолійскому берегу Чернаго моря, внезапно напали на крѣпость Синопъ, прозываемую Городомъ Любовниковъ, Мединетъ-эль-уштакъ, и овладѣли ею. Вступивъ въ эту древнюю крѣпость, они умертвили въ ней всѣхъ правовѣрныхъ, ограбили ихъ дома, увели женъ и дочерей, и зажегши со всѣхъ концовъ, обратили этотъ прекрасный городъ въ пустыню. Пока не вооружились противъ нихъ, они успѣли увести въ полонъ жецъ и дочерей и разсѣялись по морю. Въ этихъ обстоятельствахъ, Шекшеки-Ибрагимъ паша узналъ о ихъ набѣгѣ, и на 60 мелкихъ судахъ отправился для защиты береговъ черноморскихъ. Вошедъ въ рѣку, черезъ которую должны были переправляться эти собаки, онъ остался сторожить ихъ; но проклятые, провѣдавъ объ этомъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря сошли, поставили суда свои на санки и вздумали встѣпнуть ихъ по сушѣ до вершины рѣки. Но шайка Татаръ напала на нихъ; завязалось сраженіе; имѣнія и семейства, похищенные изъ Синопа, были оставлены на мѣстѣ: изъ казаковъ же кто достался въ плѣнь, а кто погибъ въ битвѣ. Ибрагимъ-паша перемѣнилъ маршрутъ и наблюдая, гдѣ выйдутъ остатки разбойниковъ. Онъ пошелъ противъ тѣхъ, которые избѣгли меча, и изъ нихъ также кто попалъ въ плѣнь, а кто былъ убитъ. Въ первыхъ дняхъ рамазана (въ октябрь 1614) Ибрагимовы воины привели къ Порогу 20 человекъ калфировъ казаковъ скванными». — *Нападеніе казаковъ на Еникюй.*» Пока крымскій ханъ занимался въ Кафѣ приготовленіемъ флота, Донскіе казаки, находя море свободнымъ, вышли на 150 чайкахъ, 4-го шаввѣля (4 іюля 1624 года), подходили къ Босфору и напали на Еникюй, гдѣ сожгли нѣсколько лавокъ и нанесли большой вредъ. Узнавъ объ этомъ, начальникъ бостанджей и сеймѣновъ (отряда янычаръ), сѣвъ на корабли, отправился противъ нихъ; но проклятники-ко-

заки, пробывъ немного, пустились обратно въ море. Нападеніе ихъ на Босфоръ учинено было съ такимъ ожесточеніемъ, которому подобнаго не слышано было въ исторіи!» *

* Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи, П. С. Савельева (1846), стр. СXLVІІІ, прим. 274. — Ученый авторъ этой любопытной книги, удостоенной половиной Демидовской премии, обогатилъ свое сочиненіе множествомъ замѣчательныхъ сближеній, заслуживающихъ полнаго вниманія изыскателей Исторіи. Приговоръ Шлещера мнимой дико-сти и необразованности Славян П. С. Савельевъ очень основательно называетъ «*рѣзкимъ и неосновательнымъ*» (стр. ССХХІХ), въ заключеніе прибавивъ: «системы Шлещера рушатся сами собою; по его брамински-фанатическіе приговоры, къ сожалѣнію, долгое время *останавливали успѣхи нашей юной историографіи*, не выходящей изъ подъ фелузы своего Нѣмецкаго «учителя» (стр. ССХХХІІ). — Эти слова автора Мухаммеданской Нумизматики сами собою показываютъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ славянистовъ о духѣ и Нѣмецкомъ направленіи Шлещера, ученіе котораго впервые было подробно разобрано въ «Славянскотъ Сборникѣ» (стр. LII—LXIV и LXXXIII—CVI). Черезъ два года послѣ того, въ «Московскомъ литературномъ и ученомъ Сборникѣ» (1847) появилось замѣчательное разсужденіе о Шлещерѣ: ученый авторъ, А. Поповъ, пришелъ совершенно къ одинаковымъ со мною заключеніямъ, какъ показалъ А. Н. Анненскій въ «Финскомъ Вѣстникѣ», (1847, № 5, гл. V, 27—29). Такимъ образомъ, не смотря на бездоказательные крики людей, увлеченныхъ Нѣмецкимъ направленіемъ, истина съ каждымъ годомъ распространяетъ свое владычество. По этому, не лзя не жалѣть, что не смотря на славянское направленіе въ изслѣдованіяхъ П. С. Савельева, онъ рѣшился — по нѣкоторымъ уваженіямъ — уступить скандинаво-манамъ и принять гипотезу гна Куника, хотя она противорѣчитъ всѣмъ условіямъ Исторической Логикѣ и соображеніямъ здоровой Филологіи, какъ уже было доказано въ 1845 году въ «Славянскомъ Сборникѣ», на стр. XLII—XLVII, прим. 54). Соглашаться съ мнѣніемъ, будто бы Варяжская Русь была именно *Свейскій rodslagen*, значитъ противорѣчить Нестору, который прямо сказалъ, что Русь совсѣмъ *другой* народъ нежели Свен и прочіе Скандинавскіе народы (с. 8), опредѣлительно указавъ географическое положеніе этой земли на славянскомъ Поморьѣ, тождественномъ съ землею Балтійскихъ Сербовъ, какъ засвидѣтельствовали Арабы и продолжатель Нестора, объяснившій, что Варяжское Поморье начиналось за Гданскомъ и Старградомъ. Въ защиту принятой гипотезы, разумѣется, не возможно было прибавить ни одного доказательства, уже не опровергнутого; только по нѣкоторое оправданіе Свейскому корабельному стану (*rodslagen* у) указывается большое количество восточныхъ монетъ, найденныхъ тамъ и на берегахъ Мелара, чѣмъ будто бы «подтверждается тождество древнихъ обитателей Рослагена съ призванными Финно-Славянскимъ союзомъ Руссами или Русью» (стр. СLXXIV*). Слабость такого довода тогда была обнаружена другимъ нашимъ ориенталистомъ, В. В. Григорьевымъ, обнаружившимъ свою ученость и проницательность превосходными изслѣдованіями о ханскихъ ярыкахъ и о буфическихъ монетахъ находимыхъ въ Россіи. Вызывая меня «поднять

Прочитавъ этотъ разсказъ турецкаго исторіографа о нашествіи нашихъ Днѣпровцевъ и Донцевъ на берега Чернаго моря, кто не увидитъ въ этихъ Славянскихъ удалцахъ — козакахъ того же характера народной смѣлости и отваги, которыми въ X вѣкѣ отличались Варяжскіе Руссы? тѣ самыя «Варенги-Славяне», которые даже на востокъ слыли знаменитѣйшими изъ Славянскихъ народовъ; тѣ самыя Венеды, туземцы Сербскаго Поморья, которые даже въ эпоху Цезаря превосходили всѣхъ прочихъ въ искусствѣ мореплаванія (*scientia atque usu nauticarum rerum ceteros antecedit*), и далеко распространили свою власть по береговымъ странамъ запада (*hujus civitatis longe amplissima auctoritas omnis orae maritimae regionum eorum*); тѣ самыя «валечные Русы, предки наши» которые говорили однимъ языкомъ съ Новгородскими Словенями, поклонялись однимъ Славянскимъ божествамъ, имѣли одинаковое политическое устройство, а цвѣтущимъ состояніемъ своихъ Славянскихъ общинъ, обогащенныхъ земледѣліемъ и торговлею, и послужившихъ зародышемъ славной Ганзы *, могли дѣйствительно возродить желаніе въ Новгородцахъ призвать къ себѣ оттуда князей единовѣрцевъ единоплеменниковъ, да водворятъ *народъ* въ нашей землѣ, великой и обильной, но гражданскими усо-бицами лишенной порядка въ ту эпоху.

перчатку, брошенную защитникамъ славянскаго происхожденія Руси,» — В. В. Григорьевъ замѣтилъ однакожъ съ своей стороны П. С. Савельеву, что «топографія кладовъ съ восточными монетами, представляя наличныя доказательства связи уландскаго берега съ Россіею, *ничуть не служитъ* черезъ это *потвержденіемъ* гипотезы о тождествѣ Рослагенскихъ родовъ съ Русью, призванною Финно-Славянскимъ союзомъ: *точно такія же* наличныя доказательства представляетъ топографія кладовъ и связи съ Россіею съ Славянскимъ Поморьемъ Балтики, отъ устья Нѣмана и «Вислы до береговъ Эльбы, то есть именно съ тѣми мѣстами, откуда выводятъ Русь, призванную Финно-Славянскимъ союзомъ, враги скандинаво-маніи, начиная съ Ломоносова». (Фин. Вѣсти. 1847. № 4, гл. V, стр. 37). — Подробный разборъ мнѣній М. П. Ногодина послужить съ моей стороны отвѣтомъ и П. С. Савельеву, для разсѣянія его послѣднихъ сомнѣній относительно мнимой *доказательности* гипотезъ, придуманныхъ въ оправданіе скандинаво-маніи.

* Славян. Сборникъ, стр. 93. — Мысль эта была подробно развита ученымъ авторомъ Мухам. Нумизматики, стр. ССХХХІІІ—СС.

Разсмотрѣвъ доказательства, представленныя М. П. Погодинымъ въ защиту мнимаго Скандинавизма Руси, я долженъ отдать полную справедливость его діалектическому искусству и повторить то, что сказалъ онъ о покойномъ С. М. Строевъ: «справое дѣло не лъзя почти было запутывать ловчѣе, фехтовать на словахъ искуснѣе.» * Действительно, Скандинавоманія не пріобрѣтала ни въ комъ такого ревностнаго и ученаго приверженца, какъ въ М. М. Погодинѣ, умѣвшемъ искусно *скрыть* все, что могло бы потрясти защищаемыя имъ гипотезы, *дать превратный смыслъ* яснымъ свидетельствамъ своихъ и чужихъ писателей, и сдѣлать все это съ такою ловкостію, что читатель, и наконецъ самъ авторъ, остаются *какъ бы* убѣжденными въ справедливости Байерова ученія. «Мы»—пишетъ М. П. Погодинъ (т. II, стр. 317, 318)—«изложили все (?) мнѣнія о происхожденіи Варяговъ Руси; разобрали все доказательства (!), «отъ перваго до послѣдняго. Все онъ не только уступаютъ «количествомъ и качествомъ (!) первому, то есть мнѣнію о «Норманскомъ происхожденіи, но и представляются совершенно ничтожными (!) въ сравненіи съ нимъ, заключающимъ, какъ *мишъ кажется*, истину неоспоримую (!). Знаменитый Байеръ положилъ основаніе этому мнѣнію... Мишъ довелось привести его въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно изъ Русскихъ лѣтописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія и разобрать, посредствомъ его положеній, все прочія мнѣнія.»—Вотъ куда софистическая діалектика завлекла почтеннаго автора «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской исторіи!» Ему самому *показалось*, будто бы онъ изложилъ все противныя мнѣнія со всеми ихъ доказательствами, тогда какъ многія сочиненія противниковъ Скандинавоманіи остались даже обойденными, нечитанными (Изслѣдованія Святнаго, Славянскій Сборникъ, Россія въ ист.

* Разборъ Строевскаго «Описанія памятниковъ Славяно-русской Литературѣ, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи», помѣщенный М. П. Погодинымъ въ «Москвитинѣ» 1841 года.

отнош.), или изложены превратно, какъ напримѣръ Историко-критическія изслѣдованія Э. Л. Морошкина. Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Руси *показалось* заключающимъ будто бы истину неоспоримую,—тогда какъ для этого потребовалось исказить географическія показанія Нестора, оставить безъ вниманія важное поясненіе его продолжателя и принять въ текстъ перетолкованіе яснаго этнографическаго указанія Арабовъ. *Показалось*, будто бы мнѣнія славянстовъ уступаютъ количествомъ и качествомъ гипотезъ скандинавомановъ,—тогда какъ авторъ привелъ только лишь тѣ мнѣнія, съ которыми счелъ возможнымъ сладить, сославшись на Шафарикова «Славянскую Народопись» въ томъ, въ чемъ она положительно свидетельствуетъ совсѣмъ противоположное. *Показалось*, будто собраны новыя доказательства изъ Русскихъ лѣтописей,—тогда какъ новыхъ доказательствъ Скандинавоманія не только не могла пріобрѣсть, но и совершенно была потрясена изданіемъ II тома «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», гдѣ напечатано положительное свидетельство, что Варяжское Поморье есть земля Сербскихъ князей и начинается за Гданскомъ и Старрадомъ. *Показалось*, будто бы удалось укрѣпить Скандинавоманію въ мѣстахъ слабыхъ и согласить противорѣчіе,—тогда какъ на 165 страницъ втораго тома «Изслѣдованій» читаемъ признаніе, что «соединить все мѣста (откуда ведутъ Русь господа скандинависты) «очень мудрено, а порознь онѣ мѣшаютъ «другъ другу, показывая для недовѣрчиваго изыскателя «случайность созвучій»; а далѣе на 217 страницъ, что мѣста указываемыя Скандинавоманами «хотя имѣютъ за себя «множество доказательствъ (??), а все таки недостаточны по «законамъ строгой критики». *Показалось*, будто бы удалось опровернуть возраженія,—тогда какъ значительнѣйшія и нетронуты. *Показалось*, будто удалось разобрать все прочія мнѣнія «необузданныхъ Славянъ»,—тогда какъ здравый смыслъ человѣческой убѣждаетъ въ противномъ, ибо нѣтъ возможности разбирать то, что остается неизвѣстнымъ, какъ нечитанное... Слѣдствіемъ всей этой діалектики былъ судъ М. П. Погодина надъ противниками Скандинавоманіи,

безпримѣрный по своему характеру.... Конечнымъ же выводомъ 25-лѣтнихъ изысканій признаніе: «кто были именно Варяги—Русь, и гдѣ они» жили — не рѣшено до сихъ поръ съ достовѣрностію» (II, 166), а черезъ нѣсколько строкъ провозглашеніе за истину неоспоримую, будто бы «они обитали въ какомъ нибудь углу сѣвера или древней Скандинавіи», и направленіе всѣхъ доказательствъ къ оправданію любимой гипотезы.

Но вѣдь не лѣзя же, наперекоръ исторической правдѣ, уничтожить свидетельства Нестора, и его продолжителя, что Варяги Русь со всѣмъ другой народъ, нежели Свевы и прочія племена скандинавскія, и то родина нашихъ Варяговъ совпадаетъ именно съ Балтійскою Сербію; ни свидетельства Арабскаго, что эти Варенги—Славяне жили на востокъ отъ Данемарка (то есть на Сербскомъ Поморьѣ) и были славнѣйшими изъ народовъ Славянскихъ; ни свидетельства западныхъ, что нѣмецкимъ именемъ Nordmanni (сѣверяне) покрывались Slavi aquilonares (Славяне сѣверные), именно по мѣстоположенію (a positione loci); ни того, что могущество ихъ восходитъ къ глубокой древности и засвидѣтельствовано гениальнымъ полководцемъ-писателемъ, Юліемъ Цезаремъ, который прямо называетъ ихъ сильнѣйшимъ народомъ на морѣ.... И свѣтъ истины во тьмѣ свѣтитъ, и тьма софизмовъ его не объятъ!

Такимъ образомъ, всестороннее разсмотрѣніе вопроса о началѣ Русскаго государства оправдало мысль о сербскомъ происхожденіи князей, призванныхъ новгородскимъ союзомъ изъ Руси варяжской съ сербскаго Поморья въ нашу сѣверную Русь, кривичско-ильменскую. Мысль эта, положительно высказанная въ 1845 году въ «Славянскомъ Сборникѣ» и въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» *, встрѣтила ученаго противника въ авторѣ «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи», который

* Продолжительная болѣзнь и другія обстоятельства донынѣ мнѣ препятствовали напечатать вторую статью о Варяжской Руси и трактатъ о старобытности Руси въ предѣлахъ нашего отечества.

25 лѣтъ посвятилъ защищенію Байеръ-Шлѣцеровыхъ гипотезъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Однако жъ, всѣ усилія поддержать падающую скандинавоманію оказались тщетными, не смотря на искусство и ловкость московскаго ученаго. Ему удалось опровергнуть систему Эверса, превратившаго нашу славянскую Русь въ народъ турецкій; честь этого отрицательнаго подвига принадлежитъ М. П. Погодину безспорно. Но когда пришлось опредѣлить ясно и точно, гдѣ жили и слѣдственно кто были призванные Новгородцами князья русскіе изъ земли варяжской, тогда то вполне обнаружилась слабость скандинавоманіи и ея противорѣчіе фактамъ географіи, этнографіи, лингвистики, славянской міеологіи. Историческая правда восторжествовала. Почтенный изслѣдователь, увлеченный страстію къ своей скандинавской гипотезѣ, не могъ правильно и вѣрно рѣшить вопроса о началѣ нашего государства, хотя и чувствовалъ всю важность изслѣдуемаго предмета. Этими замѣчательными словами трудолюбиваго автора «Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій» (т. II, стр. 1, 2, 4) заключаю разборъ его системы объ основателяхъ Русскаго государства:

«Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ далеко превышаетъ «всѣ государства въ міръ, прошедшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ; которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всѣми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже «первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ «располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода «человѣческаго; которое обилуетъ свѣжими силами, бьется «юною жизнію, между тѣмъ какъ прочія уже устарѣли, «ветшаютъ, низпадаютъ съ высоты своего величія. Какъ «зародился этотъ удивительный колоссъ—найдется ли дру- «гой вопросъ любопытнѣе для мыслящаго историка, поли- «тика и философа!... Но есть еще другія причины, неменѣе «важныя, по коимъ изслѣдованія о началѣ Русскаго госу-»

«дарства становятся въ высокой степени занимательными, и «даже необходимыми: исторія всякаго государства есть не «что иное, какъ *развитіе его начала*; настоящая и будущая «его исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ кро- «шечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое огромное дере- «во, какъ въ человеческихъ поколѣніяхъ правнуки сохраня- «ютъ часто тончайшіе оттѣнки голоса или легчайшія черты «тѣлодвиженія своихъ пращуровъ. Начало государства есть «самая важная, самая существенная часть, *краугольный ка- «мень его исторіи*. Въ началѣ должно искать *источника* «главныхъ государственныхъ явленій, и вмѣстѣ *отличія* «русской исторіи отъ всѣхъ прочихъ, западныхъ и восточ- «ныхъ... Счастливы мы будемъ, если успѣемъ найти исти- «ну или приблизиться къ ней!»

Открыта ли теперь эта, долго искомая, *истина*—предо- ставляю рѣшить безпристрастію всѣхъ любителей Отече- ственной Исторіи.

Н. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТИСЛАВИЧЪ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОНЬНѢ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПО- СТУПОКЪ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА

Можно бы подумать, что завоеватель Измаила и покоритель Праги не былъ чувствителенъ къ гласу человеколюбія; но слѣдующій анекдотъ покажетъ, что Суворовъ умѣлъ соединять строгость съ состраданіемъ.

Капитанъ *Синицкій* за нѣкоторое преступленіе былъ ли- шень чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Отчаянная мать его при- бѣгаетъ къ Суворову и проситъ его заступленія слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельныйшій графъ!
Милостивѣйшій государь!

Семдесятъ лѣтъ я живу на свѣтѣ, шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго—последнюю мою надежду!— молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ,—а гробъ для меня еще не открылся.

* Статья эта сообщена намъ почтеннымъ, семидесятитрехлѣтнимъ стар- цемъ, Ф. А. фонъ-Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ сообщаемый здѣсь разсказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ.

Редакторъ С. От.

«дарства становятся въ высокой степени занимательными, и «даже необходимыми: исторія всякаго государства есть не «что иное, какъ *развитіе его начала*; настоящая и будущая «его исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ кро- «шечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое огромное дере- «во, какъ въ человеческихъ поколѣніяхъ правнуки сохраня- «ютъ часто тончайшіе оттѣнки голоса или легчайшія черты «тѣлодвиженія своихъ прадедовъ. Начало государства есть «самая важная, самая существенная часть, *краугольный ка- «мень его исторіи*. Въ началѣ должно искать *источника* «главныхъ государственныхъ явленій, и вмѣстѣ *отличія* «русской исторіи отъ всѣхъ прочихъ, западныхъ и восточ- «ныхъ... Счастливы мы будемъ, если успѣемъ найти исти- «ну или приблизиться къ ней!»

Открыта ли теперь эта, долго искомая, *истина*—предо- ставляю рѣшить безпристрастію всѣхъ любителей Отече- ственной Исторіи.

Н. САВЕЛЬЕВЪ-РОСТИСЛАВИЧЪ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ ДОНЬНЪ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПО- СТУПОКЪ ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА

Можно бы подумать, что завоеватель Измаила и покоритель Праги не былъ чувствителенъ къ гласу человеколюбія; но слѣдующій анекдотъ покажетъ, что Суворовъ умѣлъ соединять строгость съ состраданіемъ.

Капитанъ *Синицкій* за нѣкоторое преступленіе былъ ли- шень чиновъ и сосланъ въ Сибирь. Отчаянная мать его при- бѣгаетъ къ Суворову и проситъ его заступленія слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельныйшій графъ!

Милостивѣйшій государь!

Семдесятъ лѣтъ я живу на свѣтѣ, шестнадцать взрослыхъ дѣтей схоронила; семнадцатаго—последнюю мою надежду!— молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ,—а гробъ для меня еще не открылся.

* Статья эта сообщена намъ почтеннымъ, семидесятитрехлѣтнимъ стар- цемъ, Ф. А. фонъ-Эттингеромъ, который, въ своей молодости, служилъ на военномъ поприщѣ и слышалъ сообщаемый здѣсь разсказъ отъ одного изъ своихъ сослуживцевъ, находившихся при генералиссимусѣ Суворовѣ.

Редакторъ С. От.

«Государь милосердъ; графъ Рымникскій милостивъ и сострадательнъ! Возврати мнѣ сына.... и спаси отчаянную!»

Лейбъ-гренадерскаго полка

Капитана Синицкаго мать.»

Вотъ отвѣтъ Суворова:

«Милостивая государыня!

«Я молиться Богу буду; молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду

вашъ покорный слуга

А. Суворовъ.

Между-тѣмъ онъ употребилъ свое ходатайство у Престола, и черезъ нѣсколько дней капитанъ Синицкій былъ въ объятіяхъ матери.

Современная Ливонія и Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪ

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ НА КАВКАЗѢ.

20-го сего октября прибылъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ *Исаковъ* со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ о совершенномъ пораженіи многочисленныхъ скопищъ *Шамиля* войсками Дагестанскаго отряда, подъ начальствомъ генераль адыютанта князя *Арутинскаго Долгорукаго*.

Послѣ занятія Гергебиля, войска сего отряда частью обращены были къ возведенію укрѣпленія въ Аймякахъ и работкъ дорогъ, частью сосредоточены на Турчидагъ, для наблюденія за непріятелемъ. Войска Лезгинскаго отряда, при подобныхъ занятіяхъ, находились также въ готовности отразить всякія покушенія мятежниковъ на смежную съ Даге-

станомъ Джаро-Бьлоканскую область. Этими мѣрами исполнено было; въ продолженіе всего лѣта, спокойствіе покорнаго намъ края. Но въ началѣ сентября, недостатокъ подножнаго корма и выпавшій въ горахъ снѣгъ, принудилъ войска спуститься съ высотъ въ долины, и *Шамиль*, мечтая загладить передъ Мюридами потерю Гергебила, рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, дабы испытать счастье.

Въ первыхъ числахъ сентября начали стекаться огромныя шайки мятежниковъ въ горныя Казикумыкскіе Магалы: 7-го числа, сильная партія *Шабана Муллы* показалась на Меседельгорскомъ хребтѣ, угрожая Бьлоканскому ущелью, а самъ *Шамиль* съ главными силами, имѣя *Даніель-Бека* въ авангардѣ, внезапно бросился на Самурскій округъ. Устрашенные жители не оказали сопротивленія. Командующій симъ округомъ полковникъ *Ротъ* не могъ, съ небольшою уже частью мѣстной милиціи, остановить вторженія огромной массы Мюридовъ, но оспоривая имъ каждый шагъ, послѣ нѣсколькихъ перестрѣлокъ, отступилъ въ Ахтинское укрѣпленіе.

Мятежники заняли такимъ образомъ все деревни по верховьямъ Самура и Ахты-Чаю; выдвинувъ значительныя партіи по направленіямъ къ Карагу и Хазрамъ, противъ дагестанскаго, а также въ Элису, противъ лезгинскаго отрядовъ, *Шамиль*, обложилъ, 14 числа, Ахтинское укрѣпленіе.

Укрѣпленіе сіе расположено на правомъ берегу Самура, при слияніи этой рѣки съ Ахты-Чаемъ. Постоянный гарнизонъ, изъ двухъ ротъ Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона, усиленъ былъ 5-ю гренадерскою ротою пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка, которую полковникъ *Ротъ* успѣлъ притянуть изъ Кусаръ, штабъ-квартиры сего полка; кромѣ того задержалъ онъ прибывшую въ тотъ день сводную команду Мингрельскаго Егерскаго полка, слѣдовавшую на Военно-Ахтинскую дорогу. Всего подъ ружьемъ было около 500 человекъ.

Ближайшія окрестности укрѣпленія перерезаны глубокими оврагами, и Ахты-Чай течетъ между крутыми берегами.

Эта мѣстность дозволила непріятелю скрытно подойти на ружейный выстрѣлъ, и мѣткимъ огнемъ дѣйствовать по бастионамъ. Полковникъ *Ротъ* раненъ 15 числа, и хотя сдалъ команду пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка капитану *Новоселову*, но продолжалъ совѣтами своими руководить защитниковъ форта и ободрять ихъ примѣромъ твердости и присутствія духа.

16-го числа, Мюриды устроили траншею изъ фашии со стороны Ахты-Чаю, и, выдвинувъ мортиру на лѣвомъ берегу Самура, открыли изъ нея огонь по укрѣпленію. Въ полдень граната пробила крышу одного пороховаго погреба и взорвала до 400 пудовъ пороха. Тотъ взрывъ выбилъ изъ строя 5 офицеровъ и 40 человекъ нижнихъ чиновъ; перебито и переранено много женъ и дѣтей гарнизона, и въ 5-мъ бастионѣ часть бруствера совершенно обрушилась. Въ сію ужасную минуту Мюриды хлынули на штурмъ, но отброшены штыками; развалъ бруствера заложенъ кулями съ мукдою. Между-тѣмъ положеніе гарнизона дѣлалось опаснымъ: штабъ-капитанъ *Бучкиевъ* вызвался извѣстить о семъ генералъ-адъютанта князя *Аргутинскаго*, и пробрался ночью, переодѣтый, чрезъ непріятельскіе посты.

17-го числа, Мюриды привели свою траншею на край гласиса, и начали уже заваливать ровъ; но удачно-брошенные брандскугели зажгли и уничтожили фашишникъ во рву.

Въ тотъ день передовыя войска дагестанскаго отряда спустились съ противулежащаго хребта къ лѣвому берегу Самура, и, встрѣченныя громкимъ ура гарнизона изъ-за широкой рѣки, обѣщали ему скорую помощь: отважный *Бучкиевъ* исполнилъ свое порученіе.

18 и 19-го, непріятель продолжалъ свои работы и, какъ впоследствии оказалось, онъ прикрывалъ траншеею мину, которую велъ подъ 1-й бастионъ.

20 числа, густыя толпы Мюридовъ наполнили все вокругъ укрѣпленія скрытыя отъ выстрѣловъ мѣста, и, въ 10 часовъ утра, съ неожиданнымъ для гарнизона взрывомъ приготовленной мины, бросились на штурмъ на 1, 5 и 4-й баталіоны. Не взирая на убійственный огонь нашей артиллеріи и

сильную оружейную пальбу, Мюриды вторгнулись въ ровъ, гдѣ ихъ встрѣтили ручныя гранаты и перекрестный картечный огонь. Но таково было ихъ остревненіе, что по грудамъ своихъ труповъ они вскочили на стѣну. Здѣсь завязался отчаянный рукопашный бой; три раза сброшенный въ ровъ непріятель, три раза вскакивалъ на стѣну; наконецъ Мюридамъ удалось овладѣть 4, 5 и 1-мъ бастіонами; по гарнизонъ вынесъ ихъ на штыкахъ, и, опрокинутые съ ужаснымъ урономъ, матежники отказались въ тотъ день отъ дерзкаго предпріятія.

Мужественной обороной гарнизона содѣйствовали и женщины, принося заряды и патроны защитникамъ укрѣпленія, выводя и перевязывая раненныхъ; дочь полковника *Рота* и супруга горнаго инженеръ-поручика *Хрещатицкаго* раздѣляли общее въ этотъ рѣшительный день самоотверженіе.

21-го числа, непріятель, пламеня мщеніемъ, принялся съ сугубою дѣятельностію за траншейныя работы, готовя новый штурмъ; гарнизонъ, ослабленный до половины числительнаго его состава отъ покушеній и безпрестаннаго огня Мюридовъ, и утративъ уже надежду на помощь отряда, готовился на славную смерть.

22-го числа, замѣтивъ необыкновенное движеніе въ толпахъ непріятельскихъ и думая, что настала часъ роковой атаки, офицеры, жертвуя своими семействами, предложили нижнимъ чинамъ взорвать себя и укрѣпленіе на воздухъ, если Мюриды овладѣютъ имъ; молодцы приняли единогласно предложеніе это!

Но вдругъ послѣднее отступленіе непріятеля возвѣстило героямъ приближеніе отряда.

Князь *Аргутинскій*, получивъ, 8-го сентября, въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, свѣдѣніе о вторженіи *Шамиля* въ Самурскій округъ, собралъ, къ 10-му числу, между Лавашами и Пастъ-Кентомъ, отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты и дивизіона драгунъ, и двинулся къ Кумуху; въ этомъ пунктѣ присоединивъ къ отряду еще 3 баталіона, онъ прибылъ, 16-го числа, въ Курагъ форсированными маршами, безъ дневокъ, не смотря на ненастную погоду и глубокой снѣгъ, выпавшій въ го-

рахъ. Здѣсь явился къ нему штабсъ-капитанъ *Бучиковъ* и объявилъ о положеніи ахтинскаго гарнизона.

Князь *Аргутинскій* послѣдшилъ съ авангардомъ и горными орудіями на выюкахъ сдѣлать рекогносцировку къ сему укрѣпленію. Ободривъ гарнизонъ своимъ появленіемъ на лѣвомъ берегу Самура, онъ удостовѣрился, что нельзя устроить операціонной линіи отъ Круга въ Ахтамъ; испорченные дороги были непроходимы для артиллеріи, мосты разрушены; кроме того атака непріятеля съ этой стороны требовала постройки моста черезъ Самуръ. Не имѣя подъ рукою пужныхъ матеріаловъ въ бездѣльномъ краѣ, князь *Аргутинскій* рѣшился взять направленіе въ Кабиру со всѣмъ отрядомъ, усиленнымъ конною милиціею, перешелъ два хребта и, переправившись черезъ Самуръ въ бродъ, 21 сентября сталъ у села Зухула, близъ Хазаръ.

22-го сентября, съ разсвѣтомъ, отрядъ двинулся отъ села Зухула къ Ахтамъ; непріятель пересѣкъ дорогу между бывшимъ укрѣпленіемъ Тифлискимъ и селомъ Мискинжи. Позиція его была чрезвычайно сильна. На самой дорогѣ, подымающейся весьма круто между камнями, были построены крѣпкіе завалы въ нѣсколько ярусовъ, правый флангъ упирался въ отвѣсный хребетъ, обходимый только на разстояніи 10 верстъ; лѣвый оканчивался отвѣснымъ обрывомъ въ Самуръ; значковъ было много; число непріятеля, по словамъ пѣвинныхъ, простиралось до 7 т. пѣшихъ съ отборною кавалеріею, подъ начальствомъ *Даніель-Бека* и *Гаджи Мурада*.

Въ полдень войска сосредоточились; на самомъ руслѣ Самура рѣки была поставлена батарея изъ 4-хъ орудій и 10-ти ракетныхъ станковъ, обстрѣливавшая во флангъ непріятельскую позицію; вся кавалерія переправилась на лѣвый берегъ Самура и подошла къ броду, ведущему въ тылъ непріятелю; 1, 2 и 3-й баталіоны Князя Варшавскаго полка, поддерживаемые 2-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, подъ командою полковника *Машюкина*, двинулись на штурмъ съ фронта позиціи.

Толпы, покрывающія горы, пустили градъ камней и пуль;

но баталіоны, безъ выстрѣла, дружно поднимались въ колоннахъ. Подполковникъ *Кишинскій* повелъ 2-й баталіонъ Князя Варшавскаго полка на самую крутую высоту, увѣчанную сильнымъ заваломъ, который составлялъ ключъ позиціи; подойдя подъ заваль, онъ остановилъ баталіонъ, чтобы дать людямъ перевести духъ; тогда все толпы Мюридовъ изъ заваловъ ударили въ шашки, и на своихъ плечахъ внесли *Кишинскаго* и баталіонъ его въ заваль. Майоръ *Амуховъ*, съ 3-мъ баталіономъ, стремительно атаковалъ лѣвый флангъ позиціи надъ самую кручею и, потерявъ нѣсколько человекъ, сброшенныхъ въ Самуръ, почти безъ выстрѣла ворвался и выбилъ Мюридовъ изъ необыкновенно-крѣпкаго мѣста. Подполковникъ *Пироговъ* съ 1-мъ баталіономъ шелъ на центръ позиціи, и не останавливаясь ни разу, выдержалъ самый сильный огонь съ обохъ фланговъ. Атака была произведена въ такомъ порядкѣ и съ такимъ порывомъ мужества, что непріятель не могъ устоять. Какъ только онъ дрогнулъ, Полковникъ *Джафаръ-Кули-Ага Бакихановъ*, со всею кавалеріею, переправился ему въ тылъ, не смотря на быстроту рѣки, и жестоко атаковалъ бѣгущихъ во флангъ.

Въ часъ по-полудни непріятеля уже не было на мѣстѣ боя, онъ оставилъ 3 значка, 300 слишкомъ тылъ и до 70 пѣхныхъ; кавалерія, поддержанная пѣхотою, преслѣдовала его по пятамъ; отрядъ ночевалъ у стѣнъ освобожденнаго Ахтинскаго укрѣпленія, сдѣлавъ въ этотъ день 35 верстъ и одержавъ блистательную побѣду.

Съ нашей стороны убито 15 человекъ, ранено: пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка подполковникъ *Кишинскій*, капитанъ *Добрышинъ*, поручики: *Лазаревъ* и *Бухгольцъ*, подпоручикъ *Любанскій*, прапорщикъ *Круммель*, нижнихъ чиновъ 152.

23-го и 24-го числа отрядъ слѣдовалъ за непріателемъ до села Рутула, но *Шамиль*, *Даніель-Бекъ* и *Гаджи-Мурадъ* бѣжали впереди отряда; въ настоящее время, въ Самурскомъ округѣ пѣтъ ни одного вооруженнаго Мюрида; жители сами приводятъ пѣхныхъ и просятъ помилованія, какъ заблудшіе и уступившіе силѣ.

Князь *Аргутинскій* съ особеннымъ одобреніемъ называетъ полковниковъ: *Бакиханова*, *Годлевскаго* и *Манюкина*, подполковниковъ: *Пирогова* и *Кишинскаго*, майора *Амухова*, капитана *Добрышина*, поручиковъ: *Лазарева* и *Бухгольца*, отличившихся въ этомъ дѣлѣ; защитники укрѣпленія, по отзыву его, *все отличились*, въ-особенности же полковникъ *Ротъ*, капитаны: *Новоселовъ* и *Жоржъ*, штабсъ-капитанъ *Бучиковъ* и прапорщикъ *Биннетъ*.

Генералъ-лейтенантъ *Шварцъ*, съ своей стороны, узнавъ о настоящемъ направленіи главныхъ силъ *Шамиля*, оставилъ въ Бьлоканскомъ ущельѣ наблюдательный отрядъ и стянулъ остальныя войска, ему подвѣдомственныя, въ Элису, на правый флангъ Лезгинской-линіи. Обезпечивъ Джаро-Бьлоканскую Область и окрестности *Мухи* отъ всякаго покушенія, онъ поднялся вверхъ по Элисуйскому ущелью, непріятелю въ тылъ, и прибылъ, 22-го сентября, въ горное селеніе *Кудаль*; но значительная партія Мюридовъ, расположенная противъ этого селенія, внезапно отступила и скрылась изъ виду, и затѣмъ общее бѣгство непріятеля отстранило надобность въ дальнѣйшемъ движеніи войскъ чрезъ высокія горы, покрытыя глубокимъ снѣгомъ.

Мятежники, посѣщая въ дома свои и нигдѣ не останавливаясь, много терпѣли отъ холода и голода; посланные слѣдить за ними милиціонеры наши, сосчитали на пути 144 трупа, нѣмыхъ свидѣтелей бѣдственнаго отступленія.

Шамиль, возвратившись изъ первыхъ въ свое убѣжище, привезъ съ собою, вмѣсто добычи, упреки Мюридовъ за огромную потерю лучшихъ людей всѣхъ почти нагорныхъ племенъ и проклятія жителей цѣлаго края, которыхъ онъ заставилъ взмѣнить долгу и поточъ беззащитно предавъ справедливому взысканію за ихъ малодушіе. Таковы для него и для легковѣрныхъ его приверженцевъ горестныя послѣдствія дерзкаго поиска, коимъ онъ мечталъ поддержать въ горахъ колеблющееся его вліяніе. Это покушеніе мгновенно разразилось къ собственному его вреду, доставивъ храбрымъ войскамъ Кавказскаго корпуса случай покрыть се-

бя новою славою въ стѣнахъ Ахтинскихъ и на высотахъ селенія Мискинжи.

Въ справедливомъ вниманіи къ симъ доблестнымъ подвигамъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать генералъ-адъютанту князю *Аргунинскому-Долгорукову* орденъ Св. Александра Невскаго, полковнику *Роту* чинъ генералъ-маіора и аренду въ 1200 руб. сереб.,—принявшему послѣ него начальство надъ Ахтинскимъ гарнизономъ капитану *Новоселову* чины: маіора и подполковника,—всему гарнизону годовое жалованье не въ зачетъ и 40 знаковъ отличія военнаго ордена,—всѣмъ нижнимъ чинамъ бывшаго подъ Мискинжи отряда по рублю сереб. на каждого человека.

О лицахъ, наиболее отличившихся, и о воспособленіи семействамъ убитыхъ, Высочайше повелѣно войти съ особымъ представленіемъ.

Генеральнаго штаба штабсъ-капитана *Исакова*, принявшаго дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ Дагестанскаго отряда, Государь Императоръ изволилъ назначить флигель-адъютантомъ Его Величества.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ДУНАЙСКИХЪ КНЯЖЕСТВЪ.

Въ минувшемъ іюль доведено до общаго свѣдѣнія, что событія, происшедшія въ Дунайскихъ Княжествахъ, побудили Государя Императора ввести туда, на время, отрядъ войскъ, для возстановленія порядка, при содѣйствіи отряда, отправляемаго туда же Оттоманскою Портою.

Вступленіе войскъ нашихъ въ Молдавію и расположеніе ихъ въ Яссахъ, Бырлатъ и Текучахъ, вполне достигли предположенной цели, и оградилъ эту область отъ мятежныхъ волненій, распространившихся въ Валахіи. Бывшіе въ Молдавіи Валахскіе и чужестранные эмиссары удалились за Сереть. Между тѣмъ Турки вступили въ Валахію, и заняли Бука-

рестъ 13-го сентября. — 16-го числа войска наши перешли черезъ Сереть, и двинулись эшелонами къ тому же городу, подъ начальствомъ командира 5-го пѣхотнаго корпуса, генерала отъ инфантеріи Лидерса. Въ Фокшанахъ Валахскихъ авангардъ встрѣченъ былъ Епархіальнымъ Епископомъ въ сопровожденіи жителей города, съ хоругвями и при колокольномъ звонѣ.

Изъ сего пункта отряженъ флигель-адъютантъ полковникъ Скарятинъ съ 4-мя сотнями донскихъ казаковъ, для наблюденія за шайкою Поляковъ, которая находилась въ окрестностяхъ. Открывъ эту шайку, 20-го числа, въ селѣ Лапонтарѣ, Полковникъ Скарятинъ послалъ въ это селеніе партію изъ 20-ти казаковъ съ Хорунжимъ Чурбаковымъ. Казаки такъ быстро и неожиданно бросились въ атаку, что бродяги успѣли дать только нѣсколько выстрѣловъ; затѣмъ, они частью бѣжали, частью защищались холоднымъ оружіемъ; но казаки скоро овладѣли ими: изъ числа 30-ти Поляковъ 7 убиты, остальные взяты въ плѣнъ.

Для содѣйствія Турецкимъ войскамъ, направленнымъ изъ Букареста въ Малую Валахію, дабы очистить горную ея часть отъ возмутителей, генералъ отъ инфантеріи Лидерсъ отрядилъ туда, 24-го сентября, генералъ-лейтенанта Гасфорда съ 3-мя баталіонами люблинскаго егерскаго и 4-мя эскадронами ахтырскаго гусарскаго полковъ, легкою № 7-го батгареею 15-й артиллерійской бригады и четырьмя сотнями казаковъ. Главныя силы продолжали слѣдованіе къ Букаресту.

О движеніи войскъ нашихъ получено нынѣ слѣдующее донесеніе генерала Лидерса, отъ 1-го октября:

«Авангардъ вѣрнннхъ мнѣ войскъ прибылъ въ Букарестъ 28-го, а главныя силы 30-го сентября, за исключеніемъ отряда генералъ-лейтенанта Гасфорда, направленнаго въ малую Валахію. Войска расположены въ лагерь вдоль рѣчки, которая протекаетъ около части города, находящейся по лѣвую сторону рѣки Дембовицы.

Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Даниль-

скаго, слѣдуя къ Букаресту, встрѣтился въ Урзичени съ Турецкимъ отрядомъ, шедшимъ отъ Браилова къ Букаресту же; между ими взаимно оказаны были знаки дружественнаго расположенія, и начальникъ Турецкаго отряда пригласилъ генераль-маіора Данилевскаго осмотрѣть Турецкія войска на походъ.

Съ приближеніемъ моимъ къ Букаресту, 28-го сентября, у городской заставы я встрѣченъ былъ Валахскимъ Каймакомъ, и, въ сопровожденіи его, отправился въ приготовленный для меня загородный домъ, гдѣ ожидали митрополитъ, главные члены управленія и значительнѣйшіе бояре. Митрополитъ произнесъ рѣчь *, въ которой, отъ имени Валахскаго народа, изъявилъ чувства глубочайшей признательности Государю Императору за благодѣянія, оказываемыя Валахіи.

Генераль-лейтенантъ Гасфордъ, слѣдуя по назначенію, доноситъ, что ввѣренный ему отрядъ прибылъ въ Плоешти 26-го сентября, и на всемъ пространствѣ отъ Бузео въ край спокойно. Войска, подходя къ Плоештамъ, встрѣчены были народомъ и духовенствомъ съ крестомъ, хоругвями, хлѣбомъ и солью. Изъ числа лицъ, замѣшанныхъ въ революціи и принимавшихъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ, три профессора арестованы. Въ городѣ Терговистъ, генераль-лейтенантъ Гасфордъ получилъ свѣдѣніе, что бунтовщикъ Магера, укрьпившійся въ позиціи близъ Рымника на Ольтъ, отрядилъ партію въ 200 человекъ къ городу Питешти для изгнанія оттуда новаго исправника. Посему посланъ былъ начальникъ авангарда, флигель-адъютантъ полковникъ Скарятинъ, съ казаками, въ Питешти, куда и прибылъ 29-го сентября. Быстрое сіе движеніе имѣло слѣдствіемъ, что мятежники, узнавъ о приближеніи войскъ нашихъ, объаты были страхомъ и оставили намѣреніе напасть на Питешти.

Главный ихъ предводитель, Магера, съ сообщниками, бѣжалъ въ Трансильванію. Милиція, получившая, между тѣмъ обнаруженный призывъ Каймакама о возвращеніи къ своему долгу, явилась къ полковнику Скарятину съ изъявленіемъ

* Рѣчь митрополита у сего прилагается.

ніемъ покорности, въ числѣ одного эскадрона, шести орудіи и части пѣхоты. Изъ Питешти генераль Гасфордъ двинется къ Рымнику на Ольтъ.

Для усмиренія Малой Валахіи, независимо отъ турецкихъ войскъ, посланныхъ изъ Виддина и Букареста на Крайову, по распоряженію Омеръ-Паши, направленъ еще отрядъ изъ Букареста къ Рымнику на Ольтъ. Совокупное сіе дѣйствіе нашихъ и турецкихъ войскъ будетъ имѣть, безъ сомнѣнія, большое моральное вліяніе на успокоеніе умовъ въ Малой Валахіи.

Я посѣтилъ вчера комиссара Порты Фуада-Эфенди и начальника отряда турецкихъ войскъ Омеръ-Паши, которые изъясняютъ дружественное къ намъ расположеніе. Для положительнаго раздѣленія Букареста на двѣ части, при занятіи онаго нашими и турецкими войсками, по обоюдному соглашенію, опредѣлена рѣка Дембовица. Часть города, находящаяся по лѣвую сторону сей рѣки, будетъ занята нашими войсками, а по правому берегу турецкими, гдѣ нынѣ находится и лагерь ихъ. Въ опредѣленной для насъ части города я назначаю комендантомъ командира 15-й артиллерійской бригады, генераль-маіора Рефельда, и завтрашняго числа переходить въ городъ корпусный штабъ. По составленіи квартирнаго росписанія для войскъ, они будутъ расположены немедленно въ городъ, окрестностяхъ и уѣздахъ.

Съ прибытіемъ войскъ нашихъ, крестьяне, въ особенности тѣхъ уѣздовъ, по которымъ войска проходили, возвратились къ полевымъ работамъ.

Осмотрѣвъ вчерашняго числа, при вступленіи въ городъ, уланскую бригаду 5-й легкой кавалерійской дивизіи, бывшей подъ командою начальника оной, генераль-лейтенанта князя Багратіона-Имеретинскаго, изъ Кишинева въ Букарестъ — 450 верстъ — въ 19 дней, я нашелъ ее въ отличномъ состояніи; не смотря на усиленные марши, лошади бережены, и большихъ только 16 человекъ.

Рѣчь валахскаго митрополита

Генералу отъ инфантеріи Лидерсу.

Духъ волненія, мятежа и безначалія, распространяемый въ краѣ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, нѣсколькими буйными умами, злосчастно ниспровергъ основанія общественнаго благоустройства.

Его Величество Императоръ Всероссійскій, Августѣйшій нашъ Покровитель, въ теченіи столькихъ лѣтъ являвшій постоянные опыты отеческой заботливости о нашей родинѣ, не остался и нынѣ равнодушнымъ свидѣтелемъ революціоннаго порыва, угремявшаго Валахію въ пропасть. По согласію съ Его Величествомъ Султаномъ, Россійскій Императоръ поручилъ вашему высокопревосходительству содѣйствовать оттоманскимъ войскамъ къ восстановленію законнаго порядка, обезпеченію народнаго спокойствія и уничтоженію самыхъ слѣдовъ возмущенія.

Видя васъ между нами, мы радостно чувствуемъ эту новую Высочайшую милость, и просимъ ваше высокопревосходительство повергнуть Его Императорскому Величеству глубочайшую признательность, которою одушевленъ народъ Валахскій, и которую счастливъ я выразить вамъ отъ имени его.

ОБОЗРѢНІЕ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 СЕНТЯБРЯ ПО 15 ОКТЯБРЯ 1848 ГОДА.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи доклада Правительствующаго Сената, о продажѣ экздивизорскихъ участковъ въ домахъ отъ одного владѣльца къ другому, соглаша-

ясь съ настоящимъ заключеніемъ Правительствующаго Сената, призналъ лишь нужнымъ, съ тѣмъ вмѣствъ, постановить: во 1-хъ, чтобы участки въ домъ были продаваемы вполне, безъ раздробленія оныхъ; и во 2-хъ, чтобы сила предполагаемаго нынѣ для Виленской губерніи правила, была распространена и на весь другія западныя губерніи, такъ какъ и въ нихъ могутъ встрѣтиться подобныя настоящему вопросы. Въ слѣдствіе сего Государственный Совѣтъ мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1848 года, положилъ: подлежащія статьи Свода Законовъ дополнить тѣмъ, что въ западныхъ губерніяхъ дозволяется совершать купчія крѣпости на продажу участковъ въ раздробительно владѣемыхъ по экздивизіямъ домахъ, но съ тѣмъ, чтобы участки сѣи были продаваемы только владѣльцамъ другихъ частей означенныхъ домовъ, и не иначе, какъ въ полномъ cadaго участка составъ, безъ всякаго дальнѣйшаго оныхъ раздробленія.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената о сличеніи и свидѣтельствъ почерка подписей на еврейскомъ языкѣ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ 12 іюля 1848 года, положилъ: въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить, что сличеніе почерка въ подписяхъ, сдѣланныхъ на еврейскомъ языкѣ на актахъ, письмахъ и другихъ бумагахъ, при возникшемъ въ подлинности тѣхъ подписей сомнѣніи, производится чрезъ Раввиновъ и двухъ достойныхъ довѣрія и неотведенныхъ тяжущимися лицъ изъ сословія Евреевъ, съ приведеніемъ ихъ предварительно, по обряду ихъ вѣры, къ присягѣ, установленной для свидѣтельскихъ показаній, не требуя однако таковой отъ раввиновъ, обязанныхъ уже присягою по своей должности, съ тѣмъ, чтобы заключеніе о подлинности сличаемой подписи основывалось на большинствѣ голосовъ.

Правительственныя распоряженія.

Поселенные въ Бердянскомъ уездѣ Таврической губерніи мемонисты, известные подъ названіемъ Молочанскихъ, съ

самого выхода своего из Пруссии постоянно питавшие и обнаруживавшие глубокія чувства преданности за отеческую заботливость о них правительства, представили нынѣ мѣстному начальству, за подписью духовныхъ и свѣтскихъ старшинъ, актъ, въ которомъ, выражая тѣ-же чувства, изъявили желаніе безвозмездно поставить для войска 130 лошадей, и просили о доведеніи до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія, что они всеподданнѣйше просятъ удостоить это приношеніе, хотя и скудное, Всемилостивѣйшаго принятія въ знакъ неизмѣнной приверженности ихъ къ существующему, законами установленному порядку, непоколебимой ихъ вѣрности къ Престолу и Отечеству и искренней благодарности за покровительство, которымъ они въ Россіи пользуются, и за многія оказанныя имъ благодѣянія и милости.

О такомъ изъявленіи менонистами вѣрноподданническихъ чувствъ своихъ при сдѣланномъ ими пожертвованіи, министръ государственныхъ имуществъ всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору. Его Величество изволилъ принять оное съ особеннымъ благоволеніемъ, и повелѣлъ объявить менонистамъ Свою Высочайшую благодарность, съ опубликованіемъ ихъ подвига.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу отношенія Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Высочайше соизволилъ изъяснить согласіе на изложенное въ ономъ мнѣніе Его Высочества, чтобы воспитанники, кончившіе курсъ наукъ въ Императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ, преобразованномъ въ послѣдствіи въ павловскій кадетскій корпусъ, сравнены были въ правахъ по гражданскому чиновпроизводству, съ воспитанниками, выпущенными офицерскими чинами изъ павловскаго кадетскаго корпуса и пользовались преимуществами, присвоенными второму разряду.

Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ соизволилъ:

1.) Обывателямъ С. Петербурга, при разрѣшеніи имъ построекъ и исправленій домовъ и раздѣленія дворовъ на уча-

стки, вылавать изъ Правленія 1-го Округа Путей Сообщенія планы и фасады не иначе, какъ на особыхъ печатныхъ бланкахъ по формѣ для сего утвержденной, съ указаніемъ на оныхъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы владельцами при производствѣ построекъ и исправленія домовъ и при раздѣленіи дворовъ.

2.) Въ возмѣщеніе расходовъ на изготовленіе въ этомъ видѣ плановъ и фасадовъ, взыскивать съ обывателей: за чертежи для новыхъ построекъ по одному рублю пятидесяти копѣекъ, а для исправленія существующихъ зданій и раздѣленія дворовъ по одному рублю серебромъ.

По внесенному г. министромъ народнаго просвѣщенія въ комитетъ гг. министровъ заключенію по всеподданнѣйшему прошенію отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Демидова, послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе на дарованіе Демидову, потомственному, званія почетнаго попечителя Демидовскаго Лицея.

Г. Министръ, имѣя въ виду, что въ слѣдствіе сего подлежать измѣненію ст. 17 Св. Зак. (изд. 1842 г.) III т. Уст. о служ. по опр. отъ прав. и § 5 Высочайше утвержденнаго 22 ноября 1845 г. Устава Лицея, входилъ въ комитетъ гг. министровъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія:

1.) Званіе почетнаго попечителя демидовскаго лицея, по особой Монаршей милости, предоставляется потомственному ближайшему потомку учредителя Лицея, внуку роднаго брата его, гвардіи штабсъ-ротмистру Павлу Демидову, а по немъ всегда старшему въ родѣ его, о чемъ министерство народнаго просвѣщенія каждый разъ будетъ представлять на Высочайшее утвержденіе. Права и обязанности сего званія суть тѣ же самыя, какія постановлены для оного въ Высочайше утвержденномъ 8 декабря 1828 г. Уставѣ учебныхъ заведеній.

2.) Должность почетнаго попечителя ярославской губернской гимназіи замѣщается по выбору дворянства, на общемъ установленномъ для сего по прочимъ гимназіямъ, основаніи.

и 3.) Ярославскій губернской предводитель дворянства, соединявшій досель съ этою должностію званіе почетнаго попечителя демидовскаго лица и ярославской губернской гимназіи, слагаетъ съ себя званіе почетнаго попечителя Лицея, но сохраняетъ оное по гимназіи до окончанія текущаго трехлѣтія.

Комитетъ гг. министровъ, выпискою изъ журналовъ 10 и 24 м. августа, сообщилъ ему, что по положенію онаго, Государь Императоръ сказанное представленіе г. министра народнаго просвѣщенія Высочайше утвердить соизволилъ.

— Въ № 82 санктпетербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей напечатаны Высочайше-утвержденные Его Императорскимъ Величествомъ, въ 18 день сентября, положеніе и штатъ женскаго пансіона при гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ Императорскаго воспитательнаго дома.

По ходатайству пензенскаго гражданскаго губернатора объ учрежденіи въ г. Пензѣ Общества сельскаго хозяйства юговосточной Россіи, г. министръ государственныхъ имуществъ, входилъ съ представленіемъ о томъ въ комитетъ гг. министровъ. По положенію о семъ комитета, Государь Императоръ въ 28 день минушаго августа, Высочайше разрешилъ соизволилъ учрежденіе Общества сельскаго хозяйства юговосточной Россіи на основаніи представленнаго Устава *.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія сие объявляется, что всѣ частныя лица, имѣющіе хоры пѣвчихъ и желающіе образовать своихъ регентовъ, могутъ присылать ихъ въ С. Петербургъ, въ придворную пѣвческую капелль, для обученія, на слѣдующихъ условіяхъ:

1.) Присылаемые для приготовленія въ регенты должны быть не моложе 25 лѣтъ, и имѣть о церковной нотной музыкѣ хотя нѣкоторое понятіе.

2.) Они должны быть снабжены приличною одеждою,

* Уставъ общества напечатанъ въ № 83 санктпетербургскихъ сенатскихъ вѣдомостей.

скрипкой со смычкомъ, камертономъ и деньгами, до 30 руб. серебромъ, на покупку нотъ.

3.) Въ капелли они обязаны находиться ежедневно, отъ 9 часовъ утра до часа пополудни. Продовольствіе и квартиры ихъ отъ капелли не зависятъ.

4.) Каждый ученикъ, при поступленіи въ классъ регентовъ, вноситъ за свое годичное обученіе 30 руб. серебромъ.

5.) Въ классы регентовъ могутъ поступать люди съ головами самыми слабыми, но имѣющіе уметвенныя способности для своего будущаго назначенія.

6.) Время, которое ученикъ долженъ пребыть въ капелли, будетъ зависеть отъ его способности и старанія; а потому, если по истеченіи года онъ еще не покончитъ меньшаго курса, то обязанъ вновь внести 30 рублей серебромъ за продолженіе ученія еще на годъ.

7.) Обученіе регентовъ имѣетъ три различныя курса: меньшій, средній и высшій.

Въ меньшемъ курсѣ ученикъ обучается: правильно задавать тонъ, правильно опредѣлять темпъ, твердо знать простой церковный напѣвъ, употребляемый въ церквахъ при Высочайшемъ Дворѣ, и руководствовать хоромъ при пѣніи новѣйшаго сочиненія молитвъ, которыя въ придворныхъ церквахъ употребляются; имѣть свѣдѣнія въ начальныхъ правилахъ гармоніи, для поправленія случающихся въ нотахъ ошибокъ, играть на скрипкѣ, сколько нужно для подавія тона поющимъ.

Старательный и способный ученикъ курсъ этотъ оканчиваетъ въ одинъ годъ.

Въ среднемъ курсѣ ученикъ, окончивъ все, что требуется въ меньшемъ, продолжаетъ обучаться правиламъ гармоніи, и достигаетъ той степени знанія, на которой можетъ положить въ правильную четырехъ-голосную гармонію всякую данную мелодію, и получаетъ полное свѣдѣніе, какъ готовить каждый пѣвчаго особю къ хорному и тому одиночному пѣнію, какое нѣредко встрѣчается въ церковныхъ нотахъ новѣйшихъ сочинителей.

Въ высшемъ курсѣ ученикъ, окончивъ требуемое въ мень-

шемъ и среднемъ курсахъ, продолжаетъ обучаться правиламъ гармоніи, достигаетъ той степени, при которой можетъ самъ правильно сочинять музыку, и получаетъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ изгибахъ человѣческаго голоса, однимъ словомъ—приобрѣтаетъ все, что нужно для ученаго и вполне полезнаго регента, и съ дарованіями природными можетъ идти по слѣдамъ знаменитыхъ отечественныхъ нашихъ композиторовъ.

Но какъ для *средняго* и *высшаго* курса не достаточно ни года времени, ни 30 руб. серебромъ на обученіе, то ученикъ, окончившій *меньшій* курсъ, буде пожелаетъ поступить въ курсъ *средній*, обязанъ внести впередъ за годичное свое ученіе 150 рублей серебромъ, поступаая же въ *высшій* курсъ 300 рублей серебромъ за годъ.

Всякой ученикъ, выходящій изъ придворной пѣвческой капелли, снабжается аттестатомъ, сообразнымъ его познаніямъ.

Пересылка частныхъ писемъ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское,

ВЪ ШТЕМПЕЛЬНЫХЪ КУВЕРТАХЪ.

Для облегченія способовъ пересылки по почтѣ частныхъ писемъ и для освобожденія публики отъ необходимости прилагать къ письмамъ, при самой подачѣ или отправленіи ихъ на почту, слѣдующія за нихъ въсовыя деньги, г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ испрашивалъ разрѣшенія ввести для писемъ, пересылаемыхъ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское, штемпельные конверты, наподобіе тѣхъ, какіе употребляются на городской почтѣ въ обихъ столицахъ. За таковыя конверты взимается, при продажѣ ихъ, плата, слѣдующая и за пересылку письма, а затѣмъ подаваемая въ штемпельныхъ ку-

вертахъ письма, какъ уже оплаченныя, принимаются на почту безъ платежа за пересылку. Удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія въ 26-й день января сего года, мнѣніемъ государственнаго совѣта, г. главноначальствующему представлено, независимо отъ существующей пересылки частныхъ писемъ въ обыкновенныхъ конвертахъ, ввести такую для той же корреспонденціи, по всей Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское, въ конвертахъ штемпельныхъ, на слѣдующемъ основаніи:

- 1) Употребленіе тѣхъ или другихъ конвертовъ предоставить на волю самихъ отправителей писемъ.
- 2) Штемпельные конверты дѣлать изъ особой, съ наведеннымъ водянымъ шрифтомъ сѣткою, бумаги.
- 3) Для предоставленія публикѣ возможности пересылать въ штемпельныхъ конвертахъ, не только однолотныя, но и большаго вѣса письма, а именно отъ одного до трехъ лотовъ, изготовлять конверты со штемпелями разныхъ цвѣтовъ: для однолотныхъ писемъ съ *черными*, для писемъ въ два лота съ *синими*, и въ три лота съ *красными* штемпелями, и соотвѣтственно этому подраздѣленію, назначить цѣну штемпельнымъ конвертамъ, съ прибавленіемъ къ цѣнѣ за письмо, по дѣйствующей такъ, одной копѣйки серебромъ *собственно за конвертъ*, именно: за письмо въ одинъ лотъ 11 коп., въ два 21 и въ три лота 31 коп. сер., открывъ продажу такихъ конвертовъ, какъ въ столичныхъ почтамтахъ, губернскихъ, пограничныхъ и уездныхъ почтовыхъ конторахъ, такъ и въ почтовыхъ отдѣленіяхъ.
- 4) Изготовленіе конвертовъ и разсылку оныхъ, а равно и отчетность по сему предмету, возложить на почтовый департаментъ, на каковомъ концѣ прибавить къ штату онаго двухъ чиновниковъ, съ жалованьемъ по 514 руб. 60 коп. и столовыми по 214 руб. 43½ коп. сер. въ годъ каждому, и съ причисленіемъ ихъ къ одинаковому классу по должности и одинаковымъ разрядамъ по пенсіи и мундиру съ младшими контролерами департамента, а для работъ по изготовленію конвертовъ опредѣлить въ оной десятъ человекъ сто-

рожей, съ содержаніемъ, паравивъ съ прочими, по штату назначеннымъ, именно: жалованья по 45 руб. 75 коп. и амуничныхъ по 16 руб. 25 коп. сер. въ годъ каждому.

5) Потребную на сіе сумму 2078 руб. 7 коп. ежегодно, а равно издержки на изготовленіе кувертовъ, отнести на однокопѣчный сборъ за куверты, который на сей конецъ и предоставить въ распоряженіе почтового департамента; од поступленія же сего сбора, упомянутые расходы производить заимообразно на счетъ государственнаго казначейства, изъ общихъ доходовъ, къ коимъ причислять и однокопѣчный сборъ.

6) О введеніи штемпельныхъ кувертовъ, обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, объявивъ притомъ:

а) Что письма въ сихъ кувертахъ будутъ равномерно взвѣшиваемы въ почтовыхъ мѣстахъ обыкновеннымъ порядкомъ, и въ случаѣ излишняго въ нихъ вѣса противъ цѣны кувертовъ, будетъ довыскиваема подлежащая плата, и

б) что въ случаѣ обнаруженія пересылки въ штемпельныхъ кувертахъ денегъ и вещей, безъ объявленія о томъ при самомъ отправленіи, будетъ поступаемо по ст. 1549-й Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Послѣ сего, по представленію г. главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ о мѣрѣ наказанія за поддѣлку штемпельныхъ кувертовъ, мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ въ 26-й день апрѣля сего года, постановлено, что виновные въ поддѣлкѣ таковыхъ кувертовъ будутъ подвергаемы взысканію на основаніи статьи 587-й того же уложенія.

Опредѣливъ въ штатъ почтоваго департамента вновь назначенныхъ двухъ чиновниковъ и сторожей, и сдѣлавъ все нужныя распоряженія къ началу съ 1-го декабря сего года пересылки по почтѣ внутри Имперіи и въ Великое Княжество Финляндское частныхъ писемъ въ штемпельныхъ кувертахъ, продажа коихъ съ того же времени начнется во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи, г. главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ вмѣстѣ съ тѣмъ все-

подданныѣше представлялъ Государю Императору, что для доставленія публикѣ возможности подавать на почту письма въ штемпельныхъ кувертахъ во всякое время, не стѣняясь часами, назначенными для личной ихъ подачи, представляется возможнымъ предоставить ей опускать письма въ таковыхъ кувертахъ въ закрытые ящики, такіе же, какіе заведены на городской почтѣ, и выставить эти ящики вездѣ, гдѣ существуютъ почтовые учрежденія, наружу, на видныхъ мѣстахъ. Его Величество въ 29-й день минувшаго августа изъявилъ на сіе Высочайшее соизволеніе.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: августа 28. Попечителемъ больницы, учрежденной въ память въ Бозѣ почивающей Великой Княгини Александры Николаевны, и помощникомъ Е. И. В. Принца Ольденбургскаго по управленію тою больницею, состоящей въ должности егермейстера двора Е. И. В. камергеръ дѣйств. стат. совѣт. графъ *Ферзенъ*. Ярославскимъ вице-губернаторомъ, состоящимъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ по особымъ порученіямъ надв. сов. *Муравьевъ*. Сентября 5. Должность предсѣдателя въ комиссіяхъ для размежеванія земель войска донскаго и для постройки Соборнаго Храма въ г. Новочеркаскѣ и Аксайской Дамбы повельно возложить на исправ. должн. начальника штаба того войска, свиты Е. И. В. генераль-маіора графа *Орлова Денисова* подъ непосредственнымъ начальствомъ исправ. долж. наказнаго атамана войска Донскаго, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ графу Орлову-Денисову, присутствовать въ войсковомъ правленіи и завѣдывать главнымъ управленіемъ войсковыми конскими заводами. Сентября 13. Сост. по арміи и по запаснымъ войскамъ, генераль лейтенанту *Муравьеву* 1-му, повельно быть членомъ военнаго совѣта. — Сентября 19. Полтавскимъ вице-губернаторомъ, назначенъ Курскій вице-губернаторъ дѣйств. стат. совѣт. *Лесевичъ*. — Сентября 23. Управляющимъ яро-

славскую палатою госуд. имущ. назначенъ, начальникъ отдѣленія перваго департамента госуд. имущ. камеръ-юнкеръ кол. сов. *Тиличевъ*. Сентября 26. Командиру астраханскаго порта контръ-адмиралу *Басаргину*, повелѣно вступить временно въ исправленіе должности астраханскаго военнаго-губернатора, съ оставленіемъ и въ званіи командира порта.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Сентября 15. Лихвинскій уездный предводитель дворянства, тит. сов. Семенъ *Яковлевъ*, пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

Произведенны.

Въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ статскихъ совѣтниковъ: сентября 18. Члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ: *Муравьевъ* и *Безакъ*, вице-губернаторы: Оренбургскій *Македонскій*, Симбирскій *Будянский* и Курскій *Лесевичъ*. Сентября 23. По вѣдомству министер. финансовъ: государственнаго коммерческаго банка, товарищъ управляющаго *Юрьевъ* и управляющіе конторами: Рижскою *Доппельмайръ* и Кіевскою *Андрониковъ*. Предсѣдатели палатъ: С. Петербургской *Пургальдъ*; Пензенской *Нащокинъ*, Полтавской *Тимаповскій*, Астраханской *Кадьянъ* и Тверской *Полторацкій*. Государственнаго коммерческаго банка старшій директоръ *Вороновъ* и испр. должн. начальника Измаильскаго таможеннаго округа полковникъ *Батуричъ*, съ утвержденіемъ въ должности начальника округа.

Въ статскіе совѣтники.

За отличіе, изъ коллежскихъ совѣтниковъ: сентября 18. Астраханскій вице-губернаторъ *Большанъ*. Сентября 19.

Членъ консультаціи при министерствѣ юстиціи князь *Кочубей*.—Сентября 23. По вѣдомству министерства финансовъ: департ. госуд. казнач. нач. отд. *Бялевъ*, госуд. коммерч. банка младшій директоръ *Рагинскій* и Нижегородской палаты питейнаго отдѣленія совѣтникъ *Бибииковъ*. *За выслугу лѣтъ*: 29 августа. Мин. иностранныхъ дѣлъ: департаментовъ, хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ вице-директоръ камеръ-юнкеръ *Озеровъ* и Азіатскаго вторый драгоманъ и адъюнктъ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Гинкуловъ*. Генеральный консулъ въ Норвегіи *Чевкинъ*.—Московского приказа общест. призрѣнія, серпуховскихъ богоугодныхъ заведеній почетный директоръ *Одищевъ*.—Августа 31. Рижской коммерческой конторы старшій директоръ *Фришъ*. Сентября 2. Испр. должн. якутскаго областнаго начальника *Каргопольцовъ* и воронежскаго губернскаго правленія старшій совѣтникъ *Федоровъ*. Подольскій губернскій люстраторъ *Паржисцкій*. Сентября 10. Чиновникъ для особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарь царства Польскаго *Политковский*. Сентября 22. Черноморскій войсковый прокуроръ *Броицкій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго.

Августа 28. Тайн. совѣт. *Шредеръ*. Августа 30. Дѣйст. тайн. совѣт. сенаторъ *Челмичевъ*. Адмиралъ, главный командиръ ревальскаго порта и ревальскій военный губернаторъ графъ *Гейденъ* 1-й. Тайн. совѣт. сенаторъ князь *Лобановъ-Ростовскій* 1-й. Тайн. совѣт. сенаторъ *Пещуроевъ*.

Бѣлаго орла.

Августа 30. Тайн. совѣт. сенаторъ *Сухаревъ*. Тайн. совѣт. сенаторъ *Фонъ-Дребушъ*. Вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ совѣта, *Фонъ-Платеръ*. Вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ совѣта *Суцковъ* 1-й.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-й степени.

Августа 30. Тайн. совѣт. сенаторъ *Кочубей* 3-й. Тайн. совѣт. сенаторъ *Новосильцовъ*. Генераль-лейтенантъ, въ должн. инспектора корпуса морской артиллеріи и директоръ артиллерійскаго департамента морскаго министерства, *Примо*. Сентября 10. Тайн. совѣт. управляющій государственнымъ коммерческимъ банкомъ, *Голохвастовъ*.

Св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною.

Августа 30. Контръ-адмиралъ. членъ общаго присутствія черноморскаго интендантства, *Артюковъ*. Контръ-адмиралъ, инспекторъ классовъ морскаго кадетскаго прокуса, *Горковенко*.

Св. Анны 1-й степени.

Августа 28. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества Короля Саксонскаго при Дворѣ Е. И. В. баронъ *Зебахъ*. Августа 30. Контръ-адмиралъ, командиръ дунайскихъ портовъ и тамошней флотиліи, *Захарыинъ* 1-й. Контръ-адмиралъ, командиръ 3-й бригады 4-й флотской дивизіи, *Копотонцевъ*. Контръ-Адмиралъ, членъ морскаго генераль-аудиторіата, *Ивановъ* 1-й. Сентября 8. Дѣст. стат. совѣт. членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи состоящей, графъ *Илинскій*.

Св. Станислава 1-й степени.

Сентября 3. Дѣст. стат. сов., сост. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, *Липранди*. Сентября 10. Дѣст. стат. совѣт. председатель комитета снабженія войскъ сукнами, *Дружининъ*. Дѣст. стат. сов. председатель енисейской казенной палаты, *Высоцкій*.

Св. Равноапостольнаго князя Владимира 3-й степени.

Августа 26. Командиръ горскаго линейнаго казачьяго полка и начальникъ кабардинской линіи, сост. по кавалеріи полковникъ князь *Эристовъ* 2-й. Дивизионный квартирмейстеръ кавказской резервной гренадерской бригады, генеральнаго штаба полковникъ *Вережкшъ*. Сентября 3. Сост. при мин. внутр. дѣлъ, чиновники для особыхъ порученій, статскіе совѣтники: *Надеждинъ* и *Ханыковъ*. Статскіе совѣтники: сост. при мин. внутр. дѣлъ *Арановъ*, непремѣнный членъ с. петербургскаго приказа общ. призр. *Козьминъ* и инспекторъ ливляндской врачебной управы докторъ медицины *Леви*. Сентября 4. Генеральный консулъ въ Лейпцигъ, стат. сов. *Киль*. Сентября 10. Дѣст. стат. совѣтники: вице-директоры департаментовъ: госуд. казнач. въ званіи камергера, *Ростовцевъ*, и разн. подат. и сборовъ *Голубевъ*. Нач. отд. департаментовъ: горн. и солян. дѣлъ, оберъ-берггауптманъ 5-го класса *Фереферовъ* и въпшней торговли кол. сов. *Марковъ*. Сентября 13. Управл. могилевскою римско-католическою епархією, Прелать Мартинъ *Ласкій*.

Св. Владимира 4-й степени, съ бантомъ.

Сентября 3. Командующій 4-ю бригадою кавказскаго линейнаго казачьяго войска, сост. по кавалеріи подполковникъ баронъ *Унгернъ-Штернбергъ* 2-й. Кубанскаго егерскаго полка подполковникъ *Закусинъ*. Ставропольскаго егерскаго полка маіоръ *Страмбургскій*. Командующіе линейными казачьими полками: 2-мъ кубанскимъ войсковый старшина *Мещериновъ* и 2-мъ кавказскимъ войсковый старшина *Балуевъ*. Есаулы: 2-го кавказскаго линейнаго казачьяго полка *Сесенинъ* и 1-го ставропольскаго линейнаго казачьяго полка *Назаренковъ*.

Пожалованы медалями:

Золотыми медалями, съ надписью: «за усердіе», для пощенія на шею: на *Александровской* лентѣ: сентября 10. Ученикъ с. петербургской рисовальной школы, купеческій сынъ

Чекалинъ. 1-й гильдіи купцы: Елецкій градскій глава, почетный гражданинъ Сергій *Русановъ*, и членъ с. петербургской городской распорядительной думы Родіонъ *Пытуховъ*. На **Владимирской** ленть: 3-й гильдіи купцы: членъ Оеодоссійскаго карантиннаго правленія Дорочей *Лаго* и староста ревельскаго россійскаго купеческаго общества Петръ *Миловановъ*. На **Аншинской** ленть: 3-й гильдіи купцы: кронштадскій градской глава почетн. гражд. герасимъ *Куречановъ*, симферопольскій уездный Кадій *Семть-Абдуль-Эфенди*, торговый смотритель въ с. петербургъ Иванъ *Латынинъ*, базарные смотрители въ с. петербургъ: Тимофей *Кохановъ*, Петръ *Ломтевъ* и гласный с. петербургской градской думы Ефимъ *Тимофьевъ*. Сентября 17. 3-й гильдіи купецъ города новогеоргіевска, Дмитрій *Кожевниковъ*. Сентября 18. Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ граверъ, свободный художникъ *Кирхнеръ* и инженеръ механикъ гановерскій подданный *Шеллеръ*. *Серебряными* медалями, съ надписью: «за усердіе» для ношенія на шею на **Аншинской** ленть: сентября 10. 3-й гильд. купцы, градскіе головы: екатеринославскій Иванъ *Ловяшинъ*, Кирсановскій Панфилъ *Крученковъ*, Алатырскій Михайла *Морозовъ*, сельскій засѣдатель Быховскаго земскаго суда однодворецъ Василій *Студницкій*. Равнинъ въ мѣстечкѣ Немеровъ Розенфельдъ и Бакчисарайскій Караимскій Газанъ, одесскій мѣщанинъ Соломонъ *Бейма*. Сентября 17. 3-й гильд. купцы: города Новогеоргіевска Ефимъ *Холодильникъ* и города Елисаветграда, Василій *Кондратьевъ*. Сентября 18. Комиссіонеръ нижегородскаго солянаго правленія, Нижегородскій 3-й гильд. купеч. сынъ Всеволодъ *Пашкуновъ* и сост. въ вѣдомствѣ астраханскаго солянаго правленія толмачъ Татарскаго и Калмыцкаго языковъ, армянинъ Христофоръ *Папавъ*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

А н г л і я .

Процессъ хартистовъ оканчивается. Газета Times говоритъ объ немъ слѣдующее: «Процессъ, производившійся въ Old Bailey, представляетъ замѣчательный контрастъ съ 10,000 арестованныхъ, 12,000 дѣлъ и 1.000,000 другихъ актовъ при слѣдствіи по дѣлу парижскихъ инсургентовъ. Если вспомнить, что въ Лондонѣ разсматривается теперь заговоръ цѣлаго года, то результатъ покажется очень неважнымъ. Открыты одна или двѣ дюжины башмачниковъ, портныхъ и столяровъ, которые были зерномъ и основнымъ камнемъ хартизма, хотѣвшаго прошлою весною низвергнуть Британское государство и образовать новое. Важнѣйшій изъ преступниковъ есть маляръ, воспитанный на королевскихъ верфяхъ. Никогда странствующіе актеры, бывшіе нѣсколько часовъ королями и великими героями, не падали такъ низко, когда опускался занавѣсъ и они должны были возвращаться въ свои жилища. Въ прошломъ апрѣлѣ сдѣлано было воззваніе къ 150,000 мирнымъ гражданамъ для защиты столицы отъ тайныхъ непріятелей, не говоря уже о регулярныхъ войскахъ и пушкахъ. Съ того времени были угрозы, демонстраціи и битвы. Но по истеченіи шести мѣсяцевъ вся сила и весь ужасъ революціи ограничились двумя бѣдняками, кото-

рые представлены, какъ слѣдуетъ, въ уголовный судъ и противъ которыхъ нѣкоторые изъ измѣнившихъ хартистовъ свидѣтельствуютъ, а одинъ изъ хартистовъ защищаетъ ихъ, и довольно вяло. Вся тайныя дѣйствія хартистовъ открывались ежедневно полиціи четырьмя добровольными доносчиками, изъ коихъ каждый думалъ, что онъ одинъ только измѣнникъ.»

Ирландія.

Въ клонмельскомъ судѣ, *Смитъ О'Бринъ* признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни. Произнесеніе этого приговора происходило слѣдующимъ образомъ: «Спеціальная ирландская коммиссія собралась. Г. *Смитъ О'Бринъ* былъ приведенъ. Онъ пожалъ руку своему адвокату и улыбался своимъ знакомымъ, находившимся между зрителями. По требованію генераль-прокурора, положено было произнести приговоръ въ этомъ засѣданіи. Коронный клеркъ спросилъ г. *Смита О'Брина*, не имѣетъ ли онъ представить какія-либо причины, по которымъ не должно было бы произнести смертнаго приговора надъ нимъ. Г. *О'Бринъ*, стоя, и съ совершенно безмятежнымъ лицомъ, сказалъ твердымъ голосомъ:

«Милорды, я не имѣю намѣренія оправдывать свое поведеніе, хотя и могъ бы воспользоваться представляемымъ мнѣ случаемъ; совѣсть моя совершенно спокойна. Я убѣжденъ, что исполнилъ долгъ свой и готовъ подвергнуться всемъ послѣдствіямъ своего поступка. Произнесите приговоръ мой».

Въ трибунахъ раздались рукоплесканія, сопровождаемая топотомъ. Пристава тотчасъ прекратила этотъ шумъ. Лордъ первый судья, г. *Блекборнъ*, обращаясь къ *Смиту О'Брину*, объявилъ, что присяжные, изъ его соотечественниковъ, признали его виновнымъ. «Они просятъ вамъ помилованія; мы отошлемъ это прошеніе къ лорду-намѣстнику; вы знаете, что онъ одинъ имѣетъ право исполнить ихъ просьбу. Теперь, вы должны помыслить о преступленіи, которое со

вершили; желаю, чтобы ваши размышленія сопровождались искреннимъ раскаяніемъ. Суду остается только произнести приговоръ.» Лордъ *Блекборнъ* и всѣ другіе судьи надѣли свои черныя шапочки и первый судья, съ большой торжественностію, произнесъ слѣдующее: «*Вильямъ Смитъ О'Бринъ*, вы будете отведены отсюда туда, откуда пришли; васъ повезутъ на тележкѣ на мѣсто казни и тамъ вы будете повѣшены за шею, до смерти; потомъ голова ваша будетъ отдѣлена отъ туловища, а тѣло разсѣчено на четыре части, для поступленія съ нимъ, какъ повелитъ ея королевское величество. Да помилуетъ Господь Богъ вашу душу!» Въ голосъ перваго судьи замѣтно было сильное волненіе, и, произнеся послѣднія слова, лордъ *Блекборнъ* поднялъ руки къверху. Одинъ *Смитъ О'Бринъ* выказывалъ совершенное равнодушіе. Судьи вышли. Директоръ тюрьмы положилъ руку на плечо *Смита О'Брина*; въ ту минуту какъ онъ выходилъ, докторъ *Грей*, адвокатъ его, г. *Поттеръ* и г. *О'Гара*, дружески протянули ему руки. *Смитъ О'Бринъ* пожалъ имъ руки, и, съ улыбкою на устахъ, вышелъ изъ залы. Послѣ этого приговора, судьба *О'Брина* зависитъ отъ рѣшенія правительства; думаютъ, что жизнь его будетъ пощажена.

Судъ клонмельскихъ присяжныхъ призналъ виновными также *О'Джогозъ* и *Мишера*.

Франція.

Въ засѣданіи національнаго собранія 25 сентября, былъ рѣшенъ вопросъ о налогахъ, къ рассмотрѣнію котораго приступили еще 21 сентября. Въ 15 статьѣ проекта конституціи сказано: «Налогъ учреждается для общей пользы: каждый гражданинъ участвуетъ въ немъ по своей возможности и своему имуществу.» Гг. *Серверъ* и *де-Сезъ*, въ засѣданіи 21 числа, предложили замѣнить слова: *по своему имуществу* выраженіемъ: *соразмѣрно своему имуществу*. Эта перемѣна заключала въ себѣ важный вопросъ о возрастающемъ или прогрессивномъ налогѣ, то-есть, увеличивающемся сораз-

мѣрно количеству имущества каждаго. Въ засѣданіи 25-го сентября многіе ораторы сильно возставали противъ этого измѣненія и прогрессивнаго налога вообще; многіе его защищали; наконецъ министръ финансовъ г. *Гудшо* взошелъ на кафедру и объявилъ себя отъ имени правительства въ пользу налога, соразмѣрнаго имуществу. Это объявленіе возбудило въ собраніи сильный ропотъ. Генералъ *Кавеньякъ* сказалъ, что правительство не можетъ не объявить своего мнѣнія, и что онъ совершенно согласенъ съ г. *Гудшо*; министръ финансовъ защищалъ свое мнѣніе, и соразмѣрный налогъ былъ утвержденъ большинствомъ 644 голосовъ противъ 96. Пятнадцатая статья была измѣнена въ этомъ смыслѣ. За тѣмъ приняты были статьи 16 и 17, служащія объясненіемъ этой, и собраніе перешло къ разсмотрѣнію третьей главы проекта. Статья 18, о томъ, что власть принадлежитъ народу и 19, о раздѣленіи властей, были приняты. Четвертая глава начинается статью двадцатою о законодательной власти. Вопросъ въ томъ, одной или двумъ палатамъ должна принадлежать законодательная власть. Г. *Дювержье де-Гораннъ* говорилъ въ пользу учрежденія двухъ палатъ, а г. *Антони Туре* въ пользу одной палаты.

26 сентября, собраніе снова занялось разсмотрѣніемъ статьи двадцатой, въ которой сказано: «Законодательную власть французскій народъ ввѣряетъ единственному собранію.» Многіе ораторы говорили въ пользу одной и двухъ палатъ; вдругъ во время рѣчи г. *Марселя Барта*, у боковыхъ дверей раздались крики: *Онъ здѣсь! Онъ здѣсь!* и всѣ зрительныя трубки обратились въ ту сторону. Графъ *Моле* и многіе другіе представители оставили свои мѣста; шумъ непрерывно усиливался и, не смотря на всѣ воззванія г. *Марраста*, въ залѣ господствовалъ ужаснѣйшій беспорядокъ и изъ рѣчи г. *Барта* не слышно было ни слова. Въ залу вошелъ *Людвигъ Бонапарте* и сѣлъ подъ Горую, на одной изъ скамей подлѣ лѣваго центра, рядомъ съ г. *Вильярмомъ*. По докладу г. *Клемана*, выборъ *Людвигъ Бонапарте* въ іонскомъ департаментѣ былъ утвержденъ. Потомъ, онъ взошелъ на кафедру, и въ залѣ воцарилось глубокое безмолвіе. *Лудо-*

викъ Бонапарте прочелъ краткую рѣчь, въ которой выразилъ свою признательность къ республикѣ, возвратившей его изъ слишкомъ тридцатилѣтняго изгнанія, свою готовность служить ей всеми силами и содѣйствовать ея утвержденію. Объ этой рѣчи и объ ея авторѣ въ *L'Union* говорятъ: «Экс-претендентъ человекъ средняго роста; походка его невѣрная, лицо неподвижное; онъ отличается только необыкновенными бакенбардами. Я вспомнилъ басню о горѣ въ родахъ. Рѣчь, которую произнесъ гражданинъ Бонапарте, подтверждаетъ мое мнѣніе.»

Потомъ по докладу г. *Жилла*, утвержденъ выборъ г. *Распалля* въ Парижъ, но президентъ г. *Маррастъ* прочелъ обвинительный актъ противъ него, и собраніе, разрѣшивъ преслѣдовать его судомъ, оставило новаго представителя въ венсенскомъ замкѣ.

По случаю выбора *Людвигъ Бонапарте*, въ одной французской газетѣ замѣчаютъ: «Невозможно представить себѣ всѣхъ нелѣпостей, которыя эмиссары *Людвигъ Бонапарте* разпустили по деревнямъ, чтобы заставить мужиковъ подавать голоса при выборахъ въ пользу ихъ фетиша. Во-первыхъ, простодушныхъ поселянъ утѣряли, что *Людвигъ Бонапарте*, не племянникъ, а сынъ императора, герцогъ рейхштадскій, и что слухъ о томъ, будто онъ умеръ въ Вѣнѣ, былъ нарочно распушенъ врагами Франціи. Имъ говорили, что у *Людвигъ Бонапарте* слишкомъ четыре или пять милліардовъ и онъ ихъ пожертвуетъ для того, чтобъ мужики лѣтъ пять были свободны отъ платежа податей. И, благодаря праву всеобщаго избирательства, невѣжды, которые всему этому вѣрили, рѣшаютъ судьбу Франціи!»

27 сентября, большинствомъ 530 голосовъ противъ 289, принята статья 12, по которой въ національномъ собраніи республики будетъ одна палата. Въ засѣданіи 28 сентября, приняты статьи 21—27 о выборѣ представителей.

29 сентября, засѣданіе происходило подъ прикрытіемъ соборнаго около залы пѣшаго и коннаго войска, даже пушки приготовлены были на внутреннихъ дворахъ. Слышно было, что демагоги хотятъ силою заставить національ-

ное собраніе освободить *Распалля*. Едва только г. *Маррасть* открылъ въ 12½ ч. засѣданіе, какъ вдругъ приливъ народа усилилъ опасенія. Одинъ извѣстный публицистъ подошелъ къ представителю *Данжюа* и сказалъ ему: «Если вы въ теченіе трехъ дней не освободите *Распалля*, то 160,000 пролетаріевъ пошлютъ васъ къ чертямъ.» Г. *Данжюа*, испуганный, объявилъ объ этой угрозы президенту *Маррасту*, который тотчасъ же велѣлъ арестовать публициста. Затѣмъ приступлено было къ разсужденіямъ о 28 статьѣ конституціи, именно объ образѣ избранія представителей. Наканунъ собраніе рѣшило, что выборы должны производиться по департаментамъ и тайною подачею голосовъ. Теперь оставалось рѣшить, въ главныххъ ли городахъ департаментовъ будутъ происходить выборы или въ общинахъ. Г. *Бераръ* говорилъ въ пользу выборовъ въ общинахъ. Г. *Дюфоръ*: «Отъ имени комитета конституціи я представляю для устраненія всѣхъ предложенныхъ измѣненій, слѣдующее новое изложеніе статьи. (Общее вниманіе.) Избраніе представителей производится по департаментамъ и тайною подачею голосовъ. Оно имѣетъ происходить въ главныххъ городахъ кантоновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть, съ согласія генеральнаго совѣта, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, раздѣляемо на многіе избирательные участки.» (Слѣва: *Ого!* Справа: *Очень хорошо!*) Г. *Дюфоръ* опровергалъ предложеніе г. *Берара*, которое и было отвергнуто большинствомъ 528 противъ 271 г. Г. *Эмиль Леру* предложилъ, чтобы все, касающееся до права избирательства, было опредѣлено въ органическомъ законѣ объ этомъ предметѣ. Предложеніе его принято. Наконецъ 28 статья принята вполнѣ. Собраніе перешло къ разсмотрѣнію 29 статьи, о назначеніи палаты на три года и возобновленіи ея въ полномъ ея составѣ. Г. *Бусси* предложилъ назначать палату на четыре года и возобновлять половину членовъ ея черезъ два года. Это предложеніе отвергнуто. Статья 29 принята.

30 сентября, г. *Данжюа* объявилъ, что онъ имѣетъ предложить нѣсколько вопросовъ министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ сказалъ, что одна партія учреждаетъ по всей Франціи

политическіе банкеты, въ которыхъ стараются произвести въ республикѣ несогласіе; что въ Тулузѣ между прочимъ происходилъ банкетъ, при которомъ было выставлено красное знамя, провозглашались тосты въ честь *Барбеса*, *Марата*, *Робеспьера* и *ильотинны* и присутствующіе кричали: Долой мѣщанское собраніе! Долой *Кавеньяка!* Г. *Данжюа* спрашивалъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ его ли позволенія префектъ и всѣ высшіе чиновники департамента присутствовали на подобномъ банкетѣ? Рѣчь г. *Данжюа* породила страшную бурю. Всѣ члены Горы вскочили со своихъ мѣсть и осыпали оратора самыми обидными замѣчаніями. Г. *Сенаръ* объявилъ, что подробности этого дѣла ему официально неизвѣстны и что онъ произведетъ надлежащее изслѣдованіе. Военный министръ генералъ *Ламорисьеръ* сказалъ, что онъ запретилъ генераламъ присутствовать на подобныхъ банкетахъ. Г. *Данжюа* хотѣлъ говорить снова, но ему не дали говорить; шумъ и беспорядокъ дошли до такой степени, что предсѣдательствовавшій въ собраніи вице-президентъ *Корбонъ* принужденъ былъ прервать засѣданіе. Черезъ четверть часа оно открылось снова, но волненіе еще не успокоилось; собраніе не обращало ни малѣйшаго вниманія на рѣчи ораторовъ, члены одинъ за другимъ расходились, и засѣданіе надобно было закрыть.

Вотъ отзывы разныхъ журналовъ объ этомъ засѣданіи.

Газета l'Union. «Мы не находимъ словъ, чтобы изобразить нынѣшнее засѣданіе національнаго собранія. Говорятъ о Конвентѣ, о страшныхъ эпизодахъ 93 года и терроризма; то что мы видѣли, несравненно хуже. Мы видѣли страшныя явленія, которыя теперь такъ жалко пародируютъ; мы видѣли какъ вырождавшіеся потомки прежней Горы превращаютъ въ постыдныя, грандіозныя сцены своихъ предшественниковъ; мы видѣли, какъ достоинство чловѣка гибло въ общемъ крушеніи съ достоинствомъ политическаго собранія. Теперь, когда это двойное достоинство забываютъ, оскорбляютъ, попираютъ ногами, мы почти готовы жалеть о великихъ эпизодахъ первой революціи. Тогда по крайней мѣрѣ гнусное было не безъ величія; тогда, по крайней мѣрѣ, бури съ высоты

спускались на людей, и въ Конвентѣ было какое-то мрачное величіе, и въ самомъ разгарѣ его сатурналій, и въ кровавые дни, когда погибли Жиродинцы, и въ тѣ торжественные дни, когда ненавистный предводитель первой Горы, требовалъ слова у того, кого онъ называлъ председателемъ убійцъ. Какъ выродились нынѣшніе Монтаньяры! Тамъ, гдѣ предшественники ихъ грозно волновались, они шумятъ и бушуютъ какъ школьники. Первые рисковали за идею жизни, вторые жертвуютъ мелочной досадой своимъ достоинствомъ и важностію своего званія. Первые, въ дикой, но мощной энергіи, грозили другъ другу, кинжаломъ и эшафотомъ; вторые, въ жалкомъ раздраженіи, ругаютъ своего противника и грозятъ ему кулаками.»

La Presse. «Между засѣданіемъ, изъ котораго мы только что вышли, и постыдными засѣданіями, когда *Маранъ* и *Тальенъ* съ пистолетомъ въ рукахъ всходили на трибуну Конвента, одинъ только шагъ. Сдѣлаетъ ли собраніе этотъ послѣдній шагъ? Мы можемъ сказать только то, что видѣли, какъ четыре пристава тѣснились на трибунѣ вокругъ г. *Данжюа*, чтобы защитить его отъ возбѣжденныхъ представителей. Подобное зрѣлище еще не видано во Франціи, и съ исторіею въ рукахъ, мы утверждаемъ, что бабы, которыя въ 93 году, сидя въ публичныхъ трибунахъ, за два франка въ день, выражали мнѣніе Франціи, представляли зрѣлище не печальнѣе этого. Тогда бывали сцены кровавыя, одна часть собранія возставала противъ другой и наконецъ отправляла ее на эшафотъ. То была партія, которая сначала угнетала, потомъ уничтожила другую. Но двѣсти рукъ, поднятыхъ противъ одного человѣка, двѣсти представителей, которые кидаются на одного изъ своихъ товарищей, заглушаютъ его голосъ и грозятъ ему самому, пѣтъ, этого еще никогда не видано!»

Собраніе 2-го октября началось преніями о проектѣ декрета касательно земледѣльческихъ школъ, преніями, которыя уже столько разъ прерывались и возобновлялись. Въ концѣ засѣданія первая статья проекта была принята, большинствомъ 493 голосовъ противъ 59. Она состоитъ въ слѣдующемъ: «Спеціальное агрономическое образованіе раздѣ-

ляется на три степени. Къ первой принадлежатъ опытные фермы, въ которыхъ земледѣльцы получаютъ первоначальное практическое образованіе; ко второй, школы высшаго разряда (*écoles regionales*), въ которыхъ практическое образованіе соединяется съ теоретическимъ обученіемъ; къ третьей, національный агрономическій институтъ, или высшее нормальное училище земледѣлія». Разсужденія объ этомъ проектѣ окончены 5 октября; весь проектъ декрета относительно агрономическаго обученія принятъ. Одною изъ статей постановлено, что сельскія хозяйственныя школы содержатся на счетъ государства.

4 октября, собраніе возобновило пренія о конституціи, прерванныя нѣсколько дней назадъ. Оно дошло до 30-й статьи; но 27 и 28 статьи переданы въ комитетъ конституціи. Въ обѣихъ этихъ статьяхъ говорится о несовмѣстности нѣкоторыхъ должностей съ званіемъ представителя. Въ нихъ предложены были многія измѣненія. Г. *Мартенъ* (изъ Страсбурга) читалъ докладъ комитета объ этихъ статьяхъ и предложенныхъ въ нихъ измѣненіяхъ. «Комитетъ, сказалъ онъ, предлагаетъ вамъ утвердить 28 статью въ слѣдующемъ видѣ: «Народное представительство несомвѣстно съ должностями, съ которыми соединено жалованье и которыя не зависятъ отъ выборовъ. Ни одинъ изъ членовъ національнаго собранія, во все время засѣданій, не можетъ занимать упомянутыхъ должностей и не можетъ быть назначенъ къ исполненію этихъ должностей начальникомъ исполнительнои власти. Изъ этого правила исключаются: 1) министры, 2) ихъ помощники, 3) генераль-прокуроръ кассационнаго суда, 4) генераль-прокуроръ апелляціоннаго суда, 5) префектъ сенскаго департамента, 6) парижскій префектъ полиціи, 7) командиръ національной гвардіи, и 8) дипломатическіе агенты изъ представителей». Новая релакція этой статьи возбудила продолжительныя пренія. Г. *Фланденъ* предложилъ исключить нотаріусовъ, адвокатовъ и врачей. (*Волеице справа и въ центрѣ.*) *Разные голоса:* «Это значитъ исключать все общество отъ избранія въ представители!» Наконецъ приступлено было къ балотировкѣ 28 статьи, въ томъ

видь какъ представилъ ее отъ имени комитета г. *Мартевь*. Статья была принята. Статья 31: «Представители могутъ быть вторично избираемы»—принята. Статья 32: «Члены собрания суть представители не только того департамента, въ которомъ избраны, но и всей Франціи»—принято. Статья 33 «Члены національнаго собрания не могутъ получать отъ избирателей никакихъ обязательныхъ инструкцій»—принята. Статья 34: «Народные представители неприкосновенны. За мнѣнія свои въ національномъ собраніи, они не могутъ быть ни обвиняемы, ни преслѣдуемы, ни судимы»—принята. Статья 35: «Въ уголовныхъ дѣлахъ они не подлежатъ аресту, развѣ только на мѣсть совершенія преступления, и не могутъ быть преслѣдуемы судомъ безъ дозволенія собранія. Въ случаѣ совершенія представителемъ преступленія, готчасъ же доносится объ этомъ собранію, которое и полагаетъ свое рѣшеніе»—принята. Статья 36: «Каждый народный представитель получаетъ вознагражденіе, отъ котораго онъ не имѣетъ права отказываться»—принята. Вознагражденіе опредѣлено въ 25 фр. Статья 37: «Засѣданія происходятъ публично, но собраніе можетъ образоваться въ тайный комитетъ, по требованію опредѣленнаго регламентомъ числа членовъ»—принята. Статья 38: «Для законности баллотировки необходимо большинство одного голоса»—принята. Статья 39 (о предложеніяхъ, не терпящихъ отлагательства) также принята.

Пренія о статьяхъ 40, 41 и 42, происходившія 5 октября, были замѣчательны только потому, что при собираніи голосовъ объ одномъ измѣненіи въ 40-ой статьѣ, палата раздѣлилась на двѣ ровныя половины, 360 голосовъ было въ пользу измѣненія, 360 противъ него; такъ какъ оно не приобрьло большинства, которое должно было состоять изъ 361 голоса, то и было отвергнуто. Наконецъ приступлено было къ разсмотрѣнію 43 статьи, которою начинается глава о президентѣ республики.

Въ засѣданіи 6 октября, г. *Френо* продолжалъ начатую имъ еще во вчерашнемъ засѣданіи рѣчь, въ которой старался доказать необходимость избранія президента народомъ.

Въ избраніи президента національнымъ собраніемъ онъ видитъ страшную олигархію. Г. *Греви* предложилъ, чтобы президента избирало собраніе, чтобы президентъ назначалъ министерство, отвѣчалъ за свои дѣйствія и могъ смѣнять назначаемыхъ имъ министровъ. Вопросъ о правѣ избранія президента республики національнымъ собраніемъ, не подлежитъ сомнѣнію. Имѣетъ ли собраніе право устраивать государство по своему усмотрѣнію? Не само ли оно провозгласило республику? Не оно ли издаетъ законы? Мы представляемъ народъ, говорилъ г. *Греви*. Народъ не довольно еще просвѣщенъ, еще не забылъ прежняго правленія, продолжавшагося въ теченіе четырнадцати вѣковъ. Смѣшанная система должна повести къ гражданской войнѣ; такъ называемое равновѣсіе между государственными властями есть не болѣе какъ мечта, выдумки Англичанъ. Поэтому не должно быть ни какого двойнаго государственнаго правительства, двухъ властей. Народной конгрессъ, который мы составляемъ теперь, есть самое сильное правительство. Какое другое правительство не пало бы подъ ударами іюньскаго возстанія; какое другое правительство отважилось бы на трехъ-мѣсячное осадное положеніе? *Людвигъ Филиппъ* не выдержалъ его и трехъ дней. Въ демократической республикѣ правительство должно состоять изъ одной палаты. — Г. *Жюль де Ластейри* говорилъ въ пользу выбора президента народомъ и доказывалъ, что только раздѣленіе властей можетъ долго поддерживать существованіе ихъ. Г. *Ламартинъ* говорилъ также въ пользу избранія президента народомъ. Рѣчь его, продолжавшаяся $1\frac{3}{4}$ часа, совершенно истощила силы оратора. Приводимъ окончаніе этой блистательной рѣчи:

«Господа, я останавливаюсь, не потому, чтобы я изчислилъ уже все причины, говоряція въ пользу моего мнѣнія, но потому-что часовая стрѣлка напоминаетъ мнѣ о позднемъ времени.... *Многіе голоса*. Мы не смотримъ на часы. Г. *Ламартинъ*. Знаю, что въ обихъ системахъ есть важныя опасности: съ народомъ бывають минуты заблужденія, есть имена, которые увлекають толпу, какъ миражъ увлекаетъ стада, какъ лоскутъ красной матеріи привлекаетъ живот-

ныхъ, не одаренныхъ разумомъ! *Многіе голоса.* Это слишкомъ справедливо! *Г. Ламартина.* Знаю, и страшусь этого, потому что нѣтъ гражданина, который бы, за успѣхъ республики, больше меня положилъ своей души, своей жизни, своихъ трудовъ, своей ответственности, своей памяти въ будущемъ! Если она упрочится, я выигралъ мое дѣло противъ судьбы; если она погибнетъ, или въ анархіи, или въ воспоминаніи деспотизма, мое имя, моя ответственность, моя память погибнуть вмѣстѣ съ нею, и на-всегда буду отвергнуты моими современниками. (*Сильное движеніе*). Не смотря на эту страшную, личную ответственность въ опасностяхъ, которымъ, могутъ подвергнуться наши еще загадочныя учрежденія, хотя опасности республики — мои опасности, и гибель ея мое вѣчное изгнаніе, мой вѣчный трауръ, если я переживу это несчастіе, не смотря на все это, я рѣшаюсь въ пользу того что кажется вамъ самымъ опаснымъ, въ пользу избранія президента народомъ! О, если бѣ народъ даже избралъ того, кого я боюсь, можетъ-быть, напрасно..... нужды нѣтъ. *Alia jacta est!* Жребій брошенъ! Суди Господи! Надобно предоставить что-нибудь и Провиднію. Оно свѣтъ для тѣхъ, кто подобно намъ не можетъ читать во мракъ будущаго!» За этой рѣчью послѣдовали продолжительныя рукоплесканія, и, хотя было еще рано, никто не рѣшился потребовать слова послѣ *г. Ламартина.* Пренія объ этомъ предметѣ продолжались и на другой день. *Journal des Débats*, разбирая мнѣнія разныхъ ораторовъ, отдастъ преимущество *г. Ламартину.*

«Мнѣнія собранія раздѣляются между тремя системами. Одни отвергаютъ учрежденіе званія президента республики и хотятъ, чтобы былъ только советъ министровъ, который палата могла бы распускать, когда ей вздумается; это мнѣніе партіи рѣшительныхъ демократовъ. Другіе хотятъ президента, но требуютъ, чтобы онъ назначаемъ былъ національнымъ собраніемъ, которое однако жъ не имѣло бы права смѣнять его. Зависимый по своему происхожденію, онъ былъ бы совершенно независимъ въ отправленіи обязанностей своего званія, продолженіе которыхъ должно быть опредѣлено кон-

ституціею. Последніе, наконецъ, считая необходимымъ, чтобы исполнительная власть была сильна и независима, полагаютъ, что ничто кромѣ всеобщаго права избирательства не можетъ придать президенту республики этой силы и независимости. Они замѣчаютъ, что въ другихъ двухъ системахъ, въ особенности въ первой, исполнительная власть сливается съ властію законодательною. Палата все; президентъ или советъ министровъ, не что иное, какъ орудіа; ответственность исчезаетъ! Мы не станемъ опровергать первой системы, которая впрочемъ, безъ сомнѣнія, и не будетъ принята. Дѣйствительная борьба можетъ происходить только между двумя остальными системами, той, которая хочетъ президента, избираемаго собраніемъ, и той, которая хочетъ президента, избираемаго народомъ. О, если бы краснорѣчіе, великолѣпніе рѣчи, блескъ метафоръ, могли рѣшать затрудненія, можетъ-быть, неразрѣшимыя, то послѣ превосходной рѣчи *г. Ламартина*, не могло бы болѣе оставаться никакихъ сомнѣній. Мы бы сказали: Давайте урны! Призывайте народъ! Выберемте президента теперь же! Никто, конечно, не станетъ отвергать, что президентъ, избранный народомъ, возведенный на высшую степень въ республикѣ милліонами рукъ и голосовъ, соединяющей въ себѣ одною все голоса, разсыявшіяся на девяти или семи стахъ членахъ національнаго собранія, будетъ обладать властію, какой никогда не можетъ имѣть президентъ, избранный такъ сказать второй рукой, и которому палата, его избравшая, всегда можетъ сказать: Кто съдѣлалъ тебя тѣмъ что ты есть? И мы тоже требуемъ исполнительной власти, сильной и независимой! Ясно, что если хотятъ имѣть президента республики, то надобно, чтобы его назначала республика. Президентъ, назначенный палатою, какъ бы вы его ни называли, всегда будетъ только президентомъ, повѣреннымъ палаты. Поэтому система *гг. Парьё и Леблон* гораздо ближе къ системѣ рѣшительныхъ демократовъ, чѣмъ какъ они сами думаютъ. Все это прямое или непрямое уничтоженіе исполнительной власти. Президента нельзя будетъ смѣнять. Но можетъ ли, осмѣлится ли онъ противиться палатѣ, которая его назначила? А если онъ

назначенъ большинствомъ двадцати, десяти голосовъ, какую же нравственную силу будетъ онъ имѣть при производствѣ переговоровъ, командованіи войсками, управленіи административною машиною, обузданіи партіи; можетъ ли онъ говорить и повелѣвать именемъ Франціи? Г. *Ламартинъ* развилъ все эти соображенія съ глубокою разсудительностію, которой не признать невозможно, съ знаніемъ чело-вѣческаго сердца и тайнъ политики, передъ которыми оставалось бы только преклониться, если бъ не представлялось возраженій, которыя г. *Ламартинъ* самъ превосходно изложилъ, но не опровергъ. Когда народъ назначаетъ своихъ представителей, своихъ депутатовъ, если онъ ошибся, то можетъ поправить свою ошибку. Дурные выборы вознаграждаются хорошими. Онъ назначаетъ палату, а не единственнаго правителя, который долженъ занимать мѣсто королевской власти. Не легко выбрать президента республики, особенно въ первые годы ея существованія! Сколько качествъ долженъ соединять въ себѣ этотъ президентъ! Достоинство, чтобы представлять Францію внутри и внѣ ея; твердость, соединенную съ умѣренностію, чтобы подавлять беспорядки, не задушая свободы; скромность и безкорыстіе въ честолюбіи, которое одно можетъ заставить чело-вѣка переносить все неприятели власти! А если большинство народа ошибется въ оцѣнкѣ этихъ достоинствъ, требующей такой вѣрности и тонкости сужденія, что тогда съ нами будетъ? Не ошибайтесь, президентъ, во многихъ отношеніяхъ, больше чѣмъ конституціонный король. Самая ответственность его придаетъ ему больше прязнь, потому-что возлагаетъ на него болѣе строгія обязанности. Само собою разумеется, что онъ захочетъ ознаменовать чѣмъ-нибудь свое кратковременное царствованіе и оставить въ литовіяхъ что-нибудь кромѣ эпохи своего правленія. Въ конституціонномъ правленіи честолюбіе было удѣломъ министровъ, а они смѣялись. Президентъ будетъ министромъ не смѣяемымъ и королемъ на четыре года.

«Система г. *Ламартина*, сама по себѣ, безспорно, самая сообразная съ логикою и республиканскими началами;

въ ней есть и благородство, и величіе; г. *Ламартинъ* защищалъ ее съ дивнымъ краснорѣчіемъ; онъ торжествовалъ, въ особенности, при опроверженіи противоположныхъ системъ; но какъ, чѣмъ онъ самъ окончилъ рѣчь свою? Призваніемъ къ случаю, страшнымъ крикомъ честолюбцевъ и отчаянныхъ: *Alea jacta est*, жребій брошенъ! Это восклицаніе Цезаря, когда онъ переправлялся черезъ Рубиконъ. Но Цезарь несъ войну своему отечеству, а мы хотимъ спасти Францію!»

9 Октября наконецъ рѣшенъ важный вопросъ о выборѣ президента республики. Статья 43 проекта конституціи, изложена коммиссіею въ слѣдующемъ видѣ: «Президентъ республики избирается посредствомъ тайной подачи голосовъ и по абсолютному (т. е. превышающему однимъ голосомъ половину всего числа подающихъ голоса) большинству всѣхъ избирателей во французскихъ департаментахъ и въ Алжирѣ,» принята большинствомъ 627 голосовъ противъ 130. Статья 42, въ которой сказано, что президентомъ можетъ быть только Французъ, не моложе 30 лѣтъ, и никогда не теравшій правъ французскаго гражданина, принята; но предложеніе г. *Туре*, что президентомъ не можетъ быть ни одинъ изъ членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій, не принятое коммиссіею, отвергнуто и со-браніемъ. 12 октября, статья 45, на которой собраніе оставилось, принята безъ перемѣны. Статьи 46 и 47 о томъ, что президентъ обнародываетъ законы, командуетъ арміями и флотомъ и проч. приняты безъ перемѣны. Статьи 48, 49, 50 и 51 не подали повода почти ни къ какимъ преніямъ. Но многіе возстали противъ статьи 52, о правѣ помилованія; она однако жъ была принята. Статьи 53, 54 и 55 о механизмѣ исполнительнаго власти приняты съ неважными измѣненіями. Статьи 56, 57 и 58 приняты безъ преній. По статьѣ 59-й о содержаніи президенту представлено было множество измѣненій; но принята въ томъ видѣ, какъ предложила ее коммиссія; въ этой статьѣ президенту назначается 600,000 франковъ содержанія. Въ заклю-

ченіе засѣданія приняты статьи 60 о мѣстѣ жительства президента и 61 о назначеніи должностныхъ лицъ.

13 октября, статьи 62 — 66 были приняты безъ возраженій; но 67 объ избраніи вице-президента республики возбудила довольно живыя пренія. Г. *Клеманъ Томасъ* требовалъ, чтобы президентъ и вице-президентъ не состояли въ кровномъ родствѣ; но это предложеніе, такъ же какъ и другія ограниченія, отвергнуто и 67 ст. принята. 68 статьею начинается шестая глава, о государственномъ совѣтѣ. Во время преній объ этой статьѣ вошелъ въ залу г. *Кавеньякъ*. Г. *Кавеньякъ* вошелъ на кафедру. (*глубокое безмолвіе*). «Граждане! сказалъ генералъ, 27 июня вы объявили городъ въ осадномъ положеніи. Сегодня правительство чувствуетъ необходимость сдѣламъ вамъ объ этомъ предметѣ сообщеніе и потому я прошу назначить комитетъ для разсмотрѣнія необходимости прекращенія осаднаго положенія. Правительство сообщитъ комитету свои виды и намѣренія. Если вы желаете, чтобы я теперь же изложилъ ихъ, то я готовъ». — Г. *Маррастъ*: г. *Гюберъ Демиль* представилъ предложеніе о прекращеніи осаднаго положенія. Предложеніе г. *Кавеньяка* о назначеніи комитета положено разсмотрѣть въ слѣдующемъ засѣданіи. Собраніе обратилось опять къ преніямъ о 68 ст. относительно учрежденія государственнаго совѣта по меньшей мѣрѣ изъ 40 членовъ. Статья принята была въ первоначальномъ видѣ. 69 статья о назначеніи членовъ государственнаго совѣта на 6 лѣтъ, принята, а за тѣмъ 70 и 71 статьи приняты безъ всякихъ преній.

Министры г. *Сенаръ*, г. *Ректоръ* и г. *Волабель* вышли въ отставку, и къ 14 октября министерство составилось изъ слѣдующихъ лицъ: министръ юстиціи — г. *Мари*; министръ иностранныхъ дѣлъ — г. *Бастидъ*; военный министръ — генералъ *Ламорисьеръ*; министръ морскихъ силъ и колоній — г. *Вершинакъ*; министръ внутреннихъ дѣлъ — г. *Дюфоръ*; министръ земледѣлія и торговли — г. *Турре*; министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія — г. *Фрелонъ*; министръ финансовъ — г. *Гудибъ*; министръ публичныхъ работъ — г. *Вивьенъ*. По случаю этой перемѣны, въ засѣданіи 14 октября,

г. *Порталисъ* потребовалъ слова, чтобы сдѣлать нѣкоторые вопросы генералу *Кавеньяку*. «Граждане, сказалъ онъ, чрезвычайное прибавленіе къ Монитеру возвѣстило вамъ о новой перемѣнѣ въ министерствѣ. Три новые министра вступили въ управленіе. Теперь власть заключается въ народѣ, а народъ мы. Поэтому министерство измѣнили мы. (*Ропотъ справа*). Надобно же, чтобы мы знали, по какой причинѣ произведены эти измѣненія въ составѣ министерства, и это тѣмъ нужнѣе, что двое изъ новыхъ министровъ были уже министрами при Людовикѣ Филиппѣ. (*Шумъ*). Развѣ политическая система наша измѣнилась? Или господа *Дюфоръ* и *Вивьенъ* сдѣлались истыми республиканцами? Внутреннее управленіе измѣнилось, внѣшнее осталось въ прежнемъ видѣ; я бы хотѣлъ противнаго. Эти измѣненія беспокоятъ патріотовъ и требуютъ объясненія. (*Да! Да! Нѣтъ! Нѣтъ!*) — Генералъ *Кавеньякъ*. «Предоставляю выходящимъ министрамъ самимъ объяснить причины своего удаленія. Что касается до образа дѣйствій новаго министерства, то оно представитъ въ понедѣльникъ полную программу настоящаго и будущаго; и собраніе должно будетъ рѣшить, питаетъ ли оно къ нему довѣренность. Что касается до нихъ, то я радуюсь этой перемѣнѣ. Кабинетъ потребуетъ въ понедѣльникъ, не случайнаго, но полнаго содѣйствія собранія; иначе онъ откажется отъ управленія. (*Движеніе*) — г. *Порталисъ*. «Ну, такъ до понедѣльника!» За тѣмъ собраніе перешло къ разсмотрѣнію проекта конституціи. Статья 73 о государственномъ совѣтѣ была принята. — Г. *Маррастъ*. «Собраніе отложило разсмотрѣніе статьи 30 о правѣ президента созывать національное собраніе, до рѣшенія дѣла о самомъ президентѣ. Я предлагаю разсмотрѣть эту статью теперь». Она принята была въ томъ видѣ, какъ предложена комиссіею, то-есть что президентъ имѣетъ право созывать національное собраніе. Глава VII (статья 73, 74, 75, 76 и 77) о внутреннемъ управленіи, были на время отложены, и собраніе приступило къ разсмотрѣнію главы VIII о судопроизводствѣ. Статья 78, въ которой сказано, что судъ производится бесплатно, принята. Въ статьѣ 79 постановлено: «Уголовныя дѣла рѣшаются присяжными».

Г. *Меоль* предложил прибавить къ этому: «равно какъ и дѣла, производящіяся въ судахъ исправительной полиціи.» Ему возразили, что суды исправительной полиціи рѣшаютъ ежегодно до 170,000 дѣлъ и потому это крайне затруднило бы присяжныхъ. Предложеніе г. *Меоля* отвергнуто большинствомъ 421 голоса противъ 301. Статьи 80, 81, 82 и 83 приняты; послѣднія двѣ съ неважными измѣненіями.

Изъ вопроса г. *Порталиса* видно, что республиканцы не довольны назначеніемъ въ министры людей умѣренныхъ и благоразумныхъ. На что прекрасно отвѣчаетъ *Journal des Débats*: «*Вчерашніе* республиканцы горько жалуются, что начальникъ исполнительной власти отыскиваетъ министровъ среди бывшихъ слугъ монархіи. Но, подумайте хорошенько, граждане, гдѣ прикажете ему взять ихъ? Зачѣмъ вы не богаче людьми? Начальникъ исполнительной власти беретъ министровъ на скамьяхъ большинства; выбираетъ техъ, на которыхъ преимущественно указываетъ ему само собраніе. Онъ постигъ, что правительству нужны люди, имѣющіе нѣкоторый даръ слова, нѣкоторую опытность въ дѣлахъ, и характеръ, внушающій довѣренность. Онъ взялъ ихъ тамъ, где они нашлись. Одинъ изъ глашатаевъ педовольныхъ вопіетъ: «Увы! во время монархіи управляли народнымъ просвѣщеніемъ, искусствами и науками люди, которые назывались *Кузень*, *Вилльменъ* и *Гизо*, и мы принуждены признаться, что республика, и въ этомъ отношеніи, нашла средство спуститься гораздо ниже монархіи.» Мы не утверждаемъ противнаго, но спрашиваемъ еще разъ: кто этому виноватъ? Людей, которые называются *Гизо*, *Кузень*, *Вилльменъ*, нельзя изготовлять, какъ изготовляются ассигнаціи. Напрасно генералъ *Кавеньякъ*, взявъ Дюгеновъ фонарь, сталъ бы искать ихъ на всѣхъ скамьяхъ Горы (нынешней оппозиціи); онъ не дошарился бы и мелкихъ денегъ. — Вотъ почему мы находимъ несправедливыми жалобы *вчерашнихъ* республиканцевъ. Слушая ихъ, иной подумаетъ, что не пытались употребить ихъ въ дѣло. Помилуйте! въ теченіе шести мѣсяцевъ они занимались дѣлами: мы видѣли ихъ комиссарами, префектами, судьями, министрами, видѣли во всѣхъ

формахъ; они имѣли все средства показать невѣрующимъ свой геній, свои способности, свое знаніе дѣла, и увѣ! правда, они нашли средство опуститься гораздо ниже монархіи. Военный министръ на дняхъ очень хорошо сказалъ, что революціи не измѣняютъ свойства дѣла. Не довольно запутать дѣла, чтобы опять привести ихъ въ порядокъ; не довольно провести всю жизнь свою въ заговорахъ, чтобы умѣть управлять.»

16 Октября, происходили объясненія новыхъ и старыхъ министровъ. Объ этомъ засѣданіи напечатано въ газетѣ *Constitutionnel* слѣдующее мнѣніе. «Засѣданіе объясненій было засѣданіемъ прерываній. За исключеніемъ только рѣчи г. *Дюфора*, всѣ другія были непрерывно прерываемы со всѣхъ сторонъ собранія возраженіями и протестами. Прерываютъ обыкновенно съ двухъ сторонъ, сълва и справа; но прерываютъ разнымъ образомъ. Сълва, просто грубостями и ругательствами; справа возраженіями, которыя не чтѣ иное, какъ невольный крикъ, вырывааемый странными мнѣніями, которыя излагаются на трибунѣ. Ораторы, говорившіе сегодня, въ особенности г. *Ледрю-Ролленъ*, возбудили множество подобныхъ восклицаній. Г. *Ледрю-Ролленъ*, зашелъ въ безвыходный дефилей и наконецъ воспользовался непрерывными восклицаніями со всѣхъ сторонъ, чтобы прервать рѣчь свою, объявивъ, что свобода трибуны нарушена, между тѣмъ какъ члены, которые прерывали рѣчь его, просто пользовались свободою смѣяться, потому что онъ въ каждой фразѣ нарушалъ здравый смыслъ.

«Вообще пренія были болѣе шумныя, чѣмъ блистательныя. Но нѣкоторая партія сдѣлала при этомъ драгоценныя признанія. Во-первыхъ атака направлена была не противъ программы новыхъ министровъ, которую всѣ принимали, не противъ ихъ дѣйствій, потому что они еще ничего не дѣлали, не противъ характера членовъ, вступившихъ въ кабинетъ, а просто, противъ одного присутствія ихъ тамъ. Такимъ образомъ, мы въ первый разъ видѣли оппозиционную партію, которая сама признается, что кричить только потому, что у нея отнимаютъ мѣста, которыя она на-

дѣлалась занять. Революція ея достояніе, ея удѣлъ; она хочетъ пользоваться ею какъ ей угодно, какъ хозяйка, и въ этомъ отношеніи не хочетъ и слышать объ общности имуществъ. Ни одинъ министръ, ни одинъ чиновникъ, высшій или низшій, не долженъ, не можетъ быть избранъ изъ какой-либо другой партіи; эта партія родъ коммерческаго общества для разработыванія республики. Товарищи подають голоса по довѣрію, даже иногда противъ своего собственнаго мнѣнія, пока не угрожаютъ ихъ мѣстамъ; но какъ скоро человекъ, не принадлежащій къ ихъ обществу, и считающій себя представителемъ мнѣній Франціи, а не партіи, хочетъ дѣйствовать въ пользу отечества, общество возстаётъ всей массой и подаетъ голоса противъ него.

«Это признаніе очевидно истекаетъ изъ всей общности преній и дѣйствій, а другое прямо высказано въ несколькихъ рѣчахъ. Вотъ оно: «Огромное большинство Франціи расположено въ пользу людей, которыхъ называютъ республиканцами завтрашними». Всѣ противники кабинета, начиная съ *Ледрю-Роллена* и *Ландрена*, до *Дюку* и *Жирана*, единодушно обвиняли генерала *Кавеньяка* въ томъ, что онъ ввелъ въ кабинетъ двухъ человекъ умеренныхъ для того, чтобы угодить большинству Франціи и такимъ образомъ обезпечить свое избраніе въ президенты республики. Если бы это было справедливо, то доказывало бы только одно, именно что генералъ *Кавеньякъ* лучше понимаетъ свои выгоды, чѣмъ его противники, и притомъ видить, что большинство на сторонѣ мнѣній умеренныхъ».

Въ засѣданіи 19 октября, по избраніи г. *Марраста* еще на мѣсяцъ президентомъ собранія, на кафедре взошелъ г. *Эйли*, докладчикъ комиссіи объ осадномъ положеніи: «Граждане представители, сказалъ онъ, прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ печальная необходимость, вызванная японскимъ возстаніемъ, заставила національное собраніе объявить Парижъ въ осадномъ положеніи. Теперь мы должны были рассмотреть, требуется ли общественное спо-

койствіе продолженія этихъ чрезвычайныхъ мѣръ? Въ этомъ отношеніи, сообщенія, сдѣланныя комиссіи правительствомъ, не оставили въ ней никакого сомнѣнія: начальникъ исполнительной власти, министры: юстиціи, военный и внутреннихъ дѣлъ, объявили намъ, что они вовсе не противятся снятію осаднаго положенія и находятъ настоящее время благоприятнымъ и важнымъ для этого. Правительство принимаетъ на себя ответственность за эту мѣру. Но можно ли утверждать, что государство совершенно успокоилось? Правительство думаетъ, что дурныя страсти еще не совсѣмъ улеглись, что умы не успокоились. Совсѣмъ тѣмъ правительство надѣется, что оно въ состояніи будетъ противиться всѣмъ безпорядкамъ, опираясь на законъ, на содѣйствіе собранія и преданность войска. Комиссія, по зрѣломъ обсужденіи вопроса, согласилась съ мнѣніемъ правительства, что осадное положеніе можетъ и должно быть снято и что эта чрезвычайная мѣра не произведетъ ничего опаснаго для республики, и потому единодушно предлагаетъ собранію слѣдующій проектъ декрета: «Декретъ 24 іюня 1848 года объ осадномъ положеніи Парижа, отмѣняется». Это опредѣленіе принято было безъ преній. Потомъ собраніе перешло къ разсмотрѣнію VII главы конституціи о внутренней администраціи, ст. 73. — «Раздѣленіе государства на департаменты, округа, кантоны и общины сохраняется». Въ этой статьѣ предложено было измѣненіе, но отвергнуто, и 73 ст. принята въ первоначальномъ своемъ видѣ, ст. 74: «1) во всякомъ департаментѣ управленіе находится въ рукахъ префекта, генеральнаго совѣта, совѣта префектуры, исполняющаго должность административнаго суда; 2) во всякомъ округѣ имѣеть быть под-префектъ; 3) во всякомъ кантонѣ кантонный совѣтъ; 4) во всякой общинѣ мѣръ, помощникъ его и муниципальный совѣтъ». Эта статья, а также ст. 75 и 76, объ образѣ избранія этихъ лицъ, отосланы въ комиссію. За тѣмъ собраніе приступило къ IX главѣ, о публичной силѣ, ст. 105. Публичная сила учреждается для защиты государства отъ вѣнскихъ враговъ, для сохраненія внутренняго порядка и исполненія законовъ. Она состоитъ

изъ національной гвардіи и сухопутныхъ и морскихъ войскъ». Принята.

Въ засѣданіи 20 октября, по утвержденіи въ прежнемъ видѣ статей 75, 76 и 77, о внутренней администраціи, которыя переданы были въ комиссію, собраніе приступило къ разсмотрѣнію статьи 107, въ которой сказано, что всякой долженъ лично нести службу въ войскахъ или національной гвардіи и не можетъ поставить за себя кого-нибудь другаго. Военный министръ, генералъ *Ламорисьеръ*, предлагалъ, отъ имени правительства, отложить вопросъ о поставкѣ за себя на службу другаго, до составленія органическаго закона о рекрутствѣ. Послѣ жаркихъ споровъ, приступлено было къ собиранію голосовъ, и большинствомъ 503 голосовъ противъ 259, положено, что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ нынче же, при разсмотрѣніи конституціи.

Въ засѣданіи 22 числа, предложеніе о запрещеніи поставлять за себя рекрутъ, отвергнуто большинствомъ 663 голосовъ противъ 140. Президентъ прочелъ измѣненіе г. *Делонгре* слѣдующаго содержанія: «образъ и условія, подъ которыми гражданамъ дозволяется освобожденіе отъ личной службы въ войскахъ и національной гвардіи, должны быть опредѣлены закономъ о наборѣ рекрутъ». Измѣненіе принято. За тѣмъ президентъ прочелъ всю 107 статью, которая вмѣстѣ съ принятымъ измѣненіемъ состоитъ въ слѣдующемъ: «Всѣ Французы, исключая поименованныхъ въ законѣ, обязываются служить въ войскахъ и національной гвардіи; образъ и условія и т. д. (какъ было выше). Вся статья была принята въ этомъ видѣ. Къ 108 статьѣ: «Учрежденіе національной гвардіи и войска должно быть опредѣлено особеннымъ закономъ», г. *Пьеръ Леру* предложилъ слѣдующее прибавленіе: «Всякій, принадлежащій къ европосвященію, отвергающему войну, какъ дѣло варварское и противное божескимъ и человеческимъ законамъ, долженъ быть освобожденъ отъ военной службы». — *Голосъ*: «Эго исключеніе въ пользу квакеровъ». (*Смѣхъ*) — *Пьеръ Леру*: «Я не предложилъ бы этого измѣненія, если бы вы вычеркнули изъ

вашего закона представленіе вмѣсто себя другаго. Христіанское же общество не допускаетъ войны.» — *Г. Флорконъ*: «Предшествовавшій ораторъ защищалъ свое измѣненіе христіанскимъ началомъ; но я хочу замѣтить только, что если бы міръ принялъ это христіанское начало, то онъ сдѣлался бы магометанскимъ». — (*Общій смѣхъ*). — *Пьеръ Леру*: «Рѣдко случается, чтобы отдѣлялись отъ такого важнаго вопроса сарказмами. Я говорилъ только о христіанскомъ началѣ, исключаемъ войну». Измѣненіе, слабо защищаемое, было отвергнуто, и 108 статья принята безъ всякаго измѣненія. Статья 109, «Военная сила подчиняется дисциплинѣ и не можетъ совѣщаться, съ оружіемъ въ рукахъ». Ст. 110, «Когда общественная военная сила употребляется для сохраненія внутренняго порядка, то она поступаетъ въ этомъ случаѣ по опредѣленнымъ законамъ и правиламъ и въ слѣдствіе требованій мѣстныхъ начальствъ». Статья 111. «Особенный законъ долженъ опредѣлить случаи, въ которыхъ можетъ быть объявлено осадное положеніе и установить правило этой мѣры». Статья 112. «Никакое иностранное войско не можетъ вступить на французскую землю безъ предварительнаго согласія національнаго собранія.» Приняты.

Въ засѣданіи 23 октября, палата окончила разсмотрѣніе проекта конституціи. Глава X, о почетномъ легіонѣ и объ управленіи колоніями; глава XI, объ образѣ пересмотра конституціи и наконецъ глава XII и послѣдняя, состоящая изъ нѣсколькихъ временныхъ постановленій, были приняты одна за другою, безъ важныхъ преній и безъ значительныхъ измѣненій. Одинъ только важный вопросъ остается рѣшить, именно о времени избранія президента республики. 119 статья проекта конституціи составлена была въ слѣдующемъ видѣ: «*Непосредственно по утвержденіи конституціи послѣдуетъ избраніе народомъ президента республики, а учредительное національное собраніе приступитъ въ то же время къ составленію органическихъ законовъ, какъ дополненія конституціи*». Комиссія сама потребовала уничтоженія этой статьи, предложивъ особеннымъ декретомъ опредѣлить время избранія президента; что же касается до другой части

статьи, относительно органическихъ законовъ, то она была возобновлена г. *Гле-Бизуэномъ* и, представленная палатѣ въ видѣ прибавочной статьи, утверждена ею въ слѣдующемъ видѣ: «Непосредственно по утвержденіи конституціи приступлено будетъ къ составленію органическихъ законовъ, которые имѣютъ быть опредѣлены особеннымъ декретомъ». И такъ этою статьею рѣшено, что та же палата, которая составила конституцію, составитъ и органическіе законы.

Окончательное утвержденіе цѣлой конституціи послѣдуетъ послѣ общаго пересмотра всѣхъ принятыхъ отдѣльныхъ статей, чѣмъ и займется коммиссія.

Утвержденная собраніемъ, конституція будетъ ли представлена на утвержденіе народу? Этотъ вопросъ предложенъ былъ г. *Пюиссегуромъ* и его друзьями; предложеніе было подвергнуто балотировкѣ; противъ него оказалось 733 голоса, а въ пользу его только 42, что возбудило въ палатѣ громкій хохотъ. Касательно вопроса г. *Пюиссегюра*, *Journal des Débats* замѣчаетъ: «Не самъ ли народъ назначилъ учредительное собраніе? Какое полномочіе дано имъ собранію? Не стоитъ ли оно въ составленіи и утвержденіи конституціи? Предполагать, что конституція имѣетъ нужду въ утвержденіи народомъ, значитъ отвергать начало представительства и желать, чтобы новая демократія разсуждала и подавала голоса, какъ древнія демократіи, прямо на площади. Измѣненіе это поддерживали только 42 человека противъ 773. Намъ еще не случалось видѣть подобнаго меньшинства!»

Въ засѣданіи 24 октября, г. *Маррасть*, отъ имени коммиссіи конституціи, представилъ проэктъ декрета, которымъ избраніе президента республики назначается 10 декабря. Собраніе положило рассмотреть этотъ проэктъ 26 октября. Въ этомъ же засѣданіи палата отказала въ прибавкѣ 6,000 фр. къ 4,000, которыя президентъ ея получаетъ ежемесячно, и положила нарядить особую коммиссію для разсмотрѣнія отчетовъ временнаго правительства.

— Съ 25 сентября начали во всѣхъ конторахъ меровъ записываться работники, желающіе переселиться въ Алжирь. Вызовъ подписанъ военнымъ министромъ, г. *Ламорисьеромъ*,

и главныя статьи его слѣдующія: 1) Переселенцы дѣлятся на два класса, на земледѣльцевъ и ремесленниковъ; 2) Ремесленникамъ дозволяется селиться въ колоніи отдѣльно или вступать между собою въ общества. 3) Земли должны быть раздаваемы только земледѣльцамъ, но ко владѣнію ими могутъ быть допускаемы и ремесленники, если они объявятъ объ этомъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ колонизаціи. 4) Документы на владѣніе участками будутъ выдаваемы командующими въ провинціи генералами, съ одобренія министерства. 5) Поземельная собственность не можетъ быть никому продаваема, отказываема или закладываема, исключая непредвидѣнныхъ случаевъ. Отправленіе въ Алжирь началось 8 октября. Всѣхъ записавшихся до этого дня считается не менѣе 36,000 человекъ.

— По предписанію начальника исполнительной власти, наряжена новая коммиссія для пересмотра процессовъ преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ. Она состоитъ изъ членовъ судовъ кассационнаго, апелляціоннаго и суда первой инстанціи сенскаго департамента, и раздѣляется на десять отдѣленій, которые занимаютъ ежедневно. Каждое изъ отдѣленій разсматриваетъ въ день отъ шестидесяти до семидесяти дѣлъ. Преступники раздѣляются на два разряда: въ первомъ заключаются тѣ, надъ которыми приговоръ остается въ своей силѣ; ко второму относятся люди, заслуживающіе, по мнѣнію коммисіи, помилованія. Полагаютъ, что такимъ образомъ третья или четвертая часть осужденныхъ будетъ освобождена.

— По докладу г. *Одилона Барро*, комитетъ финансовъ составилъ проэктъ декрета объ имуществахъ орлеанской фамиліи. Главныя основанія этого проэкта состоятъ въ слѣдующемъ:

«Секвестръ, наложенный на эти имущества, снятъ не будетъ. Министру финансовъ, или ликвидатору, предоставляется право заложить эти имущества, для уплаты долговъ бывшаго королевскаго дома. Министру финансовъ предоставляется также назначить изъ доходовъ съ этихъ имуществъ известную сумму на содержаніе принцевъ орлеанскаго дома,

возвратить имъ ихъ движимыя имущества, равно какъ и тѣ, которыя, по брачнымъ договорамъ, назначены ими, по своей смерти, своимъ супругамъ.» Доходы съ этихъ недвижимыхъ имѣній простирались, 24 февраля, до 1.300,000 франковъ. Долги составляютъ около 30 милліоновъ, и хотя имѣнія оценены въ восемьдесятъ милліоновъ, но при нынѣшнемъ упадкѣ цѣнъ, они, въ случаѣ продажи, едва ли покрыли бы сумму долговъ.

Австрийская Имперія.

Борьба между Венгерцами и Кроатами продолжается, и съ продолженіемъ пріобрѣтаетъ важнѣйшее значеніе въ современныхъ событіяхъ. Для поясненія причинъ и свойствъ этой борьбы приведемъ сначала сужденіе, помѣщенное въ *Journal des Débats*. «Въ числѣ подданныхъ австрийской монархіи, не поддавшися нелѣпымъ и вреднымъ нововведеніямъ, находятся и Кроаты, употреблявшіе всѣ свои силы для возстановленія власти императора. Присоединенные силою оружія къ Венгріи въ концѣ XII столѣтія, Кроаты сохранили свою личную свободу, имущество и общественное устройство, и это приноситъ честь ихъ завоевателямъ, Мадьярамъ. Но правда и то, что по законамъ Венгріи, изданнымъ ея королями, побѣдители приняли всѣ средства къ сохраненію себя исключительной монополіи власти и политическихъ выгодъ, обременивъ всеми ихъ тягостями подвластные народы, поставивъ ихъ въ такое состояніе, изъ котораго, казалось, они никогда не могли выйти. Эти-то учрежденія, сохраняемыя нѣсколько столѣтій безъ малѣйшихъ измѣненій, Венгерцы хотятъ защитить теперь во всей цѣлости противъ тѣхъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ и именемъ императора, требуютъ нѣкоторыхъ переменъ. Лѣтъ за двѣнадцать было въ большой модѣ прославлять либерализмъ Венгріи и противоборство ея самоуправству вѣнской канцеляріи. Венгерцы, покрытые лоскомъ либерализма, успѣли пріобрѣсть себя приверженцевъ во всей Европѣ. Возстаніе Мадьяровъ

развилося съ большею силою, и для сопротивленія имъ, вѣнскій кабинетъ не нашелъ ничего лучше, какъ обратиться къ тѣмъ, которые съ такимъ нетерпѣніемъ просятъ о преобразованіи знаменитой венгерской хартіи. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда вспыхнула французская февральская революція и произошло мартовское возмущеніе въ Вѣнѣ. На этотъ разъ Венгры увѣрены были, что настала часть ихъ торжества, и что дѣло Мадьяровъ одержитъ верхъ. Но они обочились. Оппозиція, воздвигнутая графомъ Баттіани и Коссутомъ, съ такою дѣятельностью принялась за реформы, что въ нѣсколько недель съ одной стороны провозгласила она политическую независимость Венгріи отъ Австріи, а съ другой подвигла къ возстанію Славянъ, взявшихъ за оружіе именемъ императора, который уже нѣсколько лѣтъ былъ ихъ защитникомъ. Событія доказали, что Венгерцы неудачно выбрали время своего возстанія. Войско ихъ было въ Италіи съ фельдмаршаломъ Радецкимъ, да и теперь еще тамъ. Во всей Венгріи не было регулярнаго корпуса войскъ. Кроаты же, съ своей стороны, тотчасъ нашли готовые кадры регулярной арміи между тѣми воинственными пограничными полками, которыхъ устройство такъ хорошо описано маршаломъ Мармонтомъ въ его путешествіи. Къ довершенію несчастія, въ Венгріи нѣтъ ни одной оружейной фабрики, ни одного арсенала, а пограничныя области, по совершенно военному своему устройству, снабжены всеми пособиями въ своихъ депо и полковыхъ магазинахъ. Кроатамъ не трудно было вооружить толпы крестьянъ, явившихся во множествѣ къ подкрѣпленію арміи бана Еллагича. Этимъ легко объяснить первые успѣхи ихъ и равнодушіе, которое встрѣтили Венгерцы при своихъ пораженіяхъ. Когда Венгерцы, устрашенные побѣдами противниковъ, обратились къ посредничеству императора, известно, что онъ ихъ принялъ немилостиво, и что они отвергнуты были даже вѣнскимъ національнымъ собраніемъ, къ которому рѣшились было прибѣгнуть.»

Теперь взглянемъ на театръ, враждебныхъ столкновеній Венгерцевъ съ Кроатами.

Кроатскій банъ *Иеллачичъ*, вступившій, какъ известно, 11 сентября, съ своимъ войскомъ въ предѣлы Венгрии, безъ всякаго сопротивленія дошелъ до Штульвейсенбурга. Народъ и національная гвардія повсюду принимали его какъ освободителя. Поэтому эрцгерцогъ палатинъ оставилъ войска. По отъѣздѣ эрцгерцога, національная гвардія покинула лагерь и разсыялась въ разные стороны. 25 числа вечеромъ эрцгерцогъ Стефанъ сложилъ съ себя званіе венгерскаго палатина. Въмѣсто него назначенъ временнымъ намѣстникомъ Венгрии графъ *Майлатъ*, а главное начальство надъ войсками венгерскими и кроатскими ввѣрено было фельдмаршалу-лейтенанту графу *фонъ-Ламбергу*. Въ повелѣніи, изданномъ по этому случаю, императоръ выражаетъ твердую свою волю прекратить междоусобную войну въ Венгрии, и предписываетъ заключить перемиріе между воюющими сторонами.

Въ засѣданіи венгерскаго сейма 27 числа разсуждали о рескриптѣ короля (императора Фердинанда), которымъ графу *Ламбергу* поручена главная команда въ Венгрии, и нашли, что рескриптъ, будучи обнародованъ безъ контрастированія министра, не имѣетъ законной силы и не можетъ считаться достовернымъ. На другой день, 28, графъ *Ламбергъ* прибылъ въ Офенъ безъ всякой свиты, призвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ офицеровъ венгерской національной гвардіи и объявилъ, что они должны ему отнынѣ повиноваться, и когда они объявили ему о рѣшеніи сейма, онъ сѣлъ въ извозничью карету и отправился въ Пестъ. На мосту окружила его толпа буйной черни, и онъ палъ подъ ея ударами. Венгерскій сеймъ, предвидя наступленіе совершеннаго безначалія, нарядилъ комиссію изъ шести членовъ, для временнаго управленія государственными дѣлами, снабдивъ ее неограниченнымъ полномочіемъ.

4 Октября состоялся рескриптъ императора венгерскому сейму, которымъ, по выраженіи крайняго огорченія, возбужденнаго злодѣйскимъ умерщвленіемъ королевскаго комиссара графа *Ламберга*, повелѣвается закрыть засѣданія венгерскаго сейма; неутвержденныя королевскою конфирмаціею

рѣшенія его признаются недействительными; банъ Кроаціи и Далмаціи, фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ *Иосифъ Иеллачичъ* назначается главнокомандующимъ всѣхъ войскъ въ Венгрии и соединенныхъ съ нею земель, равно какъ и въ Трансильваніи; до возстановленія спокойствія и порядка, венгерское королевство объявляется состоящимъ на военномъ положеніи; банъ кроатскій назначается тамошнимъ комиссаромъ его величества, для исполненія законовъ и для принятія мѣръ, которыя сочтеть нужными въ настоящихъ обстоятельствахъ; всѣ чиновники и жители Венгрии и Трансильваніи должны повиноваться его предписаніямъ наравнѣ съ высочайшими повелѣніями; наконецъ, поручается ему поступить по всей строгости законовъ съ виновниками убійства графа *Ламберга*.

Кроаты, выступившіе еще 29 сентября изъ Штульвейсенбурга, 4 октября были уже въ Раабъ въ числѣ 8,000 человекъ; на этотъ городъ была наложена контрибуція съестными припасами и уплатою 30,000 гульденовъ. Отсюда *Иеллачичъ* направилъ свой путь на Визельбургъ, съ намѣреніемъ соединиться съ австрійскими войсками.

Но движеніе бана *Иеллачича*, дѣйствовавшаго въ пользу законнаго своего государя противъ мятежнаго венгерскаго сейма, должно было измениться, въ слѣдствіе возстанія, происшедшаго въ Вѣнѣ.

6-го октября два гренадерскія полка получили приказаніе выступить въ Венгрію и отправились туда въ сопровожденіи одного кирасирскаго полка. На берегу Дуная были они остановлены вооруженными крестьянами, которые загородили имъ путь и начали ломать мостъ. Подоспѣла гражданская стража на помощь войскамъ, и между ими завязалось сраженіе, продолжавшееся въ предмѣстіи Леопольдштадта до полудня. Неустовые въ пятомъ часу ворвались въ военное министерство, гдѣ стояли въ караулъ только тридцать человекъ; обыскали весь домъ, нашли военнаго министра графа *Латура*, умертвили его злодѣйскимъ образомъ, повѣсили бездыханное тѣло на фонарномъ столбѣ и стрѣляли въ него. Военныя команды и гра-

жданская стража цѣлую ночь защищали арсеналь, но поутру чернь овладѣла имъ и вооружилась. Во весь день 6-го ч. и въ ночь на 7-е, слышны были пушечные выстрѣлы и ружейная пальба; набатъ били въ городъ и въ селеніяхъ. Убийцы графа Латура грозили смертью и другимъ министрамъ, товарищамъ его.

Въ 7 часовъ утра, 7-го октября, вся императорская фамилія оставила замокъ Шёнбрунъ и отправилась въ Линцъ въ сопровожденіи всего двора и подъ прикрытіемъ 2,000 войска; 4,000 другихъ войскъ прикрывали замокъ и дорогу. 14-го октября императоръ былъ уже въ Ольмюцъ, гдѣ приняли его съ изъявленіемъ величайшей радости; народъ выпрягъ лошадей изъ экипажа и везъ его на себѣ. При отъѣздѣ изъ Шенбруна, императоръ оставилъ слѣдующій манифестъ:

«Въ минушемъ мартѣ мѣсяцѣ императоръ сдѣлалъ всевозможныя уступки; не смотря на то, онъ принужденъ былъ 15-го мая удалиться изъ замка своихъ предковъ. Онъ возвратился туда, полагаясь на вѣрность и признательность своихъ подданныхъ; но нынѣ въ столицѣ господствуютъ пожары и убійства, военный министръ его низкимъ образомъ умершвелъ, и поэтому онъ принужденъ прибѣгнуть къ послѣднему, остающемуся ему средству спасти свободу, которой угрожаетъ партія, слабая числомъ, но опасная по своей дерзости. Въ слѣдствіе сего онъ призываетъ свои народы соединиться подъ знаменемъ ихъ императора».

Въ Вѣнѣ, 9-го числа, получено было извѣстіе, что войска кرواتскаго бана *Иеллачича* вступили въ границы собственной Австріи. Это извѣстіе встревожило сеймъ, который тотчасъ поручилъ главному начальнику національной гвардіи *Брауну* привести Вѣну въ оборонительное положеніе. 10-го октября, на площадяхъ поставили пушки; у каждаго воротъ выставили по два орудія, и все городскія ворота были заперты. Жители Вѣны находились въ сильнѣйшемъ волненіи; распространились тысячи тревожныхъ слуховъ. Все, кто могъ, оставили городъ. Оставшіеся въ немъ люди простаго званія и буйная, неразумная чернь, подъ вліяніемъ

сейма, клубовъ и другихъ мятежныхъ скопищъ, рѣшились защищаться отъ нападенія извнѣ. Имъ угрожали, во-первыхъ, 15,000 бывшаго вѣнскаго гарнизона, расположившагося подъ командою гр. *Ауэрсперга*, въ предмѣстіяхъ, и приближавшаяся армія *Иеллачича*.

Столица Австріи представляла самую странную картину. По улицамъ ходили вооруженные люди, то малыми, то большими отрядами, и мѣрнымъ, воинскимъ шагомъ. На всѣхъ площадяхъ, передъ кофейными домами и на перекресткахъ стояли толпы угрюмыхъ людей, съ живостію разговаривавшихъ между собою. Изрѣдка были слышны выстрѣлы, особливо около предмѣстій Виленскаго и Ландштрассе, возбуждавшіе всеобщее опасеніе. На баррикадахъ и позади ихъ лежали кучами, около костровъ, вооруженные блузники, между которыми видны были женщины, не самой нравственной наружности. Одни изъ нихъ спали, другія шумѣли и хохотали. Живѣе всего было на городскихъ валахъ и бастіонахъ. Тамъ горѣли ряды сторожевыхъ костровъ, около которыхъ расположены были миллионные солдаты, работники и отряды національной гвардіи. Надъ городскими воротами стояли пушки, обстрѣлившія подступы къ городу. Около ихъ съ зажженными фитилями лежали солдаты городской артиллеріи (*Bürger-Artillerie*). Далѣе расположены были на бивакахъ толпы различно-вооруженной черни; онѣ разсылали по всѣмъ направленіямъ патрули съ ружьями и съ пиками. Число этихъ вооруженныхъ людей простиралось до 8—10,000 человекъ. Въ это время засѣданія національнаго собранія, городского совета, центрального комитета, демократическаго клуба и штаба національной гвардіи продолжались непрерывно.

12-го октября, въ 6 часовъ утра, произошла тревога и начали бить сборъ, потому-что между войсками, стоявшими въ Шварценбергскомъ саду, замѣчено было движеніе. Войска выступили оттуда, чтобы соединиться съ *Иеллачичемъ*. Въ половинѣ перваго, Кرواتы атаковали линію форпостовъ.

Между тѣмъ съ востока и запада подвигались къ Вѣнѣ войска изъ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Кракова и Верхней

Австріи, и облежали городъ съ угрожающимъ намѣреніемъ. *Виндшигрець*, наименованный главнокомандующимъ, расположился на лѣвомъ берегу Дуная съ 30,000 войска; а *Теллачичъ* съ 24,000 и *Ауэрспергъ* съ 18,000 человекъ заняли сѣверную и западную стороны города. Такимъ образомъ почти все сообщенія съ городомъ были прерваны.

Въ Вѣнѣ ожидали помощи отъ Венгерцевъ. Но Венгерцы, сперва усердно собиравшіеся въ походъ, отказались переступить за границы Австріи, и венгерское министерство послало курьера въ Ольмиуцъ къ императору съ предложеніемъ покорности. Надо полагать, что на это имѣло сильное вліяніе положеніе, которое графъ *фонъ-Ауэрспергъ* занялъ подъ стѣнами Вѣны. Онъ сталъ между венгерскими и кroatскими войсками такъ, что первые должны бы были сначала атаковать его, на что они, по слабости своей, не рѣшались.

22-го октября, прокламаціею князя *Виндшигреца*, городъ и его округъ объявлены въ осадномъ положеніи и провозглашенъ военный законъ.

Княземъ *Виндшигрецемъ* были предложены условія, которыя состояли въ обезоруженіи академическаго легіона, въ преобразованіи національной гвардіи, въ отбѣнъ права составлять общества и свободы тисненія, до изданія законовъ по этимъ предметамъ.

Князь *Виндшигрець* объявилъ, что если до 2 часовъ 24 числа, жители не положатъ оружія, то онъ начнетъ нападеніе.

24 числа Вѣнцы пытались очистить мосты на Дунаѣ; но стоявшая у мостовъ батарея императорскихъ войскъ тотчасъ заставила замолчать батарею Вѣнцевъ. Въ 1/4 4-го по полудни, императорская артиллерія совершенно заняла оба мота. Вечеромъ происходила сильная канонада и нѣсколько домовъ въ городѣ загорѣлось. Впрочемъ, князь *Виндшигрець* все еще не рѣшался бомбардировать городъ и намѣренъ былъ только атаковать предместья, чтобы устрашить жителей. На протестъ сейма противъ осаднаго положенія, онъ отвѣчалъ, 24-го октября, что не можетъ вступать ни въ какія

сношенія по этому предмету съ сеймомъ, который не что иное какъ собраніе, созванное для составленія конституціи, что министръ *Краусъ* не свободенъ, а находится въ плѣну, что единственное начальство города есть общинный советъ, который подчиненъ ему.

28, блокаду города положено было замѣнить атакою. Огонь съ батарей открытъ былъ въ половинѣ одиннадцатаго. Городъ не отвѣчалъ на это. Колонны императорскихъ войскъ двинулись, подъ прикрытіемъ огня батарей. Вскорѣ по началіи канонады, въ семи мѣстахъ въ оконечностяхъ города начался пожаръ; такъ какъ городская артиллерія отвѣчала слабо или совсѣмъ не отвѣчала, то батареи центрального и праваго крыла, продолжая стрѣлять, приблизились постепенно къ наружной стѣнѣ. Подъ прикрытіемъ этихъ батарей, центральная наступательная колонна, состоящая изъ нассаускаго полка, подъ командою князя *Яблоповскаго*, спустилась съ холма *Spiegelberg am Kreuz* и нѣсколькими отрядами двинулась на ворота *Мальцнейндорфскіе*, на ворота *Фаворитской-Линіи* и на станцію *глогницкой* желѣзной дороги, которую инсургенты тщательно укрѣпили. Разныя колонны приблизились къ укрѣпленіямъ, заняли сначала смежное съ ними кладбище, гдѣ тотчасъ устроены были батареи артиллерійскія и изъ конгревовыхъ ракетъ, а потомъ колонны постепенно проникли въ ворота и на укрѣпленія, откуда онъ производили болѣе или менѣе дѣятельную пальбу по инсургентамъ, которые отвѣчали тѣмъ же. Съ этой стороны дѣйствительно сильное сопротивленіе было только на станціи *глогницкой* желѣзной дороги, при чемъ нассаускій полкъ лишился 60 человекъ убитыми и ранеными. Пожаръ, произведенный въ этомъ мѣстѣ и распространившійся на часть этого предместья, истребилъ между прочимъ машинную мастерскую желѣзной дороги; это потеря довольно важная.

Между тѣмъ, какъ это происходило въ центрѣ, дивизія генерала *Гартлиба*, принадлежащая къ корпусу *кroatскаго* бана и которой поручено было черезъ *Ландштрассе* открытъ сообщеніе съ колонною, занимавшею *Пратеръ*, атаковала,

съ своей стороны, заставу Сень-Марцеръ-Лини. Она овладела ею, не смотря на довольно сильное сопротивление и, увидѣвъ передъ собою баррикады, взяла скорымъ шагомъ штукъ тридцать ихъ вдоль Вьнскаго-канала, а въ улицѣ Ланштрассеръ-Гауптъ-Штрассе, вступила на гласисъ и расположилась тутъ близъ инвалиднаго дома и новаго зданія таможни. Колонна, бывшая въ Пратеръ, проникла со своей стороны въ Егеръ-Цейле и поставила тамъ баттарю, которая обстрѣливала всю эту улицу, потомъ черезъ Франценсбрюкке вступила въ сообщеніе съ колонною генерала *Гартлиба* на гласисъ.

Сопротивленіе въ предмѣстїи Ландштрассе было сильно только со стороны пролетаріевъ, сформированныхъ въ подвижные баталіоны, и студентовъ, которые однако жъ изъ предосторожности бросили свои калабрскія шляпы и сняли мундиры. Отступая, они пытались устроить сопротивленіе въ разныхъ домахъ, но эти дома были взяты и находящіеся въ нихъ вооруженные люди умерщвлены. Италіянскіе солдаты, которые, какъ увѣрили, были дурно расположены, напротивъ дрались очень хорошо и Кroatы, въ особенности, выказали пренебреженіе къ опасности, которымъ всегда отличались. Національные гвардейцы, поставленные въ предмѣстїяхъ для защиты ихъ, болѣею частію побросали свое оружіе и разбѣжались. Вьнскій-каналъ былъ заваленъ ружьями. Обитатели предмѣстья не принимали никакого участія въ оборонѣ. Напротивъ, кроатскій банъ принять былъ тамъ съ изъясненіями радости. Онъ остановился въ отелъ *Вігне* и оттуда произнесъ рѣчь къ народу, который отвѣчалъ ему громкими привѣтствіями. Таковъ результатъ перваго дня, когда, со стороны арміи, въ битвѣ участвовали не болѣе 7,000 или 8,000 человекъ.

29 октября, утромъ, войска генерала *Гартлиба*, воспользовавшись своимъ положеніемъ на гласисѣ, двинулись къ позиціи Бельведера и шварценбергскаго дворца. Инсургенты, боясь быть атакованными съ тыла, покинули эту позицію. Кроатскія войска заняли ее, укрѣпились тамъ и

вступили въ сообщеніе съ бригадами Нассау и Чеккопьерри, занимавшими бельведерскія ворота.

Въ Леопольдштадтѣ генераль *Рамберъ* также началъ утромъ наступательныя дѣйствія и послѣ довольно сильнаго сопротивленія взялъ баррикады на Егеръ-Цейле и Пратеръ-Штрассе и дошелъ до Фердинандсъ-Брюкке, насупротивъ воротъ, называемыхъ *Rother-Thurm*. Во всемъ предмѣстїи жители выставляли изъ оконъ бѣлыя знамена. Кажется, что князь фельдмаршалъ приказалъ прекратить операціи для того, чтобы дать жителямъ время поразмыслить объ этомъ первомъ успѣхѣ и подумать о послѣдствїяхъ, которые можетъ повлечь за собою дальнѣйшее сопротивленіе.

Пользуясь временемъ этой остановки, князь главнокомандующій отправился съ кавалерійскимъ отрядомъ, чтобы обозрѣть позицію венгерской арміи, о силѣ и приближеніи которой утромъ ходили самыя противорѣчащїе слухи.

Во время его отсутствія прибыла депутація, состоящая изъ членовъ муниципальнаго совѣта и городскихъ національных гвардейцевъ. Депутація просила князя снять осадное положеніе, какъ скоро городъ покорится; но князь требовалъ покорности безусловной и обѣщалъ въ этотъ день не стрѣлять по городу для того, чтобы жители имели время до 30 числа поразмыслить объ этомъ. Въ 3 часа по полудни нѣкоторыя части города, однако жъ, снова открыли огонь; но онъ вскорѣ прекратился. Въ слѣдствіе отвѣта князя, общинный совѣтъ собрался 29 числа вечеромъ, призвалъ оберъ-коменданта *Мессенгаузера*, равно какъ всѣхъ окружающихъ представителей національной гвардіи, и спросилъ ихъ, можно ли еще защищать городъ? *Г. Мессенгаузеръ* объявилъ, что онъ готовъ продолжать сраженіе, если совѣтъ прикажетъ, но что при теперешнемъ положеніи войскъ, о спасеніи города нечего и думать; поэтому, большинствомъ двухъ третей голосовъ, рѣшено было покориться. Въ ту же ночь депутація отправилась къ князю *Виндишгрецу* объявить, что городъ покоряется и просить о скорѣйшемъ вступленіи туда войскъ для обезоруженія народа. Непріязненныя дѣйствія

были тотчас прекращены и въ тотъ же день предместья болѣею частью обезоружены; но еще 29 числа, 27 ротъ національной гвардіи въ предместьи Видень побросали свое оружіе. Общинный советъ издалъ прокламацію о томъ, чтобы весь имѣющіе оружіе сдали его въ назначенную для того комиссію.

30 октября, въ полдень фельдмаршалъ князь Виндишгрецъ отправилъ въ Ольмюцъ къ министру фонъ-Вессенбергу слѣдующую телеграфическую депешу: «Вѣна сдается безусловно; войска мои вступятъ туда сегодня же». Бруннская депутация, посланная къ императору для испрошенія Вѣнъ пошады, возвратилась. Императоръ отвѣчалъ, что онъ совершенно предоставилъ это фельдмаршалу и далъ депутации собственноручную записку къ князю. Депутация отправилась къ князю, окруженная гренадерскимъ баталіономъ. Жители Вѣны, не зная для чего это дѣлается, начали стрѣлять по гренадерамъ, почему противъ города опять открытъ былъ сильный огонь, хотя перемиріе должно было еще продолжаться до 2 часовъ. Пальба продолжалась до половины третьяго. Въ это время князь Виндишгрецъ получилъ извѣстіе, что Венгерцы приближаются. Венгерскій корпусъ въ 18,000 чел. пытался прорваться между *Таллачичель* и *Виндишгрецемъ* и атаковалъ правый флангъ перваго и лѣвый флангъ втораго. Оберъ-комендантъ *Мессенгаузеръ* поддержалъ это движеніе, сдѣлавъ вылазку черезъ одни изъ боковыхъ воротъ, близъ Красной-Башни. Бомбардированіе, которое въ 3 часа совсѣмъ прекратилось, впоследствии началось снова. Во весь вечеръ продолжалась канонада, какой дотолъ еще и не было. Въ 7 часовъ она прекратилась. После 7 часовъ во многихъ мѣстахъ города снова начались пожары.

Венгерцы, были разбиты. У нихъ было 24 орудія, 5 баталіоновъ регулярныхъ войскъ, и всего отъ 18 до 20,000 чел. Высланный противъ нихъ корпусъ состоялъ изъ 16—18,000 ч. съ 60 орудіями и 42 эскадронами кавалеріи. Командиромъ его былъ кроатскій банъ. Сраженіе было болѣе артиллерійское. Кавалеріа, которая должна была

обойдти Венгерцевъ и отрѣзать имъ отступленіе, пришла слишкомъ поздно. 31 числа ихъ преслѣдовалъ князь *Лихтейнштейнъ* съ 4,000 ч. Во время битвы Вѣнцы, которые уже, болѣею частью, положили оружіе, схватили его снова, не отправили заложниковъ, не выдали пушекъ и начали стрѣлять по императорскимъ войскамъ. Въ слѣдствіе этого, послѣднія ночью бросили въ предместья *Маріенгильфъ* и *Лерхенфельдъ* до 100 бомбъ. Но когда ночью узнали о пораженіи Венгерцевъ, къ князю снова явилась депутация общиннаго совета и принесла ему безусловную покорность Вѣны. Но вооруженные жители и тутъ еще не положили оружія, почему на другой день въ полдень снова началось бомбардированіе предместій.

1-го ноября произошло окончательное занятіе собственно города Вѣны и всѣхъ его предместій войсками Е. В. императора австрійскаго. Сообщаемъ краткое описаніе этого событія. Князь Виндишгрецъ, послѣ вѣроломнаго поступка вѣнскихъ инсургентовъ, убѣдясь въ бесилии городского совета, бывшаго подъ вліяніемъ ужаса, внушаемаго вооруженною чернью и виновниками безначалія, рѣшился принять самыя сильныя мѣры, чтобы овладѣть городомъ, во что бы то ни стало. По приказанію его, брошены были бомбы и конгревовы ракеты въ предместья Видень, *Марія-Гильфъ* и *Ней-Лерхенфельдъ*. Въ скоромъ времени подняты были бѣлые флаги, условленный знакъ покорности, на церквахъ и на вѣншей линіи предместій. Эти же знаки покорности были подняты на валахъ внутренняго города; въ то же время до сорока телѣгъ, наполненныхъ оружіемъ и нѣсколькими пушками, были переданы военному начальству въ *Шенбрунъ*. Казалось, по этимъ признакамъ, что въ нынѣшній разъ покорность будетъ окончательная. Колоннамъ приказано было войти въ городъ, по даннымъ имъ диспозиціямъ. Они въ самомъ дѣлѣ заняли всѣ ворота предместій, не встрѣтивъ сопротивленія; но въ собственномъ городѣ было не то: увидѣвъ, что колонны идутъ на гласисъ, бывшіе на валахъ полторы или двѣ тысячи мятежниковъ сорвали бѣлые знамена: эти самые люди уже прежде того, въ бѣшенствѣ сво-

емъ, грозили зажечь дворець императорскій и другія публичныя зданія, при первой бомбѣ, которая будетъ брошена въ городъ. Вопреки заключенному уже условію, съ батарей на валахъ стали стрѣлять въ императорскія войска гранатами и картечью.

Это новое върловодство не позволяло колебаться въ необходимости употребить силу. Мортирныя и ракетныя батареи начали дѣйствовать въ ту же минуту и осыпали градомъ снарядовъ городъ и особенно университетскій кварталъ. Въ эту минуту вспыхнулъ сильный пожаръ вблизи императорскаго дворца. Мятежники исполнили свою угрозу, и зажгли приготовленныя ими горючія вещества. Къ счастью, адскій ихъ замыселъ совершился не вполнѣ. Пожаръ, начавшійся въ зданіи придворной библіотеки, отъ перемѣны вѣтра, пощадилъ дворець. Пожаръ охватилъ близъ лежащую церковь Августиновъ, и башня ея обрушилась съ ужаснымъ трескомъ; въ библіотекѣ сгорѣли куполъ и крыша. Незвѣстно еще, какъ великъ вредъ, причиненный истребленіемъ драгоценнаго книгохранилища. При такомъ злодѣянн изступленнаго варварства (которое, какъ кажется, уже заранѣе предуготовлено было слишкомъ извѣстнымъ докторомъ Шютте), войска свернулись въ колонну передъ дворцовыми воротами. Пушками разбили ворота, и баталіонъ «Kaiser» вторгся туда на штыкахъ. Въ то самое время ворота Каринтійскія и Шоттенскія были отворены тѣмъ же способомъ, и въ нихъ вступили другія колонны. Спротивленіе, какъ кажется, было незначительное. Отбитые сначала къ университетскому кварталу, мятежники, испуганные ввроотно выстрѣлами, обращенными на этотъ пунктъ, бросились отсюда въ казарму, называемую Зальцгрисъ, лежащую близъ Глубокаго Рва (Tiefer Greben) у Элеидскаго Бастіона. Пятисотъ другихъ мятежниковъ забрались въ подвалы военнаго министерства. Императорскія войска заняли все посты, и приняли мѣры безопасности; главная изъ нихъ обезоруженіе черни. Другая, не менѣ важная мѣра взятіе подъ арестъ главныхъ виновниковъ злодѣянія 6-го октября и преступныхъ дѣйствій, сопровождавшихъ этотъ замы-

селъ. Связи и сношенія ихъ съ республиканцами южной Германіи и мятежниками польскими и венгерскими обнаруживаются на каждомъ шагѣ вѣнскаго мятежа. Депутаты крайней лѣвой стороны, Нѣмцы и Галиційцы, принимали въ нихъ явное участіе. Должно надѣяться, что званіе депутатовъ не спасетъ ихъ отъ законнаго преслѣдованія.

Во всехъ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовали императорскія войска въ последнее время, потери ихъ, къ счастью, не могли быть значительны. Всего болѣе потери было при взятіи престономъ большой баррикады на Егерцейлѣ, на которой было пятнадцать пушекъ; на ней командовалъ ген. Бемъ. Банъ кроатскій, съ обычною своею храбростію, подавалъ первый примѣръ своему войску. Вообще вся потеря можетъ простираться до пятисотъ человекъ убитыми и ранеными. Поврежденія, причиненныя въ городъ, съ точностью еще неизвѣстны.

Венгерская армія, сколько извѣстно, перешла обратно чрезъ Лейту, и воротилась въ Венгрію. Другой корпусъ этихъ инсургентовъ тысячъ въ пятнадцать, двинулся на Вѣнскій Нейштадтъ. Первоначальное его намѣреніе было овладѣть этимъ пунктомъ, чтобъ открыть проходъ ополченію, которое, какъ говорили, вооружалось въ Штиріи и въ Грецѣ. Войска, посланные отсюда въ Нейштадтъ, прекратили это покушеніе. Городъ Вѣна надѣлся на пособіе крестьянъ Верхней и Нижней Австріи; но они, не смотря на все искушенія, оставались спокойными, и оказываютъ большое равнодушіе къ участи столицы. Сѣверныя провинціи хранятъ вѣрность правительству, равно какъ и набранныя тамъ войска, составлявшія ядро арміи, дѣйствовавшей подъ Вѣною.

— Манифестомъ австрійскаго императора отъ 20 сент., жителямъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства объявлено, что все политическія дѣйствія ихъ въ теченіе послѣдняго года предаются забвенію и никто за ихъ преслѣдуемъ не будетъ.

— Австрійскіе повѣренные въ дѣлахъ въ Лондонѣ и Парижѣ, гг. Колмеръ и Томъ, сообщили лорду Паль-

мерстоу и г. Бастиду отвѣтъ вѣнскаго кабинета на условія посредничества. Главные пункты его состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Война, объявленная королемъ Карломъ-Албертомъ Австріи, не основана ни на какомъ между-національномъ правѣ, а слѣдовательно и не можетъ оправдать ни какихъ притязаній Сардиніи на Ломбардію. 2) Австрія хочетъ оставаться въ неизмѣнномъ обладаніи Ломбардо-Венеціанскаго государства, за которое поручились державы, подписавшія вѣнскій договоръ 1815 года. Отбросивъ сардинскую армію за Тичино, фельдмаршалъ-лейтенантъ *Радецкий* возстановилъ status quo (прежнее положеніе дѣлъ), послужившее основаніемъ перемирія, подписаннаго въ Миланѣ 9 августа. 3) Англо-французское посредничество не можетъ помѣнить европейскаго равновѣсія, установленнаго договорами 1815 года. Если же это случится, то Австрія приглашаетъ европейскія державы на конгрессъ въ Ниспрукъ для составленія ломбардо-венеціанской конституціи. Австрія желаетъ участія всѣхъ державъ, подписавшихъ вѣнскій договоръ и въ особенности итальянскихъ государей, которымъ настоящій отвѣтъ по этой причинѣ и сообщенъ.

— Австрійскія войска, 14 октября, взяли крѣпость Озобпо при Удинѣ, державшуюся шесть мѣсяцевъ: она сдалась послѣ сильной бомбардировки. Въ ней взяты 37 пушекъ и значительное количество разныхъ припасовъ. Гарнизонъ, состоявшій изъ папскихъ войскъ, сдался на капитуляцію. Это пріобрѣтеніе очень важно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Итальянцы считали эту крѣпость непобѣдимой.

Пруссія.

Изъ Берлина отъ 15 октября пишутъ: «Сегодня, въ 9 часовъ утра, его величество король съ королевою и принцами королевскаго дома прибыли сюда изъ Потсдама по желѣзной дорогѣ и отправились въ замокъ Бельвию; тамъ они отстояли объѣдно по случаю дня рожденія короля. Передъ церковью и на улицахъ народъ радостно приветство-

валъ короля. Передъ замкомъ Бельвию поставленъ былъ почетный караулъ. Тамъ была депутація отъ національнаго собранія, состоявшая изъ президента, г. *Грабова*, четырехъ вице-президентовъ и 25 другихъ членовъ собранія, назначенныхъ по жребію, депутація магистрата и гражданскаго ополченія, члены государственнаго министерства, генералитетъ, депутаціи академіи наукъ и здѣшняго университета и начальники разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Его величество принималъ прежде всего поздравленія депутаціи національнаго собранія и государственнаго министерства. Президентъ *Грабовъ* сказалъ при этомъ случаѣ приличную торжеству рѣчь, на которую король отвѣчалъ также рѣчью. Послѣ этого король принималъ и другія депутаціи, дружески разговаривалъ съ ними и былъ очень доволенъ изъявленіемъ со всѣхъ сторонъ привязанности и расположенія къ нему. Королева вполне раздѣляла удовольствіе своего супруга.»

— 16 октября, въ Берлинѣ произошли безпорядки.

По случаю порчи паровой машины сдѣлалось необходимымъ удаленіе работниковъ при каналѣ на Кевинкерскомъ полѣ; при выполненіи этой мѣры, въ близлежащемъ экзерциргаузѣ поставлены были отрядъ охранной стражи и баталіонъ гражданскаго ополченія для наблюденія. Около 11 часовъ, отрядъ работниковъ съ краснымъ знаменемъ хотѣлъ пройти черезъ городъ. Но охранительная стража и рота гражданскаго ополченія заступили имъ дорогу; тогда работники двинулись къ экзерциргаузу и потребовали, чтобы отрядъ гражданскаго ополченія удалился отсюда. Завязался споръ, потомъ драка; работники бросили множество камней въ гражданское ополченіе и нѣсколько человекъ ранили; тогда послѣдніе начали стрѣлять въ работниковъ, трехъ убили и многихъ ранили, изъ которыхъ двое скоро и умерли. Гражданское ополченіе двинулось послѣ этого черезъ Дрезденскую улицу въ городъ, но, встрѣтившись съ новымъ отрядомъ работниковъ, принуждено было опять стрѣлять и убили еще двухъ работниковъ. Въ 3 часа работники построили баррикаду и съ оружіемъ за-

щищали ее; гражданское ополчение взяло баррикаду, но когда оно удалилось, работники опять овладели ею. При этомъ убиты были три челоузка. Послѣ того огромная толпа потянулась черезъ городъ съ криками: «да здравствуетъ республика!» Позже ввечеру спокойствіе не было нарушено, но гражданское ополчение энергически противилось всѣмъ попыткамъ къ измѣнѣ.

Германія.

Въ Франкфуртѣ на Майнѣ, 9 октября, въ засѣданіи учредительнаго германскаго собранія приступлено было къ разсмотрѣнію закона о защитѣ собранія. Содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ: «Государственный правитель, въ исполненіе рѣшенія государственнаго собранія, постановляетъ: Ст. I. Насильственное нападеніе на государственное собраніе, съ намѣреніемъ разогнать его, или удалить изъ него нѣкоторыхъ членовъ, или принудить его принять какое-нибудь рѣшеніе, или отказаться отъ своего рѣшенія, считается государственною измѣною и наказывается заключеніемъ въ тюрьму или, смотря по обстоятельствамъ, въ смирительный домъ, на время около двадцати лѣтъ. Кто будетъ возбуждать открыто къ подобнымъ поступкамъ, тотъ наказывается по приговору суда. Ст. II. За участіе въ сходбищахъ вблизи собранія во время засѣданій его, если послѣ троекратнаго требованія городскихъ начальствъ или предсѣдательствующаго въ собраніи, сходбище не разоидется, зачинщики и вооруженные заключаются въ тюрьму на годъ, а прочіе на три мѣсяца. Требованіе дѣлается посредствомъ общихъ, видимыхъ знаковъ, напримѣръ водруженія знамени, бѣлаго платка, барабаннаго боя, и тому подобнаго. Ст. III. Во все время засѣданій собранія запрещается всякое народное собраніе подъ открытымъ небомъ, на разстояніи пяти миль отъ мѣста засѣданій собранія. За публичное возбужденіе къ такимъ сходбищамъ, за предсѣдательствованіе и ораторствованіе въ нихъ, назначается шестимѣсячное заключеніе въ

тюрьму. Ст. IV. Насильственное вступленіе не уполномоченнаго въ мѣсто засѣданій собранія, угрозы-постороннихъ лицъ и оскорбленія собранія, его членовъ, чиновниковъ и служителей, наказываются двухгодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму. Насилія въ мѣстѣ засѣданій собранія въ отношеніи членовъ собранія, чиновниковъ или служителей, влекутъ за собою наказаніе пятигодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму, сверхъ обыкновеннаго законнаго судебного приговора. Ст. V. Публичныя оскорбленія собранія, внѣ мѣста его засѣданій, наказываются двухгодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Ст. VI. Попытка заставить члена собранія измѣнить свое убѣжденіе или поступки, наказывается, кромѣ обыкновеннаго судебного приговора, трехгодичнымъ заключеніемъ въ тюрьму. За угрозы и оскорбленія подобнаго рода опредѣляется шестимѣсячное тюремное заключеніе, а судебное преслѣдованіе производится также по требованію оскорбленнаго. Ст. VII. Всякое оскорбленіе считается публичнымъ, если оно происходитъ въ публичныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или посредствомъ печатныхъ и не печатныхъ объявленій. Ст. VIII. Опредѣленія IV и VI статей относятся также и къ угрозамъ, оскорбленіямъ и насиліямъ противъ членовъ временной центральной власти. Законъ этотъ получаетъ силу въ вольномъ городѣ Франкфуртѣ на третій день послѣ объявленія во Франкфуртской государственной газетѣ, въ курфиршествѣ Гессенскомъ, въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ, въ герцогствѣ Нассау, въ ландграфствѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, и въ королевско-прусскомъ округѣ Вецларъ, на десятый день, а въ остальныхъ частяхъ Германіи на двадцатый день. Національное собраніе постановляетъ потребовать отъ государственнаго министерства, чтобы оно немедленно приняло мѣры къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ статьи I до IV были принимаемы въ соображеніе присяжными при изустномъ и публичномъ сужденіи дѣлъ.

— Государственный правитель, въ слѣдствіе рѣшенія государственнаго собранія, отъ 29 сентября 1848, предписалъ 10 октября, слѣдующее:

«До издания финансового закона, для временного покрытия издержек государственного собрания и центральной власти, привести в действие распределение налогов в 120,000 гульденов на отдельные государства».

Затем следует распределение этого налога, смотря по величине государств: так Австрия должна внести 35,797 фл., 26 кр., Пруссия 36,130 фл. Бавария 13,439 фл. 46 кр., а Гогенцоллерн-Гехинген 54 фл. 44 кр., Лихтенштейн 20 фл. 56 кр.

— Государственный правитель, в исполнение определения государственного собрания от 14 июня, издал 14 октября следующие постановления: Для учреждения германского флота назначается распределение налогов в 5,250,000 гульденов на отдельные государства. Австрия, между прочим, должна внести 1,566,138 фл. 33 кр., Пруссия 1,580,686 фл. 50 кр., Бавария 587,989 фл. 51 кр., Гогенцоллерн-Гехинген 2,394 фл. 54 кр., Лихтенштейн 916 фл. 4 кр.

— В заседании 19 октября приступлено было к рассмотрению первой главы имперской конституции, под заглавием: *Объ Империи*. В первом параграфе этой главы сказано: «Германская империя состоит из стран, принадлежащих досель к германской конфедерации. Отношения к герцогству Шлезвигскому и определению границ в герцогстве Познанском составят предмет особого постановления». Многие предложенные по этой статье изменения отвергнуты, и собрание, выслушав четырнадцать ораторов из числа тридцати записавшихся, утвердило эту статью в первоначальном ее виде.

— Что касается до шлезвиг-гольштейнского вопроса, то он еще остается не оконченным. В *Presse*, этот вопрос изложен следующим образом: «Национальное собрание во Франкфурте,—которое, скажем мимоходом, еще не признано датским правительством,—отрицало условия перемирия, объявив, что прусское министерство нарушило данные ему полномочия. После долгих и жарких прений, оно решило возобновить дипломатические переговоры, но объяви-

ло, что датское правительство должно согласиться на новые уступки и изменения в пользу обоих герцогств, которые останутся нераздельными. Это торжественное объявление разнеслось по всей Германии и вынудило у датского кабинета решительную дипломатическую ноту, обращенную ко всем дворам Европы. Кабинет объявил, что он намерен удержать во всей их силе статьи и условия перемирия, ратификованные королем, не соглашаясь ни на какую отступку или изменение их. Национальное франкфуртское собрание, получив ноту копенгагенского министра иностранных дел, возмущалось в свою очередь. Министр имперский, на усильные вопросы, отвечал, что он поддержит и заставит уважать решения собрания и никогда не согласится на раздель этих герцогств или уступку части их, и что открыты будут новые переговоры с Даниею, для склонения ее к важным изменениям в условиях перемирия. Депутат *Стедман*, снабженный решительными инструкциями в этом смысле, отправлен из Франкфурта в герцогства, и прибыл в Рендсбург в сопровождении герцога голштейн-глюксбургского. — Король Датский, с своей стороны, деля с своей армией, объявил также, что он никогда не согласится на отторжение Шлезвига от его королевства, что это герцогство, по-прежнему, должно составлять неотъемлемую его часть, и на основании условий перемирия, заключенного в Мальме, назначил трех комиссаров, которые, вместе с назначаемыми другою стороною, должны править герцогством до заключения окончательного мира. — Известие о назначении сих комиссаров, и отправление их в герцогства произвели там сильное волнение. Национальное собрание и временное правление в Киле предписали, в прокламации к жителям края, взять трех комиссаров под стражу, где бы они ни явились, и отправить в рендсбургскую тюрьму. В то же время положили они перевести пребывание правительства в Шлезвиг, то-есть в самую средину земли, близ датских владений, чтоб воспрепятствовать всякому участию и вмешательству Дании в публичные дела.—

Вотъ въ какомъ положеніи находится теперь это дѣло, которое причинило и еще причинитъ много заботъ. Къ несчастью, видно, что оно запуталось теперь болѣе, нежели когда-нибудь. Между разными державами и властями, принимающими въ немъ участіе, будутъ происходить безконечныя переписки и переговоры. Кто уступитъ, Франкфуртское ли собраніе, опирающееся на 46 милліоновъ жителей Германіи, или король датскій, вспомошествоваемый сильными союзниками?»

— Возмущеніе, произведенное въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ *Густавомъ Струве*, подавлено. Генералъ *Гобманшъ* разбилъ инсургентовъ при Штауфенѣ. Предводитель ихъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Фрейбургъ и преданъ суду. Въ нѣмецкихъ газетахъ описываютъ похождения этого сумасброда. Въ карlsruэской газетѣ сообщаютъ о вступленіи его въ Штауфенъ слѣдующее:

«Впереди поезда ѣхали три всадника и кричали: «Да здравствуетъ республика и временное правительство!» На это никто не отвѣчалъ имъ, но въ церквяхъ вѣчно было звонить въ колокола въ честь благополучнаго прибытія *Штаутгальтера*. Скоро показался и самый поездъ. Впереди били барабаны и играла музыка; потомъ знаменосецъ съ краснымъ знаменемъ; три офицера на лошадяхъ, съ красными шарфами и такими же повязками, въ сопровожденіи 300 хорошо вооруженныхъ волонтеровъ съ огромными бородами и дикими лицами, по болѣе части Итальянцевъ; потомъ опять красное знамя, офицеры на лошадяхъ и около 1,500 солдатъ, хорошо вооруженныхъ, съ новымъ, блестящимъ оружіемъ и красными повязками. Наконецъ ѣхала въ каретѣ г-жа *Струве*. Въ каретѣ виднѣлся обнаженный мечъ и два пистолета. За этимъ поездомъ слѣдовалъ поездъ самого *Струве*, имѣвшаго чрезвычайно печальный видъ. *Струве* вошелъ въ ратушу и скоро показался въ одномъ изъ оконъ, съ обнаженнымъ мечемъ. Онъ сказалъ: «Друзья мои, съ этихъ поръ нѣтъ болѣе никакихъ налоговъ и пошлинъ—не будетъ бѣдныхъ при новомъ правительствѣ! Довѣрьтесь же ему....» Энтузіазмъ былъ однако же не великъ и не продолжитель-

лень, потому, что вскорѣ потребовали, чтобы все мужичины отъ 18 до 40 лѣтъ присоединились къ волонтерамъ; кассы не долго оставались у новаго правительства: оно должно было оставить ихъ при своемъ удавленіи. Волонтеры сохраняли порядокъ и были скромны. Некоторые волонтеры послѣдовали умному совѣту и впослѣдствіи при появленіи враговъ побросали оружіе.»

Изъ Штауфена *Струве* отправился въ Толтнау. Онъ совѣтовался съ своими о томъ, что дѣлать, и рѣшено было еще разъ сдѣлать нападеніе на Лоррахъ. Но на дорогѣ *Струве* узналъ, что гражданское ополченіе идетъ на него. Его отвели въ Веръ въ сельскій домъ, гдѣ скоро бургомистръ съ 8 солдатами, окруживъ домъ, арестовалъ его и его сподвижниковъ, которые сначала хотѣли было сопротивляться, но, по приказанію *Струве*, сдались. Плѣнники отвезены были въ Шопфгеймъ, откуда, послѣ короткаго допроса, повезли ихъ въ омнибусъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ. Подлѣ *Струве* была его жена. Въ Битценѣ чернь хотѣла разтерзать его. Потомъ плѣнныхъ отвезли въ Шлингенъ, гдѣ оскорбляли ихъ тѣ самыя, которые три дня назадъ носили ихъ на рукахъ. Ночью солдаты гражданскаго ополченія передали ихъ войскамъ, которые и повезли ихъ далѣе. 30 сентября *Струве* былъ привезенъ въ Фрейбургъ и посаженъ въ тюрьму.

— Въ Сигмарингенѣ, въ слѣдствіе распространившихся тамъ слуховъ о томъ, будто отрядъ баварскихъ войскъ получилъ приказаніе занять Гогенцоллернское княжество, народонаселеніе вооружилось, чтобы воспротивиться этому занятію и составило комитетъ общественной безопасности. Владѣтельный князь Гогенцоллернъ-Сигмарингенскій издалъ съ своей стороны прокламацію, которою объявилъ, что, не будучи въ состояніи управлять княжествомъ подлѣ вліяніемъ революціонной власти, онъ, вмѣстѣ съ правительственными лицами, удаляется, уведомивъ комиссара центральной власти о случившихся событіяхъ, чтобы онъ употребилъ всю свою власть для водворенія законнаго порядка, нарушеннаго преступными заговорами. Центральная власть отправила

надлежащее число войскъ въ Сигмарингенъ, для возстановленія тамъ порядка, и князь Гогенцоллернъ-Сигмарингенскій уже возвратился въ свои владѣнія.

— Въ Кёльнѣ происходили 25 и 26 числа безпорядки, въ слѣдствіе которыхъ городъ объявленъ былъ въ осадномъ положеніи. 25-го сентября, взяты были полиціею три чело-вѣка, обвиненные въ участіи въ заговоръ. Когда ихъ вели по улицѣ, послѣдовали разныя шалости и сопротивленія начальствамъ. Утромъ, 26 числа, на вопросъ коменданта, въ состояніи ли гражданская стража прекратить безпорядки, бургомистръ отвѣчалъ, что это превосходить ея силы. Тогда комендантъ города и крѣпости объявилъ ихъ состоящими въ осадномъ положеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилъ всѣ народныя собранія и клубы, всѣ скопища на улицахъ болѣе двадцати чело-вѣкъ днемъ, и болѣе десяти вечеромъ и ночью, запретилъ изданіе четырехъ возмутительныхъ газетъ, распустилъ гражданскую стражу, обязавъ ее выдать оружіе, и объявилъ, что всякій, кто будетъ противиться мѣрамъ начальства вооруженною рукою, преданъ будетъ военному суду. Мятежъ прекратился. 3 октября, комендантъ, генераль-маіоръ *Кайзеръ*, издалъ объявленіе, которымъ, по возстановленіи всеобщаго порядка и спокойствія, съ города снимается осадное положеніе.

— Изъ Любека отъ 10 октября пишутъ: «Вчерашній вечеръ ознаменовался здѣсь важными безпорядками. Три недѣли тому назадъ, сенатъ предложилъ представительному гражданству уравнивать въ правахъ избирательства всѣхъ гражданъ. Предложеніе отослано было въ комиссію. Послѣ этого граждане, не имѣвшіе до-сихъ-поръ права избирательства, отправили депутацію къ сенату съ благодарностію за его предложеніе, а представительному гражданству съ просьбою, скорѣе рѣшить дѣло. Вчера комиссія предложила удержать прежній законъ объ избраніи; и гражданство утвердило предложеніе сената и объявило о рѣшеніи своемъ бывшей тутъ депутаціи. Но скоро пьяныя толпы стали врываться въ залу засѣданій и потребовали,

въ противность прежнему своему желанію, чтобы прежній законъ оставленъ былъ въ своей силѣ. Гражданство объявило засѣданіе свое конченнымъ, но оно было почти въ плѣну; грубыя толпы требовали возобновленія засѣданія и угрожали членамъ собранія. Напрасно старались уговорить толпу; надобно было созвать гражданское ополченіе и ли-нѣйное войско, которымъ удалось только послѣ полуночи, и то при помощи огнестрѣльнаго оружія, разогнать толпы и освободить гражданство; сегодня сенатъ и граждане при-няли мѣры безопасности.»

И т л и я.

Въ Times напечатаны официальные документы, касатель-но англо-французскаго вмѣшательства въ дѣла между Неа-полемъ и Сициліею. Въ этихъ документахъ изложено все ходъ дѣла.

Мессина взята 8 сентября. 10 числа г. *де-Ренневалъ* увѣдомилъ неаполитанское правительство, что командующій французскими морскими силами у береговъ Сициліи, по предписанію адмирала *Бодена*, будетъ просить командира неаполитанскихъ войскъ прекратить на время непріязнен-ныя дѣйствія, а въ случаѣ нужды, и потребуетъ этого отъ обихъ сторонъ, для того, чтобы имѣть время получить над-лежащія инструкціи отъ республиканскаго правительства.

Англійскій уполномоченный со своей стороны сдѣлалъ такое же объявленіе неаполитанскому правительству.

Неаполитанское правительство отвѣчало обоимъ диплома-тамъ запискою, въ которой извинялось, что не отвѣчаетъ рѣшительно на приглашеніе прекратить военныя дѣйствія.

Въ этой запискѣ было сказано:

1) Что всякая мѣра, которая прервала бы исполненіе пла-новъ неаполитанскаго короля, касательно погашенія мяте-жа въ Сициліи, была бы лживымъ нарушеніемъ правъ неза-висимаго государя и должнаго уваженія къ дружественной державѣ.

2) Что это нарушеніе должно происходить отъ обихъ

адмираловъ, потому-что лордъ *Пальмерстонъ* со своей стороны увѣрилъ неаполитанское правительство, что Англія не будетъ мѣшать исполненію плановъ противъ Сициліи.

3) Что неаполитанское правительство весьма расположено уменьшить, сколько возможно, бѣдствія, неразлучныя съ войною въ Сициліи; но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы иностранныя кабинеты не выходили изъ своего неутрагитета, потому-что это значило бы поощрять Сицилійцевъ къ сопротивленію.

Король повелѣлъ продолжать войну въ Сициліи.

— Въ *Journal des Débats* напечатано слѣдующее письмо изъ Неаполя:

«Въ Сициліи все остается въ прежнемъ положеніи. Неаполитанцы занимаютъ Мессину и обѣ стороны очень раздражены, но ихъ удерживаетъ присутствіе морскихъ силъ, англійскихъ и французскихъ.

«Неаполитанцы, которые принуждены были остановиться послѣ перваго успѣха, очень недовольны. Однако жъ сицилійскія дѣла должны же когда-нибудь рѣшиться; но король Фердинандъ никогда не откажется отъ своихъ правъ на Сицилію: какъ же согласить обѣ стороны? Французская и англійская эскадры, конечно, могутъ еще нѣсколько времени мѣшать Неаполитанцамъ продолжать свои дѣйствія; но вѣдь онѣ не всегда же будутъ тутъ.

«Чтобы Неаполитанцы не сдѣлали нападенія на Сицилію врасплохъ, вице-адмиралъ *Боденъ* стережетъ всѣ сицилійскіе порты; французскія суда стоятъ въ Мессинѣ, въ Палермо, въ Катанѣ и въ Огустѣ.

«Линейный корабль *Friedland* и паровой корветтъ *Pluton* стоятъ въ Неаполѣ; корабль *Jupiter*, фрегатъ *Psyché* и многіе пароходы находятся въ Адриатическомъ морѣ; остальная часть эскадры у береговъ Сициліи, куда контръ-адмиралъ *Трегуаръ* прибылъ 30 сентября, съ паровымъ фрегатомъ *Rapana*.

— 7 октября, король *Карль-Альбертъ* дѣлалъ смотръ туринской гражданской гвардіи и при этомъ случаѣ въ первый разъ показался жителямъ столицы послѣ своего возвраще-

нія изъ похода. Съ нѣкотораго времени, въ Туринѣ произошла рѣшительная реакція въ пользу короля, и народонаселеніе столицы привѣтствовало въ этотъ день *Карль-Альберта* съ восторгомъ.

— Въ Туринѣ, 10 октября, происходило въ *Teatro Nazionale*, первое засѣданіе союзнаго италіянскаго собранія (*Società federativa Italiana*). Это будетъ родъ франкфуртскаго парламента, съ тѣмъ же стремленіемъ къ единству. Въ первомъ засѣданіи говорили многіе ораторы, не пропустившіе, разумется, случая призвать Италіянцевъ къ оружію противъ Австрійцевъ. Члены собранія принадлежатъ разнымъ странамъ Италіи. Въ президенты избраны *Джоберти*, *Андреа Ромео* и *Маміани*; въ вице-президенты *Каннино* и *Перецъ*.

— Въ Генуѣ произошло-было народное возстаніе: 28 сентября были прибиты по улицамъ рукописныя прокламаціи о провозглашеніи республики. Но здравый разсудокъ генуэзскаго народа тотчасъ же уничтожилъ это преступное воззваніе. Сочинителемъ прокламацій былъ нѣкто *Урбино*, известный мантуанскій Еврей, уже два раза принимавшій христіанскую вѣру, авторъ разныхъ возмутительныхъ сочиненій. До 1-го сентября жилъ онъ въ Парижѣ. Мятельная прокламація его не имѣла, къ счастью, ни какихъ вредныхъ послѣдствій; національная гвардія дѣйствовала твердо и спокойно. Солдаты срывали со стѣнъ республиканскія афиши. Нѣкоторые бунтовщики хотѣли воспротивиться этому, и оттого произошли столкновенія, но они не имѣли послѣдствій; всѣ словія отринули эти республиканскія воззванія.

— Во Флоренціи, 5 октября, были безпокойства, въ слѣдствіе которыхъ великогерцогское правительство издало прокламацію, въ которой объявило, что линійныя войска готовы поддерживать городское ополченіе. Солдатамъ приказано вступить въ городъ, въ случаѣ неповиновенія троекратному требованію гражданскихъ чиновниковъ. Въ Тосканѣ анархія все болѣе и болѣе распространяется, и министерство прямо объявило палатамъ, что ему трудно будетъ собрать болѣе 4,000 войска. Поэтому намѣреваются пригласить нѣсколько вспомогательныхъ баталіоновъ

изъ Пиемонта и завербовать нѣсколько отрядовъ въ Швейцаріи.

— Въ Римѣ вновь составленное министерство графа *Росси* укрѣпляется, и народъ снова привѣтствуетъ папу громкими кликами, при каждомъ его появленіи.

Французскій посланникъ при папѣ, г. *д'Акуръ*, получилъ отъ генерала *Кавеньяка* депешу въ отвѣтъ на просьбу римскаго министерства прислать въ папскія владѣнія отрядъ французскихъ войскъ для возстановленія тамъ внутренняго спокойствія. Французское правительство отвѣчало, что оно предложило Австріи свое посредничество; что касается до посылки войскъ, то это могло бы возбудить недозвѣрчивость Австріи. Папа самъ писалъ объ этомъ къ генералу *Кавеньяку*, и тотъ собственноручнымъ письмомъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ вмѣшаться съ оружіемъ въ рукахъ въ дѣла Италіи.

Испанія.

Герцогиня *Монтансье* разрѣшилась 21 сентября отъ бремени. Вотъ объ этомъ сообщеніе министра *Сарторіуса* первому министру: «Нынче вечеромъ около 11 часовъ, ея королевское высочество Инфантина *Донна Маріа Луиза Фернанда* благополучно разрѣшилась отъ бремени принцессою, которую я, согласно королевскому повелѣнію отъ 3 августа, имѣлъ честь торжественно представить лицамъ, назначеннымъ присутствовать при разрѣшеніи Инфантины. Послѣ того составленъ былъ актъ объ этой торжественной церемоніи, копію котораго посылаю вамъ. На другой день въ 3 часа по полудни, новорожденная была крещена и помазана муромъ прелатами здѣшняго округа и при крещеніи получила слѣдующія имена: *Марія, Изабелла, Франсиска де-Асизъ, Антонія, Луиза, Фернанда, Христина, Амалія, Фелипа, Аделаида, Иозефа, Елена, Эрикета, Каролина, Густина, Руфина, Гаспара, Мельхора, Вальтазара и Матеа*».

— Въ *Times* напечатано: «Мечта, которой *Людвигъ-Филиппъ* пожертвовалъ уваженіемъ и дружбою Англіи, осу-

ществилась: герцогъ *Монтансье* сдѣлался отцемъ наследницы испанскаго престола. Французскій принцъ, членъ фамиліи, замѣчательной по своимъ талантамъ и своему честолюбію, можетъ сдѣлаться основателемъ новой испанской династіи.

«Развитіе конституціонныхъ началъ, равновѣсіе, которое счастливо и долго было поддерживаемо между европейскими державами, разстроили тѣсный и грозный союзъ, льстившій гордости Франціи и ослаблявшій Испанію. Пиренеи, вычеркнутые съ карты Европы *Людвигомъ-Четырнадцатымъ*, снова воздымаютъ свои вершины.

«Былъ часъ, когда король французскій, наследовавшій изгнанной династіи и олицетворявшій въ себѣ власть народную, задумалъ царствовать надъ испанскимъ народомъ своимъ личнымъ вліяніемъ.

«Во дворцахъ, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ прежде его жили другіе, онъ могъ видѣть, написанныя или вышитые на стѣнахъ, внесенные въ летописи, сохраняемые въ архивахъ, многочисленные памятники завоевательной политики, которые стоили великому королю его спокойствія, *Наполеону* его трона! И между тѣмъ онъ поддался искушенію, отъ котораго должна бы предостеречь его исторія. Онъ успѣлъ, слишкомъ хорошо успѣлъ, въ своемъ предпріятіи. Событіе, о которомъ говоримъ мы, есть исполненіе его самыхъ задушевныхъ желаній.

«Но никогда надежды и опасенія не были до такой степени обманываемы! Если графу *Нѣльи* (*Людвигу-Филиппу*) хотѣлось только принадлежать къ испанской династіи, онъ теперь добился этой генеалогической чести. Какъ отецъ, онъ можетъ радоваться, что пристроилъ сына, достойнаго всей его иѣжности. Но, погнавшись за тѣнью, онъ потерялъ добычу. Этого мало: то, что должно было сдѣлать еще болѣе тѣсными связи между Испанією и Францією, теперь навсегда положило между ними непроборимую преграду. Ко всемъ причинамъ, по которымъ Франція не можетъ желать возвращенія орлеанской фамиліи, теперь присоединилась еще одна новая: именно, что эта фамилія имѣетъ право на испанскій престолъ.»

— По извѣстіямъ отъ 7 октября, въ Барселонѣ открытъ обширный заговоръ. Первою цѣлю заговорщиковъ было овладѣть фортомъ Монхуихъ, а въ случаѣ неудачи бомбардировать городъ и принудить его къ сдачѣ. Послѣ того *Кабрера* долженъ быть провозглашенъ генераль-капитаномъ Каталоніи отъ имени «Карла VI». Генераль *Кордова*, узнавъ объ этомъ, отрядилъ четыре баталіона егерей, которые въ окрестностяхъ города раздѣлились и вошли въ тѣ мѣста, гдѣ должно было вспыхнуть волненіе. Послѣ того арестовали главныхъ заговорщиковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и высшіе офицеры гарнизона. Въ Малагѣ также открытъ заговоръ.

— Генераль *Вильялонга* объявилъ всю Валенсію и Мурсію въ осадномъ положеніи и вездѣ назначилъ военные суды.

— *Кабрера*, сколько можно судить по сообщаемымъ отсюда извѣстіямъ, начинаетъ дѣйствовать рѣшительно и съ успѣхомъ. Мѣстныя начальства, съ своей стороны, усиливаютъ мѣры строгости. 9 октября, по приговору военнаго суда, учрежденнаго въ Барселонѣ, тамъ разстрѣляно нѣсколько человекъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ заговорѣ; другіе осуждены на каторжную работу.

— По извѣстію, сообщаемому въ газетѣ *Heraldo*, одинъ корпусъ войскъ правительства разбитъ при *Вильяфранкъ дель-Панадесѣ*, въ сраженіи съ превосходнѣйшими силами карлистовъ. Генераль *Вильялонга* продолжаетъ разстрѣливать всѣхъ карлистовъ, которые попадутся въ плѣнь.

Д а л м а ц і я .

Въ округѣ Далмаціи, Каттаро, произошло страшное возстаніе, и инсургенты изъ Цуппы, 28 и 29 сентября выдержали два настоящихъ сраженія. Поводомъ къ этому послужилъ десятинный сборъ. Окружной начальникъ *Гриче* убитъ. На Икодскомъ полѣ сраженія убито 5 солдатъ, а ранено 11. Возстаніе было общее. Всякій, кто могъ, бѣжалъ.

Многіе нашли убѣжище въ катарской крѣпости. Никто не смѣлъ оставаться, а о сопротивленіи и говорить уже нечего; инсургенты рѣзали и грабили все, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на полъ, ни на происхожденіе.

Молдавія и Валахія.

Изъ Бухареста получены отъ 27 сентября извѣстія: 26 сентября, по полудни, Турки овладѣли Бухарестомъ и пролили много крови. Депутатія, отправленная въ турецкій лагерь, оставлена тамъ въ плѣну, а многочисленная крестьянская армія окружена Турками и отрѣзана. Волненіе было ужасное. Звонъ колоколовъ смѣшивался съ воплями и криками людей. Вдругъ раздалась канонада. Турки непріязненно встрѣтились съ солдатами у казармъ. Около 200 человекъ пали на мѣстѣ, въ томъ числѣ и паша. Одинъ австрійскій капралъ застрѣленъ Турками на улицѣ.

Іоническіе острова.

На Іоническомъ островѣ Кефалоніи происходили 26 и 27 сентября столкновенія поселянъ съ Англичанами. Причины этого заключаются въ желаніи однихъ соединиться съ Греціею, другихъ, и именно сельскихъ жителей, грабить, и наконецъ въ личной ненависти нѣкоторыхъ Кефалонцевъ къ англійскому резиденту и полицейскому директору. 27 сентября явились около 500 вооруженныхъ крестьянъ передъ Аргостоли (главнымъ городомъ острова), и какъ у англійскаго резидента было чрезвычайно мало войска, то двѣнадцать человекъ защищали цѣлый день мостъ, ведущій въ городъ. На слѣдующій день нападеніе возобновилось. Инсургенты имѣли кажется намѣреніе разграбить городъ, потому

что обвиняли купечество въ пониженіи цѣнъ на коринку. Но въ это время прибылъ англійскій пароходъ «Spitfire» съ четырьмя ротами солдатъ и четырьмя орудіями изъ Корфу. Этихъ силъ было однако же еще недостаточно, чтобъ укротить возстаніе. На другой день должны были прибыть еще 200 человекъ и четыре пушки, что составило всего 1,300 человекъ. Объявлено всепрощеніе тѣмъ, которые покорятся, исключая предводителей.

Персія.

Въ письмахъ изъ Тавриса сообщаютъ о смерти персидскаго шаха Могамеда-Шаха, скончавшагося въ Тегеранѣ 6 сентября (25 августа ст. ст.) на 43 году. Сынъ его, принцъ Велихатъ-Неррединъ-Мирза, имѣющій отъ роду 18 лѣтъ, 10 ч. провозглашенъ персидскимъ шахомъ въ Таврисѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, и 14 ч. отправился въ Тегеранъ, въ сопровожденіи руссійскаго и англійскаго комиссаровъ, нѣлаго повѣреннаго въ дѣлахъ французскаго правительства, недавно прибывшаго въ Таврисъ, и отряда войскъ.—Первый персидскій министръ, *Гаджи-Мирза-Агасси*, замѣщенъ Мирзой-Гагди, прежнимъ комиссаромъ въ Эрзрумѣ для проведенія границъ.

Остъ-Индія.

Когда, въ 1846 году, сейкская армія, побѣжденная въ трехъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, слала столицу и послѣднихъ потомковъ Реджитъ-Синга лорду Гардингу,—спрдаремъ, или губернаторомъ Мультана, былъ нѣкто Саванъ-Малъ, ратный товарищъ покойнаго Магараджи. Не нарушивъ мирныхъ отношеній къ Англичанамъ, онъ, конечно, надбѣлся,

что, подобно Гулабъ-Сингу, воспользуется раздробленіемъ государства, и составитъ себѣ независимое княжество изъ провинціи, которою управляетъ, и которая, дѣйствительно, была бы весьма выгоднымъ пріобрѣтеніемъ. Разлегаясь по Ченабу, самому большому притоку Инда, знаменитая своею торговлею, мануфактурами, выдѣлкою ковровъ и шалей, соперничающихъ съ кашемирскими и даже въ Индіи продаваемыхъ подъ этимъ славнымъ наименованіемъ, имѣя населенія около 1,400,000 душъ, расположенная будто оазисъ посреди степей, окружающихъ ее почти со всехъ сторонъ, имѣя весьма плодородную почву, провинція Мультавъ могла бы составить небольшое государство, благоприятное во всехъ отношеніяхъ. Но когда англійская политика утвердилась въ Лагорѣ, когда знаменитая Ранп-Шанда была удалена, а сынъ ея, Далалъ-Сингъ, подвергнутъ почти тюремному заключенію, тогда британское правительство обратило вниманіе и на Мультавъ и потребовало отъ него дани, какъ отъ области, подчиненной Лагору.

Саванъ-Малъ уже не было въ живыхъ: онъ погибъ въ одномъ возмущеніи, и мѣсто его занялъ сынъ его, Мухраджа. Новый правитель обѣщавъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Англичанъ; но отозвался, что онъ далеко не полный хозяинъ въ своей провинціи, что три четверти поселенія ея состоятъ изъ мусульманъ, которыми весьма трудно управлять при помощи малаго числа Сейковъ, и что, наконецъ, подати вносятся очень несправно. Въ доказательство своей благонамѣренности, онъ убѣдительно просилъ лагорское правительство прислать агентовъ для изслѣдованія на мѣстѣ истиннаго положенія дѣлъ, и для содѣйствія ему въ восстановленіи порядка. Просьба была принята, и два англійскіе офицера, ванъ-Агнью (van-Agnew) и Андерсонъ, отправились въ Мультавъ. Мухраджа принялъ ихъ со всеми знаками азіатскаго почтенія, но вечеромъ, въ самый день перваго свиданія, послѣ довольно жаркаго спора объ уменьшеніи дани, приказавъ атаковать конвой англійскихъ аген-

товъ, который, состоя только изъ пяти сотъ человекъ, разсѣялся почти безъ боя. Оба офицера были убиты на другой день, послѣ упорнаго сопротавленія.

Въ то время, когда агенты, отправленные въ Мультавъ, погибли тамъ плачевною смертію, двадцати-четырехлѣтній поручикъ Эдвардъ находился одинъ изъ Европейцевъ, мѣляхъ въ тридцати, на сѣверъ Мультава, посреди мусульманскихъ племенъ, живущихъ по берегамъ Инда. На него было возложено политическое порученіе, и онъ имѣлъ при себѣ около 1500 человекъ прегулярныхъ солдатъ, набранныхъ частью въ Пенджабъ, частью и между самыми тѣми племенами, которыя ему надлежало успокоить. Чувствуя невозможность отступленія, предвидя свою неминуемую гибель при малѣйшемъ признакъ слабости, онъ рѣшился на отчаянный поступокъ: оставилъ цѣль своего порученія и вознамѣрился одинъ отмстить за своихъ товарищей. Онъ обратился къ фанатизму мусульманъ, которые ненавидятъ Сейковъ болѣе нежели христіанъ, объявилъ имъ, что настала часъ освобожденія ихъ мусульманскихъ единовѣрцевъ, и имѣлъ такой успѣхъ, что мѣсяца черезъ два собралъ армию слишкомъ въ восемь тысячъ человекъ, и смѣло выступилъ съ нею въ походъ.

Англійское начальство въ Лагоръ, узнавъ объ этомъ поспѣшило отправить, на помощь Эдвардсу, отрядъ, составляемый, по условію, ханомъ бахавалпурскимъ, и одну сейкскую бригаду, подъ командою подполковника Куртленда, и, въ доказательство своего удовольствія, предоставило поручику главное начальство надъ дѣйствующею арміею на все время кампаніи.

И Мухраджа, съ своей стороны, не оставался въ недѣлятельности. Узнавъ, что непріятель идетъ на него съ трехъ разныхъ сторонъ, онъ выступилъ съ своею арміею (8,000 человекъ и 10 орудій) съ цѣлію воспрепятствовать соединенію англійскихъ силъ, и встрѣтилъ ихъ въ тотъ самый день,

когда онъ должны были соединиться, именно 18-го іюня. Начавъ съ утра бой съ отрядомъ, находившимся подъ личнымъ начальствомъ Эдвардса, и еще отдѣленнымъ рѣкою Ченабомъ отъ союзниковъ, Мухраджа началъ брать перевѣсъ; но два полка отряда подполковника Куртленда успѣли добыть суда, для переправы черезъ рѣку, и подоспѣли вовремя, чтобы склонить побѣду на сторону Англичанъ. Тогда соединенная армія двинулась прямо на Мультавъ, и 1-го іюля одержала новую побѣду подъ стѣнами города. Судьба Мухраджи была рѣшена. Покинутый войскомъ, окруженный возмущившимися жителями, онъ заперся съ немногими приверженцами въ Мультавской цитадели. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Европѣ, онъ еще не былъ взятъ, но уже просилъ о капитуляціи, и получилъ отъ поручика Эдвардса въ отвѣтъ требованіе безусловной сдачи.

— На Цейлонѣ, 29 іюня, вспыхнуло возстаніе въ корнегалльскомъ и мательскомъ округахъ. Причиною возстанія былъ новый налогъ. Четыре тысячи вооруженныхъ ворвались въ Корнегалль, разрушили нѣсколько публичныхъ зданій и освободили арестантовъ. Отрядъ солдатъ вступилъ съ этою толпою въ перестрѣлку. У инсургентовъ было убито девять человекъ и множество ранено. Городъ объявленъ былъ состоящимъ въ осадномъ положеніи. Бунтовщики двинулись потомъ на Матель, оставленный жителями, и разграбили городъ. Но вскоре прибыло войско, и инсургенты были разбиты и разсѣяны. Они воротились однако же въ Корнегалль, гдѣ произвели много неистовствъ. Инсургентами начальствовалъ какой-то претендентъ, объявившій войну англійскому владычеству въ Индіи. 6-го августа захватили человека, полагая, что это самъ преводитель; но это былъ братъ его. Его предали суду, приговорили и разстрѣляли. Потомъ тѣло его было выставлено на четыре дня на висѣлицѣ. При отъѣздѣ почты почтители это возстаніе совершенно подавленнымъ.

Вестъ - Индія.

— По известіямъ отъ 10 сентября, на Мартиникъ и Гваделупъ негры не хотятъ болѣе работать; переселенія продолжаются и богатые жители удаляются. Уже замѣтенъ недостатокъ въ съестныхъ припасахъ.

Русская Словесность.

НА СМЕРТЬ

Графа Василія Васильевича Песашова *

Еще погаснула на нашемъ небосклонѣ
Звѣзда, горѣвшая въ тотъ незабвенный годъ,
Когда отечества въ чудесной оборонѣ
Въичался славою нашъ доблестный народъ!...
Еще сошелъ во гробъ (о, рокъ невозможный!)
Мужъ брани, честь отеческихъ полковъ,
Защитникъ родины, имъ пламенно любимой,
Еще одинъ изъ станъ тѣхъ орловъ,
Которыхъ громъ, какъ гласъ судьбы всемогущей,
Во мракѣ тучъ и бури полуночной
Низвергнулъ съ высоты тщеславія кумирь,
Предъ конемъ трепеталъ постыдно цѣлый міръ!...
Такъ! нѣтъ еще вожда время тѣхъ вѣчнославныхъ,
Когда, при заревѣ священнаго Кремля,
Отъ хижинъ пахаря до стѣнъ дворцовъ державныхъ,
Кипѣла местію вся Русская Земля!...
Увы! Ужъ празденъ мечъ и щитъ лежитъ во прахѣ,
И сжата смертію могучая рука;
Не побѣжить предъ ней ужъ врагъ смущенный въ страхѣ,
Не задымится битвъ кровавая рѣка!...

* *
*

* Стихотвореніе это, помѣщенное въ Сѣверной Пчелѣ, по желанію почтеннаго автора, печатается и въ нашемъ журналѣ.

Ред. С. О.

Всегда, вездѣ другъ истинный отчизны,
 Престола вѣрный стражъ и твердый щитъ Царя,
 Онъ сѣло презиралъ навѣтомъ укоризны,
 И чистой къ родинѣ любовью горя,
 Какъ истый Славянинъ, храня свой санъ боярскій,
 Не именемъ однимъ онъ былъ совѣтникъ царскій,
 Но къ благу общему шелъ твердою стопой,
 Въ сужденьяхъ — истиной, въ дѣяньяхъ — правотой,
 И зло для роины въ ущельяхъ змѣиныхъ
 Не сокрывалось отъ глазъ его орлиныхъ!

* *

Я видѣлъ чудный мигъ, когда Великій Царь,
 Царь Русскія Земли, почтя въ немъ умъ, заслугу
 И все, что онъ принесъ отчизны на алтарь,
 Пришелъ къ одру его, какъ другъ приходитъ къ другу,
 И длань державную къ страдальцу протянулъ.
 Жизнь гаснула его, но въ этотъ мигъ священный
 Еще огонь въ груди живительный блеснулъ,
 Еще открылся взоръ, сномъ смертнымъ отягченный,
 Безмолвствуя уста произнесли: прости,
 И хладною рукой въ часть смерти, чуждой лъсти,
 Привѣтствуя Монарха полвселенной,
 Который на него съ печалю взиралъ,
 Онъ поцѣлуй любви и вѣрности послалъ.....

* *

Межъ тѣмъ вокругъ одра семья его рыдала,
 И съ трепетомъ конца дней милыхъ ожидала.
 Какъ древній патриархъ, онъ всѣхъ благословилъ,
 И съ упованіемъ на благость провидѣнья,
 Въ надеждѣ на Христа и съ вѣрой въ воскресенье,
 Сномъ вѣчнымъ отъ трудовъ сей жизни опочилъ.

Ж. Ж.

ДОБРО И ЗЛО.

Романъ Н. Фурманна.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

...Пишите романы не какіе — историческіе, сатирическіе, правописательные, а главное, разубѣете, хорошие. Бросьте свои *личныя, задушевныя* порывы къ высокому, муки, восторги, свои поэтическія утопіи и философскія грезы о безконечно-великихъ и безконечно-отдаленныхъ предметахъ; изучайте жизнь, изучайте вещи въ ихъ естественномъ, свѣтломъ или мутномъ тѣненіи, наблюдайте извѣстные пути страстей, располагающихъ событіями, олицетворяйте все это въ образахъ простыхъ и непримечательныхъ, въ которыхъ бы можно было, какъ въ зеркалѣ, видѣть и обнять сердцемъ существенныя вопросы человеческого быта и извѣщенія, — однимъ словомъ, повторяемъ, пишите романы.

А. Никитенко.

(Библи. для Читенія, июль—1846).

ГЛАВА I.

ОТСТАЛЫЯ ОТЪ ВѢКА ПОНЯТІЯ.

Время, говорятъ, лучшей врачъ душевныхъ страданій.
 Не всегда.

Есть страданія, подобныя римскому цементу.

Они прививаются къ сердцу, срастаются съ нимъ; чтобы вырвать ихъ изъ груди, нужно вырвать сперва сердце. Страданія эти не проявляются въ сильныхъ порывахъ, не напрашиваются на участіе; слезы ихъ скрыты и жгучи, жалоба горька и безнадежна....

Въ скромномъ, честномъ семействѣ мирно, ясно текла жизнь молодой дѣвушки.

Отсутствие малѣйшихъ горестей погрузило сердце ея въ тихое, сладостное усыпленіе, изъ котораго пробуждалъ его только голосъ любви къ родителямъ.

Но этотъ голосъ былъ ей знакомъ. Съ малолѣтства привыкла она къ нужнымъ звукамъ его. Вся радостныя ощущенія молодой дѣвушки сливались съ искреннею, сердечною привязанностью къ двумъ существамъ, на которыхъ она съ дѣтства привыкла смотреть, какъ на виновниковъ ея тихаго, безмятежнаго счастья....

Такова была Аннета, дочь Федора Ивановича до послѣдняго часа 1843 года.

Воспитаніе и счастливое стеченіе обстоятельствъ спасли ее отъ болѣе или менѣе невинныхъ мечтаній объ идеалахъ съ усами или безъ *опыхъ*. Правда, нѣкоторыя изъ подругъ Аннеты заговаривали съ нею о молодыхъ людяхъ, оказывавшихъ имъ особенное предпочтеніе, засматривавшихся на нихъ, встречавшихся съ ними на *променадахъ* или танцовавшихъ почти только съ ними,—но Аннета слушала разсѣянно, невнимательно, и часто прерывала разговоръ въ самомъ интересномъ мѣстѣ какимъ-нибудь страннымъ вопросомъ, не имѣвшимъ рѣшительно никакой связи съ предметомъ разговора. Подруги перестали повѣрять Аннетѣ свои сердечныя секреты, и она прослыла въ кругу ихъ *глупенькою*.

Невинность столько же похожа на глупость, какъ истина на грубость.

Есть люди, честные и прямодушные, но рабы свѣтскихъ законовъ, которые, не желая прослыть *грубиянами*, часто уклоняются отъ истины по тонкому чувству приличія.

Есть юдоши, сохранившіе всю свѣжестъ дѣтства, которые, стыдась своей счастливой невинности и не желая прослыть *глупенькими*, разыгрываютъ роль отчаянныхъ *донъ-Жуановъ*.

И жалко, и смѣшно.

Аннета была не только невинна, но и счастлива; а безмя-

тежное, спокойное счастье усыпляетъ не только сердце, но и умственныя способности. Послѣднимъ необходима борьба,—въ ней они испытываютъ свои силы, растутъ, крѣпнуть.... Повторяю, со всякимъ новымъ ударомъ человекъ приобретаетъ новое познаніе въ наукъ жизни, а со всякимъ новымъ познаніемъ отрывается святѣйшая частица сердца.

Чѣмъ продолжительнѣе счастливое усыпленіе ума и сердца, тѣмъ богаче они силами, могуществомъ, въ послѣдствіи, когда часъ пробужденія ударитъ. Пробужденіе это подобно расточительности наслѣдниковъ скупца, не прикасавшагося во всю жизнь свою къ несметнымъ сокровищамъ, накопленнымъ имъ....

До самаго Новаго-года Аннета сохранила дѣвственную чистоту, чистую, свѣтлую простоту ума и сердца. Наканунъ Новаго-года странныя, невѣдомыя слова впервые поразили слухъ ея,—и она внезапно поняла эти слова, потому-что они относились прямо къ ней.

Уголокъ завѣсы, прикрывавшей сердце ея, поднялся, и оно дрогнуло, неожиданно пораженное лучемъ свѣта....

Это было первое, неясное, неопредѣленное влеченіе сердца, для нея непостижимое.

Аннета тоже лишилась своего блаженства, ибо счастье ея было внезапно разрушено.

Первое страданіе коснулось сердца ея. Не свѣтское приличіе, не благопристойность заставляли ее удалиться, а болѣзненное ощущеніе впервые испуганной дѣвственности.

Ночь на Новый-годъ составила въ жизни молодой дѣвушки эпоху,—эпоху пробужденія двухъ сокровищницъ жизни: ума и сердца.

Съ той поры съ Аннетой произошла видимая переменна. Сердце ея было такъ цѣло, воспитаніе и вся прошедшая жизнь такъ приготовили ее къ *постоянству*, что первое впечатлѣніе не могло не имѣть на нее сильнаго вліянія. Прежняя, беззаботная веселость Аннеты исчезла; она стала думать и задумываться....

Молодая дѣвушка припомнила секреты подругъ и, при первой встрѣчѣ съ послѣдними, сама осторожно навела раз-

говоръ на этотъ предметъ. Съ жадностію слушала Аннета болтовню подругъ,—она еще не понимала, но уже догадывалась....

Подруги уходили. Уединившись въ своей комнаткѣ, Аннета припоминала рассказы ихъ и справлялась съ собственнымъ сердцемъ, требуя отъ него той же беззаботной веселости, тѣмъ же легкихъ, пріятныхъ ощущений, которыя проявлялись въ разсказахъ подругъ; но—сердце ея судорожно сжималось и отвѣчало жалобой....

Потомъ разсудокъ вооружался негодованіемъ противъ незаслуженнаго страданія, заброшеннаго въ сердце молодой дѣвушки прехотливымъ случаемъ; разсудокъ доказывалъ неосновательность этого страданія, ободрялъ сердце, а оно отвѣчало горькими, жгучими слезами....

Это были первыя слезы, скрытыя молодою дѣвушкою отъ матери. Могла-ли она искать утѣшенія, когда сама не знала причины своихъ слезъ?

Аннета грустила безотчетно до того самаго дня, когда получила безымянное письмо. Тогда только дала она на груди матери воду слезамъ, находившимся на сердцѣ ея. Съ признательностію и изумленіемъ выслушала она слова Юліи Карловны, заключавшія въ одно время и утѣшеніе, и рѣшеніе странныхъ, загадочныхъ вопросовъ, собиравшихся въ умъ молодой дѣвушки съ самаго Нового-года.

Юлія Карловна, воспитанная въ строгихъ, честныхъ правилахъ нѣмецкаго, семейнаго быта, имѣла объ обязанностяхъ женщины понятія самыя простыя, прямыя, иначе, отсталыя отъ вѣка.

Женщина не можетъ быть *равною* мужчине, потому-что она *выше* его. Добровольно отказавшись отъ этого преимущества, она необходимо должна пасть *ниже*, потому-что физическая сила и энергія на сторонѣ мужчины

Развратныя наклонности и развращенный умъ, подстрекаемые нѣкоторою энергіею, бросили міру первую мысль *эманципации* женщины, и мысль эта нашла отголосокъ въ нѣкоторыхъ существахъ,—немногихъ, по счастью,—столько же развращенныхъ, но менѣе смѣлыхъ. И въ чемъ заклю-

чается эта эманципация?... Отдѣлите по слоямъ весь обманчивый нарядъ, въ который облакаются требованія ея, и вы доберетесь до съдвующаго заключенія:

Женщина должна имѣть одинакія права съ мужчиной.

Какія же это права? Развѣ мужчина, господствующій надъ тысячами, не подчиняется сердцемъ женщины?... Развѣ женщина не имѣетъ своего круга дѣйствій?...

Бракъ освящаетъ потребность любви, вложенную въ сердце чловѣка самимъ Провиднѣемъ; онъ обуздываетъ страсти и ведетъ чловѣчество дорогою къ идеалу христіанскаго совершенства. Все наши природныя наклонности требуютъ благоразумнаго ограниченія. Уничтожьте законный бракъ или предоставьте расторженіе его произволу чловѣка, что станется со священными узами, предписывающими отцу воспитаніе сына, сыну повиновеніе отцу? Что станется съ обществомъ, когда основаніе его рухнется?

Конечно, бывають случаи, когда спокойствію, счастью одного или даже двухъ лицъ, необходимо расторженіе необдуманнозаключеннаго союза; но это исключеніе, и основывать на немъ общее правило, значить жертвовать тысячами въ пользу одного.

Знаменитый графъ Морицъ Саксонскій, въ своемъ сочиненіи: *Meintrau* — Les Révéries — предлагаетъ *пятилѣтній* бракъ, подкрѣпляя свое предложеніе весьма убѣдительными доводами и примѣрами.

Неудивительно: графъ Морицъ — сынъ польскаго короля Августа II и графиня Авроры Кѣнигсмаркъ. Онъ воспитывался при развращенномъ дворѣ своего отца, жилъ при дворѣ Людовика XV... Послеъ этого должно удивляться не предложенію Морица, а тому, что онъ рѣзкомъ не опредѣнялъ своего вѣка и не требовалъ совершеннаго уничтоженія брака.

Повторяю, и бракъ имѣетъ свою мрачную сторону, свои неприяности, но въ общей массѣ не уступаютъ ли онъ удовольствіямъ. И не заключается-ли источникъ этихъ неприяностей, не въ бракъ, а въ несовершенство чловѣческой природы? Развѣ бракъ виноватъ въ томъ, что, вступая въ него,

люди часто повинуются безразсудному увлеченію или, что еще хуже, корысти?... Нѣтъ, не для удовлетворенія подобныхъ цѣлей существуетъ союзъ, освящаемый благословеніемъ Бога....

Не допуская союза между кровными родными, законы брака имѣютъ въ виду болѣе и болѣе обширное распространіе того родственнаго союза, который составляетъ силу общества и есть идеалъ христіанскаго братства и согласія.

Вѣрность есть первое условіе супружеской жизни. Такъ какъ она основывается на взаимной клятвѣ, и такъ какъ бракъ есть тѣснѣйшій союзъ людей, то измѣна есть грѣхъ величайшій. Замѣчательно, что даже дикари считаютъ право брака священнымъ, и преступленіе противъ него наказываютъ смертію....

Отчего поборники эманципаціи, часто ссылающіеся на дикарей, какъ на людей первобытныхъ, упустили изъ виду этотъ примѣръ брачнаго права?

А воспитаніе дѣтей? Не заключается-ли въ немъ залогъ возможнаго усовершенствованія челоѣчества? Не необходимо-ли для этого воспитанія тѣснѣйшій союзъ двухъ существъ, разнообразныя понеченія и заботы которыхъ развиваютъ добро, умѣряютъ зло въ ребенкѣ?

И, въ вознагражденіе за трудности воспитанія, Провидѣніе вложило въ сердца родителей любовь, искреннюю, безкорыстную къ дѣтямъ; любовь полную самопожертвованій и постоянно сопровождаемую чувствомъ внутренняго, благороднаго самоудовольствія.... Невинныя игры съ дѣтьми часто служатъ родителямъ самымъ пріятнымъ отдохновеніемъ послѣ трудовъ.

Сынъ Расина рассказываетъ въ своихъ запискахъ:

«Il était de tous nos jeux; je me souviens de processions, dans lesquelles mes sœurs étaient le Clergé, j'étais le Curé et l'auteur d'Athalie, chantant avec nous, portait la croix».

Въ этихъ простыхъ играхъ Расинъ, по-моему, величественнѣе, нежели посреди придворныхъ, осыпанныхъ золотомъ и ожидающихъ выхода короля въ Лувръ.

Расинъ же отказался отъ приглашенія къ обѣду знатнаго

и могущественнаго министра, по той причинѣ, что жена нажарила ему отличную рыбу, и что онъ далъ слово дѣтямъ отобѣдать съ ними.

Извѣстный профессоръ математики Хаузенъ прервалъ однажды лекцію, услышавъ плачь своего ребенка; онъ поспѣшно оставилъ своихъ слушателей, но вскорѣ вернулся съ ребенкомъ и, покачивая его на колыбелѣхъ, преспокойно продолжалъ лекцію....

Вникните въ эти, по-видимому, незначительные примѣры, и вы увидите, что въ нихъ заключается глубокой смыслъ, говорящій въ пользу понятій *отсталыхъ отъ вѣка*....

— Дитя мое, говорила Юлія Карловна, лаская дочь, я виновата передъ тобою. Не предвидя ни съ которой стороны опасности, я не сочла нужнымъ предупредить тебя, и вотъ отчего письмо это произвело на тебя такое сильное впечатлѣніе. Не предотвративъ удара, я, по-крайней-мѣрѣ, постараюсь вылечить рану, нанесенную имъ твоему невинному, чистому сердцу. Аннета, поговоримъ о твоей будущей жизни....

Скоро и съ изумленіемъ подняла молодая дѣвушка свѣтлый взоръ на мать.... слезы отуманили зрѣніе ея, и печально, стыдливо, опустила она опять глаза.

— Дитя мое, продолжала Юлія Карловна: то время, когда ты оставишь родительскій домъ, приближается.... Тотъ, кому Провидѣніе назначило тебя въ подруги, спутницы жизни, явится. Ты выйдешь за-мужъ. Не плачь, другъ мой, это общая участь женщины. Быть-можетъ, ты сама изберешь себѣ мужа; быть-можетъ, согласишься на нашъ выборъ. Принуждать мы тебя не станемъ; но во всякомъ случаѣ согласіе должно быть обоюдное: наше — опытное; твое — сердечное....

Аннета съ чувствомъ и нѣмою призвательностію поцѣловала руку матери.

— Но замѣть, дитя мое, продолжала послѣдняя: что только прямыя, открытыя дѣйствія могутъ быть вѣрнымъ залогомъ твоего будущаго счастья. Челоѣкъ, прибгающій къ

хитростямъ, недостойнымъ уловкамъ, не питаетъ къ тебѣ должнаго уваженія, ибо считаетъ тебя способною изменить твоимъ обязанностямъ въ отношеніи къ намъ.... Берегись, дитя мое! такой человекъ можетъ впоследствии обратити на тебя же свое собственное преступленіе....

Молодая дѣвушка съ болзнію посмотрѣла на мать.

— Да, сказала Юлія Карловна нѣсколько строгимъ голосомъ: онъ можетъ впоследствии упрекнуть тебя въ поведеніи, за которое теперь общается вѣчную признательность и любовь....

— Это ужасно! произнесла Аннета едва слышнымъ голосомъ.

— Ужасно, но справедливо.

Сердце молодой дѣвушки дрогнуло послѣ строгаго, рѣшительнаго приговора матери.

— Человекъ этотъ, продолжала Юлія Карловна, холодно указавъ на письмо: не смотри на всѣ свои увѣренія, — не любить тебя.

И Юлія Карловна пристально взглянула на дочь.

— Не любить? повторила послѣдняя съ ангельскимъ простодушіемъ. Развѣ вы его знаете?

— Нѣтъ, но поведеніе его служить тому доказательствомъ.

— Я васъ не понимаю, простосердечно возразила Аннета.

— Онъ любитъ *себя* болѣе, нежели *тебя*, потому-что для удовлетворенія *своей любви*, не боится жертвовать или, по крайней мѣрѣ, подвергать опасности *твое добро имя*.... А что дороже женщины добраго имени? Отъ него зависитъ не только собственное счастье и спокойствіе ея, но и гордость родителей, любовь мужа, уваженіе детей....

Юлія Карловна поцѣловала дочь, утерла слезы ея и замолчала, съ намѣреніемъ предоставить молодую дѣвушку собственнымъ размышленіямъ.

Нѣсколько минутъ молчала Аннета, опустивъ голову на грудь; нѣсколько минутъ длилась борьба между прежними, странными, безотчетными ощущеніями ея и раз-

судительностію словъ матери.... Наконецъ, послѣдняя одержала верхъ.

Аннета крѣпко пожала руку Юліи Карловны и отвѣчала тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Маменька, не скрываю отъ васъ, что сердце мое не совсемъ еще освободилось отъ тягостнаго, незнакомаго мнѣ ощущенія, которое завладѣло имъ съ Нового-года.... не даю вамъ слова, что оно не будетъ имѣть вліянія на рѣшеніе моей будущей судьбы....

Въ это самое время вошла Татьяна Ивановна.

Читатель уже знаетъ, чѣмъ кончился разговоръ старой дѣвы съ матерью Аннеты.

ГЛАВА II.

Передъ обѣдомъ.

Новая переменъ произошла съ Аннетой, въ слѣдствіе послѣдняго происшествія.

Оно внезапно развило характеръ молодой дѣвушки, наслѣдовавшей кротость и добродушіе отца, вмѣстѣ съ твердостью и силою воли матери. Наставленія послѣдней и собственныя размышленія Аннеты опредѣлили мѣру силъ ея. Она избрала средину между прежнею, беззаботною веселостью и недавними, безпричинными, такъ сказать, по горькими слезами.

Знакомые не узнавали Аннеты. Лицо ея приняло нѣсколько задумчивое, серьезное выраженіе, по которому иногда, подобно нѣжному солнечному лучу, скользила кроткая улыбка.

Переменъ, происшедшая съ Аннетой, была такъ внезапна, что теперь только знакомые ея замѣтили, что она уже *невѣста*, и невѣста очаровательная. Молодые люди, до-сихъ-поръ беззаботно шутившіе съ нею, какъ съ рѣз-

вымъ, невиннымъ ребенкомъ, вдругъ стали чувствовать некоторую робость, приближаясь къ ней, и смущались, пугаясь въ недоговариваемыхъ *комплиментахъ*. Иные изъ нихъ, болѣе смѣлые и предприимчивые, рѣшались испробовать свое могущество надъ молодою дѣвушкою и, вооруживъ глаза непобѣдимымъ, плѣнительнымъ взглядомъ, высказывавшимъ цѣлый романъ влеченій и томленій, обращали ихъ на Аннету; но искусственный, фейерверочный огонь этихъ глазъ блѣднѣлъ и угасалъ передъ взоромъ Аннеты, спокойнымъ, светлымъ и яснымъ, какъ душа ея.....

Предложеніе Татьяны Ивановны поразило сначала жену доктора почти непріятнымъ образомъ и, если бѣ она должна была отвѣтить въ ту же минуту, то, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣтила бы отказомъ. Между Аннетой и Захаромъ Ивановичемъ было такое огромное, нравственное и физическое разстояніе, что союзъ ихъ казался невозможнымъ. Но когда первое, сердечное движеніе успокоилось, разумокъ вступилъ въ свои права. Послѣ долгаго, спокойнаго размышленія, Юлія Карловна стала смотреть на разстояніе, существовавшее между ея дочерью и предлагаемымъ ей женихомъ, уже не какъ на препятствіе, а какъ на обстоятельство въ пользу союза.

Холодная, суровая, курляндская дворянка болѣе всего опасалась непрочности сильныхъ ощущеній: съ Захаромъ Ивановичемъ онѣ были невозможны. Въ теплой, умѣренной, сердечной привязанности полагала она залогъ счастливой будущности дочери, а Захаръ Ивановичъ обладалъ всеми качествами, заслуживающими такую привязанность.

Читатель уже знаетъ репутацию Опухтина, какъ человека служащаго, дѣловаго.

Въ частной жпзни онъ слылъ человекомъ, не получившимъ, правда, блистательнаго воспитанія, но одареннымъ здравымъ природнымъ умомъ, не разсыпавшимся въ обществѣ мелочными, пустыми блестящими, но сосредоточившимся въ обязанностяхъ службы.

Сужденіе это основывалось на томъ, что Захаръ Ива-

новичъ игралъ въ карты съ глубокою обдуманностью и всегда могъ представить горячему партнеру резоны, по которымъ онъ сходилъ такъ, а не иначе.

Обхожденіе Опухтина съ сестрою служили неопровержимымъ доказательствомъ его кротости и доброты. Уваженіе къ престарѣлому отцу, впавшему въ дѣтство, избличало душу благородною. Что же касается до честности Захара Ивановича, то даже тотъ, кто *не зналъ* его, не могъ ни на мгновеніе усомниться въ ней. Скромная, порядочная жизнь, не лишенная ни удобствъ, ни даже некоторыхъ удовольствій, доказывала, что Опухтинъ умѣлъ довольствоваться малымъ; а тотъ не можетъ быть безчестенъ, кто умѣетъ довольствоваться малымъ, не отказывая себя въ необходимомъ.....

На этихъ данныхъ основывалось сужденіе *свѣта* о Захарѣ Ивановичѣ Опухтинѣ.

Давъ Юлію Карловнѣ время подумать, старая дѣва опять навѣстила ее.

— Подумали-ли вы, Юлія Карловна? спросила она.

— Думаю, отвѣчала жена доктора.

Легкое пожатіе руки и ласковый взглядъ, сопровождавшіе это слово, наполнили сердце Татьяны Ивановны надеждой.

Время проходило; наступилъ Великій постъ. Захаръ Ивановичъ, вообразившій, что дѣло будетъ улажено передъ масляницей, въ недѣлю многочисленныхъ жертвоприношеній Гименею, начиналъ унывать, не смотря на доводы болѣе терпливой сестрицы.

Захаръ Ивановичъ напрасно унывалъ, потому-что въ домъ доктора первая, труднѣйшая партія была выиграна. Юлія Карловна рѣшилась. Оставалось объясниться съ Федоромъ Ивановичемъ и получить согласіе Аннеты.

На четвертой недѣлѣ поста, докторъ однажды, передъ обѣдомъ, ранѣе обыкновеннаго вернулся домой. Онъ пришелъ съ деньгами, а потому пригласилъ жену въ кабинетъ, чтобы, по обыкновенію, отдать ей отчетъ.

Юлія Карловна рѣшилась воспользоваться этимъ случа-

емъ, чтобы объяснитьсь съ мужемъ. Записавъ приходъ и кончивъ расчеты, она сказала :

— Другъ мой, Господи благословимъ твои труды..... Помнишь-ли, какъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, ты отнесъ первую, трудовую тысячу въ банкъ?...

— Помню, помню! весело отвѣчалъ докторъ: мы жили тогда на Васильевскомъ-островѣ, на Среднемъ-проспектѣ, въ деревянномъ домикъ, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь огромный, четырехъ-этажный домъ.... Господи! какъ все измѣняется.....

— Ты помнишь, что мы дали другъ другу слово не трогать этихъ денегъ?

— Какъ же! Мы даже рассчитали, что къ тому времени, когда Анненька сдѣлается невестой, тысяча эта удвоится съ процентами на проценты! сказала Федоръ Ивановичъ съ добродушнымъ самодовольствіемъ.

Юлія Карловна, перелистывая свою записную книгу, принялась, съ аккуратностью казначея, высчитывать постепенное умноженіе скромнаго капитала придаточными суммами, процентами, процентами на проценты, процентами на проценты процентовъ и такъ далѣе.

Федоръ Ивановичъ, по временамъ, поддакивалъ головою и слушалъ разсѣянно или, лучше сказать, вовсе не слушалъ; не смотря на то на свѣжѣмъ, добродушномъ лицѣ его была пріятная улыбка; но ее вызвали не сотни и тысячи, высчитываемыя Юліею Карловной, а пріятное звучанье тарелокъ, ложекъ, вилокъ и ложекъ!....

Въ соседней комнатѣ накрывали на столъ.

— Въ послѣдніе пять лѣтъ, продолжала Юлія Карловна тѣмъ монотоннымъ голосомъ, который какъ бы придуманъ для разговоровъ о деньгахъ, — въ послѣдніе пять лѣтъ ты ежегодно относилъ въ банкъ до десяти тысячъ рублей.... Прошлаго года даже одиннадцать тысячъ и триста семьдесятъ рублей....

— Гм-гм! произнесъ Федоръ Ивановичъ, пріискивавшій въ эту минуту причину страннаго переворота въ болѣзни одного изъ пациентовъ его.

— Еще четырнадцать тысячъ и пѣсколько сотенъ, и приданое Аннеты округлится: у нея будетъ сто тысячъ рублей.

— Ого!.... Если бѣ я началъ съ такими деньгами....

— Такъ ты промоталъ бы ихъ очень скоро, перебила его жена.

— Ты думаешь? спросилъ докторъ, весело засмѣявшись. Признаться сказать, если бѣ не ты, такъ у Анненьки не было бы такого приданого, прибавилъ онъ, пожавъ руку жены.

Читатель видитъ, что Агафья Степановна не ошиблась, сообщивъ старой дѣвѣ, что у Аннеты будетъ около восьмидесяти тысячъ приданого. Какъ она узнала объ этомъ?.. Юлія Карловна никому не повѣряла этого; самъ докторъ въ первый разъ узналъ въ точности сумму своего состоянія.....

Отъ кого же узнала Агафья Степановна?

— Говорятъ, батюшка; слухъ носится, отвѣчала бы она, еслибы ее спросили о томъ.

Одно слово, нечаянно сказанное, ловко подхваченное, пополняется догадками, соображеніями, замѣчаніями, растеть, распространяется, становится общимъ достояніемъ, и приукрашенное, приумноженное въ видъ *послѣдлаго слуха*, часто возвращается къ тому же, кто первый пустилъ его въ свѣтъ.....

Смотря по степени догадливости или доверчивости людей, распространяющихъ слухъ, онъ болѣе или менѣе приближается къ истинѣ.

— Половину этой суммы, продолжала Юлія Карловна: Аннета получить когда выйдетъ за-мужъ, а другую половину нашей смерти.

— Гм-гм! отвѣчалъ докторъ, посмотрѣвъ на часы.

До обѣда оставалось еще четверть часа.

— Вторую половину мы отпьемъ.....

— Ахъ, постой, другъ мой.... Прислалъ Шварцкопфъ ящикъ вина?

Юлія Карловна насушила брови.

— Я удивляюсь, сказала она сухо: что ты прерываешь меня такими пустыми вопросами, когда я говорю тебѣ о будущности дочери.

— Ну, ну, не сердись! Я слушаю.

Федоръ Ивановичъ опустился въ кресла и сложилъ руки на груди.

— Вторую половину, продолжала жена его: мы отпишемъ на детей Аннеты.....

Докторъ засмѣялся.

— На дѣтей! вскричалъ онъ. Боже мой! она сама еще ребенокъ!.... На дѣтей! До этого еще далеко.

— Не такъ далеко, какъ ты думаешь.

— Что-о-о? спросилъ Федоръ Ивановичъ, и лицо его вытянулось.

— Аннеть девятнадцатый годъ. Ей пора за-мужъ.

— Ну, и выйдетъ, коли явится добрый, благородный женихъ, отвѣчалъ докторъ, пожавъ плечами.

— Женихъ явился.

Федоръ Ивановичъ поморщился. Разговоръ принималъ слишкомъ серьезный оборотъ, особенно передъ обѣдомъ.

— Аннета любить кого-нибудь? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала жена его нерышительно: но руки ея просить челоувѣкъ, прекрасный во многихъ отношеніяхъ.

— Ага! произнесъ Федоръ Ивановичъ, вздохнувъ свободно: во многихъ отношеніяхъ, говоришь ты? Это недостаточно; я бы желалъ, чтобы онъ былъ прекрасный челоувѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Если бъ я, двадцать лѣтъ тому назадъ, была бы этого мнѣнія, то по сію пору сидѣла бы въ дѣвницахъ, возразила Юлія Карловна съ нѣкоторою колкостью, вызванною отвѣтами мужа, въ которыхъ проявлялось начало оппозиціи.

Докторъ замѣтилъ тучу, предвѣстницу грозы, и опасаясь испортить аппетитъ, придавъ лицу своему ласковое выраженіе и отвѣчалъ:

— Ты права, другъ мой; совершенства нѣтъ на свѣтъ. Скажи же мнѣ, кто спатается?

Юлія Карловна помолчала. Федоръ Ивановичъ почти машинально посмотрѣлъ на часы. До обѣда осталось пять минутъ.

— Захаръ Ивановичъ, отвѣчала Юлія Карловна.

Докторъ разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Какой Захаръ Ивановичъ? спросилъ онъ.

— Опухтинъ.

Федоръ Ивановичъ продолжалъ смотреть на жену, держа въ лѣвой рукѣ часы и забывалъ спрятать ихъ въ карманъ.

— Что вы, шутите, Юлія Карловна? спросилъ онъ, наконецъ, очень серьезно.

— Вы знаете, что я не охотница до шутокъ, отвѣчала она съ гордостью.

— Опухтинъ! вскричалъ Федоръ Ивановичъ, спрятавъ наконецъ часы въ карманъ: лучше отдайте нашу дочь за отца Опухтина!

— Зачѣмъ же вы принимаете Захара Ивановича, коли имѣете о немъ дурное мнѣніе?

— Какое дурное мнѣніе? Совѣтъ нѣтъ! вскричалъ докторъ, неволью разгораясь: Захаръ Ивановичъ добрый и честный челоувѣкъ, я люблю, уважаю его, но.....но....но онъ не женихъ Аннеть!

— Отчего, Захаръ Ивановичъ?...

— Оттого, оттого, оттого, что не женихъ! съ сердцемъ вскричалъ Федоръ Ивановичъ.

Дверь отворилась.

— Кушанье подано! доложилъ лакей, и исчезъ.

Эти два слова произвели на доктора необыкновенное впечатлѣніе. Онъ вскочилъ и сталъ прохаживаться скорыми шагами, какъ бы желая сильнымъ движеніемъ возстановить разстроившійся аппетитъ.

— Пойдемте обѣдать, сказала Юлія Карловна спокойнымъ голосомъ: вы послѣ выслушаете меня.

— Ни послѣ, ни теперь, никогда! Я не хочу жертвовать своимъ ребенкомъ!

— Пойдемте обѣдать; супъ простынетъ, возразила Юлія Карловна съ саркастическимъ спокойствіемъ.

Докторъ сердито пожалъ плечами и пошелъ въ столовую. У Федора Ивановича была отличная водка, плодъ долгихъ, ученыхъ соображеній. Одна рюмочка, величиною съ наперстокъ, возстановила самый разстроенный аппетитъ. Но и водка не помогла. Обѣдъ пропалъ. Федоръ Ивановичъ ѣлъ, но ни одно кушанье не нравилось ему.

Добросовѣстно и усердно исполняя обязанности челоуѣка и гражданина, Федоръ Ивановичъ дорожилъ земными благами. Онъ пользовался ими, какъ добромъ заслуженнымъ, и, постоянно добрый и кроткій, онъ выходилъ изъ себя, если кто-либо или что-либо пренятствовало ему наслаждаться этимъ добромъ.

И когда на столѣ явилось одно изъ любимыхъ блюдъ Федора Ивановича, цыплята съ рисомъ подъ бѣлымъ, кисельнымъ соусомъ, имъ овладѣла такая досада, что онъ толкнулъ тарелку на полъ, притворившись, что уронилъ ее нечаянно. Ни въ цыплятахъ, ни въ рисѣ, ни въ соусѣ, бѣдный докторъ не находилъ никакого вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнѣвъ его возрасталъ такъ быстро, что, не дождавшись жаркова, онъ всталъ, бросилъ салфетку и ушелъ въ кабинетъ.

— Что съ папенькой? съ участіемъ спросила Аннета.

— Одинъ изъ выздоравливавшихъ паціентовъ занемогъ нуше прежняго, потому-что не послушался предписаній его, спокойно отвѣчала Юлія Карловна.

— Бѣдный папенька!

ГЛАВА III.

Послѣ обѣда.

Федоръ Ивановичъ прохаживался по кабинету, въ сильномъ волненіи.

Аннета вошла къ нему, съ чашкой кофе; тихо поставила она ее на столѣ, потомъ подошла къ отцу, обняла его одною

рукою, а другою погладила по щекѣ, смотря ему въ глаза съ нѣжнымъ участіемъ и любовію.

— Бѣдный папенька, произнесла она: какъ тебя беспокоить!

Докторъ остановился, посмотрѣлъ на дочь, и лицо его прояснилось. Аннета была очаровательна.

Федоръ Ивановичъ поцѣловалъ ее въ лобъ, погладилъ по головѣ и, прижавъ ее къ себѣ, проговорилъ:

— Вздорь! пустяки! Этому не бывать. Гдѣ можно было молчать, тамъ я молчалъ.... Но въ этомъ случаѣ я докажу, что и у меня есть своя воля.

— Что вы говорите, папенька, спросила молодая дѣвушка, не понимая смысла словъ его.

— Я говорю, что ты еще дитя, ребенокъ!

— Э, папенька! Мнѣ девятнадцатый годъ, возразила Аннета, улыбаясь и кивнувъ головою.

— Девятнадцатый! проворчалъ Федоръ Ивановичъ, а ему, я думаю, ужъ подъ-сорокъ!

— Кому? спросила Аннета съ изумленіемъ.

Въ это самое время Юлія Карловна скорыми шагами приближалась къ кабинету; не доходя до полурастворенной двери, она остановилась. Предполагая, что мужъ ея не замедлитъ заговорить съ Аннетой объ Опухтинѣ, она хотѣла узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на молодую дѣвушку это имя. Юлія Карловна села къ окну столовой, откуда могла слышать каждое слово разговора отца съ дочерью.

— Кому подъ-сорокъ? повторила последняя, когда отецъ не отвѣчалъ на первый вопросъ ея.

Федоръ Ивановичъ прокашлялся, прошелся по кабинету, и сѣлъ на кушетку.

— Сядь сюда, сказалъ онъ Аннетѣ, указавъ на мѣсто возле себя.

Молодая дѣвушка пододвинула къ кушеткѣ круглый столикъ чорнаго дерева и поставила на него чашку кофе; потомъ достала изъ ящика сигару, взяла съ письменнаго стола

жестяную коробочку со спичками и, возвратившись къ отцу, граціозно-игривымъ движеніемъ подала ему сигару.

Докторъ съ отеческимъ восторгомъ слѣдилъ за всеми движеніями молодой дѣвушки. Гитвъ его разсылся. Улыбаясь, закурилъ онъ сигару и съ наслажденіемъ отвѣдалъ кофе.

— Я сижу, папенька, сказала Аннета шутиливо, послѣ минутнаго молчанія.

Рѣшимость покидала Федора Ивановича; онъ уже не считалъ нужнымъ говорить дочери объ Опухтинѣ.

— Ты хотѣлъ говорить со мною, продолжала она.

— Да, да.... впрочемъ.... лучше въ другой разъ; успѣемъ еще!

Любопытство молодой дѣвушки было возбуждено.

— Зачѣмъ въ другой разъ?... Ты такъ рѣдко бываешь дома.... Говори, папенька,—сказала она, ласкаясь къ отцу: что ты хотѣлъ сказать?

Федоръ Ивановичъ погладилъ подбородокъ, побарабанилъ пальцами по столу, стряхнулъ пепелъ сигары въ песочницу, хлебнулъ кофе и, сдѣлавъ такимъ образомъ все, что можно было сдѣлать, чтобы выиграть время, прокашлялся и принялъ серьезный видъ.

— Другъ мой....

Федоръ Ивановичъ взялъ маленькую, нѣжную ручку дочери, погладилъ ее, потомъ въ разсѣянности и по привычкѣ сталъ щупать ей пульсъ.

Аннета засмѣялась.

— Постой, постой.... сказалъ докторъ, удерживая дочь, намъ рѣвевшуюся встать. Скажи мнѣ, Анненька.... скажи мнѣ.... хочешь выйти за-мужъ?

Улыбка исчезла съ лица молодой дѣвушки; она пристально посмотрѣла на отца и отрицательно покачала головой.

— Отчего не хочешь?...

Аннета опустила глаза и, не отвѣчая, слегка пожала плечами.

— Но.... если кто посватается? продолжалъ докторъ.

Грудь молодой дѣвушки стала высоко подыматься.

— Скажи мнѣ откровенно, не отличила ли ты кого-ни-

будь между знакомыми намъ, молодыми людьми? спросилъ отецъ.

— Никого, спокойно отвѣчала Аннета.

— А между-тѣмъ одинъ изъ нихъ просить твоей руки....

Сердце Аннеты невольно сжалось.

— Я непрекословно выйду за челоуѣка, котораго вы выберете для меня, отвѣчала она тихимъ голосомъ.

Докторъ съ изумленіемъ взглянулъ на дочь.

— Другъ мой, сказалъ онъ серьезно: чтобы соединить свою судьбу съ челоуѣкомъ, надобно полюбить его.

— Могу-ли я не полюбить того, кого вы полюбите?... отвѣчала Аннета искренно, непритворно.

— Ага! Я вижу, что Юлія Карловна уже подготовила ее, подумалъ Федоръ Ивановичъ; потомъ, съ состраданіемъ посмотрѣвъ на дочь, онъ произнесъ вслухъ: Дитя! Ты даже не спросила меня, какъ зовутъ того, кто сватается?

— Я думала, что вы сами назовете его.

— Угадай.

Аннета задумалась; но ни одинъ изъ знакомыхъ не представился уму ея.... Невольно вспомнила она о незнакомцѣ, о безымянномъ письмѣ....

— Хочешь, я помогу тебѣ? спросилъ Федоръ Ивановичъ послѣ минутнаго молчанія. Я назову тебѣ всѣхъ нашихъ знакомыхъ.

Молодая дѣвушка утвердительно кивнула головой.

— Ненашевъ? спросилъ докторъ.

Аннета скоро подняла голову, но, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, улыбнулась и покачала головой.

— Нѣтъ, сказала она: онъ женихъ Машеньки Лебедевой.

— Робергъ?

— Нѣтъ; онъ слишкомъ молодъ.

— Савинъ?

— Нѣтъ.

— Отчего не онъ? спросилъ докторъ.

— Онъ все танцуетъ съ Надиной, отвѣчала Аннета, улыбувшись.

Федоръ Ивановичъ продолжалъ называть всѣхъ знакомыхъ молодыхъ людей; при иныхъ именахъ молодая дѣвушка съ безпокойствомъ посматривала на отца, но замѣтивъ на лицѣ его добродушно-лукавую улыбку, смѣло отвѣчала отрицательно.

— Кто же еще? сказалъ, наконецъ, Федоръ Ивановичъ, приставивъ палецъ ко лбу и какъ бы стараясь припомнить: о Робертъ я уже упоминалъ.... о Ненашевъ тоже.... ага! со-всѣмъ забылъ: Захаръ Ивановичъ?

И докторъ пристально и съ боязнію взглянулъ на дочь.

Во время предшествовавшаго разговора сердце Аннеты обмячилось; она почти убѣдилась въ томъ, что отецъ ея только пошутилъ. При имени же Захара Ивановича она весело и громко засмѣялась.

Свинцовая тяжесть спала съ груди Федора Ивановича, и, отирая руки, онъ сталъ вторить смѣху дочери.

— Поминишь, продолжалъ, развеселившись Федоръ Ивановичъ: поминишь, какъ онъ былъ хорошъ въ испанскомъ костюмѣ....

Молодая дѣвушка внезапно перестала смѣяться.

— Папенька, сказала она съ раскапшемъ: мы смѣемся надъ ними, а они такіе добрые....

— Конечно, конечно, но признайся, что онъ явился въ залу довольно забавнымъ образомъ....

Но Аннета уже не смѣялась. Вечеръ, о которомъ напоминалъ ея отецъ, оставилъ въ ней другое, тягостное воспоминаніе.

— Не правда ли, папенька, спросила она тихимъ голосомъ и взявъ руку отца: вы не думаете отдавать меня за-мужъ?... вы только пошутили?

— Разумѣется! отвѣчалъ Федоръ Ивановичъ съ торжествующимъ видомъ. (Онъ вспомнилъ о женѣ.) Разумѣется! Я хотѣлъ только попугать тебя! Я пошутилъ....

— Нѣтъ, отецъ твой не шутилъ, произнесла строгимъ голосомъ Юлія Карловна, входя въ кабинетъ.

Она затворила за собою дверь, села въ кресла передъ кушеткой и, серьезно посмотрѣвъ на дочь, повторила:

— Нѣтъ, Аннета, отецъ твой не пошутилъ. Наступило глубокое молчаніе.

Молодая дѣвушка съ невыразимою боязнію смотрѣла на мать.

Федоръ Ивановичъ насунилъ брови, пожалъ плечами и сказалъ женѣ:

— Если бъ ты слышала нашъ разговоръ, такъ....

— Я все слышала, холодно перебила его Юлія Карловна.

— Стало-быть ты знаешь, что, или лучше сказать, чѣмъ отвѣчала мнѣ Аннета, когда я назвалъ....

— Федоръ Ивановичъ, позвольте мнѣ теперь сказать два слова, сказала Юлія Карловна съ прежнею холодною.

— Говорите, но это ни къ чему не поведетъ! нетерпѣливо возразилъ докторъ, бросивъ конецъ сигары въ песочницу и скрестивъ руки на груди.

Юлія Карловна приблизилась къ дочери, взяла руку ея и, смотря на нее съ сердечнымъ участіемъ, сказала:

— Аннета, отецъ твой не шутилъ.... Къ тебѣ сватается Захаръ Ивановичъ.

Теперь молодая дѣвушка не засмѣялась. Она видѣла, что мать ея говорила серьезно.

— Другъ мой, продолжала жена доктора: я уже говорила тебѣ, что мы тебя принуждать не станемъ....

— А! вотъ это дѣло! вскричалъ Федоръ Ивановичъ. Отвѣчай же рѣшительно, Аннета: да или нѣтъ?

— Нѣтъ, не отвѣчай еще! съ живостію возразила Юлія Карловна. Лучше подумай. Обстоятельство это такъ важно, что съ перваго слова не можетъ быть рѣшено.... Я не скрою отъ тебя, дитя мое, что, по моему мнѣнію, ты ни съ кѣмъ не будешь такъ счастлива, какъ съ Захаромъ Ивановичемъ.... Не перебивайте меня, Федоръ Ивановичъ, продолжала Юлія Карловна, замѣтивъ движеніе доктора, — не перебивайте меня.... Я надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь въ моей привязанности къ Аннетѣ и въ моей материнской заботливости о счастіи ея, а потому позвольте мнѣ объясниться, позвольте мнѣ изложить причины, заставляющія меня желать союза

съ Захаромъ Ивановичемъ.... Я очень хорошо знаю, что ни наружность, ни приемы, ни обращеніе Опухтина не могутъ плѣнить молодой дѣвушки. Но что наружный блескъ, что свѣтскость въ сравненіи съ внутренними, душевными качествами? А Захаръ Ивановичъ прекрасный, добрый, кроткій человекъ. Онъ не возбудитъ въ сердцѣ Аннеты пылкихъ, но непостоянныхъ ощущеній; за то онъ заслужитъ тихую, нѣжную привязанность, дружбу.... И спокойствіе, счастье цѣлой жизни вознаградитъ Аннету за отреченіе отъ сильныхъ, но краткихъ мгновеній этого мнимаго счастья, которое, подобно пламени, часто оставляетъ въ сердцѣ неизлечимыя раны или вовсе выжигаетъ его.... Повѣрь мнѣ, Аннета, чѣмъ медленнѣе, спокойнѣе разовьется въ твоемъ сердцѣ привязанность къ твоему будущему мужу, тѣмъ она будетъ прочнѣе, и тѣмъ ты сама будешь счастливѣе....

Юлія Карловна утерла слезы, выступившія на глазахъ ея, и продолжала взволнованнымъ голосомъ:

— Подумай, Аннета; и, если черезъ мѣсяцъ, черезъ два, ты не свыкнешься съ мыслию сдѣлаться женою Опухтина, если, по прошествіи некотораго времени, ты скажешь мнѣ, что не хочешь, не можешь выйти за Захара Ивановича, тогда я приму отказъ твой безъ малѣйшаго неудовольствія....

Въ каждомъ словѣ Юлія Карловны проявлялась искренняя любовь, но любовь благоразумная, разсудительная, почти холодная. Она имѣла въ виду счастье дочери, но по-своему понимала это счастье. Юлія Карловна сама никогда не знала пламенной любви; сердце ея не сохранило ни одного изъ воспоминаній, вызывающихъ улыбку юности на лицо, обрамленное сѣдинами, и потому она такъ спокойно, такъ холодно разсуждала о томъ, что любовь есть излишняя, даже вредная роскошь сердца, безъ которой очень хорошо можно обойтись....

Но—природа отказывается отъ своихъ правъ только тогда, когда терять сознаніе ихъ.

Идея любви запала въ умъ молодой дѣвушки; потребность любви пробудилась уже въ сердцѣ ея, свѣжемъ, полномъ жизни, и дѣвственнаго, чистаго предчувствія духовныхъ на-

слажденій любви.... Не узнавъ этихъ наслажденій, Аннета не могла имѣть понятія о непостоянствѣ ихъ.

Но пройти жизнь, не вкусивъ этихъ наслажденій—грустно. Купить спокойствіе отреченіемъ отъ нихъ, значитъ обречь себя на вѣчный мракъ, отказаться отъ солнца, чтобы не видѣть тучъ, иногда заслоняющихъ его....

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе послѣ словъ Юліи Карловны.

Федоръ Ивановичъ задумчиво стучалъ пальцами по столу.

Аннета сидѣла возла него, и изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ рѣсницъ ея катились двѣ слезинки по разгорѣвшимся щекамъ.

Наконецъ молодая дѣвушка встала, бросилась въ объятія матери и опустила лицо на плечо ея.

— Я подумаю, маменька! произнесла она тихимъ, прерывающимся голосомъ.

— Да, да, сказалъ Федоръ Ивановичъ, растроганный до слезъ,—мѣсяца черезъ два ты дашь намъ отвѣтъ.... Откажешь на-отрѣзъ, проворчалъ онъ про себя: я буду антидотомъ слишкомъ благоразумныхъ совѣтовъ и наставленій Юліи Карловны!...

ГЛАВА IV.

Чему быть, того не миновать.

Постъ приближался къ концу. Татьяна Ивановна, желая обрадовать братца къ Свѣтлому-Празднику радостнымъ извѣстіемъ, нѣсколько разъ заходила къ доктору, но все не получала никакого отвѣта. Захаръ же Ивановичъ вовсе не показывался въ домъ доктора, съ тѣхъ поръ, какъ сестра его сосватала.

— Врите-ли, Юлія Карловна, сказала однажды старая дѣва жене доктора,—братецъ самъ не свой; ходитъ, повѣся голову, и такъ тоскуетъ, что на себя сталъ не похожъ.

— О чемъ же онъ тоскуеть? спросила Юлія Карловна.

— Бойтся, чтобы отказъ не разстроилъ счастья всей его жизни.

Юлія Карловна не отвѣчала. Она была такъ честна, добросовѣстна, что не хотѣла даже вымолвить слово утѣшенія, чтобы не подать Татьянѣ Ивановнѣ преждевременной надежды.

— Ахъ, милая Юлія Карловна! продолжала старая дѣва: я бы желала, чтобы вы слышали съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ о томъ, какъ будетъ любить и мѣлчать Анну Федоровну! Поврите ли, если бъ я не удержала его, такъ онъ поставилъ бы весь домъ вверхъ дномъ. Полы, говорить, надобно перекрасить, обои перемѣнить, новую мебель купить.... Я, говорить, хочу встрѣтить Анну Федоровну какъ принцессу!... Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ онъ торговалъ коверъ въ пятьсотъ рублей.—Хочу, говорить, чтобы ножкамъ Анны Федоровны мягко было.... Вотъ это платье, что на мнѣ, онъ подарилъ мнѣ за мое сватовство.... Такой, право, ребенокъ!

— Скажите ему, что черезъ мѣсяць, много черезъ полтора, онъ получитъ рѣшительный отвѣтъ.

— Либо да, либо нѣтъ?

Жена доктора кивнула головой и отвѣчала:

— Надѣюсь, что каковъ бы ни былъ отвѣтъ, мы останемся въ прежнихъ, дружескихъ сношеніяхъ?

Татьяна Ивановна вздохнула и пожала руку хозяйкѣ.

— Повѣрите, продолжала послѣдняя: что мы искренно любимъ и уважаемъ васъ.... и, что касается до меня, то я лучшаго мужа не могу желать Аннетѣ...

Юлія Карловна замолчала; она уже сказала болѣе, нежели хотѣла.

Не смотря на всю осторожность матери Аннеты, послѣднія слова ея внушили старой дѣвѣ совершенную увѣренность въ успѣхъ, ибо она знала, что въ семействѣ доктора была одна воля, — воля Юліи Карловны.

— Ну, братецъ, сказала Татьяна Ивановна, вернувшись

домой: дѣло, можно сказать, покончено; и, дасть Богъ, къ веснѣ будетъ обрученъе....

— Получили согласіе? радостно вскричалъ Захаръ Ивановичъ и протянулъ руку къ бумажнику.

— Формальнаго согласія еще не получила, но Юлія Карловна сказала, что лучшаго мужа не можетъ желать своей дочері.

Захаръ Ивановичъ оставилъ бумажникъ въ покровъ и, вполне раздѣлая мнѣніе Юліи Карловны, ограничилъ изъясненіе своей радости тѣмъ, что съ живостию потеръ руки, хлопнувъ въ ладоши, и вскрикнулъ:

— Поживемъ!

Но чтобы *пожить*, надобно было привести въ порядокъ нѣкоторыя частныя дѣла: тутъ протестовать, тамъ переписать заемное письмо, далѣе подать ко взысканію или получить денежки.... и, никогда Кнутову, честному фактору Опухтина, не было столько бѣготни, какъ въ послѣднее время.

Чаще всего заходилъ Кнутовъ къ Николаю Александровичу Тучинову.

По странности, не согласовавшейся съ обыкновенною осторожностью Захара Ивановича, онъ передавалъ Николаю Александровичу много денегъ въ самое короткое время, не требуя никакихъ залоговъ и довольствуясь одними заемными письмами; но самое странное то, что Опухтинъ нѣсколько разъ самъ предлагалъ молодому человѣку деньги и, всякій разъ, получивъ съ него новый документъ, приносилъ его къ Татьянѣ Ивановнѣ и, указавъ на подпись, говорилъ, мигая лѣвымъ глазомъ:

— Чтѣ написано перомъ, того не вырубишь топоромъ.

Старая дѣва злорадосто кивала головой и, когда братецъ уходилъ, предлагала старому отцу поиграть въ шашки или, безъ приглашенія, запѣвала любимую пѣсню его:

«Среди долины ровныя»...

— Добрая душа.... ангельское сердце.... все тебѣ.... ему ничего.... говорилъ старикъ, съ любовію и признательностію смотря на дочь.

Въ среду, на Страстной недѣль, Кнутаовъ принесъ Николаю Александровичу деньги по заемному письму, подписанному наканунѣ. Букинистъ былъ еще у Тучинова, когда лакей доложилъ послѣдному, что Катерина Васильевна желаетъ поговорить съ нимъ.

Это чрезвычайно удивило молодого человѣка.

Сношенія его съ мачихой были всегда холодны, а съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Васильевна стала хворать, онъ не видѣлся съ нею по цѣлымъ недѣлямъ. Взаимная мнительность, недоувѣрчивость, основанная на предразсудкѣ, болѣе или менѣе справедливомъ, но увѣковѣчившемъ, такъ сказать, если не ненависть, то сильное нерасположеніе между мачихой и дѣтьми отъ перваго брака, постоянно удаляли Николая отъ Катерины Васильевны. Александръ Матвѣвичъ сначала равнодушно, а потомъ съ эгоистическимъ удовольствіемъ стотрѣлъ на холодность, существовавшую между двумя, близкими ему особами, передъ которыми онъ невольно сознавался виноватымъ.... Пока жена и сынъ его были разъединены, обвиненія ихъ были не страшны Тучинову, потому-что онъ умѣлъ окружить себя общимъ уваженіемъ, которое зажимало ротъ уединенному обвинителю, или обращало вину на него же. Сближеніе же, союзъ обвинителей могъ превратить ихъ въ судей....

Этого страшился Александръ Матвѣвичъ и, когда жена въ первый разъ упрекнула его въ томъ, что онъ не сумѣлъ снискать привязанности своего старшаго сына, опасеніе его возрасло до того, что онъ не устыдился прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ для увеличенія нерасположенія между мачихой и пасынкомъ.

Передъ первую онъ раскрылъ всю сокровища своей отеческой души и, съ лицемерными слезами, сожалѣлъ объ упорствѣ и скрытности Николая, исполненной ненавистнаго чувства; выхваляя способности и познанія его, онъ сожалѣлъ о безхарактерности, ничтожествѣ Николая, тратившемъ жизнь безъ пользы себѣ и обществу....

И Катерина Васильевна раскаявалась въ своемъ упрекѣ;

она прощала мужу холодность къ сыну, потому-что подъ нею скрывалось страданіе родительскаго сердца.

Съ сыномъ Тучиновъ не входилъ въ такія *задушевные* бесѣды; но когда Николай справлялся о здоровьи мачихи, Александръ Матвѣвичъ отвѣчалъ ему съ горькой усмѣшкой, что она немножко устала послѣ ночи, проведенной на балѣ; въ то же мгновеніе, какъ бы желая разсѣять печальную мысль, онъ обращался къ дѣтямъ, съ нѣжнымъ состраданіемъ цѣловалъ ихъ, и съ выраженіемъ искренней признательности благодарилъ гувернантку за *материнскія* попеченія ея....

И Николай сожалѣлъ объ отцѣ, страданія котораго, вѣроятно, увеличивало пробужденіе совѣсти при воспоминаніи о прошедшемъ.

Что, кажется, могло быть вѣрнѣе разсчета Александра Матвѣвича? Но и самыя вѣрнѣйшія, по-видимому, соображенія человѣческаго ума подчиняются предопредѣленію Провидѣнія и ведутъ часто къ цѣли, совершенно противоположной той, которую имѣлъ въ виду человѣкъ.

Фаталисты говорятъ:

Чему быть, того не миновать.

Вѣра смягчила этотъ рѣшительный приговоръ, прибавивъ утѣшительное:

А быть тому, что Богъ дастъ.

Справедливо, но Богъ даетъ *возмездіе*, то есть только то, что человѣкъ заслужилъ употребленіемъ дарованнаго ему *произвола*.

Сближеніе Катерины Васильевны и пасынка ея должно было произойти именно изъ тѣхъ средствъ, которыя Тучиновъ употреблялъ для разъединенія ихъ.

Во время своего болѣзненнаго состоянія, Катерина Васильевна искала уединенія; она хотѣла скрыть свои страданія; естественная и весьма понятная гордость заставляла ее опасаться, чтобы кто-нибудь не открылъ, оскорбительнаго для самолюбія ея, источника этихъ страданій.... Но чѣмъ болѣе она удалялась отъ свѣта, тѣмъ болѣе населялось уединеніе ея собственными, тягостными и живыми мыслями;

уныніе овладѣвало ею; ей казалось, что она отвержена цѣлымъ міромъ....

Чтобы избавиться отъ этихъ мыслей, убивающихъ духъ, чтобы бѣжать отъ самой себя, Катерина Васильевна вернулась къ свѣтскимъ удовольствіямъ, но и посреди шума и увлеченія ихъ, ее не покидала одна тягостная, скучная мысль, и часто, внезапно покинувъ общество, возвращалась она въ свое уединеніе.... Не одного забвешія искала Катерина Васильевна въ свѣтскихъ удовольствіяхъ; предавшись имъ, она прибѣгла къ средству, избитому, изношенному водевилстами: мнимымъ равнодушіемъ надѣялась она воротить любовь мужа, остывшую отъ совершенной увѣренности во взаимность. Только отчаяніе могло заставить бѣдную женщину прибѣгнуть къ этому средству, котораго гнушалась честная, благородная натура ея, и за минутное, лихорадочное увлеченіе она поплачивалась раскаяніемъ и стыдомъ....

Кончилось время празднествъ. Наступаетъ Великій постъ.

Катерина Васильевна, бросившаяся изъ одной крайности въ другую, не находя нигдѣ утѣшенія, внезапно обратилась къ религіи. Бѣдная молодая женщина бѣжала отъ горя, страданій, а строгій, *безпристрастный* судъ свѣта, основываясь на наружности, обвинялъ ее въ прихотливости, капризахъ....

Религія доставила Катеринѣ Васильевнѣ временное утѣшеніе; съ помощію ея она уединилась въ самой себѣ, не отлучаясь отъ людей, съ которыми сближало ее религіозное чувство общей любви къ ближнему.... Религія же внушила ей мысль сблизиться съ Николаемъ и примирить его съ отцомъ. Бѣдная Катерина Васильевна нимало не сомнѣвалась въ искренности мужа, когда онъ, почти со слезами на глазахъ, сожалѣлъ о холодности къ нему сына; слѣдовательно, примиреніемъ надѣялась она заслужить признательность и, быть-можетъ, прежнюю любовь Александра Матвѣвича....

Отправляясь въ церковь, въ Страстную среду, въ сопровожденіи одной изъ бѣдныхъ старухъ, Катерина Васильев-

на послала лакея доложить Николаю Александровичу, что желаетъ поговорить съ нимъ.

Отославъ Кнутова, Николай самъ поспѣшно вышелъ на встрѣчу маичихъ.

Увидѣвъ его, послѣдняя обратилась къ сопровождавшей ей старухѣ.

— Агафья Степановна, сказала она ей: сядьте пока въ карету, я скоро ворочусь.

— Съ Богомъ, Катерина Васильевна, съ Богомъ, отвѣчала Агафья Степановна: не торопитесь, сегодня не холодно.

— Вы позволите мнѣ зайти къ вамъ, Николай? спросила Катерина Васильевна съ кроткою улыбкой.

— Сожалю, отвѣчалъ Николай въжливо: что привычка не дала вамъ права входить ко мнѣ безъ доклада и позволенія.

— Что это? Упрекъ? съ пріятнымъ удивленіемъ спросила Катерина Васильевна, входя въ прихожую.

— Не упрекъ, а сожалѣніе.

Николай Александровичъ вошелъ въ прихожую и, минутою спустя, въ снѣи вышелъ букинистъ. Увидѣвъ Агафью Степановну, стоявшую еще на крыльцѣ, онъ поклонился ей.

— Ты откуда? спросила она тихимъ голосомъ и осмотрѣвшись.

Кнутовъ сдѣлалъ гримасу и мигнулъ глазомъ по направленію къ квартирѣ Николая Александровича.

— Что? спросила Агафья Степановна, взглядомъ договоривъ свою мысль.

— Вѣстимо, только подавай, а ужъ мы, то есть, протранжиримъ.

Старуха заморгала глазами и опять осмотрѣлась.

— Будешь у Захара Ивановича сегодня? спросила она.

— Сейчасъ иду къ нему; не знаю, застану ли.

— Если застанешь, то скажи что-декать все ладно.

— Скажу; затѣмъ счастливо оставаться.

Агафья Степановна забилась въ карету, а Кнутовъ, взваливъ мѣшокъ съ книгами на плечо, пошелъ своей дорогой.

ГЛАВА V.

Мачиха и пасынокъ.

Катерина Васильевна вошла въ кабинетъ Николая Александровича.

На ней было черное, шелковое платье, закрывавшее плечи и окаймленное вокругъ шеи кружевнымъ воротничкомъ; длинные, узкіе рукава, оканчивавшіяся кружевными же манжетками, обрисовывали худощавыя, но еще изящныя формы рукъ молодой женщины; черная, бархатная шляпка была обвита чернымъ вуалемъ. Черный цвѣтъ наряда Катерины Васильевны явственнѣе выказывалъ худобу и блѣдность ея.

Николай поставилъ кресла въ камину.

— Какой счастливый случай доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ у себя? спросилъ молодой человѣкъ, когда мачиха его сѣла.

— Счастливый случай?... Удовольствіе?... повторила она, посмотрѣвъ Николаю въ глаза. Чтѣ это? Фраза безъ идеи, или идея, случайно облеченная въ свѣтскую форму?

— Это искреннее выраженіе того, что я ощущаю въ эту минуту.

— Правда ли? спросила Катерина Васильевна, улыбаясь.

Николай молча поцѣловалъ руку ея.

— Тѣмъ лучше! продолжала она: Стало-быть намъ не такъ трудно будетъ сдѣлаться друзьями, какъ я думала. Садитесь, Николай, я хочу поговорить съ вами.

Молодой человѣкъ сѣлъ, а Катерина Васильевна продолжала:

— Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ я заступила мѣсто вашей матери.... Вы вздыхаете?... Простите мнѣ, Николай, съ чувствомъ прибавила молодая мачиха, — мнѣ не слѣдовало пробуждать въ сердцѣ вашемъ воспоминаній, лишившихъ

меня привязанности, отсутствіе которой отравляло лучшія минуты моей жизни....

Николай Александровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Катерину Васильевну.

— Вы удивляетесь? спросила она съ грустной улыбкой: вы не вѣрите, что мачиха можетъ дорожить привязанностью пасынка?

Николай Александровичъ не приходилъ въ себя. Каждое слово, выраженіе непритворной кротости, проявлявшейся въ голосѣ и каждомъ взглядѣ Катерины Васильевны, рѣшительно противорѣчили мнѣнію, какое онъ составилъ себѣ о ней, какъ о женщинѣ легкомысленной, прихотливой.

— Правда, продолжала она: мнѣ слѣдовало ступить первый шагъ, чтобы заставитьъ васъ забыть ненавистное имя мачихи....

— О, Катерина Васильевна! произнесъ Николай, невольно приблизивъ свои кресла къ кресламъ молодой женщины.

— Но сначала я была такъ молода, неопытна, что не поняла, какая священная обязанность лежала на мнѣ.... потому я была такъ счастлива, что пренебрегла этою обязанностью....

— Боже мой! Боже мой!.... произнесъ Николай вполголоса, проведя рукою по лбу.

— Наконецъ, признаться ли вамъ?.... Я боялась....

— Боялись?

— Да, я боялась, что вы отвергнете позднее изъявленіе привязанности, которую я не переставала питать къ вамъ; что вы упрекнете меня въ томъ, что я заняла мѣсто, принадлежавшее вашей родной матери..... Мнѣ казалось, что мои усилія, усилія женщины, почти чуждой вамъ, будутъ тщетны, коли вы сохранили въ глубинѣ сердца непріязненное чувство даже къ.....

— Говорите, говорите! въ волненіи вскричалъ Николай, когда мачиха его замолчала.

— Къ вашему отцу.... произнесла Катерина Васильевна тихимъ голосомъ: за то, что онъ ввелъ чужую въ семейство, въ которомъ жила еще память вашей матери.....

Слова эти пробудили въ молодомъ человѣкѣ горестное воспоминаніе. Онъ глубоко вздохнулъ и, опустивъ глаза, просидѣлъ нѣсколько мгновений молча.

Катерина Васильевна смотрѣла на него съ боязненнымъ ожиданіемъ.

— Николай! сказала она нѣжнымъ голосомъ: неужели опасенія мои оправдаются? Неужели вы отвергнете мою искреннюю дружбу только потому, что я пошу ненавистное имя мачихи?.....

Глубоко тронули слова эти Николая. Быстро поднялъ онъ глаза, съ живостію схватилъ руку молодой мачихи и крѣпко прижалъ ее къ губамъ.

Радостная улыбка озарила лицо Катерины Васильевны.

— Боже мой! вскричалъ Николай Александровичъ: я не прихожу въ себя..... я не понимаю..... Ради Бога, повторите, что не ненавижу, не равнодушіе удаляли васъ отъ меня; повторите, что для полноты вашего счастья вамъ не доставало моей привязанности..... Вы не повѣрите, какое тягостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостное впечатлѣніе производятъ эти слова на мое сердце!

Теперь Катерина Васильевна, въ свою очередь съ изумленіемъ посмотрѣла на молодого человѣка. Тихо покачавъ головою и не спуская глазъ съ Николая, сказала она послѣ минутнаго молчанія:

— Я вижу, что мы не понимали другъ друга. Клянусь вамъ, Николай, что въ теченіе тринадцати лѣтъ я всегда питала къ вамъ искреннюю привязанность, изъявленію которой не доставало только сегодняшняго объясненія.

— Господи, Господи! произнесъ молодой человѣкъ съ горестію и закрывъ лицо обѣими руками. Семейное счастье было у меня подъ рукою, и, въ продолженіе тринадцати лѣтъ, я, въ кругу семейства, велъ жизнь одинокую, жизнь круглаго сироты.....

— Николай, перебила его Катерина Васильевна: первый, почти неожиданный успѣхъ подаетъ мнѣ надежду разсѣять еще одно, болѣе важное недоразумѣніе..... Дайте мнѣ

руку. Неправда ли, что мачиха не такъ зла, какъ вамъ казалось?

— О! я виновать передъ вами, съ чувствомъ вскричалъ Николай Александровичъ: вы вполне заслуживаете счастье, которымъ наслаждаетесь.....

Катерина Васильевна съ судорожною живостію зажала ротъ насынку. Последнія слова его поразили сердце ея, подобно обвиненію, подобно грозному приговору.

Движеніе мачихи не ускользнуло отъ вниманія Николая, и сомнѣніе, неясное, неопредѣленное, запало въ умъ его.

— Николай! сказала молодая женщина печально: я рѣшилась, во что бы то ни стало, примирить васъ съ отцомъ...

— Примирить меня съ отцомъ? повторилъ молодой человѣкъ.

— Да! между вами тоже существуетъ недоразумѣніе.... Выслушайте меня: я знаю, что Александръ Матвѣевичъ любитъ васъ всею душою; познакомившись съ вами ближе, прибавила она съ кроткой улыбкой: я убѣдилась въ томъ, что у васъ доброе, благородное сердце..... сильно вы не можете быть злопамятны, и отецъ вашъ ошибается.....

— А! произнесъ Николай протяжно: онъ говорилъ вамъ.....?

— Онъ говорилъ мнѣ, что, не смотря на всѣ свои старанія, не могъ побѣдить нерасположенія, поселившагося въ вашемъ сердцѣ съ самаго того времени, когда я заступила мѣсто вашей матери.....

— Это говорилъ вамъ батюшка? спросилъ Николай измѣнившимся голосомъ.

— Съ горестію, часто вызывавшею слезы на глаза его.....

Николай Александровичъ поблѣднѣлъ. Онъ самъ утратился новымъ ощущеніемъ, пробудившагося въ сердцѣ его.

— Скажите мнѣ..... онъ..... вѣроятно..... поручилъ вамъ быть..... посредницею, между имъ и мною? спросилъ молодой человекъ съ такою боязнію, какъ будто бы отъ отвѣта мачихи зависѣла участь одного изъ святѣйшихъ вѣровацій его.

— Я готовлюсь къ причастію, спокойно отвѣчала Катерина Васильевна: и не смѣла приступить къ священному обряду, не примирившись съ тѣмъ, кого считала своимъ врагомъ.

— Но..... батюшка знаетъ, что вы здѣсь?..... Онъ совѣтовалъ вамъ придти сюда?.....

— Нѣтъ, я пришла по собственному побужденію..... Мнѣ даже кажется, прибавила молодая женщина съ кроткой улыбкой,—что Александръ Матвѣевичъ считалъ наше примиреніе невозможнымъ.

— Нѣтъ! этого я не ожидалъ!..... вскричалъ Николай Александровичъ, скоро вскочивъ.

Лицо его было блѣдно, глаза сверкали, губы его дрожали; лвою рукою онъ судорожно сжималъ спинку кресла.

Катерина Васильевна смотрѣла на него со страхомъ, исполненнымъ сердечнаго сожалѣнія. Ей казалось, что ненависть измѣнила черты молодого человека, ненависть ужасная, преступная; ей казалось, что Александръ Матвѣевичъ былъ правъ, обвиня сына въ скрытной злобѣ, непримиримой враждѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ искренняго, сердечнаго объясненія ея съ молодымъ человекомъ, причина этой вражды сдѣлалась для нея неразрѣшимою загадкою.

— Что съ вами, Николай? спросила мачиха, послѣ короткаго молчанія.

— Ничего, Катерина Васильевна, отвѣчалъ Николай Александровичъ дрожащимъ голосомъ и съ легкой ироніей:

я благоговѣю передъ неизмѣримою добротою вашего сердца; я не постигаю какъ, послѣ тяжкихъ обвиненій моего отца, вы могли еще сохранить надежду обратить меня, законѣлаго въ злобѣ, на путь истинный.....

— Вы несправедливы, Николай, серьезно возразила Катерина Васильевна: Александръ Матвѣевичъ не обвинялъ васъ; онъ повѣрилъ мнѣ, женѣ своей, тайное, горькое сожалѣніе о вашемъ равнодушіи.

— А отчего не повѣрилъ онъ вамъ тайныхъ причинъ этого..... равнодушія? спросилъ Николай рѣзкимъ голосомъ.

Грустный упрекъ выразился на лицѣ Катерины Васильевны; она хотѣла отвѣчать, но Николай не далъ ей вымолвить слова. Онъ схватилъ руку ея, съ чувствомъ прижалъ ее къ губамъ и вскричалъ:

— Простите мнѣ, я оскорбилъ, огорчилъ васъ!... васъ, утѣшительницу, бросившую теплый, солнечный лучъ въ холодную, пасмурную жизнь мою!.... Но, клянусь вамъ, что въ душѣ моей нѣтъ и не было того ненавистнаго чувства, которое заставляетъ Александра Матвѣевича плакать и жаловаться..... Я никогда не забывалъ, что Александръ Матвѣевичъ мнѣ отецъ, не смотря на глубокую, неизлечимую рану, которую онъ нанесъ мнѣ!

— Вамъ! вскричала мачиха, сплеснувъ руками: но вы еще такъ молоды!.....

— Четырнадцать лѣтъ тому назадъ я былъ еще ребенкомъ! съ горечью возразилъ Николай Александровичъ.

— Четырнадцать лѣтъ! съ ужасомъ повторила мачиха: о, Николай Александровичъ! дѣтскую непріятность вы называете неизлечимой раной!....

— Катерина Васильевна, холодно возразилъ молодой человекъ: отнимите у ребенка святѣя вѣрованія въ честь и добродѣтель, что останется въ сердцѣ его?

Катерина Васильевна вздрогнула. Глубокая, искренняя горестъ, выражавшаяся на лицѣ пасынка, убѣждала ее въ томъ, что прошедшее Александра Матвѣевича скрывало черную тайну, и сердце ея болезненно жалось..... До этой минуты она вѣрила въ благородство мужа, вѣрила въ чистоту прошедшей жизни его и на этой вѣрѣ основывала, съ самоотверженіемъ чистой души, обвиненіе противъ себя..... утѣшительное обвиненіе, препятствовавшее укорениться сомнѣнію въ благородствѣ мужа.

— Четырнадцать лѣтъ! повторила она машинально, послѣ короткаго молчанія: и вы не простили?

— Я простилъ, мрачно отвѣчалъ Николай, но *онъ* помнить!

Воспоминаніе о собственныхъ страданіяхъ быстро росло въ умъ молодой женщины; болезненное сжималось сердце и, наконецъ, какъ бы подавленная тяжестью этихъ воспоминаній, она зарыдала, закрывъ глаза платкомъ.

— Боже мой!.... и вы тоже! произнесла она съ отчаяніемъ.

— Тоже? повторилъ Николай, съ горестнымъ участіемъ и невольно приблизившись къ мачихѣ. Стало быть.....

Дверь изъ прихожей отворилась.

— Николай Александровичъ, доложилъ вошедшій лакей: Александръ Матвѣевичъ проситъ васъ къ себѣ, на верхъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Николай.

Лакей ушелъ.

— Ради Бога, вскричала Катерина Васильевна, скоро вставъ: ради Бога умоляю васъ, забудьте прошедшее, примиритесь съ Александромъ Матвѣевичемъ, вѣдь онъ вашъ родной отецъ!.... Именемъ покойной матери вашей умоляю!.... Заглушите въ душѣ вашей всякое недостойное васъ чувство!

Слышите-ли, Николай, именемъ вашей покойной матери, память о которой будетъ освящена моею искреннею, душевною привязанностью къ вамъ..... Николай, я уже сказала вамъ какой важный шагъ предстоитъ мнѣ..... Отъ васъ зависитъ помочь мнѣ приступить къ священному обряду, съ облегченнымъ сердцемъ, съ надеждою на лучшую будущность..... Дайте мнѣ слово, Николай, прибавила она, взявъ обѣ руки молодаго челоовка: дайте мнѣ слово, что съ этого дня вы употребите всю вашу нравственную силу, чтобы забыть..... вѣтъ! чтобы изгнать изъ памяти вашего отца тягостное воспоминаніе о прошедшемъ, котораго я не знаю и не хочу знать, для своего и нашего общаго счастья!.... Общаете?....

— Клянусь, отвѣчалъ Николай Александровичъ, съ грустнымъ участіемъ смотря на мачиху, — клянусь любить васъ, какъ родную мать, и свято исполнять малѣйшую вашу волю..... Клянусь любить васъ, какъ родную сестру, и неумоимо заботиться о вашемъ счастьи.....

— Вѣрю, вѣрю! съ радостнымъ чувствомъ вскричала Катерина Васильевна. Какъ сынъ, вы уже ознаменовали этотъ день повиновеніемъ, какъ братъ, вы содѣлали его однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни!.....

Николай Александровичъ проводилъ молча мачиху до кареты. Вернувшись къ себѣ, онъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

Какъ удивились бы свѣтскіе, проспектные или кандитерскіе пріятели молодаго Тучинова, если бъ имъ кто-нибудь сказалъ, что онъ цѣлыя десять минутъ проплакалъ, какъ ребенокъ!.....

Вспомнивъ, что его звалъ къ себѣ отецъ, Николай утеръ слезы и всталъ. Небрежно и какъ бы неохотно надѣвъ шляпу, онъ, по привычкѣ, посмотрѣлся въ зеркало и по-

правиль волосы; потомъ подшелъ къ окну, но, взглянувъ вверхъ, тотчасъ же отступилъ назадъ.

Въ окнѣ третьяго этажа противоположнаго дома увидѣлъ онъ худощавое, угловатое лицо женщины, смотрѣвшей внизъ и прямо на окна его квартиры.

Досада выразилась на лицѣ молодаго челоуѣка и, съ тягостнымъ, непрятнымъ чувствомъ, отправился онъ на верхъ.

(Окончаніе третьей части въ слѣдующей книгѣ.)

М. Фурманнъ.

ПРОГУЛКА ПО РЕЙНУ.

—
III.

(Окончаніе *).

Нашъ путь лежитъ вверхъ по рѣкѣ, къ югу, все далѣе къ югу!

Какое милое для насъ—Съверянъ—очарованіе заключается въ этомъ имени *юга*.... понятіе о какомъ-то земномъ раѣ, о странѣ свѣта и теплоты—двухъ родныхъ нашей душѣ стихій—понятіе, вселившееся въ насъ съ малолѣтства, подъ съвернымъ небомъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще не зная азбуки, мы уже затвердили въ памяти, гдѣ югъ. Бывало, наскучивъ зимнимъ арестомъ въ комнатѣ, какъ только заметишь, что тыль флюгера обращенъ къ той странѣ свѣта, сплеснешь руками и воскликнешь: «Вѣтеръ съ *юга*: сегодня насъ пустиять погулять!» Тутъ безсознательно уже зачинается въ нашей душѣ свѣтлая мечта о какой-то чудной сторонѣ, живительное дыханіе которой, не остывая, не замерзая и въ зимнюю пору, издалека навѣваетъ намъ теплотою. Всего краснорѣчивѣе это мечтательное, пожизненное пристрастіе Съверянина къ югу выражается въ драматической поэмѣ швед-

* См. II кн. С. О.

скаго поэта Аттербома, въ его «Островъ Блаженства». Одинъ властитель полярныхъ странъ, на охотъ, въ крещенскій морозъ, посреди величественныхъ массъ снѣга и льдовъ, заплутавшись въ глуши, попадаетъ—близъ сѣвернаго полюса—въ волшебную область вѣчной весны, и тамъ, у ногъ боготворимой красавицы, подъ миртами и розами, подъ апельсинными деревьями, у игривыхъ фонтановъ—однимъ словомъ, въ Армидиномъ саду—проводитъ трехвѣковую жизнь непреходящей юности, ни разу не вспомнивъ о своемъ вещественномъ скиптрѣ, о своихъ властительскихъ обязанностяхъ, и наконецъ—возвращается въ сущность, въ свой край холодный, только для того, чтобъ умереть, чтобъ отрезвиться мечтателю передъ смертью. Лишь *сѣверный* поэтъ могъ вообразить, на полярномъ морозѣ, что юноша въ состояннн промечтатъ *три вѣка* въ странѣ южной романтики! Но воспользуемся строгимъ урокомъ этому юношѣ: если надлежитъ отрезвиться, такъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Промечтаемъ развѣ три только года въ Эдемѣ романтики и пріймемся заблаговременно исполнять свои обязанности житейскія... жизнь наша не праздникъ, а день *рабочий*!

Мы отправились въ шесть часовъ утра, на томъ же пароходѣ: Гуттенбергъ. Опять густой туманъ! «Не досадно ли!» восклицаютъ хоромъ пассажиры: лучшею частію Рейна почитается пространство между Кобленцомъ и Майнцомъ. Что же касается до меня, то я, до Браубаха, могу снести эту незгоду, ибо до того мѣста мнѣ все извѣстно, по моей верховой повязкѣ къ Рейну, изъ Эмса. Слава Богу, свѣтлѣетъ; прибрежные предметы начинаютъ сквозить! въ таинственномъ величнн являютъ гористые берега, увитые полосами тумана, какъ будто полу-прозрачною одеждою преданнн и древности. Но такого полусвѣта не довольно для нашихъ пассажировъ, не перестающихъ горько сожалѣть, что не могутъ насладиться вполнѣ, въ ясномъ свѣтѣ, прославленными берегами Рейна. Я только вполнину раздѣляю это сожалѣннн, мало-по-малу увлекаясь прелестью магической свѣтлѣнн, видя въ этомъ роковомъ туманѣ нѣчто важно-символи-

ческое, и, наконецъ, признаюсь: Рейнъ, для меня, не могъ бы являться въ свѣтѣ болѣе выгодномъ, болѣе правильномъ.... Этотъ вещественный туманъ не есть ли самый поразительный символъ тысячелѣтней нравственной мглы, давившей атмосферу Рейна и вообще всей области среднихъ вѣковъ—таинственная завѣса, за которою, въ тиши, готовились болѣе свѣтлые, болѣе счастливые вѣка! Такимъ образомъ моя житейская философія употребила въ пользу и этотъ неумѣстный, безвременный туманъ, и еслибъ онъ не могъ быть символомъ темныхъ временъ, отъ V и VI до начала XVI вѣка, то я сказалъ бы, въ свое утѣшеніе: Развѣ и вся жизнь наша не есть туманная свѣтотѣнь, живѣе возбуждающая душу къ тихимъ мечтамъ о лучезарной вѣчности!

Вотъ двѣ развалины временъ рыцарскихъ, одна подлѣ другой: то многославные замки Либенштейнъ и Штернбергъ! Мрачно стоятъ они другъ противъ друга, какъ нѣкогда стояли, на поединкѣ, владѣльцы ихъ—два родные брата. Съ младшимъ хотѣлъ судиться мечемъ, за позоръ измѣны благородной его невѣсты—старшій братъ, исполненный высокаго самоотверженія: онъ самъ любилъ эту дѣву со всѣмъ жаромъ рыцарскаго чувства. Замѣтивъ, что она болѣе расположена къ младшему брату, онъ скрылъ отъ нея свое чувство; а тотъ объяснился съ нею, и она за него была помолвлена. Невѣста дозналась послѣ—вѣроятно, не сердцемъ, а только умомъ, что ошиблась въ выборѣ; но, связанная и словомъ и помолвкою, она отклоняетъ отъ себя это сознаніе; ждетъ изъ Объятованной Земли своего жениха, которому вздумалось *тамъ*, истинно-рыцарскими подвигами, *заслужить* свою невѣсту. И что жъ? онъ *женился* въ Объятованной Землѣ и возвращается домой съ милою, веселою кокеткою—Гречанкою! Оставленная невѣста предана посмѣянію женскаго пола: мужчины—рыцари не смѣялись измѣнѣ слову! А въ доказательство, что рыцари не смѣялись сердцекрушительной измѣнѣ, родной старшій братъ вызвалъ измѣнника на отчаянный поединокъ! Уже начинается страшный

бой.... но вдруг является обманутая невеста и, смѣло ставъ между мечей братьевъ, закликаетъ обоихъ памятью покойнаго отца, миритъ и благословляетъ ихъ на братскую любовь и избираетъ себѣ жизнь отшельническую. Эта исторія, по роду своему самая трогательная для Нѣмцевъ, сдѣлалась сюжетомъ многихъ драмъ и балладъ, по большей части неудачныхъ. Братъ взалкалъ крови роднаго брата! Вотъ вамъ образчикъ того сумазбродства и того натянутого, перетоненнаго чувства, за которыя я, даже въ свои романтическія лѣта, не могъ полюбить средневѣковаго рыцарства! Но отъ чего ни одинъ германскій поэтъ, взявшись за эту исторію, не выправляетъ ошибочности, неестественности хода ея? Нисколько не насилуя духа тѣхъ временъ, можно бы, совершенно въ тонѣ и подѣ цвѣтъ рыцарства, женить старшаго брата на покинутой—имъ же любимой—невестѣ, повести дѣло просто, естественно; а если нѣмецкимъ читателямъ всего нужна слезливость, перетоненная, болзненная романтика чувства, то всѣмъ этимъ можно бы вдоволь ихъ угостить—въ душѣ измѣнника, легкомысленно прогуливавшаго образцовую спутницу жизни. Зачѣмъ уходить невинную? Въ наше время, нужны и въ поэзіи чувства здоровыя; повѣршиій поэтъ долженъ быть *праведною* судьбою создаваемыхъ имъ лицъ.

Занимательно видѣть, какую силу обнаруживаетъ парохоль, даже, въ своемъ стремленіи противъ рѣки, если проходить близъ берега: отъ огромнаго перекатнаго вала дѣти бѣгутъ съ веселымъ крикомъ; лодки, стояція на сушѣ, всплываютъ и перебрасываются; утки, у края рѣки, катятся навзничъ вверхъ по берегу. Ловлю подобной мелкой картинности въ природѣ нѣмецкій поэтъ Эвальдъ Клейстъ—храбрый ратникъ Фридриха Великаго—называлъ «охотою за поэтическими картинами!» (poëtische Bilderjagd). Положимъ, *охотиться* не надобно за такими картинами; но, мимоходомъ, наблюдать ихъ и, съ выборомъ и со вкусомъ, употреблять въ ландшафтной живописи стихотворенія, или поэмы, или даже романа—это дѣло похвальное и пріятнѣйшее для образованнаго читателя, чѣмъ грубые и грязные

толки чернаго народа, наполняющіе столько страницъ романовъ, безъ всякой художественной цѣли, безъ другаго намѣренія, кромѣ наполненія, чѣмъ бы то ни было, тѣхъ пустыхъ страницъ.

Смѣло несемся черезъ сильный, но нынѣ, по крайней мѣрѣ—днемъ, уже не опасный волноворотъ, подѣ Санктъ-Гоаромъ. Теперь Рейнъ круто огибаетъ *Лурлеинъ утесъ*, который возносится почти отвѣсно, въ дикомъ величіи, и славится своимъ многократнымъ отголоскомъ и чудными сказаніями о дѣвѣ Лурлеъ, существовавшей еще за долго до Миннезингеровъ. Говорятъ, на темени этого утеса сидитъ прекрасная волшебница, чешетъ свои золотые, длинно ниспадающіе волосы и поетъ пѣсню очаровательную, неотразимо прівлекающую всякаго, кто бы ни провзжалъ. Въ сладостномъ забвеніи, несчастный не оберегается опаснаго мѣста. Пѣсня умолкла: спокойно и холодно дѣва глядитъ на погибающаго—и когда опрокинулась лодка его, когда волны сшиблись высоко надъ его головою, тогда опять начинается дивная пѣсня сирены!... Или это сколокъ изъ Цирцеи Гомеровой, или оригинальная германская аллегорія о равнодушіи природы, при смерти человѣка, ея восхищеннаго—природы, единственно занятой вѣчнымъ измѣненіемъ своихъ житейскихъ процессовъ, такъ, что—по словамъ одного новѣйшаго поэта итальянскаго, графа Лепарди, влагаемымъ классически въ уста Марка Брута, «ни одна звезда не поблѣднѣетъ отъ нашей смерти!» Не только ни одна звезда не поблѣднѣетъ, но и самый ничтожный цвѣтокъ не поблѣкнетъ отъ того, что умираетъ человѣкъ—царь созданія! А развѣ ему нужно это романтическое участіе? Въ сознаніи своего величія, онъ отходитъ къ своему Творцу, а земная природа пусть себѣ поетъ равнодушно свою милую пѣсню и чешетъ свой золотой волосъ.... то, что плывало *насъ*, въ наше странствіе по землѣ, да плыветъ и нашихъ потомковъ, изъ рода въ родъ!... Если бы явилась, на своемъ утесѣ, златовласая Лурлея, она напомнила бы мнѣ мою златовласую Минервилочку въ Эгерскомъ замкѣ.... такъ какъ волшебница не заблагоразсудила явиться, въ нашъ вѣкъ

прозаическій—то мы палили нѣсколько разъ изъ пушекъ, чтобы потѣшиться хоть многократнымъ эхомъ; но отголоски были довольно ничтожны,—отъ дурной ли погоды, то есть отъ влажнаго, густаго воздуха, или оттого, что никакое очарованіе поэзіи не выдержитъ грубо-вещественнаго надъ нею опыта?

Утесистые, живописные берега! Я распространился бы слишкомъ, еслибы упомянулъ о каждой развалинѣ, о каждомъ прибрежномъ замкѣ и мѣстечкѣ: сдѣлаю только одно замѣчаніе. Меня не удивляетъ нисколько, что Рейнъ такъ чрезвычайно богатъ романтическими преданіями: еслибы средніе вѣка и не передали намъ ни одного,—всѣ эти преданія рождались бы столь же фактически и чудесно въ воображеніи новѣйшаго путника, сколько нибудь знакомаго съ средними вѣками и чувствующаго красоты природы: это происходитъ отъ безконечно-романтическаго характера мѣстности! Развалины, утесы, остатки старинныхъ временъ—сами рассказываютъ чудесныя повѣсти; не нужно доискиваться ихъ въ книгахъ.

Подъ городомъ Каубомъ вы изумлены оригинальнымъ явленіемъ: посреди русла Рейна стоитъ замокъ, похожій на каменный корабль: это древняя Палація (Пфальцъ). Въ этой фантастической надводной темницѣ когда-то сидѣла также любящая Геро, которой Леандеръ—тайно съ нею обвинчанный—былъ матерью ея допускаемъ къ ней, въ видѣ пилигрима. Вездѣ любовь—и вездѣ гоненіе на любовь! Самое чудесное въ этой чудной Палаціи есть колодець, не получающій своей воды отъ Рейна. Приличный эрмитажъ для мыслящаго ума: этотъ колодець, съ своимъ собственнымъ ключомъ, посреди *общихъ* водъ, — какой превосходный символъ Высшаго существа, которое въ груди своей носитъ первобытный источникъ своей жизни! При входѣ въ такъ называемую Бингенскую Нору (Bingerloch), на небольшомъ каменномъ островѣ, торчитъ ославленная *башня мышей*, гдѣ, по преданію, эти мелкіе гады заѣли до смерти майнцаго владыку *Гатто*—потому-что онъ, во время голода велѣлъ

сжечь въ одномъ изъ своихъ хлѣбныхъ сараевъ народъ, сперва смиренно просившій хлѣба, а послѣ жестокосердаго отказа, возшумѣвшій отъ отчаянія—и при вопляхъ этихъ несчастныхъ, среди пламени, воскликнулъ злорадно: «Послушайте, какъ пищать мои хлѣбныя мыши!» Лишь только кончилось всеожженіе, — появилось несмѣтное стадо мышей и бросилось на Гатто. Онъ спасался отъ нихъ: онъ везлъ за нимъ по пятамъ. Онъ думалъ отдѣлаться отъ этой страшной напасти, переѣхавъ на тотъ островокъ и запершись въ башню, но мыши переплыли Рейнъ, проникли въ башню и заѣли тирана! Смѣйтесь, если угодно, однако согласитесь, что умнѣйшая сентенція правоучителя не произведетъ, на простой умъ человѣческой, столь глубоко нравственнаго впечатлѣнія, столь потрясающаго страха мздовоздаятельной судьбы, какъ это чудное преданіе! Уже ли имъ не воспользуются новѣйшіе французскіе писатели, охотники до всего оригинальнаго, въ диковинно-страшномъ родѣ? Это тѣмъ возможно, что теперь и дамы не брезгаютъ мышами: искусственная мышь есть одна изъ изыскательныхъ принадлежностей туалета свѣтской женщины. Если *рыцарская* башня нѣсколько *ославлена* тѣмъ, что *мыши* такъ и взяли ее съ бою, то она же и *прославлена* геройскою защитою *семи* Германцевъ противъ пѣлаго отряда воиновъ Густава-Адольфа: гдѣ гибѣтъ, тамъ и милость Немезиды.

Подъ Бингеномъ, рѣка, дѣлая значительный изгибъ, становится широка и весела. Насупротивъ горорода, на правомъ берегу, простирается ровная, прекрасная, довольно высокая гора Рюдесгеймская. Не много выше, около Ингельгейма, гдѣ былъ любимый императорскій дворецъ Карла Великаго, расширившійся Рейнъ образуетъ живописные острова. Мы проѣзжали мимо привѣтнаго, миловиднаго Бибериха, резиденціи герцога Нассаускаго и устремляли взоры къ хребту Тавна, черезъ который лежалъ нашъ путь въ Эмсъ

Майнцъ передъ нами: мы видѣли лучшія мѣста Рейна! Мы провели день, богатый наслажденіями. Невозможно изобразить, даже въ бѣглыхъ очеркахъ, *всего*, что прохо-

дить по душѣ, въ эту увеселительную поѣзду. Если бы мнѣ искать себѣ пріюта на знаменитомъ протяженіи Рейна, отъ Майнца до Кобленца, то я выбралъ бы какой-нибудь уголокъ, между Бингеномъ и Биберихомъ: Рейнъ тамъ столь привѣтливо свѣтелъ и открытъ! После долгаго бѣга по мѣстамъ не занимательнымъ, и до многотруднаго пути черезъ утесы, онъ будто напоминаетъ тамъ свою бурную юность въ Швейцаріи — тихою улыбкою зрѣлаго мужа, и ликъ его одушевляется яснымъ веселіемъ. — Отголосокъ извѣданныхъ, въ этотъ день, наслажденій привелъ меня въ такое хорошее расположеніе духа, что я, болѣе часа по прибытіи въ Майнцъ, безъ малѣйшей досады странствовалъ по трактирамъ, переполненнымъ гостями, покуда, наконецъ, не помѣстился въ гостиницѣ Трехъ Вѣнцовъ, гдѣ и почта. Вечеръ провелъ я одинъ, за письменнымъ столомъ, въ путевыхъ воспоминаніяхъ. Часто раздававшійся почтовый рогъ не мѣшалъ мнѣ нисколько; я браню свѣтскую суету, когда она меня увлекаетъ въ свой волноворотъ; но мнѣ пріятно, если издали, отъ времени до времени, мірское житье-бытье перелетаетъ звуками въ уединенную жизнь моего духа — или пѣсней женщины, или сигналомъ почтового рога. Рогъ безпрестанно трубилъ, пѣжный голосокъ иногда запѣвалъ; мнѣ хотѣлось, чтобы раздался и выстрѣлъ съ крѣпости Друзова Камня: этотъ гулъ изъ древняго Могунциакума перекатывался бы важнымъ голосомъ Рима надъ мелкою хлопотливостью и праздною мечтательностью нашихъ временъ... но выстрѣлъ не раздавался.

Я осматривалъ соборную церковь, разрушенную въ революціонный походъ, и впоследствии возобновленную. Запечатлены епископскія клиросы, съ своими старинными дубовыми сѣдалищами. Надъ мѣстомъ епископа изображенъ, на конѣ, патронъ собора, Св. Мартинъ, который оторванную имъ полу отъ одежды своей даетъ нищему. — Надъ могилою, старинными письменами покрытою доскою Фастрады, супруги Карла Великаго, онъ самъ, какъ повѣствуетъ преданіе, повѣсилъ серебряное верете-

но: стало быть, слава отличной хозяйки была тогда еще лучшею похвалою женщины! Веретено Фастрады давно исчезло, какъ пропала и домовитая добродѣтель. Чтò ни говорите, а *веретено* самый милый атрибутъ женщины, возбуждающій въ насъ граціозныя о ней идеи. — Древняя мѣдная купель привлекаетъ вниманіе, но обдѣлка ея довольно груба. — Металлическія двойныя двери, также древнихъ временъ, такъ тяжеловѣсны, что едва двигаются на своихъ петляхъ отъ всей напряженной силы одного человека. — Майнцъ былъ главнымъ гнѣздомъ, гдѣ Миннезингеры щебетали и трелили свои наивныя пѣсенки. Здѣсь невольно вспомнишь объ нихъ: въ одномъ изъ соборныхъ переходовъ показываютъ могилу Генриха изъ Мейссена, пінта, прозваннаго *Женохваломъ* (Frauenlob) за то, что онъ воспѣвалъ добродѣтели женщинъ. Доска изъ краснаго песчаника, съ бюстомъ его, полувыпуклой работы; внизу — гробъ его, несомый благородными дамами. Къ этой странной погребальной почести Миннезингеру преданіе присовокупляетъ, что *всѣ* жены и дѣвцы Майнца съѣдали, въ глубокомъ траурѣ и въ великой скорби, за гробомъ, несомымъ знатными господами. Предавши пінта земль, прекрасный полъ, на могилѣ его, сыпалъ столько цвѣтовъ и возливалъ столько драгоценнаго рейнвейна, что засорили и потопили весь церковный помостъ. Я видѣлъ въ одномъ русскомъ селѣ, на Волгѣ, что гробъ молодой дѣвушки несли сельскія дѣвцы, подруги ея, — съ распущенными волосами, съ жалобнымъ напѣвомъ — и это зрѣлище было глубоко-умилительно. Но, еслибъ я былъ свидѣтелемъ оригинальныхъ похоронъ женохвала Генриха, то зашевелилось бы во мнѣ совсѣмъ другое чувство, и я, кажется, не могъ бы воздержаться отъ нѣкоторыхъ критическихъ замѣтокъ, напримеръ: не лучше ли оставить свѣтъ *безъ* имени, безъ почетнаго титула, нежели съ прозвищемъ Женохвала, доказывающимъ, что *всѣ* *житійскій* *подвигъ* *этого* *мужа* заключался въ приторныхъ гимнахъ прекрасному полу! Не лучше ли для насъ, не возбуждать никакого женскаго участія, чѣмъ

до такой степени возбуждаютъ всѣхъ женщинъ довольно большаго города, довести милыхъ дочерей земли до такого параднаго уличенія въ женскомъ тщеславіи: будто бы превосходящій изъ мужчинъ тотъ, кто возносить женщинъ въ своихъ стихахъ! Наконецъ, въ третьихъ, не лучше ли было бы, вмѣсто этихъ неприличныхъ лзычскихъ возліаній, пожаловать драгоценный, по пустому изведенный рейнвейнъ добрымъ работникамъ, трудолюбно кощившимъ свою поденщину, дабы вино было выпиваемо ими съ пользою, въ память и за упокой пѣнта женохвала — и даже оставить на стебелькахъ эти цветочки, которые, въ саду или въ полѣ, могли бы еще радовать не одного нѣжнаго Миннезингера и не одну мечтательную Нюмочку? Не говорю о томъ, какъ непріятно должно быть и для *мертваго* мужчины, что его несутъ дамы, что онъ въ гробъ грѣшитъ противъ рыцарскихъ понятій объ уваженіи къ прекрасному полу! — Какъ непріятно даже для изнѣженнаго женохвала, но уже просвѣщеннаго и закаленнаго смертию, долженствовало быть и то, что гробъ его, увѣтый гирляндами изъ миртовъ, розъ и лилій, походилъ на женское подвѣшечное платье! Покуда живъ поэтъ, да любить его и лелѣютъ женщины, какъ угодно: это будетъ милое съ ихъ стороны благодареніе *тому*, кого судьба художничья выдаетъ мужскимъ преслѣдованіямъ! Но, если онъ выстеналъ въ мірѣ свой вопль о совершеніи своей земной судьбы, такъ суровое величіе смерти не терпитъ цвѣтовъ и любовной суетности и напрасныхъ возліаній! Женщины священнымъ бальзамомъ своихъ слезъ да омоютъ раны сердца его, да поцѣлуютъ его — послѣднимъ цѣлованіемъ — и да предоставятъ мужамъ хоронить мужа! И бѣдному женохвалу Генриху не было никакой пользы въ томъ, что красавицы похоронили его на такой свадебный манеръ: при перестройкѣ собора, темные работники, по невѣднью, разбили могильный памятникъ пѣнта; нынѣшній есть подражаніе прежнему, изъ памяти! Подумаешь, что такое

слава. Не довольно того, что знаютъ дамы — нужно, чтобы знали и *чернорабочіе* о достоинствѣ поэта!

Изъ собора отправился я къ статуѣ Гуттенберга, на площади, по немъ названной. Модель сълѣана Торвальдсеномъ; статуя вылита въ Парижѣ. На подножіи латинскія надписи: одна изъ нихъ гласитъ, что деньги на монументъ собраны *по всей Европѣ!* Германцамъ, въ вѣныхъ вещахъ, не достаетъ тонкаго такта! По всему міру можно бы собирать пособіе на отстройку кельнскаго собора, который, будучи самъ извѣкій міръ, и относясь ко всему міру, какъ чудо искусства, своими требованіями окончанія превосходить, можетъ быть, излишекъ финансовыхъ средствъ *одной* Германіи; но, чтобы соорудить, на площади майнцской, весьма обыкновенный памятникъ *Ньмцу* — изобретателю книгопечатанія — уже ли на это не хватило *нѣмецкихъ* денегъ? — Гуттенбергъ изображенъ въ костюмѣ своего вѣка: въ плащѣ, въ германской шапкѣ, въ туфляхъ! важное, глубокомысленное выраженіе его лица какъ-то не согласуется съ этимъ *шписбургскимъ* нарядомъ; но особенно забавенъ гульфикъ, или клапанъ, въ подбрюшной части одежды! Такая щепетильность, такая излишняя вѣрность современной модѣ должна бы была уступить высшимъ требованіямъ художества: въ глазахъ чловѣка, склоннаго къ насмѣлкѣ, этотъ шутовской клапанъ уничтожить всего Гуттенберга!

Около трехъ часовъ по полудни, мы рѣкою же отправились въ Мангеймъ. Пароходъ полонъ, какъ голубятникъ. День жаркій, прекраснѣйшій. Берега Рейна уже не живописны, но все еще не лишены какой-то миловидности. Ясное небо наводитъ на рѣку пріятный цвѣтъ. Вотъ Оппенгеймъ, гдѣ Русскіе перешли черезъ Рейнъ; не много выше видится Шведскій столбъ, въ память перехода Густава Адольфа и победы его надъ Спинолою. Ночь застигла насъ прежде, чѣмъ доплыли мы до знаменитаго Вормса. Я очень сожалѣлъ о томъ, но не въ отношеніи къ Лютеру, который рѣшился явиться туда,

на Имперскій Сеймъ, для оправданія своего нововведенія, хотя бы въ Вормсѣ было болѣе чертей, нежели черепицъ на крышахъ домовъ! Мнѣ хотѣлось бы видѣть, подъ Вормсомъ, Рейнскій островъ: *Розовый садъ*, гдѣ жила Кримгильда, и гдѣ совершались приключенія пѣсни Нибелунговъ. Воображеніе мое наполнилось этой гигантскою эпопеей, которая, за неизмѣнимъ Вормса, разыгрывалась для меня около Гернштейма, въ фантастическомъ замкѣ облаковъ, посреди разлива прекрасной вечерней зари: по западу будто извивался широкій чернѣйшій Рейнъ, омывая тотъ замокъ, который казался прототипомъ существенныхъ замковъ на Рейнѣ... прекрасное зрѣлище!

На пароходѣ находились, въ сопровожденіи своего брата, двѣ молодыя хорошенькія Англичанки, съ поразительнымъ между собою сходствомъ. Представился мнѣ удобный случай заговорить съ одною изъ нихъ, и, на замѣчаніе мое, что вижу ее въ двухъ видахъ, она мнѣ сказала, что онѣ — *soeurs jumelles* — (двойнишныя сестры)! Кто самъ этого не испыталъ, тотъ не повѣритъ, какъ странно видѣть одну и ту же красоту *живую* въ *двухъ* человеческихъ видахъ! Врознъ, невозможно различать ихъ другъ отъ друга: ростъ, примѣты, формы, обращеніе, даже мимика и самый голосъ у обѣихъ — все одинаково! Кажлая изъ нихъ, *отдѣльно*, могла бы воспламенить сердце мужчины; но какъ ихъ двѣ въ *одномъ* видѣ, то и двоятся наше къ нимъ вниманіе, и выборъ остается нерѣшеннымъ: по ровну раздѣленное вниманіе къ нимъ не можетъ слиться въ одно главное, преимущественное чувство! Одна сестра противоядлет другой, могущество обоюдныхъ прелестей уничтожается взаимнымъ противодействиемъ — о мудрая природа! Казалось, этотъ день былъ назначенъ поражать меня двойнишными сходствами: еще до появленія Англичанокъ, передъ самымъ отъездомъ изъ Майнца, на почтовой площади, встрѣтилъ я одну женщину, у которой было двое дѣтей на рукахъ, на каждой по одному годовалому мальчику — странно, но мило! Я былъ пораженъ чрезвычайнымъ сходствомъ этихъ *м-*

тораслей и узналъ, что они близнецы! Что, если и души ихъ столь же похожи между собою? Тогда, въ этомъ занимательномъ явленіи, осуществится идеалъ братской дружбы!

Темная звездная ночь; нѣтъ ни малѣйшаго дыханія вѣтра; два фонаря горятъ на верху мачты. Однозвучный шумъ пароходныхъ колесъ клонить ко сну. Насъ было только трое въ щегольскомъ, нами нанятомъ павильонѣ: всѣ остальные пассажиры должны были кое-какъ помѣщаться въ тѣсномъ салонѣ, или дремать на палубѣ. Я сожалѣлъ о миленькихъ Англичанкахъ; онѣ вошли было въ павильонъ, будто бы для того, чтобы позавидовать нашему боярскому простору — и поспѣшно отступили. *Двое* изъ насъ согласились отправить къ нимъ посла, съ предложеніемъ мѣста имъ обнимъ и брату ихъ; но третій противорѣчилъ.... и это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, въ своей юности прозванный Алкивиадомъ! Но онъ достигнулъ тѣхъ лѣтъ, когда мужчина уже не чувствуетъ идеальнаго запаха дѣвственнаго юности и красоты, называемого Французами *parfum de jeune fille*! Ужели суровья лѣта постепенно отнимаютъ у насъ *все*, даже изысканное чувство къ женщинамъ? Этотъ идеальный запахъ нигдѣ не бываетъ излишнемъ, а былъ бы необходимъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все-таки понахиваетъ смолою и каменнымъ угольемъ. Не только на кораблѣ, но и на сушѣ, въ покоѣ, гдѣ толпятся одни мужчины, воздухъ дѣлается какъ-то горекъ и тяжелъ! Пустите туда хоть одну женщину — разумеется, молоденькую, хорошенькую — и отворить окна не надобно: женщина, чистѣйшее насъ существо, дышетъ чуднымъ *сладкотворомъ* (такъ мы революцимъ *oxugène*), очищающимъ въ минуту воздухъ! Химики перебираютъ всѣ роды газовъ и еще не замѣтили самаго лучшаго изъ нихъ: женскаго сладкотвора! Идеальное ускользаетъ отъ матеріалиста. Римскіе *веспильоны* (полицейскіе чиновники для похоронъ) были гораздо смѣшленѣе нашихъ химиковъ: на десять мужскихъ тѣлъ чер-

наго народа, не обливаемых по смерти драгоценными горючими веществами, каляли они по одному женскому трупу — и весь одиннадцать тьмь всегда догорали до тла! Это тот же сладкотворъ, который восхищает насъ въ жизни! Сколько должно быть этого дивнаго газа въ резервуаръ женскаго сердца, когда и по отлетъ души, достаетъ его на десятокъ мужскихъ тьмь! Но всемъ этимъ не убѣдился нашъ третій товарищъ. Мнѣ стало душно въ павильонъ: я пошелъ просвѣжить чувства благовои-емъ милыхъ розъ альбионскихъ. Я велѣлъ подать ужинъ и сѣлъ насупротивъ Англичанокъ. Вступить съ ними въ разговоръ я не рѣшался: онѣ казались слишкомъ сонными! головки склонялись къ стѣнкѣ и глаза закрывались... нѣтъ нужды: розы дышать слаще, таинственнѣе во время сна и ночи! Спокойствіе есть самое лучшее для красоты положеніе, нормальное ея состояніе; а дремота ея, — милая, какъ, дремота дитяти, такъ занимательно выдаетъ намъ душу ея, уставшую отъ игръ и потѣхъ житейскихъ и не просящую ничего, кромѣ отдохновенія, сладкаго сна... Баю, баюшки баю! — Около двухъ часовъ по полуночи, прибыли мы въ Мангеймъ. Дорога отъ пристани до Рейнскаго подворья довольно значительна для пѣшехода: экипажей не было. Дождаться ихъ я не имѣлъ терпѣнія, и отправился per pedes, въ сопровожденіи одного Француза. Онъ болталъ безъ умолку и такъ забавно, что я будто не шелъ пѣшкомъ, а катился на перекатахъ его бѣглой бесѣды. Если не могу имѣть сопутницу милую Англичанку, то пусть трезвонитъ въ мой слухъ — языкъ Француза!

Мангеймъ—городъ веселаго вида, въ совершенно правильныхъ квадратахъ; угольныя зданія—въ три яруса; все остальные въ два. Такая правильность нова и оригинальна на Рейнѣ, гдѣ все дышетъ природною неправильностью романтизма. Улицы этого классическаго оазиса чисто выметены; но обоняніе страдаетъ отъ дуриаго запаха: по обѣимъ сторонамъ каждой улицы течетъ по одному нечистому ручейку! Ужели Германіи не достаетъ того простаго практи-

ческаго ума, который претитъ выливать помой на улицы и превращать чистый городокъ въ зловонное болото?

День былъ ясный и жаркій. Я гулялъ по городу, безъ цѣли, и вдругъ очутился у воротъ лютеранскаго кладбища. Вспомнивъ, что тамъ погребенъ одинъ знакомецъ моего отца, бывший ревелъскій житель—Коцебу, я вошелъ въ ограду. Могила его посреди дороги; въ то время еще не было этой дороги: она сдѣлана послѣ—будто бы Коцебу и теперь еще заграждаетъ путь Германіи, какъ некогда утверждали его враги. Памятникъ его состоитъ изъ дикихъ, массивныхъ, другъ къ другу приавинутыхъ камней, покрытыхъ доскою изъ песчаника, которая обдѣлана волнообразно; на ней другой—песчаникъ, ребромъ поставленный кубъ. На одной сторонѣ—имя и мѣсто, день и годъ рожденія и смерти; на другой—нѣсколько стиховъ изъ «Младшихъ дѣтищъ моего юмора!» Плющъ вьется около памятника. Посажень ли онъ любовью или ненавистью? Любовь ли хотѣла имъ означить нѣжные обвивы? или ненависть намѣкаетъ, что эта нѣжность есть только ложный видъ; что истинное свойство плюща: истощать обвитое плетеницами его? Къ чему такая двусмысленность на могилѣ несчастнаго мужа, который, и послѣ 20-лѣтняго смертнаго сна, еще не возстановленъ въ общемъ мнѣніи Германіи! Послѣ ига Французовъ, Германія кинулась было въ противоположную крайность: Коцебу считалъ себя призваннымъ побороть это опасное стремленіе оружіемъ ума—и палъ жертвою фанатизма!

Ко мнѣ подошелъ сынъ могильщика, человекъ лѣтъ 25, держа за руку двухъ малютокъ. Ему хотѣлось выслужить что-нибудь, въ качествѣ чичероне! Онъ показывалъ мнѣ нѣкоторые изъ лучшихъ памятниковъ. Вдругъ, посреди разсказа о какой-то старушкѣ, проводникъ мой произнесъ: «Тамъ, въ сѣверномъ углу кладбища, зарытъ Зандъ!» (Убийца Коцебу). Онъ примолвилъ, что онъ отрокомъ, на рукахъ своего отца, былъ свидѣтелемъ казни преступника и стоялъ не далеко; что отецъ его зарылъ тѣло въ полночь; что голову положили въ сложенные руки. Я его спросилъ: такъ ли обычай, относительно обезглавленныхъ? Онъ не

зналъ. «Это значить» — сказалъ я — «молитву мертвеца: Отче! воззри: повинная голова моя отсѣчена! Ты судилъ меня на землѣ.... прости же меня на небеси!» — Лучше бы было, еслибъ ослѣпленный фанатикъ постигъ эту истину, хотя въ послѣднюю минуту жизни; еслибъ онъ, съ высоты эшафота, вмѣсто вздорнаго возгласа, высказалъ во весь народъ христіанское сознаніе своей вины и уразумѣніе душегубнаго грѣха, что темный человѣкъ — ничтожная единица людская — вмѣстѣ смѣетъ воображать себя избраннымъ нарушителемъ законовъ Божіихъ и государственныхъ и, совершенно, въ видѣ палача, вмѣшиваться въ дѣло Провидѣнія. Преступникъ не изрекъ того раскаянія: съ могилы его навѣваетъ невыносимо тяжелою грустью!

Я продолжалъ прогулку по городу и нашелъ на дворецъ; онъ огромнаго размѣра и простираетъ свои широкія крылья къ городу, подобно чадолюбивому князю, который хотѣлъ бы объять весь свой народъ! Я прошелъ въ дворцовый садъ и присѣлъ въ свѣжей тѣни каштановаго дерева, столь исполнскаго, что оно могло бы поспорить со всемірнымъ ясенемъ Игдразилемъ, въ сѣверной мифологій. Повсюду еще свѣжая роскошная зелень; расположеніе группъ древесныхъ веселое, живописное. Садъ былъ довольно оживленъ гуляющими; дѣти порхали по полянамъ, какъ пестрыя бабочки; женщины и дѣвушки, просто и опрятно одѣтыя, ходили весьма чинно, небольшими партіями. Знатнаго общества не было: увеселительнымъ мѣстомъ двора Великой Герцогини Стефаніи, за отсутствіемъ ея, завладѣли сельскія и городскія нимфы. Мужчинъ было очень мало: трудолюбивый Нѣмецъ мало гуляетъ. Только тамъ и сямъ мелькали солдаты, очень небрежно одѣтые. Привыкшему къ молодецкой выправкѣ и стройной нарядности русскаго солдата, нельзя безъ досады смотреть на эту небрежность и вѣшкватость, свидѣтельствующія объ отсутствіи порядка, дисциплины, энергіи — всего, что составляетъ стигію этого почетнаго званія.

Возвратясь въ свою гостиницу, я очутился *одинъ*: оба товарищи мои уѣхали съ утра, не пожелавши смотреть Мангеймъ и назначивъ мнѣ сборное мѣсто. На свѣжемъ воздухѣ

мнѣ очень хорошо, и ничего не надобно; но въ пустой квартирѣ своей, когда нѣтъ расположенія ни къ писанію, ни къ чтенію, подкрадывается ко мнѣ какое-то странное чувство одиночества, котораго я прежде знать не зналъ: бывало, чѣмъ совершеннѣе — чтобы не сказать *обсолютише* — уединеніе, тѣмъ и лучше; тѣмъ способнѣе я погружаться въ предметъ, которымъ занимаюсь! Объединялъ ли я отъ душевной расточительности, въ моей юности? Или прямое, естественное чувство, влекущее насъ къ *другому* существу и, въ развитіи своемъ, у меня, долго подавляемое стремленіемъ идеальнымъ, получаетъ теперь болѣе простора, когда вдохновеніе и восторгъ ума чаще прерываются житейскими нуждами и непріятностями? Одною изъ этихъ житейскихъ непріятностей было то, что, въ благовидной гостиницѣ, голодныя нѣмецкія крысы не давали мнѣ спать во всю ночь! Русскій мужикъ, поужинавъ, бывало отръжетъ порядочный ломоть хлѣба для своихъ домашнихъ таракановъ, дабы, подъ хлѣбосольною свѣію его, и *эта* тварь Божія не голодала, пока онъ не вздумаетъ выморозить ее, потерявъ терпѣніе; но аккуратный Нѣмецъ съ своего стола не сринитъ и крошки, для своихъ домашнихъ мышей и крысъ, и онъ безпокоятъ усталыхъ путешественниковъ. Эта бессонница была тѣмъ непріятнѣе, что движансь отходить въ пять часовъ утра.

Еще не разсвѣтало, когда мы отправились. Ыздать мучительно-тихо, но смѣняють лошадей на станціяхъ такъ скоро, что не успѣешь выпить на станціи и чашки кофе. Чувствуя большой голодъ, я бранилъ несправедливый расчетъ такой ѣзды, которая отнимаетъ у путешественника необходимое на пищу и отдыхъ время. «То ли дѣло у насъ въ Россіи» — воскликнулъ я: «не ѣдешь, а лежишь! на станціи же отдыхаешь, приводишь въ движеніе застоявшуюся въ ногахъ кровь, и забываешь, что находишься на дорогѣ! Вотъ истинное житейское просвѣщеніе, которое вы должны *отъ насъ* перенять — истинное потому, что вся жизнь человѣчская есть путешествіе, странствіе: Это мнѣніе вполнѣ

одобрилъ сидящій подлѣ меня германскій воинъ наполеоновскій, познакомившійся съ Россіею, въ кампанію 1812 года. Онъ вспоминалъ о прекраснѣйшей погодѣ, предшествовавшей морозамъ: «Въ октябрѣ тамъ были дни, какіе не всегда бываютъ и въ Южной Германіи! Французы тогда говаривали, что напрасно бранять климатъ Россіи. Онъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько занимательныхъ анекдотовъ изъ этой бѣдственной для нихъ кампаніи. Восторженное пристрастіе его къ тогдашней французской арміи отнюдь не согласовалось съ его столбовымъ нѣмецкимъ нравомъ. Я ему замѣтилъ, что онъ, вѣроятно — Эльзасецъ? Онъ далъ отвѣтъ отрицательный, но смѣшался, понявъ сатиру моего вопроса. Онъ безмолвствовалъ минутъ пять, будто ретируясь отъ моей выходки; но такъ какъ воинъ наполеоновскій привыкъ ободряться на ретирадѣ, если только не слишкомъ холодно, то мой французскій Нѣмецъ снова принялся вспоминать о похожденияхъ того времени, и началъ очень оригинально, обратясь ко мнѣ: «На аванпостяхъ, въ такомъ-то мѣстѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ вашимъ Платовымъ!» По такому вступленію, я никакъ не догадался, что это значить полученную рану, отъ казачьей пики, сзади, ниже поясницы! Мы всѣ захохотали. Говорунъ увидѣлъ, что онъ зарепортовался и, чтобъ поправить обмолвку, признался наконецъ, что онъ, послѣ того, отсталъ отъ Французовъ, ревностно служилъ дѣлу Союзныхъ Монарховъ и, за храбрость, получилъ орденъ св. Владиміра.

Въ Карлсруэ, я только имѣлъ время пообѣдать и замѣтить, что городъ выстроенъ въ видѣ опахала; улицы или прямыми, или согнутыми радіусами выходятъ ко дворцу: аллегорическое изображеніе любви народа къ властителю, въ противоположность Мангейму, гдѣ властитель аллегорически обнимаетъ народъ, какъ я замѣтилъ выше. — Въ Раштадтѣ вспомнилъ я о принцѣ Евгеніи, о маршалѣ Вилларѣ, о загадочномъ убіеніи французскихъ пословъ, въ исходѣ прошедшаго вѣка.

Около 4 часовъ по-полудни, прибыли мы въ Баденъ-

Баденъ, по дорогѣ прекрасной и совершенно ровной. Окрестныя мѣста этого города, живописно лежащаго въ Черномъ бору (Шварцъ-Вальдѣ) можно назвать обширнымъ паркомъ. Развалины древняго замка, на темени значительной горы, смотрятъ съ величественною важностью старины на пеструю, блистательную жизнь нынѣшняго купальнаго міра, движущагося въ долину. Съ террасы новаго замка я долго глядѣлъ на эспланаду конвερсаціоннаго дома.... Стоило бы только сойдти и вмѣшаться въ эту знать, съ виду столь очаровательную! Но что-то неодолимое удерживаетъ меня на уединенной высотѣ, гдѣ духъ пустыни ведетъ со мною бесѣду и внушаетъ мнѣ мысли и чувства, какихъ не навблалъ бы тотъ приземистый свѣтъ, дышащій искусственнымъ благовошіемъ и мишурнымъ блескомъ. Тамъ, внизу, раздаются временныя выгоды и почести; сюда, на высоту, оттолкъ возсылаютъ нужды и лишенія; по пустынникъ, который не иначе могъ бы подружиться со свѣтомъ, какъ въ ущербъ для высшей экономіи души, терпитъ нужду, покоемъ совѣстью, и ставитъ себя выше всѣхъ земныхъ выгодъ и почестей тою мыслию, что не онъ получаетъ отъ людей, но даетъ свою ленту людямъ—то, чего міръ имъ дать не можетъ.

Еще до прибытія въ Кель, я увидѣлъ Мюнстеръ Страсбургскій.... вздали, онъ не производитъ впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ дороги собирали сѣно, свѣжій запахъ котораго наполнялъ воздухъ. Этотъ запахъ пріятнѣе для меня всякихъ нѣжныхъ благовошіи и всякихъ парижскихъ духовъ. Я отправился къ берегу Рейна и перекинулъ взоръ во Францію. Я думалъ переѣхать туда на другой день, но съ утра до вечера шелъ такой дождь, что нельзя было и изъ комнаты выйдти. Зачѣмъ этотъ завѣтный для меня день такъ печаленъ въ физическомъ мірѣ? Но что мнѣ до физическаго міра? Я имѣю дѣло только съ моральнымъ! Этотъ день былъ тихъ и свѣтелъ, и прекрасенъ въ чувствахъ и въ молитвахъ души моей! На слѣдующее утро погода была такъ хороша, что я рѣшился идти пѣшкомъ въ Страсбургъ, что-

бы не имѣть никакихъ хлопотъ съ французскаго таможенно. Съ страннымъ чувствомъ попираю я почву Франціи.... После столькихъ бурь и переворотовъ, этотъ зломолучный край еще не успокоился въ гражданственномъ согласіи и благо-разуміи! Подобно чудовищу, побѣжденному властителемъ небесъ и заваленному Этною, онъ, въ скованныхъ силахъ своихъ, кипитъ шумнымъ броженіемъ и сдѣлался обшир-нымъ вулканомъ. Скоро ли выгоритъ этотъ вулканъ?

Подъ дороги, памятникъ генералу Дезе (Desaix), когда-то столь храбро защищавшему кельское мостовое укрѣпленіе. Я своротилъ къ монументу. Самъ по себѣ, онъ не важенъ, но много внушаетъ размышленій: это тотъ же Дезе, который съ Наполеономъ былъ въ Египтѣ; по словамъ перваго консула, рѣшилъ побѣду подъ Маренго и, за нее заплативъ жизнию, проложилъ Наполеону дорогу къ грядущему величію его. Могила Дезе—въ монастырѣ св. Бернарда, въ высочайшей обители земной. Наполеонъ все хотѣлъ сочинить ему эпитафію, но позабылъ. Лучшею эпитафіею было бы, для Дезе, данное ему жителями Каира прозваніе *справедливаго Султана*! Слава *Аристиды* стоить всякой другой славы! Это именно та слава, которой тѣмъ болѣе набѣжить, чѣмъ меньше ищешь ея, по словамъ Саллюстія о Катонѣ, въ «Катилинѣ»: quo minus gloriam petes, eo magis sequebatur!

Этотъ оборотъ моей мысли, этотъ титулъ «справедливаго» привелъ мнѣ на умъ «Манифестъ къ Непіянцамъ» императора Юліана, начинающійся именно ссылкою на общенародное въ Аѳинахъ уваженіе къ справедливости и на извѣстный докладъ Аристиды о важномъ секретѣ Оемистокла —и не даромъ померещился мнѣ Юліанъ: будучи еще только *цесаремъ* (т. е. полу-императоромъ, чѣмъ-то въ родѣ наследнаго принца) онъ здѣсь, подъ Страсбургомъ, совершилъ свой первый блистательный подвигъ ратный, съ малочисленнымъ войскомъ разбилъ втрое сильнѣйшую рать мужественныхъ Аллемановъ, предводимыхъ грознымъ царемъ Хнодомаромъ, который тутъ же повалъ въ ильги.

Эта побѣда замѣчательна еще по другому обстоятельству: въ битвѣ, шесть сотъ отборныхъ латниковъ Юліановыхъ дали тѣмъ. Юный цесарь не осудилъ на смерть *десятаго*, какъ водится, а всѣхъ шесть сотъ вывелъ передъ фронтъ, на позоръ въ *женскихъ* платьяхъ—и эти бѣглецы, въ слѣдующей кампаніи, благородно искупили свою мужескую честь! Такая оригинальность невольно приводитъ на память знаменитое сочиненіе Юліана «Мисопогонъ» (брадоненавистникъ), милую сатиру его: «Цесари» и прочая, такъ, что наконецъ, нельзя не пробѣжать мысленно всю жизнь это го диковиннаго челоуѣка!...

«Если бъ я не былъ Александръ, то хотѣлъ бы быть Діогеномъ!» Очевидно, что царь македонскій не договорилъ: «а всего лучше быть, вмѣстѣ, и тѣмъ и другимъ!» не договорилъ, можетъ-быть, потому, что такое желаніе показалось ему чрезчуръ неудобносполнимымъ! Однако оно сбылось, безъ ущерба для обихъ знаменитостей, въ лицѣ Юліана: въ немъ слились Александръ и Діогенъ! Мало того! въ немъ слились еще другія великія крайности: свѣтлый умъ Сократа съ суеврїемъ ѳеургическаго кудесника; простая царственная добродѣтель Марка-Аврелія съ тонкою хитростью Августа; животрепещущая впечатлительность, многосторонность и быстрота цесаря, со стойкимъ цѣломудріемъ Сципіона—довольно! И какая чудная судьба выпала родному племяннику Константина Великаго, внуку Констанція-Хлора, послѣдней отрасли дома его! Пяти лѣтъ, Юліанъ лишился отца и всѣхъ сродниковъ, злодѣйски умерщвленныхъ, по тайному наказу Констанція—и остался круглымъ сиротою, со старшимъ братомъ, впоследствии такъ же убіеннымъ. До восшествія его на престолъ, жизнь его текла въ тяжкой неволѣ, подъ мечемъ Дамокла, не разлучно сопровождаемая однимъ злымъ и однимъ добрымъ геніемъ; соименными другъ другу: государственнымъ евнухомъ и могущественнымъ любимцемъ Констанція—*Евсевіемъ* и благодушною супругою того же Констанція, императрицею *Евсевіею*. Когда же, наконецъ, Констанцій

облекает Юліана въ багрянцу *цесаря*, первая мысль, которая представляется новому цесарю, есть «багряная смерть» Гомера (*πορφύρεος θάλατος*): злой внучек теперь еще опаснѣе!—Подъ строгимъ надзоромъ, да еще опутаннаго всеми интригами недоброжелательства, неопытнаго юношу, питомца Академіи, посылаютъ въ смущенную вражескимъ нашествіемъ Галлію: представлять тамъ кумиръ (*simulacra*) императорскаго величія и, разумѣется, претерпѣвать неудачи, въ доказательство неспособности представителя. Но молодой книжникъ одолеваетъ интриги дворскія, разертывается даровитѣйшимъ полководцемъ, побиваетъ на голову всѣхъ враговъ, устроиваетъ наилучшимъ образомъ Галлію и, за все это еще презлѣуемый ненавистью внука и завистью Констанція—возведенъ легіонами, насильно—въ *Августы* т. е. въ *полныя* императоры! Ему готовить гибель превосходство силъ непримиримаго Констанція. Съ удивительнымъ расчетомъ и необычайною смѣлостью, новый Августъ, сопровождаемый небольшимъ отрядомъ, на берегахъ Рейна погружается въ глубину огромнаго *Чернаго бора* и, вовсе неожиданно, является на берегахъ Дуная, подъ Сирміумомъ, побѣждаетъ страхомъ своего непостижимаго предпріятія—и приѣмлетъ упавшую къ его ногамъ, безъ боя, по смерти Констанція—Римскую Имперію! Въ короткое царствованіе свое, продолжавшееся меньше двухъ лѣтъ, при наистрожайшемъ исполненіи обязанностей не только единственнаго властителя міра, но и всемірнаго понтифекса, онъ успѣлъ написать столько сочиненій—и умеръ смертью героя! Въ сочиненіяхъ его, именно тамъ, гдѣ меньше выглядываетъ ѳеургическій кудесникъ и недругъ нашей вѣры, есть много занимательнаго, хорошаго, образцоваго; но всего превосходитъ предсмертная рѣчь раненаго въ бою императора, сохраненная намъ историкомъ Амміаномъ Марцеллиномъ, однимъ изъ ратниковъ Юліана и свидѣтелемъ смерти его! Отъ величественной простоты и свѣтлой философіи этой императорской рѣчи, на смертномъ ложѣ, навѣваетъ намъ чувствомъ еще

чистѣйшимъ, успокоительнѣйшимъ, чѣмъ отъ самаго Федона Платонова. Я никогда не могъ, безъ глубокаго умиленія, читать эту прекрасную рѣчь, въ которой умирающій властитель, называя царскую власть *исходящею отъ Бога*, радуется, что она, до конца, пребывала чиста, въ его рукахъ! Останки свои завѣщалъ онъ берегу чистоструйнаго, холоднаго Кидна, рѣки, столь известной опаснымъ въ ней купаніемъ Александра Великаго—и греческіе философы и римскіе воины, глядя на мавзолей, возротаи... *первыя*: «Ученика Платонова *приличнѣе* можно бы было похоронить въ рощахъ Академіи!» *вторыя*: «Не Кидну и Тибру, а вѣчному граду и древнимъ памятникамъ римской доблести имѣть бы прахъ столь доблестнаго мужа!»

Мысль моя еще блуждала на берегахъ Кидна, надъ пустынною гробницею царской, когда я, прошедъ уже цитадель, сталъ приближаться къ Мюнстеру, башня котораго все росла да росла въ моихъ глазахъ: такъ это высшій пунктъ европейскихъ зданій, только 30 футами ниже высочайшей пирамиды! Признаюсь, меня не поразила ни вышина башни, ни огромность зданія. При такой вышинѣ, нѣсколько футовъ болѣе или менѣе—ничего не значать для глаза. Св. Олай, въ Ревель, *кажется* такимъ же высокимъ, хотя онъ, въ дѣйствительности, и ниже; а съ кѣльнскаго собора я взялъ съ собою столь великую идею о мюнстерахъ, что страбургскій, построенный гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, уже не могъ показаться мнѣ диковиною.—Была Божественная служба и процессія въ соборъ; органы струили свои могучіе звуки, превосходно согласующіеся съ архитектурическою музыкою древне-германскаго Мюнстера. Болѣе всего понравилась мнѣ стекольная живопись окна надъ алтаремъ: она имѣетъ видъ искусной мозаики изъ разноцвѣтныхъ яхонтовъ. Я взшелъ на платформу башни; туда весьма легко всходить; всякій и всходить, но чтобъ взойти выше, надобно имѣть голову, не подверженную круженію. Вписавшись въ книгу посѣтителей, я пожелалъ взобраться выше. Съ самаго края бездны я все глядѣлъ внизъ, покуда

глазъ не привыкъ къ глубинѣ; потомъ взошелъ я, безъ труда и головокруженія, до *четырехъ башенокъ* (les quatre tourelles): словно, не всходишь посреди рѣшетокъ, а *взлетаешь* на рѣшетчатыхъ крыльяхъ, весь на воздухъ. Отсюда начинается крыша, которая не такъ-то длинна. Я могъ бы взойти и до последней высоты, но для этого нужно отъ мера дозволеніе, котораго я не имѣлъ; кромѣ того, я боляся простуды, будучи весь въ поту и стоя тамъ на сильномъ сквозномъ вѣтрѣ. Я оглядѣвъ окрестность, замѣтилъ дорогу, по возвышенію ведущую въ Парижъ—и возвратился на платформу!

Та дорога опять приманила взоры... Съездить ли въ Парижъ, въ эту прославленную диктатуру моды, вкуса, утопченнаго общежитія и мнимой образованности? Взглянуть ли на эту потѣшную игру умственныхъ блескокъ, на искрометныя сшибки враждующихъ между собою силъ и идей, на эту пышную, узорчатую жиранделу литературныхъ и психологическихъ изверженій? Но эта потѣшная игра, этотъ ослѣпительный блескъ, весь этотъ великодушный фейерверкъ оканчивается сѣрымъ запахомъ отъ адской машины Фіески! Прославленная столица просвѣщенія—не иное что, какъ содомъ умственнаго разврата, гдѣ бѣснуются и ловятъ на воздухъ несбыточныя мечты, давя и губя другъ друга на этихъ вакханаліяхъ; или, зарывавъ чистую природу, наперерывъ разземлютъ ея священный трупъ и, подобно каннибаламъ, роются въ недрахъ ея и восхищаются судорогою нервъ и послѣднимъ трепетомъ сердца... Я вспомнилъ начало Нигрина Лукіанова: «Зачѣмъ было оставить солнечную Элладу, блаженное царство природы—и съѣсть за пиръ разврата съ ложными друзьями, сикофантами, низкими льстецами, ядотворцами и хитрыми завладѣтелями наслѣдствъ!» Для чего ѣздить въ Парижъ когда *то*, что Французы имѣютъ хорошаго, встрѣчается во всѣхъ европейскихъ столицахъ, а дурнаго и видѣть не для чего! Цель моего нынѣшняго путешествія есть природа, древность, исторія, міръ, въ высшемъ его значеніи—сол-

нечная Эллада умственная! Въ Парижъ я поѣду тогда, когда Франція разрѣшится лучшимъ продуктомъ ума и образованности, моральнаго истинною, болѣе соответственною пользамъ человечества...

На башенныхъ часахъ ударяло десять; вся башня колебалась отъ могучихъ ударовъ. Я сталъ разбирать высѣченныя на стѣнахъ надписи: сколько тутъ знаменитыхъ именъ! Теперь возбраненъ рѣзецъ: для именъ есть книга—и очень хорошо! Не смѣшно ли означивать рѣзцомъ свое имя за такую ничтожную бездѣлицу, каково возхожденіе на эту платформу. Я любовался прекрасною отделкою пертала; «Вознесеніе Спасителя» приковываетъ вниманіе; одиннадцать Апостоловъ взираютъ Ему во слѣдъ съ какимъ-то восторженнымъ умиленіемъ...

Въ церкви Св. Оомы находится знаменитый памятникъ маршалу Саксонскому, превзошедшій все мои ожиданія. Этотъ монументъ служитъ храму алтарною картиной. Въ аллегорической группировкѣ фигуръ содержится большая эпопея, съ занимательными подробностями. Съ подножія пирамиды сходя по ступенямъ къ гробу, герой съ грустно-презрительною улыбкою смотритъ на призракъ смерти, который, окутанный въ широкій плащъ, показываетъ ему роковыя часы, и другою рукою открываетъ гробъ. Въ трехъ, рѣзко одинъ отъ другаго различающихся отъѣнкахъ, весьма удачно представлена скорбь о лишеніи героя: въ первомъ, въ лицѣ отрока генія, обратившаго вивзъ факель жизни и громко плачущаго въ дѣтскомъ испугѣ; во второмъ—въ чертахъ прекрасной, Франціи изображающей, женщины, которая, со всею женскою горячностью страданія, одною рукою удерживаетъ маршала, а другою отстраняетъ смерть; въ третьемъ—въ выраженіи Геркулеса, который, опершись на палицу свою и стиснувъ рукою чело, съ мужественною силою подавляетъ стремительное чувство скорби. По лѣвую сторону отходя-

щого героя, печально свѣшиваются побѣдоносныя знамена Франціи; по правую видятся переломленные штандарты Австріи, Голландіи и Англій, и гербовые символы этихъ державъ—орелъ и царственные звѣри, или сраженные, или испуганные. Это первая эпопея въ мраморѣ!

Я еще нѣсколько разъ подходилъ къ Мюнстеру. Не взирая на великолѣпную отдѣлку, находишься въ ссорѣ съ чувствомъ изящнаго за другую не достроенную башню: это—двузубныя вилы, у которыхъ отломленъ одинъ зубецъ! Въ Фрейбургѣ, говорить, то же самое! Ужели ни одинъ Мюнстеръ не достроенъ? Все искусство повѣйшихъ—неодѣлка! Не соображаясь съ своими силами, они стремятся къ колоссальному и будто бы не понимаютъ, что колоссальное въ искусствѣ, не доведенное до гармоніи, есть только ошибка огромная и униженіе искусства, которое, безъ художественной оконченности, далеко остается позади колоссальнаго въ природѣ. Что же значить искусство, если оно не беретъ преимущества надъ отдѣльнымъ явленіемъ въ физическомъ мірѣ? Колоссальность ничто передъ безконечностью формы. Я болѣе люблюсь небольшимъ храмомъ во вкусъ древнихъ, нежели отрывочнымъ Мюнстеромъ! Подайте намъ колоссальное съ безконечностью художественной гармоніи,—тогда вы восторгнете нашу душу въ высшій кругъ наслажденій! Въ жизни, въ наукѣ—все неполно и несвязно: тѣмъ съ болѣею строгостью требуемъ желанной стройности отъ искусства.

По дорогѣ изъ Донауэшингена въѣхалъ я въ Швейцарію. Отъ юныхъ лѣтъ воображала я эту землю дивною крѣпостью, валы которой суть испоминскія горы; внутренность—идиллическій ландшафтъ; а гарнизонъ—веселые, опрятные пастухи, съ геройскимъ духомъ Винкельрида. Дѣйствительность нисколько не соответствовала этому идеалу: гротъ-герцогство баденское сливается незаметно съ кантономъ шафгаузенскимъ, по высотамъ, не довольно значительнымъ, для романтическаго міра горъ и героизма. Если не ошибаюсь,

то съ этой стороны нѣтъ даже пограничнаго столба, нѣтъ никакого знака, съ котораго усталая отъ почтовой ѣзды душа, какъ съ эластической точки опоры, могла бы отъ обыкновенной существенности взвиться къ свѣтлой мечтѣ о романтическомъ краѣ.

«Вотъ первая *швейцарская* деревня!» воскликнулъ одинъ изъ пассажировъ. Я посмотрѣлъ жаднымъ взоромъ и увидѣлъ сборъ некрасивыхъ строеній, въ родѣ бѣдныхъ нѣмецкихъ деревушекъ, и народъ такой-же дряхлый, выродившійся, какъ и нѣмецкій вообще. Въ эту горькую минуту разочарованія, я утѣшалъ себя мыслію, что такіе нечистоплотные Швейцарцы навѣрное не потомки древнихъ Гельветовъ, но—гораздо скорѣе—последніе остатки давно вымершихъ Готовъ, или Аллемановъ, пятисотое мутное преломленіе когда-то свѣтлаго луча; измятые и засаленные силуэты съ физиономій, когда-то мужественныхъ и выразительныхъ. Я отвратилъ взоръ отъ послѣднихъ Аллемановъ и терпеливо дождался Шафгаузена, куда мы прибыли около полудня.

Городокъ веселый, на отлогомъ холмѣ и посреди небольшихъ высотъ; старинныя, нынѣ оставленныя укрѣпленія придаютъ ему видъ живописный, характеръ особенный, такъ сказать: аристо-демо-кратическій, какъ и образъ правленія его. Движущійся въ живой дѣятельности и, по нѣкоторымъ домамъ, даже снаружи расписанный городъ думаетъ, что онъ самъ себя господитъ; а настоящіе господа—аристократы, эти укрѣпленія, съ виду брошенныя и пустыя, но важныя и опредѣляющія характеръ страны. Природа чистосердечна и въ своихъ мистификаціяхъ!

За общим столомъ, въ гостиницѣ «Короннъ», насъ собралось человекъ восемь, совершенно незнакомыхъ другъ другу; но, съ первыхъ пяти минутъ, мы уже обходились, какъ старые пріатели. На чужбинѣ, по врожденному пристрастію, льнешь душою особенно къ соотечественникамъ; но ихъ не вездѣ найдешь! Потребность сообщаться и сносить-ся съ людьми соединяетъ незнакомцевъ подъ высшимъ понятіемъ чисто-человѣческаго братства и космополитства. Я, вообще, не скоро сближаюсь съ чужимъ человекъ, и, въ особенности, за обѣденнымъ столомъ; но, на этотъ разъ, вышелъ изъ своего характера: видно поддѣйствовалъ на меня идиллическій воздухъ Швейцаріи! Мы условились прогуляться, послѣ обѣда, къ знаменитому водопаду. Мнѣ очень хотѣлось поотдохнуть полчаса, и я уже прилегу. Двое Французовъ, изъ нашей застольной компаніи, проникли въ мою комнату; напрасно я отговаривался своею усталостью. «Русскіе не устаютъ!» возразили они. Дѣлать нечего: я долженъ былъ къ нимъ присоединиться.

Мы пошли внизъ по рѣкѣ, вдоль праваго берега. Около часа ходьбы до того мѣста. Мы съѣли насупротивъ водопада. Съ намѣреніемъ избрали мы сперва такую точку зрѣнія, на которую устремлена меньшая сила дѣйствія каскада. Онъ свергается отрывисто, уступами; два утеса, единственные остатки гранитной стѣны, разрушенной силою стихій, очень живописно красуются посреди огромной массы водъ, изъ которой воздымается паръ, на подобіе свѣтлаго облака. До насъ доходилъ только умѣренный шумъ, который, не оглушая слуха, тѣмъ и давалъ глазамъ полный разгулъ. При такой свободѣ воззрѣнія нельзя не замѣтить, что блестящій водопадъ вставленъ въ раму, не соответственную величію его: съ одной стороны, хотя и на порядочномъ воз-

вышеніи, такъ называемый замокъ—просто, некрасивая мыза—Лауфенъ, съ другой стороны мельницы, кузницы—словомъ: природа, въ черномъ тѣлѣ! Однако, такое несогласіе принадлежностей картины съ главнымъ ея предметомъ пристокаетъ менѣе изъ чувственнаго вида, нежели изъ той идеи, что этотъ водопадъ, въ Швейцаріи, и могъ бы низвергаться посреди величественной альпійской природы! Мѣстное условіе вызываетъ критику, которая съ той скамьи, гдѣ сидѣли мы, мрится только развѣ на этихъ двухъ утесахъ, лучшей красоты водопада. Второю точкою зрѣнія избрали мы строеніе на отмели, входящей въ рѣку, прекрасную гостиницу, посредствомъ изгиба Рейна очень счастливо поставленную, въ отношеніи къ водопаду. Здѣсь, онъ гораздо ближе и пышнѣе; оба утеса рисуются еще лучше, и уселенный шумъ уже наводитъ безотчетное наслажденіе. Въ гостиницѣ устроена камера-обскура, представляющая нѣчто чрезвычайно оригинальное: отраженная картина каскада дѣйствительно движется, подъ шумъ оригинала! Сначала бываешь невыразимо пораженъ совершенствомъ иллюзіи; но вскорѣ почувствуешь, что она все же не художественный обманъ и не относится къ вѣчному чувству изящнаго въ нашей душѣ! тебѣ тѣнетъ къ оригиналу, и тутъ же поймешь, при видѣ дѣйствительнаго каскада, какъ ничтожно—и при совершеннѣйшемъ обманѣ—всякое художество, если оно не что иное, какъ вѣрнѣйшая копія съ природы: только съ высоты идеала оно можетъ поспорить съ сею послѣднею и ее одолѣть.

Близъ подводія каскада переправлялись мы черезъ яростный бурунъ на лѣвый берегъ Рейна, къ замку Лауфенъ: перегруженная лодочка калекбалась и ныряла, какъ утка. Одинъ разъ порядочно залило насъ водою; кто-то восклик-

нуль, смывая: «Однако, господа, мы действительно въ опасности!»—«N'importe!» отвѣчалъ другой: «тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ будемъ мы стоять надъ самымъ каскадомъ, сызнова стижавъ жизнь, какъ милую добычу!»—Этотъ—подумалъ я—читалъ Вильгельма Телля, Шиллера. Чтобы поддержать его благородную фанфаронаду, я съ серьезнымъ видомъ спросилъ: «есть ли между нами Англичанинъ? — Нѣтъ!»—«Такъ будьте уврены, господа, что переведемъ благополучно: только Англичане погибаютъ въ романтическихъ экспедиціяхъ!»—Всѣ захохотали.—«Это неоспоримо правда!» промолвилъ кто-то: «ихъ губить необдуманное, флегматическое любопытство, тамъ и губить, гдѣ всякій другой ущельеть! Лишь только услышишь, что погибъ путешественникъ, то, безъ всякихъ разспросовъ, смѣло бейся объ закладъ, что это Англичанинъ!»—Мы долго спорили съ буруномъ и, наконецъ, пристали благополучно, въ мокрыхъ плащахъ.

Надъ главнымъ рукавомъ водопада построены деревянные подмостки; лишаешься памяти отъ всеильнаго, разнозвучнаго, такъ сказать, всемірнаго шума и воя рѣки...того и ждешь ежеминутно, что слабыя подмостки разлетятся въ дребезги, и что чудовищный токъ схватитъ тебя въ широкошумныя объятія и кинется съ тобою стремглавъ въ пенистую бездну! Въ первый мигъ, обманъ действительно такъ силенъ, что бываешь проникнуть таинственною поэзіею, которая, при отсутствіи физическихъ страданій, предшествуетъ моменту ожидаемой смерти. Если наклонись надъ перилами подмостковъ, на встрѣчу водопаду, такъ и хлещущему внизъ, подъ самыя ноги, то почувствуешь, какъ вдохновительно навѣваетъ на тебя чудною пылью водъ и страшною прохладою, будто отъ привидѣнія! Воображаешь себя перенесеннымъ въ другой міръ, гдѣ сила непостижи-

мымъ образомъ открываетъ свои великія таинства. Сюда бы долженъ придти тотъ, кто утратилъ житейскую бодрость и скитается въ отчаяніи! Въ этой чудесной свѣжести должны охлаждаться самыя горячія страсти—и голосъ ихъ будетъ заглушенъ громовымъ голосомъ рѣки! Эта безконечная сила должна развивать соответствующую ей силу въ душѣ человѣческой! Если еще посмотрѣть на эти два утеса, которые, въ теченіе тысячелѣтій, непоколебимо противятся всеильному стремленію водопада, хотя сами давно уже подмытыя, то ужели не заговоритъ внутренній голосъ: «Вотъ чтѣ совершаетъ грубый остатокъ утеса, въ противодѣйствіи побѣдоносной рѣкъ,—и моральный утесъ, въ твоей душѣ, будетъ менѣ силенъ!» Если же, наконецъ, замѣтишь еще, на одномъ изъ этихъ утесовъ, знакъ, что смѣлость человѣческая дерзала бороться съ губительнымъ буруномъ—и вознеслась къ той высотѣ; то какъ не исполниться всемогущею силою, для борьбы со всеми враждебными отношеніями бытія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ явленіи природы, надъ хаотическою ея суровостью, видишь прелестную радугу, символъ союза съ высшею силою! Самъ Вертеръ, если бы стоялъ на этомъ мѣстѣ, могъ бы быть спасенъ, не взирая на расположеніе романа, съ первыхъ страницъ уже устремленнаго къ конечной его гибели!

Съ подмостковъ взошли мы на балконъ, который, вѣнчая собою оконечность наклоненной скалы, словно паритъ надъ водопадомъ; отсюда въ павильонъ, еще высшій. Если тамъ, внизу, приобретаешь сознаніе вѣчной силы своей, то здѣсь, на верху, стоишь, какъ чистый духъ, вознесенный надъ стихіями физической жизни!... Товарищи мои, всѣ до единаго рѣзвые, благоговѣнно безмолвовали при великолѣпномъ зрѣлищѣ. Погода была такъ хороша,

что мы положили воротиться по правому берегу Рейна, не пугаясь огромного круга. Близь замка Лауфена взошли мы на гору, откуда увидели чудную цепь исполинских гор! Они сперва показались мнѣ фантастическимъ расположеніемъ свѣтлыхъ облаковъ. Невыразимо-величественнымъ строемъ донебесныхъ великановъ въ бѣлоснѣжныхъ, живописно раскинутыхъ плащахъ, тянутся эти Альпы по горизонту и вызываютъ къ восторженному путнику: «*Ты въ Швейцаріи!*» Я никогда не забуду этого перваго впечатлѣнія... Эти естественные витязи воспаляютъ душу чловека энтузіазмомъ къ возвышенному, героическому: не отъ того ли Швейцарцы были всегда народъ непобѣдимый?—Дорога наша шла черезъ нивы и виноградники; повсюду на работѣ веселый, счастливый, прекрасный народъ! Онъ будто не замѣтилъ захождения солнца и, при возрастающемъ сумраке, въ своемъ трудолюбіи еще рисовался на розовомъ грунтѣ зари.

Богатъ наслажденіями былъ первый мой вечеръ, въ Швейцаріи. Мы, какъ-то раздѣлясь по два, шли въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи; это сдѣлалось совершенно невольно и незамѣтно, будто бы всякій изъ насъ, по тайному влеченію души, держался того, кто ему сроднѣе, когда полное сердце проситъ только *одного* собесѣдника. Въ самомъ дѣлѣ, бывають моменты, въ которые два существа, дѣлясь чувствомъ любви къ природѣ, столь же мало терпятъ третье лице, сколько его терпятъ и чета любовниковъ. На рейнскомъ мосту, подь самымъ городомъ, мы опять соединились и тамъ просидѣли часъ въ общей бесѣдѣ, довольно живой и веселой. На другое утро, я очутился совершенно одинъ въ залѣ гостиницы, за своею порціею кофе: мои любезные товарищи все до послѣдняго отпра-

вились водою въ Констанцъ, еще до свѣта. Мнѣ что-то сгрустнулось по нихъ. Вспомнивъ, что Шафгаузенъ—родина историка Іоанна Мюллера, я задумался о судьбѣ великаго чловека, которому пужды и тревоженія житейскія воспрепятствовали совершить подвигъ, бывший главною цѣлію умственной его дѣятельности: онъ умеръ, кончивъ только огромнѣйшую приготовительную работу къ созданію всемірной исторіи, планъ величайшаго, когда-либо замышленного гениемъ дѣла. Наступитъ ли, до конца вѣковъ, то счастливое время, когда люди познають достоинство живущаго между ними гениа и будутъ кормить его въ Пританеѣ, дабы скорбныя заботы о насущномъ хлѣбѣ не оковывали его цѣпями, въ которыхъ онъ до вершины своего назначенія дойти не можетъ? Доброжелательствомъ и живымъ участіемъ напутствуютъ смѣльчака, предпринявшаго возхожденіе на одинъ изъ высокихъ пунктовъ земли; флагъ, развѣвающійся съ вершины Монблана, горы Юнгфрау или Монроза, возбуждаетъ въ долинѣ клики радости и звонъ колокольный.... Но никто не занимается участію одинокаго жреца наукъ или искусствъ, который не изъ тиславія дерзнулъ на возхожденіе, несравненно труднѣйшее! Подобно благочестивому брамнику, странствуетъ онъ посреди ледниковъ Гиммалая... погнбнетъ ли, не достигнувъ завѣтнаго Гангаватари; дойдетъ ли до темени Давала-Гури, или Юмнотри, гдѣ надѣется взять за руку искомый идеалъ совершенства, богиню Іямуну—нѣтъ до него дѣла ни одному сердцу людскому!

Гостиница «Короны» все еще была пуста, или полна развѣ памятью о знаменитыхъ, угощенныхъ тутъ, въ теченіе трехъ столѣтій, путешественникахъ: я вспомнилъ о Монтенѣ и нашемъ Карамзинѣ. По начальному плану, я

изъ Шафгаузена хотѣлъ ѣхать въ Бернъ черезъ Цюрихъ и Люцернъ и предпринять путешествіе на Риги; но меня увѣрили, что время года уже ушло, что туманный воздухъ уже завѣсилъ восхитительные виды съ вершины горъ! Главная цѣль моего путешествія—Римъ, гдѣ я непременно долженъ быть въ первыхъ числахъ октября, чтобы видѣть древнюю столицу міра въ лучшее для нея время года. И дни мои въ Швейцаріи сочтены!

Остается избрать изъ двухъ одно: погулять или по горамъ, или по Женевскому озеру! Избираю последнее, темъ рѣшительнѣе, что буду же на горахъ, по дорогѣ изъ Швейцаріи въ Италію. Ёду прямо въ Бернъ, черезъ Аару. По этой дорогѣ увижу развалину, которая стѣдитъ окружностей Цюрихскаго озера и видовъ съ темени Риги. Здѣсь, въ Шафгаузенъ, расстаюсь съ Рейномъ.

Баронъ Розенъ.

РѢШИТЕЛЬНЫЙ И НЕРѢШИТЕЛЬНЫЙ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ, ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе).

VII.

Кто изъ жителей Петербурга не знаетъ Каменно-островскаго проспекта и не пробѣдетъ или не пройдетъ по немъ лѣтомъ. Даже зимою онъ навѣщается любителями чистаго воздуха и прекрасной дороги.

По этому-то проспекту, въ началѣ августа 18** года, шли двое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ платье, что называется съ иголочки, не обращалъ никакого вниманія на проезжающихъ. Съ поникшею головою, задумчивымъ лицомъ и глазами, устремленными на троттуаръ, пробирался онъ, нетвердою поступью, между пѣшеходами. Толчки ихъ не выводили его изъ задумчивости. Другой же, не смотря на свое поношенное пальто и измятую шляпу, шелъ твердымъ шагомъ и бросалъ смѣлые взгляды на каждаго проезжаго въ своемъ экипажѣ, рискуя свалиться въ канаву. Эти двое молодыхъ людей были Веняминновъ и Вьльскій.

— Да что ты, Валеріанъ, голову-то повѣсилъ, сказалъ Евгений Федоровичъ своему пріятелю. Ну, похожъ ли ты на жениха. Кто увидитъ тебя теперь, никакъ не подумаетъ, что ты идешь къ своей невѣстѣ.

— Ахъ! не такой я былъ до вчерашняго происшествія на Крестовскомъ. Оно не выходитъ изъ головы моей. До-сихъ-поръ не могу опомниться. Я опасуюсь....

— Чего?

— Чтобы оно не дошло до Наденьки или ея родителей.

— А нужно имъ непременно разказать, и я беру это на себя.

— Что ты говоришь! Да ты меня, просто, зарежешь, осрамишь! Я ворочусь домой; я тебя не позволю....

— И худо сдѣлаешь. Развѣ лучше будетъ, если наше казузное происшествіе дойдетъ до Лелинскихъ отъ другихъ, и конечно въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Надо непременно предупредить.

— Ты правъ, Евгений: нужно предупредить, только не лучше ли письмомъ? Мнѣ совѣстно будетъ предъ Наденькой. Какими глазами буду я на нее смотрѣть.

— Конечно, веселыми, потому-что и Наденька твоя, и родители ея будутъ смѣяться, когда я буду разказывать.

— Ну, не думаю....

— Поверь, что такъ будетъ. Все зависитъ оттого, какъ разказать. А тебѣ кажется извѣстно, что я человекъ съ умомъ и обладаю даромъ слова.

Веньяминовъ не отвѣчалъ ничего на послѣднія слова своего пріятеля и впалъ въ прежнюю задумчивость. Онъ думалъ о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ разказъ Вельскаго на Лелинскихъ, и шелъ по-прежнему, повѣсивъ голову. Ударъ въ лобъ вывелъ его изъ задумчивости; въ то же время раздался около него сильный шумъ, похожій на хлопанье въ ладоши. Веньяминовъ отъ удара покачнулся назадъ и едва удержался на ногахъ. Взглянувъ на троттуаръ, онъ увидѣлъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ московскими калачами.

— Да что вы, баринъ, не видите что ли среди бѣлаго дня, сказалъ Веньяминову съ сердцемъ продавецъ калачей.

— А развѣ ты не могъ посторониться? Твоимъ калачамъ ничего не сдѣлалось; ты соберешь ихъ и продашь. А мнѣ....

— Да кто жъ ихъ купить съ землей-то. Помилуйте. Да вонъ три калача плаваютъ въ канавѣ. Ну....

— Ты говоришь все о калачахъ, а не спросишь: каково было моей головѣ, когда ты въ нее ударилъ лоткомъ. До-сихъ-поръ чувствую боль.

— Да что за боль! Ничего-съ! до свадьбы заживетъ.

— А если....

— Заживетъ, право, заживетъ. Заплатите только за то-варъ рублика три.

— Да помилуй, какъ тебѣ не стыдно! Ты, по своей не-ловкости, меня ушибъ и требуешь съ меня же денегъ.

— Да калачи-то мои пропали.

— А лобъ-то мой, а не твой пострадалъ.

Евгений Федоровичъ, опередившій Веньяминова нѣсколькими шагами, едва могъ пробраться къ нему сквозь собравшуюся толпу народа около мѣста происшествія. Когда Вельскій узналъ въ чемъ дѣло, то, обращаясь къ продавцу калачей, сказалъ:

— Пойдемъ-ка, любезный, къ будкѣ. Тебя надо отвести въ полицію. Ты преопасный человекъ! Пожалуй еще кого-нибудь ушибешь.

Эти слова произвели сильное дѣйствіе на разносчика. Онъ совершенно измѣнилъ тонъ, которымъ прежде говорилъ, снялъ свою шапку и, обращаясь къ Вельскому и рукою указывая на Веньяминова, сказалъ:

— Да я прошу ихъ милость заплатить за калачи, которые въ водѣ. Хотя четвертакъ бы пожаловали. Право обидно!...

Валеріанъ Александровичъ прервалъ рѣчь продавца калачей, вручивъ ему требуемое вознагражденіе.

— Взгляни-ка, пожалуйста, на лобъ мой, сказалъ

Веньяминовъ, обращаясь къ Вельскому, когда они выбрались из толпы и пошли по троттуару. Я все еще чувствую боль.

— Завернемъ въ переулокъ: тамъ народу немного. Я тебя освидѣтельствую.

Молодые люди, пройдя еще нѣсколько шаговъ, завернули въ первый, попавшійся переулокъ.

— Покажи твой пульсъ, началъ Вельскій, взявъ за руку Веньяминова.

— Да ты посмотри: каковъ лобъ мой?

— Я замѣчаю небольшую красноту. Ничего! пройдетъ, успокойся. Дай-ка взглянуть съ профили, продолжалъ Вельскій, повернувъ своего пріятеля бокомъ:—Ну, съ профили-то замѣтенъ небольшой рогу.

— Рогъ?

— Да, но не тревожься: самый маленькій. Ты еще не женатъ. Этотъ рогъ сейчасъ же пройдетъ: приложи только грошъ.

— У меня нѣтъ мѣдныхъ денегъ.

— А вотъ тебѣ пятакъ, сказалъ Вельскій, вынувъ эту монету изъ кармана своего жилета. Все деньги свои вчера прокутилъ. Остался одинъ пятакъ, который окажетъ тебѣ преольшую пользу. Вотъ кстати подвернулся. Какъ онъ уцѣлѣлъ, право не знаю. Я тебѣ его дарю.

— Спасибо. А пройдетъ ли отъ него опухоль?

— Пройдетъ непременно, и прежде нежели мы дойдемъ до Льснаго Корпуса. Это самое вѣрное средство отъ ушиба. Я на себѣ испыталъ.

Веньяминовъ послѣдовалъ совету Евгенія Федоровича: приложилъ пятакъ къ своему лбу, накрывъ платкомъ.

— Да не взять ли намъ извощика, спросилъ Валеріанъ Александровичъ. Не ловко теперь идти пешкомъ: устанетъ рука придерживать платокъ.

— Конечно возьмемъ. Довольно прошли; я успѣлъ устать. Да вотъ бѣда: нѣтъ ни одного извощика, прибавилъ Вельскій, остановясь и смотря вдоль проспекта.

Когда молодые люди взобрались на Каменно-островскій мостъ и достигли его середины, Веньяминовъ сказалъ, не отнимая руки отъ своего лба:

— Посмотри-ка, Евгений, кажется взбирается на мостъ слуга Делинскихъ, Григорій.

— Онъ, действительно онъ.

— Да ужъ не ко мнѣ ли его послали?

— А вотъ узнаемъ.

Молодые люди остановились на мосту.

— Я имѣю къ вамъ, Валеріанъ Александровичъ, письмо, сказалъ подошедшій къ нему Григорій, снявъ фуражку.

— Отъ кого?

— Отъ Марыи Абрамовны.

— Давай, давай; гдѣ оно?

— Вотъ-съ, отвѣчалъ слуга, и началъ шарить въ своемъ карманѣ.

Вельскій внимательно слѣдилъ за всеми движеніями лакея. Какъ только что послѣдній вынулъ письмо, Евгений Федоровичъ проворно имъ овладѣлъ.

— Да дай мнѣ прочесть прежде, сказалъ Веньяминовъ, обращаясь къ своему пріятелю. Вѣдь письмо ко мнѣ послано, а не къ тебѣ.

— Погоди, погоди, успеешь, отвѣчалъ Евгений Федоровичъ, сломивъ печать и вынувъ письмо изъ пакета.

Послѣ этого Вельскій перебѣжалъ на другую сторону моста и, прочитавъ известное уже читателямъ письмо Марыи Абрамовны, разорвалъ его пополамъ и бросилъ въ Неву.

— Давай же письмо, сказалъ Вельскому Валеріанъ Александровичъ, подходя къ нему, въ сопровожденіи Григорія. Гдѣ оно?

— Въ Невѣ. Посмотри, какъ славно его подбрасываютъ волны.

— Да что ты сдѣлалъ, помилуй! Что пишеть Марѣя Абрамовна?

— Чепуху.

— Да говори толкомъ.

— Уверю тебя, чепуху. А ошибокъ-то сколько! Какія выраженія, просто прелесть!

— Да не скрывай, пожалуйста, отъ меня.

— Я ужь сказалъ тебѣ и опять повторяю, что письмо написано ни на что не похоже. Оно не такой участи заслуживаетъ. Мало его бросить въ воду! Его следовало бы напечатать въ журналъ и раскритиковать самымъ жестокимъ образомъ.

— Да что такое....

— Посмотри-ка, какъ его далеко унесло. Жаль, что я не разорвалъ его на клочки. Пожалуй, еще кто-нибудь перхватитъ на водѣ....

— Я перехвачу, если ты мнѣ сейчасъ же не скажешь содержанія письма. Я найму лодку и поплыву....

— А я не пушу.

— Да что ты дѣлаешь со мною?

— То, что всякой другой сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ. Пускай письмо плыветъ въ заливъ, оттуда въ Балтійское море, пускай попадетъ въ какую-нибудь иностранную гавань, гдѣ вынетъ его изъ воды какой-нибудь ученый Нѣмецъ, прочитаетъ, переведетъ на нѣмецкій языкъ и напечатаетъ въ какомъ-нибудь учено-литературномъ журналѣ разсужденіе о новомъ, необыкновенномъ способѣ пересылать письма.

— Ты все шутишь, а мнѣ право не до шутокъ. Перескажи содержаніе письма, успокой меня!

— Ни за что не перескажу! Поведемъ скорѣе.

— Куда?

— Къ твоей невѣстѣ.

— Да какъ же я поведу, когда не знаю содержанія письма. Вѣдь меня конечно спроситъ: получилъ ли я его?

— Можешь сказать, что я его бросилъ въ Неву.

— Да неловко; обидишь.

— Кого?

— Марѳу Абрамовну.

— Вотъ вздоръ какой! Увидишь, какъ я ее отдѣлаю. Ужь достанется же ей отъ меня, посмѣюсь я надъ нею. Держись

Марѳа Абрамовна! Пропадетъ охота сочинять глупыя письма. Да вотъ, и извощикъ кстатѣ ѣдетъ.

Послѣ этихъ словъ, Вѣльскій побѣжалъ по мосту, на встрѣчу извощику, боясь, чтобы его кто-нибудь не перехватилъ. Въ это время Григорій вручилъ Веняминову письмо Надежды Яковлевны, сказавъ:

— Извините, Валеріанъ Александровичъ, что не отдалъ вамъ прежде письма моей барышни. Мнѣ приказано отдать его въ собственныя ваши руки, и я боялся, чтобы Евгений Федоровичъ и этого письма не перехватилъ.

Пока это говорилъ Григорій, съ разными выразительными жестами, и, какъ написалъ Грибоводовъ «Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!» Веняминовъ распечаталъ письмо и прочиталъ:

«Милый Валеріанъ,

«Вѣсть съ этимъ письмомъ моимъ, ты, вѣроятно, получишь другое, отъ маменьки. Она объявила мнѣ сегодня, что ты не можешь быть моимъ и сообщила самыя дурныя о тебѣ слухи. Но я имъ не вѣрю: я слишкомъ хорошо тебя знаю. Ты вѣрно любишь меня по-прежнему. Неужели ты забудешь свою Наденьку, которая такъ тебя любитъ и готова всемъ для тебя пожертвовать? Что бы ты ни сдѣлалъ, я не могу уже разлюбить тебя. Это выше силъ моихъ. Я люблю впервые, но эта любовь моя первая и послѣдняя. «Каждый день молю я Бога, чтобы Онъ возвратилъ мнѣ тебѣ! Онъ услышитъ мои молитвы! Не смотря на большое «разстояніе, которое насъ отдѣляетъ, я всегда съ тобою и «думаю только о тебѣ. Но если мнѣ не суждено быть твоею, то никто на свѣтѣ не заставитъ меня полюбить другаго: я скорѣе пойду въ монастырь.»

«Твоя на-вѣки Надежда Лелинская.»

Окончивъ чтеніе письма, Валеріанъ Александровичъ поцѣловалъ его и зарыдалъ. Григорій никакъ не ожидалъ такой

развязки и совершенно растерялся. Краснорычье его, съ которыми онъ всегда говорилъ, на этотъ разъ ему измѣнилось: онъ не могъ вымолвить слова. Но чужое горе всегда производитъ сильное впечатлѣніе на душу, истинно добрую, и находитъ въ ней участіе. Лакей смотрѣлъ, смотрѣлъ на бывшаго жениха своей барышни, и самъ заплакалъ. Проходящіе по мосту посматривали съ удивленіемъ на Веньяминова и Григорія. Въ это же время проѣзжала въ коляскѣ, молоденькая, хорошенькая и очень нервная дама. Она взглянула на Валеріана Александровича и слугу Лелинскихъ, замѣтила, что они оба плачутъ, и сама начала утирать батистовымъ платкомъ слезы, выступившія на глазахъ ея.

— Ты тоже плачешь, Григорій, сказалъ съ чувствомъ Веньяминовъ, взявъ слугу за плечо. Скажи Наденькѣ.... что я ее никогда не забуду.... что я буду ее любить вѣчно.... скажи, что я буду ей отвѣчать письмомъ,... что я женюсь на ней непременно, или умру.

Въ это время подошелъ къ плачущимъ Вельскій и воскликнулъ:

— Что я вижу! Слезы! Слезы на мосту! Да вы не рхнулись ли оба?

— А вотъ, прочти, отвѣчалъ Веньяминовъ, подавая ему письмо Надежды Яковлевны.

Пробывавъ со вниманіемъ это письмо, Вельскій сказалъ своему пріятелю:

— Ты пребольшой чудакъ! плачешь, когда надо радоваться.

— Да чему?

— А тому, что твоя невеста такъ тебя любить.

— Нѣтъ, ужъ Наденька, сказалъ Вельяминовъ, утирая слезы: не будетъ моею. Родители ея не соглашаются выдать ее за меня.

— Должны согласиться! Я этого отъ нихъ потребую. Одно мое свиданіе съ Марою Абрамовной можетъ все переменить. Она же будетъ просить извиненія. Увидишь. Бойбаба—это правда, да вѣдь и я не трусливаго десятка. По по-

словницъ: «Нашла коса на камень!» Поѣдемъ только къ ней поскорѣе.

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Да перестань упрямиться, возразилъ Вельскій, взявъ подъ руку своего пріятеля и потащивъ его насильно.

Григорій, шедшій позади молодыхъ людей, приблизился къ Веньяминову и сказалъ:

— Простите меня, Валеріанъ Александровичъ, а я долженъ вамъ сказать, что Марѳа Абрамовна строго запретила принимать васъ и Евгенія Федоровича, да также и господина Зябликова.

— Нарочно поѣдемъ къ ней! воскликнулъ Вельскій. Я посмотрю, какъ она насъ не приметъ.

— Нѣтъ, я ни за что не поѣду, возразилъ печально Веньяминовъ.

— Да отчего не вхать. Будь посмѣлье, Валеріанъ!

— Я долженъ возвратиться домой.

— За чѣмъ?

— За тѣмъ, чтобы скорѣе увидѣть моего вѣрнаго друга, Зябликова, и съ нимъ посоветоваться.

— А я развѣ не другъ твой? Послушайся лучше меня. Что Зябликовъ твой! Прочтешь тебѣ еще мораль, и только. Впрочемъ я забылъ, что ты Телемакъ, а онъ твой Менторъ. Миѣ любопытно будетъ узнать, что онъ посоветуетъ тебѣ предпринять. Пожалуй, поѣдемъ прежде къ нему, къ Лѣсному же Корпусу послѣ.

Наши пріатели наняли извозчика и приказали ему вхать на Васильевскій островъ. Когда Веньяминовъ съ Вельскимъ пріѣхалъ домой, то узналъ отъ своего слуги, что Зябликовъ, незадолго до ихъ пріѣзда, ускакалъ на тройкѣ, въ Новгородскую губернію.

— Какъ жаль, воскликнулъ Веньяминовъ, что мы его не застали!

— Да можно ли было ожидать, чтобы онъ такъ порвоню собрался въ дорогу: давеча утромъ онъ объявилъ намъ о болѣзни своего дяди и о томъ, что хочетъ только отпроситься въ отпускъ на двѣ недѣли. А я хотѣлъ у него

попросить займы денегъ. Ужь не я ли его спугнулъ: я говорилъ ему, что теперь нуждаюсь, и что мнѣ необходимо занять гдѣ-нибудь и сколько-нибудь. Жаль, право жаль, что уьхалъ.

— И въ какое время онъ меня оставилъ, сказалъ со вздохомъ Веняминовъ. Чтò я безъ него предприму въ моемъ ужасномъ положеніи?

— То, чтò я тебѣ посоветую. Я буду твоимъ Менторомъ или исправляющимъ должность Ментора, до возвращенія Зябликова. Если хочешь, я на-время у тебя поселюсь.

— Сдѣлай милость.

— Я вступаю сегодня же въ новую должность и буду ночевать у тебя. Теперь поздно ѣхать къ Делинскимъ, къ нимъ лучше завтра, а сегодня поѣдемъ къ Б**. Ты вспомнишь, у нихъ въ домѣ, первое твое свиданіе съ Надеждой Яковлевной.

— Да ея, конечно, тамъ не будетъ. За чѣмъ же я поѣду? Я ужасно сегодня разстроенъ.

— Ну, какъ хочешь, а я такъ воспользуюсь приглашеніемъ Б**. У него будетъ преферансъ; авось выиграю. Зябликовъ удралъ! Другаго средства не предвижу къ пріобретенію денегъ.

— Я тебя не буду удерживать, поѣзжай.

Въ осьмомъ часу вечера, Вльскій отправился къ Б**. Какъ справедлива пословица: «Одна бѣда родить другую.» Сколько бѣдъ досталось на долю Веняминову, въ самое короткое время. Брошенный своимъ новымъ Менторомъ, Валеріанъ Александровичъ, оставшись дома, предался самымъ горестнымъ размышленіямъ о несчастной судьбѣ своей и проходилъ часовъ съ пять, по своей комнатѣ, изъ угла въ уголь, но ни въ одномъ углу не нашелъ онъ утѣшенія, и сердце его очень, очень страдало.

VIII.

Валеріанъ Александровичъ дожидался далеко за полночь возвращенія Вльскаго, но, потерявъ наконецъ надежду увидѣться съ нимъ, легъ въ постель. Отъ сильнаго волненія, бѣдный Веняминовъ не могъ заснуть. У него сдѣлалась бессонница. Въ семь часовъ утра всталъ онъ съ постели и опять началъ ходить изъ угла въ уголь. Новый же Менторъ, возвратившійся къ Телемаку въ четыре часа утра, когда уже раздавалось громогласное пѣніе пѣтуховъ, заснулъ самымъ богатырскимъ сномъ и проспалъ до полудня, забывъ и новую должность свою, и Веняминова, и все на свѣтъ. Насилу могли разбудить Вльскаго: такъ онъ заспался. Когда наконецъ, послѣ нѣсколькихъ потягиваній и громкихъ зѣвковъ въ постель, онъ всталъ, то отправился въ комнату своего пріятели и сказалъ ему:

— Ну, поздравь меня, Валеріанъ. Я выигралъ вчера пятнадцать въ преферансъ, у Б**, да въ лото сто двадцать, въ клубъ.

— Сто двадцать?

— Еще больше, да проставилъ. Я пріѣхалъ въ клубъ въ одиннадцать часовъ и сейчасъ занялся повтореніемъ арифметики. Въ первую же игру взялъ тридцать, хотѣлъ-было отправиться къ тебѣ, да счастье всегда балуетъ людей и часто доводитъ до несчастія. Вотъ я началъ продолжать игру: машина трещить, одинъ тиражъ смѣняется другимъ, а я ничего не беру. Были правда кварталы, да пропали даромъ. Наконецъ изъ выигранныхъ тридцати остается только шесть рублей, которые и пустилъ я на послѣдній тиражъ. Ужь я начиналъ раскаиваться, что не бросилъ игры въ началъ, какъ вдругъ составляется кварта; не достаётъ нумера: двадцати пяти. У меня сдѣлалось сильное волненіе въ крови. Лакей прокричалъ десять нумеровъ, но мой не выходитъ! Меня взяло отчаяніе, и вдругъ слышу:

кричит тот же лакей протяжно: «двадцать... пять!» Я не взвидѣвъ свѣта отъ радости и крикнулъ: «довольно!» Начали повѣрять мою карту, и до меня дошли утѣшительныя слова: «Верно! Одна карта выиграла!» Хорошо, что одна, а не двѣ или не три карты, подумалъ я; въ это время принесли мнѣ на серебряномъ поднось цѣлую груду денегъ.

— Очень радъ, что тебѣ удалось выиграть.

— А я какъ радъ, если бъ ты зналъ! По пословицѣ: «Не было ни деньги, и вдругъ алтынъ!» Кто не возрадуется при такой удачѣ. Мои дѣла немного поправились. Займусь же теперь твоими. Скажи мнѣ, пожалуйста, имѣешь ли ты дозволеніе своего начальства вступить въ бракъ?

— Имѣю, да что теперь....

— Хорошо! постой, прервалъ Вѣльскій. А копию съ формулярнаго твоего списка?

— Да, я получилъ.

— Прекрасно! Ну еще одинъ вопросъ. Скажи мнѣ: объявляли ли въ церкви о томъ, что ты женишься на Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Объявляли. Да за чѣмъ тебѣ это все знать?

— Отвѣчай прежде: въ какой? тогда и скажу за чѣмъ.

— Въ ** церкви. Я самъ слышалъ.

— Превосходно! Поздравляю! Сегодня твоя свадьба; я— твой шаферъ.

— Разъ Марѳа Абрамовна....

— Оставь ты ее въ покоѣ. Въдь на Марѳу Абрамовнѣ тебѣ жениться нельзя.

— Да я тебя спрашиваю: согласна ли она выдать Наденьку?

— Согласна теперь, или нѣтъ, все равно. Она разъ согласилась, и довольно. Не стѣдуетъ спорить со старухой. Безъ нея обойдемся.

— Какъ такъ?

— Весьма просто. Мы увеземъ ее дочь, и ты съ нею обвѣнчаешься.... хоть за городомъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Наденька не рѣшится....

— А отчего же ей не рѣшиться, когда она тебя такъ любитъ.

— Ну, а если она, не смотря на любовь свою ко мнѣ, не захочетъ бѣжать?

— Мы ее принуждать не станемъ, а объявимъ ей только твое намѣреніе. Повѣрь, что она его одобритъ.

— Да въдь нужно съ нею прежде поговорить.

— Не нужно. Напишемъ письмо и сейчасъ же пошлемъ къ ней. Да я напишу его, а ты перепишешь. Чтѣ тутъ долго толковать. Какъ, да что, да если! Все это вздоръ.

Сказавъ это, Вѣльскій всталъ съ дивана и отправился въ кабинетъ Зябликова. Сѣвъ за письменный столъ, онъ написалъ проектъ письма къ Надеждѣ Яковлевнѣ. Когда Венъяминовъ прочиталъ его, то началъ-было опять возражать, но Вѣльскій, не обращая вниманія на его возраженія, заставилъ Валеріана Александровича почти насильно приняться за переписку письма, а самъ отправился въ переднюю. Увидѣвъ въ ней слугу, молодаго мальчика, который возился около самовара съ большимъ шумомъ, Евгенийъ Федоровичъ сказалъ ему:

— Эй, какъ тебя, Пронька, Андриушка....

— Ванюшка, отвѣчалъ мальчикъ: оставивъ свою работу и приблизясь къ Вѣльскому.

— Ну, ладно: Ванюшка. Поди же за мной.

Евгенийъ Федоровичъ, въ сопровожденіи Ванюшки, вошелъ въ кабинетъ Зябликова, сѣлъ въ вольтеровскія кресла и сказалъ мальчику:

— Скажи мнѣ: бывалъ ли ты у Леминскихъ?

— То-есть, у невесты Валеріана Александровича?

— Ну, да.

— Сколько разъ-съ! Нечего сказать: красавица-съ!

— Не тебѣ объ этомъ судить, дурень, и никто объ этомъ

тебя не спрашиваетъ. Вотъ, твой баринъ дастъ тебѣ письмо. Ты отнесешь его къ Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Хорошо-съ.

— А чтобы для насъ не было дурно и въ самомъ дѣлѣ хорошо, такъ отдай письмо въ собственныя ея руки. Слышишь ли?

— Все слышу-съ: я не глухъ.

— Не глухъ, а глупъ! сказалъ, смѣясь, Евгений Федоровичъ. Охъ! какія у тебя глаза плутовскія. Да ты настоящій Махіавель!

Ванюшка началъ смѣяться, а Вѣльскій спросилъ его:

— Чему ты смѣешься?

— Да вы какъ-то забавно меня называли, отвѣчалъ мальчикъ и снова засмѣялся.

— Поменьше смѣйся, а не то будешь плакать. За волосы выдеру. Слушай! Вотъ какъ ты распорядись. Не входи на дачу Лелинскихъ, а пройди раза три мимо ихъ сада. Если барышню тамъ увидишь, но только одну, такъ сейчасъ махни ей рукой, попроси ее къ рѣшеткѣ и отдай ей письмо.

— А если она меня не послушается?

— Полно вздоръ молоть! Я знаю, что послушается. Сдѣлай такъ, какъ приказываютъ. Если же въ саду не увидишь Надежды Яковлевны, то проберись осторожно въ кухню и попроси Григорія. Ты знаешь его?

— Знаю-съ.

— Такъ попроси Григорія отдать письмо барышнѣ его. А чтобы онъ охотнѣе исполнилъ твою просьбу, такъ дай ему цѣлковый. Вотъ онъ, возьми!

Мальчикъ принялъ изъ рукъ Вѣльскаго серебряный рубль.

— Отвѣта не спрашивай, продолжалъ Вѣльскій: а какъ только отдашь письмо, такъ сейчасъ же, въ ту же минуту, въ тотъ же мигъ отправляйся домой. Да смотри, не истрать цѣлковаго.

— Помилуйте, какъ можно-съ.

— Ну хорошо. Ступай же проворнѣе одѣваться.

Ванюшка отправился скорымъ шагомъ въ переднюю, а Вѣльскій вошелъ въ комнату Веняминова, который только что кончилъ заданную ему работу.

Вотъ что написалъ или, вѣрнѣе сказать, переписалъ Веняминовъ:

«Милая Наденька!

«Въ отвѣтъ на письмо твое, спѣшу увѣдомить, что я тебѣ любилъ, люблю и буду любить всегда. Ты пишешь, «что не вѣришь слухамъ обо мнѣ и любишь меня по-прежнему. Докажи любовь свою на дѣлѣ. Согласись обвѣщаться со мною за городомъ. Мои пріятели помогутъ мнѣ устроить наше счастье. Если ты согласна, то приходи въ лѣсъ, который подлѣ вашей дачи, завтра вечеромъ, въ девять часовъ. Чтобы тебѣ не было страшно, пройди лѣсомъ только пятьдесятъ шаговъ, въ правую сторону. Молчаніе твое «приму я за согласіе съ твоей стороны и непременно при«ѣду, въ назначенный часъ, на указанное мѣсто. Если же «тебѣ, почему-нибудь нельзя будетъ явиться на свиданіе, «то потрудись меня увѣдомить.

«Искренно тебя любящій,

«В. Веняминовъ.»

— Ну, я снарядилъ въ дорогу твоего Ванюшку, сказалъ Вѣльскій своему пріятелю: и далъ ему преподробную инструкцію. Навѣрное попадетъ мое сочиненіе въ собственныя ручки твоей Наденьки.

— Да посылать ли, не лучше ли....

— Вотъ еще что выдумалъ! Я не допущу, чтобы мои труды пропали. Письмо очень краснорѣчиво и вообще прекрасно сочинено. Оно будетъ имѣть несомнѣнный успѣхъ. Это вѣрно, какъ дважды два-четыре!

Сказавъ это, Вѣльскій взялъ со стола письмо, запечаталъ и отдалъ его Ванюшкѣ.

Когда посланный пришелъ къ дачѣ Леллинскихъ, то, слѣдуя въ точности инструкціи, прошелъ три раза мимо сада ихъ, но никого въ немъ не увидѣлъ. Послѣ непродолжительнаго размышленія, онъ вошелъ въ калитку и началъ осторожно пробираться по двору, къ кухнѣ, оглядываясь во все стороны. Поровнявшись съ большимъ кустомъ сирени, мальчикъ увидѣлъ на скамьѣ, поставленной за этимъ кустомъ и обращенной къ дачѣ, Марѳу Абрамовну, которая очень усердно вязала чулокъ. Робко поглядывая на старушку, Ванюшка ускорилъ шаги и почти уже добрался до кухни, какъ вдругъ залаяла и бросилась на него моська. Марѳа Абрамовна оглянулась, встала со скамейки и, узнавъ слугу Веняминова, крикнула:

— Поди-ка сюда. Ты за чѣмъ пожаловалъ?

— Я-съ гулялъ... и зашелъ повидаться съ вашими людьми, отвѣчалъ Ванюшка, снявъ фуражку.

— Ты все врешь! Вѣрно тебя послалъ твой баринъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ужъ не письмецо ли какое принесъ?

— Никакого у меня письмеца нѣтъ-съ. Я такъ-съ, просто, пришелъ.

Сказавъ это, Ванюшка отправился скорымъ шагомъ къ калиткѣ, и этимъ дѣйствіемъ подтвердилъ догадку Марѳы Абрамовны.

— Ни съ мѣста! Стой! крикнула она. Подойди ко мнѣ!

Мальчикъ струсился и побѣжалъ къ воротамъ, сопровождаемый бросившеюся за нимъ, съ громкимъ лаемъ, моською.

Марѳа Абрамовна вышла изъ себя и, увидѣвъ входящаго въ калитку Григорія, воскликнула:

— Схвати его, Григорій, и приведи сюда.

Григорій приступилъ немедленно къ исполненію приказанія своей барыни и потащилъ къ ней Ванюшку, который не переставалъ барахтаться и упираться. Наконецъ, представъ предъ грозныя очи Марѳы Абрамовны, мальчикъ притихъ.

— Держи его, Григорій, держи его, мошенника, покрѣпче,

за воротникъ, чтобъ не вырвался, сказала Марѳа Абрамовна.

— Не вырвется, матушка, не безпокойтесь.

— Говори же теперь: сказала Марѳа Абрамовна строгимъ голосомъ: кто тебя послалъ? Вѣрно принесъ письмо. Давай его сюда! А не то велю обыскать.

— Да-съ... я посланъ съ письмомъ, да только не къ вашей милости.

— Къ кому же?

— Къ Надеждѣ Яковлевнѣ.

— Давай его сюда!

— Я не смѣю: мнѣ приказано вручить въ собственныя ея руки.

— Все равно! Я отдамъ сама барыни. Григорій, отними у него письмо.

Ванюшка, видя, что дѣло плохо, подаль самъ письмо Григорію, который осмотрѣлъ его съ обѣихъ сторонъ и передалъ Марѳѣ Абрамовнѣ.

Распечатавъ письмо, она начала его читать, но остановилась, воскликнувъ:

— Какая мелочь! Въ глазахъ рябитъ! И писать-то не умѣть! Ничего не могу разобрать! Потомъ сказала своему слугѣ, Григорію:

— Сбѣгай въ спальню и принеси мнѣ очки.

Какъ только Григорій выпустилъ пльщика изъ рукъ и пошелъ исполнить новое приказаніе своей барыни, Ванюшка, вспомнивъ инструкцію, бросился со всѣхъ ногъ къ калиткѣ и выбѣжалъ на улицу.

Марѳа Абрамовна не сочла нужнымъ его удерживать, а проговорила только ему въ-слѣдъ:

— Экой пострѣлъ!

Когда Григорій принесъ очки, барыня его надѣла ихъ на носъ и, прочитавъ письмо Веняминова, пошла въ сильномъ волненіи къ дачѣ и приказала немедленно заложить дрожки. Черезъ полчаса, послѣ прочтенія письма, Марѳа Абрамовна вѣхала уже по Выборгской дорогѣ и обогнала Ванюшку, который, увидѣвъ старуху, перескочилъ канаву и

спрятался въ кусты. Куда отправилась супруга Якова Петровича—это осталось тайной, потому-что никому изъ домашнихъ не было объ этомъ объявлено.

Между-тѣмъ Ванюшку одолѣло дорѣгой раздумье. Онъ не зналъ: разказать ли своему барину и исправляющему должность его Ментора, Вельскому, о всемъ что случилось у Лелинскихъ, или скрыть. Послѣ долгихъ колебаній и размышленій, онъ рѣшился солгать, и когда возвратился домой, то доложилъ своему барину и исправляющему должность Ментора его, что онъ-де отдалъ письмо, какъ было приказано, слугѣ Лелинскихъ, Григорію, для передачи въ собственныя руки Надежды Яковлевны.

Впрочемъ Ванюшка и не совсѣмъ солгалъ, а сказалъ отчасти правду: онъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ отдалъ письмо Григорію, когда тотъ схватилъ его за воротникъ, по приказанію Марѣи Абрамовны. Цѣлковый, назначенный Вельскимъ слугѣ Лелинскихъ, Ванюшка присудилъ себѣ, за претерпѣнный страхъ, и употребилъ его на покупку пряниковъ и другія потребности, по собственному своему благоусмотрѣнію.

А. М...скій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ.)

Иностранная Словесность.

НЕВѢСТА КОНТРАБАНДИСТА.

(ИТАЛІЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.)

Соч. Урвино.

Г.

ОСТЕРІЯ ДЕЛЪ ГАЛЛО.

— Я думаю уже полночь, Мадалена.

— Да, сейчасъ только пробило на часахъ Чіассо.... А вотъ, дѣдушка, и большой комской колоколь, пользуясь тишиною ночи, призываетъ насъ ко сну своимъ грознымъ и звонкимъ голосомъ.

— Мнѣ уже давно ничего не говоритъ этотъ старый воркотунъ. Если я хочу услышать что-нибудь отъ него, то я долженъ подойти къ колоколу совершенно близко въ дни большихъ праздниковъ, когда оглушительный звонъ его раздается

по всему городу. Тогда мнѣ кажется, будто бьютъ по кастрюлѣ палкой. Но вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ отсюда я ничего не слышу.

— Вы ничего не теряете, увѣрляю васъ, дѣдушка.

— Воспоминанія, дитя мое, драгоценныя воспоминанія!... Я не былъ всегда такимъ инвалидомъ, какимъ ты меня видишь теперь; и я также имѣлъ свои красныя дни; и я любилъ, какъ ты теперь любишь твоего Гастано, и тогда этотъ старикъ колоколъ былъ для меня настоящимъ другомъ, потому-что его радостный звонъ призывалъ меня въ Комо, гдѣ ожидала меня плѣнительная улыбка твоей бабушки, моей бѣдной Розинны.... Я танцевалъ съ нею, и всѣ молодые люди, глядя на насъ, завидовали моему счастью.... О Мадалена! тайна тяготитъ мою душу, воспоминаніе жжетъ ее, угрызеніе мучитъ.... Да ты узнаешь эту тайну передъ моею смертію, потому-что ты должна молиться за твоего дѣда, дитя! Ты должна много и горячо молиться, когда бѣдный старикъ оставитъ эту землю страданій....

— Зачѣмъ, дѣдушка, предаетесь вы такимъ грустнымъ мыслямъ? Можете ли сомнѣваться въ моей любви къ вамъ? Развѣ вы не знаете, что воспоминаніе о васъ всегда будетъ для меня дорого, что когда васъ здѣсь не будетъ, я буду молиться и день и ночь о спасеніи вашей души.

— Вѣрю тебѣ, дитя мое, вѣрю.... Но.... скажи мнѣ, Мадалена, тебя не беспокоитъ долгое отсутствіе нашихъ?

— Нѣтъ; Лунджи сказалъ мнѣ, что сегодня у нихъ кружева. Вы знаете, когда дѣло идетъ о такихъ дорогихъ товарахъ, надо быть какъ можно осторожнѣе....

— Все равно, теперь такъ поздно, и я не могу думать.... Прости Господи! быть принужденнымъ сидѣть за печкой какъ дитя, когда чувствуешь себя... О! это ужасно!

Это говорилъ Пьетро Санти, восьмидесятилѣтній старикъ, который, не смотря на свои лѣта, казался бодрымъ и рѣшительнымъ. И потому, когда онъ произнесъ послѣднія слова, онъ былъ дѣйствительно страшенъ. Руки его вытянулись, пальцы судорожно сжались, онъ вскочилъ на ноги, и ужасное проклятіе вырвалось изъ устъ его. Но вскорѣ ярость его прошла, какъ бы смягченная какою-то утѣшительною мыслию. Старикъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, началъ курить трубку и повернулъ другой стороной стаканъ съ виномъ, которое грѣлось.

На старикѣ надѣта была байковая куртка бутылочнаго цвѣта, панталоны той же матеріи, широкіи шерстяной кушакъ краснаго цвѣта крѣпко опоясывалъ талію, бѣлый жилетъ съ красными и бѣлыми полосами, фуражка сѣраго сукна, толстые башмаки и кожаныя штиблеты, вотъ полный нарядъ стараго трактирщика.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, внучка его, Мадалена, вѣзла шерстяной чулокъ, сидя у большаго стола орѣховаго дерева, на которомъ стояла желѣзная лампа, освѣщавшая темнымъ полусвѣтомъ комнату. Мадаленѣ было осьмнадцать лѣтъ. Она была въ голубомъ суконномъ шенсерѣ и въ свѣтлой меринсовой юбкѣ съ красными и зелеными полосами. Прекрасныя черныя волосы были заплетены въ косу, въ которую вколотъ былъ серебряный пруттикъ, съ филаграновыми шариками того же металла. Большія серьги литаго золота и длинная венеціанская цѣпь дополняли ея нарядъ. Если бъ не быстрое движеніе ея хорошенькихъ ручекъ, можно было бъ принять ее за одну изъ прекрасныхъ Мадоннъ, созданныхъ гениемъ Рафаэля.

Меблировка комнаты, въ которой находились старикъ и молодая дѣвушка, ясно показывала ихъ ремесло. Въ одномъ углу стоялъ большой мѣдный тазъ, наполненный водою. Этотъ тазъ стоялъ на деревянномъ треножникѣ. Надъ нимъ, на деревянной этажеркѣ, стояли въ порядкѣ бокалы, кружки, жестяная и мѣдная посуда и множество стакановъ. Вдоль стѣны, по срединѣ комнаты, находился буфетъ орѣховаго дерева, на которомъ поставлена была холодная говядина въ кастрюляхъ и блюдахъ и, казалось, ожидала посѣтителей.

На стулѣ возлѣ стараго Пьетро, спалъ его любимый котъ. Надъ дверью, ведущею во внутренность дома, хорошенькая птичка спокойно отдыхала, завернувъ свою головку въ разноцвѣтныя крылышки. Двѣ историческія картины, писанныя масляными красками, въ концѣ прошедшаго столѣтія, и довольно хорошо сохранившіяся, въ простыхъ рамкахъ чернаго дерева, прерывали однообразіе бѣлыхъ стѣнъ. Изюмъ и сосиски, симметрически расположенныя, были прикрѣплены гирляндами къ потолку.

Прибавьте къ этому ружье, большой столъ, двѣ лавки по обѣимъ сторонамъ его, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, нѣсколько мѣдныхъ подсвѣчниковъ и фонарь, и вы будете имѣть

дагеротипный снимокъ главной пріемной комнаты остеріа дель Галло ди Піетро Сарти.

За этою комнатою были еще двѣ поменьше, но мебелированы почти также. Онѣ имѣли сообщеніе съ сѣноваломъ черезъ узкій коридоръ, отъ котораго направо шла лѣстница въ первый и единственный этажъ и на чердакъ; а слѣва лѣстница въ погребъ и въ подземелье.

Въ каждой изъ комнатъ перваго этажа помѣщалось по огромной кровати, какія дѣлаются всегда въ Италіи, нѣсколько сундуковъ, наполненныхъ прекраснымъ бѣльемъ, нѣсколько соломанныхъ стульевъ и налой, надъ которыми висѣло Распятіе.

Домъ этотъ, стоявшій въ довольно обширной долинѣ, въ швейцарскихъ владѣніяхъ, на ломбардской границѣ, принадлежалъ уже болѣе столѣтія фамиліи Сарти, отъявленнымъ врагамъ всѣхъ пошлинъ и налоговъ. Гостиница Пѣтуха по этому самому была вѣрнымъ и удобнымъ убѣжищемъ контрабандистовъ. Совершенное уединеніе этого жилища удаляло отъ него окрестныхъ жителей, которымъ не было охоты идти лишнюю четверть часа, чтобъ выпить стаканъ дурнаго вина, какимъ старался угощать зашедшихъ посѣтителей старикъ Піетро. Контрабандисты напротивъ находили тамъ хорошее вино, сытный обѣдъ и отличный пріемъ. Потому они и посѣщали его исключительно. Отправляясь изъ Чіассо иногда даже изъ Мендризіо, съ товарищами, они охотно останавливались отдохнуть у сотоварища. Подкрѣпивъ свои силы въ остеріа дель Галло, они продолжали свой путь съ новыми силами.

Семейство Піетро Сарти состояло изъ его сына Луиджи, отца прекрасной Мадалены и Ансельма, четырнадцати-лѣтняго мальчика, внука трактирщика. Мадалена была воспитана въ Чіассо, у своей тетки, а Ансельмо, въ Лугано въ семействѣ Гаэтано, который долженъ былъ въ скоромъ времени жениться на Мадаленѣ. Отецъ и мать этого мальчика давно уже скончались, какъ мы увидимъ впоследствии.

Послѣ нѣкотораго молчанія, старшій Піетро бормоталъ, какъ бы говоря самому себѣ.

— Глухой нигуда не годенъ, когда дѣло идетъ, чтобъ узнать слѣдъ таможенныхъ досмотрщиковъ, пронюхать ихъ издали, разслышать за милою шумъ ихъ шаговъ!... А я едва слышу то что мнѣ говорятъ подъ уши, съ помощію этой трубы. Про-

клятіе мое тому таможенному, который слѣзаль меня инвалидомъ.

Дикая радость пробѣжала мгновенно на лицѣ старика, когда онъ произносилъ эти слова:

— Что касается до него!...

Піетро не окончилъ фразы. Черезъ минуту онъ поднималъ голову и покачалъ ею, какъ будто хотѣлъ избавиться отъ какой-то непріятной мысли. Потомъ, осушивъ стаканъ вина, онъ снова принялся за трубку и запылъ пѣсню.

Но онъ не слышалъ, что на его послѣднія слова отозвался кто-то глухимъ голосомъ, произнеся слово: убійца! Онъ не замѣтилъ испуга Мадалены, причиненнаго этимъ обвинительнымъ восклицаніемъ таинственнаго голоса въ полутемной комнатѣ и произнесеннаго невидимымъ существомъ.

Старикъ докурилъ спокойно свою трубку, выпилъ другой стаканъ вина, потомъ видя, что лампа догорала, онъ быстро обернулся къ своей внучкѣ и сказалъ ей:

— Ты спишь, Мадалена?

— Нѣтъ, дѣвушка, произнесла она едва внятнымъ голосомъ.

— Такъ подбавь немного масла въ лампу и поди ложись спать, дитя мое, ты устала.

— Вы думаете, возразила молодая дѣвушка, привыкшая съ перваго слова исполнять приказанія своего дѣда, Гаэтано можетъ обидѣться.

Піетро приложилъ къ уху акустическую трубку и отвѣтилъ:

— Это правда.... о! какъ женщины заботливы!

— Онъ такъ добръ ко мнѣ! замѣтила робко Мадалена; потомъ, взявъ бутылку съ масломъ изъ буфета, она со страхомъ поглядывала на дверь. Притомъ онъ мой женихъ, прибавила она, и мой долгъ предупреждать его малѣйшія желанія.

Старикъ улыбнулся и сталъ набивать новую трубку.

— Черезъ недѣлю, ты назовешь его мужемъ, плутовка! Черезъ недѣлю, слышишь ли, Мадалена? Я, не говоря тебѣ, ускоряю минуту твоего счастья.

Піетро едва произнесъ эти слова, какъ раздался ужасный хохотъ, который привелъ въ ужасъ молодую дѣвушку. И лампа и бутылка вывали изъ рукъ ея, она подбѣжала къ старику.

— Матерь Божія! вскричала Мадалена.

— Что съ тобою? спросилъ Піетро, вставая.

— Это онъ! отвѣчала Мадалена вслухъ.

— Кто онъ? спросилъ старикъ, нагнувшись, чтобъ лучше слышать.

— Этотъ злодѣй, Джіованни!

— Онъ здѣсь? вскричалъ въ свою очередь Піетро; онъ здѣсь? повторилъ онъ, дрожа отъ бѣшенства. И бросившись къ ружью, стоявшему въ углу у печки, онъ схватилъ его и устремился къ двери.

— Чтѣ вы хотите дѣлать, дѣдушка? прошептала Мадалена, взявъ за руку Піетро. Если вы меня любите, вы не сдѣлаете преступленія!

Но Піетро, въ бѣшенствѣ, хотѣлъ-было оттолкнуть молодую дѣвушку, какъ вдругъ постучали въ дверь, и знакомый голосъ кричалъ за дверью:

— Мадалена, отвори!

— Мы съ ума сошли вмѣстѣ, сказалъ старикъ, улыбаясь; мы напрасно встревожились. Это Луджи.

— Поди зажги лампу, дитя мое, я самъ отворю.

Мадалена повниновалась. Она не отвѣтила ни слова, но очень хорошо знала, что испугъ ея былъ не напрасный; она не могла сомнѣваться, что слышала другой голосъ.

Луджи вошелъ въ одно время съ Гаэтано, женихомъ прекрасной трактирщицы. Перetzъ ними шелъ Ансельмо, а за ними слѣдовали десять молодыхъ людей, высокихъ, здоровыхъ, хорошо вооруженныхъ, съ токами и разными товарами. Всѣ эти люди были одѣты такъ, какъ и Піетро, съ тою разницею, что у нихъ фуражки были клеенчатыя. Это были контрабандисты, нанятые Луджи и Гаэтано. Они шли изъ Мендризіо и отправлялись въ Комо черезъ горы и озеро. Дорога, ими пройденная, не представляла никакой опасности. Но теперь они должны были переправиться въ австрійскія владѣнія, гдѣ представлялось гораздо больше опасностей; и потому первымъ ихъ дѣломъ было, положивъ на полъ свои грузы, осмотрѣть внимательно оружіе.

Между тѣмъ Гаэтано подошелъ къ Мадаленѣ и сказалъ ей тихо:

— Кто-то ушелъ отсюда, въ то время, когда мы приближались.....

— Это вѣрно тотъ злодѣй, который на меня наводитъ страхъ, и который старается пугать меня тогда, когда я остаюсь одна съ дѣдушкой, отвѣчала молодая дѣвушка тѣмъ же тономъ.

— Джіованни? спросилъ Гаэтано съ безпокойствомъ.

— Да.

— Товарищи! вскричалъ женихъ Мадалены, это Джіованни бѣжалъ отъ насъ.... Онъ не могъ уйти далеко. За дѣло!

И онъ выбѣжалъ изъ остеріи, и за нимъ всѣ контрабандисты.

— Такъ это правда? ворчалъ старикъ, взявшись снова за ружье и идя вслѣдъ за ними.

Мадалена осталась одна съ Ансельмомъ.

— Сестра, сказалъ послѣдній, наконецъ они освободятъ тебя отъ этого злаго человѣка.

— О! нѣтъ, съ трепетомъ отвѣчала молодая дѣвушка. Богъ не попуститъ такого несчастья на наше семейство! И я невольной причиной ихъ ярости!... Пресвятая Богородица! сжалась надъ нами!

Мадалена залилась слезами, бросилась на колѣни и стала молиться.

Ансельмо смотрѣлъ на нее молча, потомъ, когда она встала, онъ сказалъ ей съ глубокимъ чувствомъ:

— Сестра, но если этотъ человѣкъ будетъ защищаться!... Если онъ убьетъ твоего отца!... Если онъ убьетъ жениха твоего!...

— Не теперь, но въ другой разъ! отвѣчалъ человѣкъ высокаго роста худой и блѣдный, входя въ комнату.

— Опять онъ! Этотъ злодѣй уморитъ меня со страху! проговорила молодая дѣвушка.

— Нѣтъ ты будешь жить, потому-что должна быть моею, возразилъ тотъ же голосъ, и потомъ исчезъ въ темнотѣ, замѣтивъ, что Ансельмо прицѣлился въ него изъ пистолета.

Мальчикъ хотѣлъ броситься догонять Джіованни; но Мадалена остановила его.

— И ты хочешь запятнать себя злодѣянствомъ, Ансельмо? вскричала она.

— Чтѣ жъ? дать ему волю исполнить свое обѣщаніе? отвѣчалъ онъ.

— Надо надѣяться на Бога!

Ансельмо подумалъ немного, потомъ возразилъ:

— Твоя правда.... Притомъ же Гаэтано такой молодецъ, что сдумѣтъ защитить себя.

Раздался выстрѣлъ не въ дальнемъ разстояніи отъ остеріи. Мадалена поблѣднѣла:

- Боже! проговорила она.
 — Это выстрѣлъ изъ ружья Гаэтано! вскричалъ мальчикъ.
 — Тсъ! Молчи.
 — Послушаемъ!

Они слушали долго, но ничто не прерывало величественнаго молчанія ночи.

— Не слышно болѣе ничего, проговорила Мадалена съ ужасомъ.

- Ничего! повторилъ Ансельмо съ безпокойствомъ.
 — О Боже мой! Боже мой!

Они замолчали и снова стали прислушиваться.

— Я непременно долженъ узнать что съ ними! вскричалъ наконецъ Ансельмо и сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти.

— Ради Бога, не оставляй меня одну, братъ, сказала молодая дѣвушка. И Ансельмо возвратился къ ней.

— Но эта тишина ужасна, проговорила Мадалена, нѣсколько минутъ спустя.

— Тише! слышишь?

Въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Мадалена упала снова на колѣни и молилась съ жаромъ; Ансельмо побѣжалъ къ двери. Вскорѣ выстрѣлы прекратились. Слышны были только крикъ людей, стоны, жалобы, проклятiя, и этотъ шумъ, сначала отдаленный, приближался постепенно къ остерiн.

— Кажется, нашихъ бьютъ, сказалъ Ансельмо. Я непременно долженъ участвовать въ опасности. Я возвращусь сейчасъ, сестра. Только бы мнѣ пустить пулю въ одного изъ таможенныхъ.

— О! не оставляй меня! не оставляй меня! вскричала Мадалена съ отчаянiемъ; но Ансельмо уже былъ далеко и не слышалъ этихъ умоляющихъ словъ.

Молодая дѣвушка, все еще стоявшая на колѣняхъ посреди комнаты, закрыла лицо руками и продолжала молиться. Вдругъ она чувствуетъ, что кто-то взялъ ее сильною рукою.... Она открываетъ глаза, и —

— Опять онъ! проговорила она, и лишилась чувствъ.

Въ это время на порогѣ показались Луиджи и Гаэтано.

— Прочь! кричалъ имъ Джіованни; если вы еще сдѣлаете хоть шагъ, я убью ея!

И, вынувъ кинжалъ изъ-за пояса, онъ приложилъ его къ сердцу молодой дѣвушки. Луиджи и Гаэтано остановились, ви-

дя опасность, которой подвергалась Мадалена. Тутъ перестрѣлка снова раздалась на улицѣ, Джіованни былъ страшенъ въ эту минуту. Глаза его искрились, ибна выходила изо рта, холодный потъ капалъ съ лица. Таможенный его мундиръ весь былъ покрытъ пылью и забрызганъ кровью.

— Пропустите меня! вскричалъ онъ снова: пропустите! или я убью ее, клянусь вамъ!

Луиджи и Гаэтано стояли неподвижно отъ страха; они не знали на что имъ рѣшиться, какъ вдругъ шесть таможенныхъ толкнули ихъ въ комнату, они принуждены были отбиваться отъ этого непредвидѣннаго нападенія. Джіованни искусно воспользовался этимъ случаемъ.

— Держите нѣсколько минутъ, братцы, покрѣпче, кричалъ онъ своимъ товарищамъ, и устремился изъ трактира, унося на рукахъ своихъ Мадалену.

II.

ПІЕТРО САРТИ.

Ансельмо не угадалъ. Контрабандисты не были разбиты. Вотъ что происходило на улицѣ. Непрiатели Джіованни, выйдя изъ остерiн, разсѣялись по разнымъ дорогамъ, чтобъ заградить проходъ злодѣю.

Ненависть контрабандистовъ къ таможенному не имѣла другой причины какъ только ожесточеніе, съ которымъ онъ ставилъ имъ козни и сѣти; Луиджи и Гаэтано ненавидѣли его за то, что онъ преслѣдовалъ Мадалену, а Пiетро имѣлъ особенную причину его ненавидѣть, которую мы узнаемъ впоследствии.

Джіованни ожесточенъ былъ противъ ихъ всѣхъ, по той только причинѣ, что они принадлежали семейству Пiетро или по родству или по выгодамъ; и онъ долженъ былъ выполнить безпощадную месть на старикѣ и на всѣхъ окружающихъ его.

Гаэтано, самый смѣлый, сильный и ловкій изъ всѣхъ контрабандистовъ, ожидалъ съ нетерпѣнiемъ случая помѣряться съ этимъ человѣкомъ, который былъ его врагомъ во многихъ от-

ношенияхъ. Чтобъ поймать его, онъ проникъ на австрійскую границу, какъ вдругъ нѣсколько голосовъ закричали возлѣ него:

— Мостаккино! Мостаккино! Словимъ его.

Гаэтано получалъ это прозваніе отъ усовъ, которые носилъ очень короткіе. Только Луиджи и онъ изъ всей шайки жили на швейцарской землѣ, потому они всегда удачно избавлялись отъ преслѣдованій таможенныхъ*. Товарищи его напротивъ жили всѣ въ Комо и сидѣли въ тюрьмѣ всякій разъ, какъ ихъ заставляли врасплохъ:

— Ловите Мостаккино! повторяли таможенные.

— Я васъ вызываю всѣхъ! отвѣчалъ имъ Гаэтано, становясь за большое дерево, потомъ прибавилъ, мѣтая въ нихъ: но первый, который приблизится, умретъ!

Таможенные были въ недоумѣніи. Они знали, что Мостаккино всегда мѣтко цѣлился.

Однако самый молодой и неустрашимый изъ нихъ сдѣлалъ шагъ впередъ. Это былъ первый и послѣдній. Онъ упалъ, прострѣленный въ сердце.

Но легко можно себѣ вообразить, чтѣ было бы отъ такой неровной и отчаянной защиты.

Къ счастью Гаэтано, выстрѣлъ его былъ услышанъ товарищами его, которые прибѣжали къ нему на помощь. Тогда началась перестрѣлка. Не смотря на свою малочисленность, контрабандисты заставляли таможенныхъ подвигаться по-немногу назадъ при каждомъ выстрѣлѣ, и очень ловко пригнали ихъ къ самой остеріи. Тогда-то Гаэтано и Луиджи вошли въ трактиръ и остановились въ изумленіи, увидѣвъ Мадалену въ рукахъ Джіованни.

За минуту предъ этимъ мы видѣли, что Ансельмо оставилъ Мадалену и выбѣжалъ изъ остеріи. Прибѣжавъ къ мѣсту стычки, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ таможенного, потомъ, вѣрный обещанію, данному сестрѣ, онъ поспѣшилъ воротиться домой. Онъ еще былъ на половинѣ дороги, какъ увидѣлъ Джіованни, несчаго на своихъ рукахъ Мадалену. Быстрѣе молніи,

* Въ Ломбардіи по какому-то странному предубѣжденію должность таможенного считается самою унизительною. Конечно есть между ними нѣсколько честныхъ людей, но большинство всегда готово измѣнить службу и пропустить контрабанду за небольшую плату.

храбрый мальчикъ бросился подъ ноги таможенному, свалилъ его на землю и, приставивъ пистолетъ къ виску его, закричалъ:

— Если ты только сдѣлаешь малѣйшее движеніе, я разможжу тебѣ голову! А ты, сестра, прибавилъ онъ, обращаясь къ Мадаленѣ, которую Джіованни, падая, выпустилъ изъ рукъ, спасайся, спасайся скорѣе. Но Мадалена лежала безъ чувствъ. Минута еще—и сильный Джіованни восторжествовалъ бы конечно надъ храбрымъ Ансельмо. Къ счастью послѣдняго, одинъ изъ контрабандистовъ проходилъ мимо и услышалъ его голосъ:

— Сюда, Сфроца-Джезу! Сюда!

Прибѣжать, обезоружить таможенного и поднять на него кинжалъ, было дѣломъ одного мгновенія.

Сфроца-Джезу хотѣлъ проколоть своего врага, но Ансельмо столько же великодушный, какъ и неустрашимый, остановилъ его говори:

— Лежачаго не бьютъ, Сфроца-Джезу, это простительно было бы таможенному; но контрабандисту никогда.

Обращаясь потомъ къ Джіованни, онъ прибавилъ:

— Если я тебѣ оставлю жизнь, то это будетъ съ условіемъ, что ты поклянешься щадить всѣхъ нашихъ!

Сфроца-Джезу стоялъ еще съ поднятымъ кинжаломъ. Джіованни закусилъ себѣ до крови губу, но произнесъ: «клянусь» и быстро исчезъ.

Мальчикъ пошелъ къ остеріи въ сопровожденіи Сфроца-Джезу, поддерживая Мадалену.

Однако горное эхо донесло отголосокъ и до австрійской таможенной конторы, находившейся на большой дорогѣ, возлѣ моста Чіассо. Дежурный офицеръ отрядилъ пятнадцать чело-вѣкъ и послалъ ихъ подъ начальствомъ сержанта на помощь таможеннымъ. Контрабандисты тогда были въ числѣ осьми противъ тридцати.

Они удержали однако же позицію до возвращенія Мостаккино, Сфроца-Джезу и Ансельмо. Тогда началась кровавая битва. Тогда уже не убивали, оружіе было отброшено, чтобъ удобнѣе владѣть руками; но ломали своихъ противниковъ, разрывали на куски ногтями и зубами. Это былъ бой тигровъ, одаренныхъ разумомъ, бой демоновъ! Слѣгъ, покрывавшій землю, еще болѣе прибавлялъ ужаса, потому-что всякая капля крови оставляла красный слѣдъ на этомъ обширномъ саванѣ.

Наконецъ Мостаккино отослалъ Ансельмо въ остерію и пе-

калъ глазами челоуѣка, котораго ненавидѣлъ; увидѣвъ его, онъ бросился на него какъ звѣрь.

Во время этого ужаснаго дуэля, Луиджи, раненый, не могъ болѣе принимать участія въ дракѣ, и пошелъ также домой какъ и Ансельмо; Мадалена, приложивъ къ ранамъ его балзамъ, который былъ извѣстенъ у нихъ въ семействѣ, молилась Богу, и не теряла надежду спасти своего отца. Но если бы не нѣжная привязанность къ дочери, Луиджи бросился бы на неизбежную смерть и пошелъ бы еще на помощь товарищамъ.

Услыша слабый стукъ въ двери остеріи, отецъ и дочь вздрогнули отъ ужаса.

— Мадалена!... отвори!... скорѣй!... это я! послышался за дверью слабый голосъ.

Молодая дѣвушка, дрожа отъ испуга, проворно побѣжала отворить дверь.

Это былъ старый Пьетро, забрызганный кровью и грязью, блѣдный какъ смерть.

Онъ съ трудомъ вошелъ на лѣстницу и упалъ на полъ возлѣ кровати; потомъ приподнялся, чтобъ посмотрѣть, кто лежалъ на кровати, которую онъ занималъ обыкновенно.

— Луиджи! мой сынъ! вскричалъ онъ, снова упавъ на полъ. Онъ также! онъ также! прибавилъ онъ; все наше семейство падетъ подъ ударами этого злодѣя!... О!.. Проклятіе!

— Дѣвушка! вскричала Мадалена въ ужасѣ и, взявъ руку старика, цѣловала ее.

— Боже! вскричалъ въ свою очередь Пьетро, не трогая эту руку, Мадалена, потому-что она переломлена, также какъ и нога и оба бока мои!... И все онъ!... Все онъ!... этотъ проклятый!...

— Да накажетъ его Богъ! произнесла Мадалена, рыдая.

— О! Мщеніе!... Мщеніе!...

Произнесла это, старикъ хотѣлъ приподняться, но нестерпимая боль какъ бы приковала его къ полу и вырвала у него новое ругательство.

— Но, возразилъ онъ, чрезъ минуту, съ выраженіемъ отчаянія: если ты умрешь, мой блѣдный Луиджи, кто отмститъ за меня этому челоуѣку, кто?

— Я, отвѣчалъ Ансельмо, который наблюдалъ эту сцену уже нѣсколько минутъ, я!...

— О! да, ты! прошепталъ Пьетро, и слезы хлынули неволь-

но изъ глазъ его; ты молодъ, у тебя цѣлая жизнь вперед! Посмотри на меня, дитя мое! посмотри на меня! Я весь изломанъ; я только дорожу жизнію для того, чтобъ завѣщать кому-нибудь мое мщеніе. Посмотри на меня, потомъ посмотри на твоего дядю!... Знаешь ли кто причиною нашей смерти?... Джиованни!... Проклятый сынъ проклятаго отца!... Отцу я заплатилъ долгъ.... я расскажу тебѣ это прежде чѣмъ на вѣки закрою глаза.... но сыну, сыну, кто заплатитъ.

— Сынъ будетъ наказанъ также, отвѣчала набожная Мадалена, потому-что Богъ сиравадилъ и не оставляетъ преступленія не наказаннымъ!

— Выйдя отсюда, сказалъ Пьетро съ болѣе спокойнымъ видомъ, я побѣжалъ, какъ и другіе, по слѣдамъ этого злодѣя!... Но не настигъ его. Гулъ выстрѣловъ проникъ мнѣ въ сердце, не смотря на мою глухоту.... я пришелъ на мѣсто драки.... и не показывался непріятелю.... Я взобрался на высоту и оттуда посыпалъ смерть таможеннымъ, не будучи въ состояніи ни увидѣть, ни достать того, котораго я хотѣлъ убить цѣною собственной моей жизни. Я зарядилъ ружье въ четвертый разъ.... Я стрѣлялъ, лежа, чтобъ меня не замѣтили. Вдругъ ужасный голосъ, голосъ этого палача достигъ до моего уха: «Подлый убійца!» вскричалъ онъ, и, прежде чѣмъ я опомнился, схватилъ меня за ноги и сбросилъ внизъ!... съ сорока футовъ вышины!

Мадалена вскрикнула отъ ужаса и закрыла лицо руками; Луиджи протяжно застоналъ, Ансельмо сжалъ кулаки въ бѣшенствѣ и произнесъ:

— Потомъ? Потомъ?

— Послѣ того, продолжалъ Пьетро, я приползъ сюда какъ змѣя, съ невыносимыми мученіями, чтобъ умереть въ кругу своего семейства, и просить мщенія у дѣтей моихъ.

— Потомъ? повторилъ Ансельмо.

— Больше ничего! Смерть!...

— Ты хотѣлъ рассказать....

— Это еще болѣе растравитъ мои раны, но.... все равно.... ты увидишь какъ долженъ мстить челоуѣкъ съ характеромъ. Ансельмо и Мадалена принесли тюфякъ изъ сосѣдней комнаты; старикъ легъ на него и началъ свой рассказъ:

«Мнѣ было двадцать девять-лѣтъ; моихъ родителей уже давно не было на свѣтѣ; я оставался одинъ, свободный, счастливый.

Как и другіе молодые люди, я всякое воскресенье и всякій праздникъ отправлялся въ Комо; вмѣстѣ съ ними изъ церкви заходилъ въ погребокъ. Я встрѣчалъ много молодыхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, но сердце мое не билось ни для одной изъ нихъ. Я завидовалъ тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые любили, глупецъ! На масляницѣ, въ 1779 году, одинъ изъ прежнихъ товарищей моего отца пригласилъ меня на балъ въ Комо. Я обрадовался этому приглашенію. У этого человѣка была дочь, которую я никогда не видѣлъ; она была также хороша какъ и ты, Мадалена. Взявъ ее за руку, чтобъ протанцовать съ нею вальсъ, я дрожалъ, какъ преступникъ; я не имѣлъ силы говорить съ нею. Однимъ словомъ, очередь моя пришла, и послѣ этого бала, я не завидовалъ счастью моихъ друзей. Дни я проводилъ въ Комо, въ надеждѣ ее увидѣть; ночью, окончивъ дѣла, я бродилъ мимо окошекъ ея комнаты. Прошелъ мѣсяць: это былъ мѣсяць высочайшаго счастья для меня. Въ это время таможенный отрядъ нашей провинціи былъ смѣненъ другимъ.

«Одинъ изъ новыхъ таможенныхъ приставовъ былъ также равнодушенъ къ Розинѣ. Онъ такое же право имѣлъ, какъ и я; мнѣ нечего было ему говорить, но ревность мучила меня; впрочемъ онъ былъ довольно сговорчивый въ дѣлахъ и не подавалъ никакого повода къ ссорѣ. Я ему высказалъ откровенно мою любовь и далъ ему почувствовать, что одинъ изъ насъ долженъ навсегда отказаться отъ Розины. Онъ, казалось, раздѣлялъ мое мнѣніе. Съ общаго согласія, мы рѣшились просить оба руки молодой дѣвушки и поклялись передъ Распятіемъ, что тотъ, кто будетъ отвергнутъ отцемъ, позабудетъ дочь.

«Невозможно описать всѣ муки, которыя я вытерпѣлъ, въ ожиданіи этого отвѣта. Черезъ два дня, человѣкъ, которому поручилъ я это дѣло, сообщилъ мнѣ, что отецъ предпочитаетъ меня, что только остается сговориться о приданомъ и назначить день свадьбы. Я думалъ, что съ ума сойду отъ радости. О! какъ очарователемъ казался мнѣ городъ Комо, когда я въ первый разъ шелъ на свиданіе къ обожаемой невѣстѣ моей! Я сообщалъ мое счастье Ипполито, и онъ пожалъ мнѣ руку, поздравилъ меня и обѣщалъ не думать болѣе объ Розинѣ. Ипполито, это былъ таможенный, отецъ Джіованни. Въ 1780 году ангелъ небесный вошелъ въ первый разъ въ мое жилище и принесъ съ собою благословеніе Божіе. Мои дѣла процвѣтали, жизнь моя

была вполне счастливая. Но это мирное спокойствіе не долго продолжалось. Мое заведеніе было публичное: всякій имѣлъ право за деньги посѣщать его. Измѣнникъ Ипполито разстроилъ мое тихое счастье. Я ему замѣтилъ, что его частыя посѣщенія меня мучатъ. Злодѣй увѣрилъ, что онъ совершенно излечился отъ своей страсти и можетъ безопасно посѣщать мой домъ. Онъ лгалъ, клятвопреступникъ, но моя жена была такъ добродѣтельна, такъ предана мнѣ, что рассудокъ мой заглушилъ ревность. По прошествіи года, къ моему счастью, Ипполито назначили на другое мѣсто. Онъ былъ въ отсутствіи, въ продолженіе восьми лѣтъ, и въ эти восемь лѣтъ я наслаждался такимъ полнымъ счастьемъ, что это самое заставляло меня опасаться какого-нибудь несчастія; всякій христіанинъ долженъ нести свой крестъ, и я чувствовалъ очень хорошо, что я не могу имѣть исключенія изъ общаго правила! Мое предчувствіе скоро оправдалось. Ипполито появился въ провинціи, и слѣдовательно въ моемъ домѣ. У меня было тогда двое дѣтей: твой бѣдный отецъ, Ацсельмо, и ты, Луиджи. Ипполито приходилъ въ мою остерію, пилъ вино и платилъ за него, жалъ мнѣ дружески руку какъ прежде, но измѣнникъ старался заставить мою жену, когда она оставалась одна. Наконецъ дошло до того, что Розина жаловалась мнѣ. Я выгналъ таможенного, который скинулъ маску и объявилъ мнѣ открытую войну. Съ самаго того времени, не проходило ночи, чтобъ не случилось какой-нибудь схватки между таможенными и моими людьми. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ несчастіемъ, которое мнѣ угрожало.... О! дѣти мои! нѣтъ силы рассказать вамъ не слыханное злодѣяніе!...»

Изъ груди стараго Піетро вырвались ужасныя рыданія. Дѣти его плакали съ нимъ вмѣстѣ, глубоко тронутые горестью старика.

Послѣ нѣкотораго молчанія Піетро поднялъ голову и продолжалъ:

«Открылась французская революція. Это политическое волненіе было чувствуемо и въ Италіи. Во всей странѣ замѣтенъ былъ какой-то беспорядокъ, некра скрывалась подъ пеломъ. Выдержавъ значительную схватку съ таможенными, которые лишились многихъ людей, потому-что начальника ихъ не было съ ними, я возвращался домой скучный, молчаливый, утомленный этою бурною жизнью. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, я вынимаю ключъ изъ кармана... напрасный трудъ!... дверь была

отверта!... Я перешел порогъ, самъ не свой... Комнаты остерен были пусты.... Вхожу.... здѣсь.... въ этой самой комнатѣ... потому-что Розина жила въ ней.... эта кровать была ея!... Эту мебель она принесла мнѣ въ приданое.... все было на мѣстѣ, но Розина не отвѣчала на мои отчаянные вопли....

«О! тотъ, кто не былъ въ такомъ положеніи, не можетъ понять, что тогда было со мной.... Голосъ моего бѣднаго Андреа заставилъ меня опомниться. Ребенку было не болѣе четырехъ лѣтъ... «Папа» вскричалъ онъ, приближавъ ко мнѣ: «таможенный унесъ на рукахъ маменьку....» Я упалъ безъ памяти.... и опомнился только вечеромъ. Тогда первою моею мыслию было самоубійство; я бы могъ пережить мою жену, но ея безчестіе, это мнѣ казалось невозможнымъ!... Однако Андреа кричалъ, что онъ хочетъ ѣсть! Лунджи плакалъ въ люлькѣ.... Я былъ отцомъ... и рѣшился не лишать себя жизни, хотя она въ тысячу разъ была ужаснѣе самой смерти!.. Всѣ поиски полиціи были напрасны... Не слышно было въ провинціи ничего объ Ипполито въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.... Мнѣ суждено было еще страдать, какъ отцу, отъ этого ужаснаго человѣка! Годъ спустя послѣ того, какъ онъ скрылся, я получилъ письмо съ французскимъ штемпелемъ. Розина умерла въ госпиталѣ въ Нанси, оставивъ ребенка. Офицеръ, прибавляя въ письмѣ, принялъ новорожденного изъ человѣколюбія.... Этотъ офицеръ назывался Ипполито А...! Священникъ сообщалъ мнѣ всѣ эти подробности. Я получилъ лихорадку и былъ въ безпрестанномъ бреду въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Ты, Лунджи, ты, который любилъ, ты, который былъ женатъ, ты можешь понять всѣ мои мученія. Выздоровѣвъ, я утѣшался мыслию, что ея нѣтъ на свѣтѣ и что все кончено для меня. Тогда мнѣ оставалась одна цѣль въ жизни, захватить гнуснаго Ипполито и отмстить ему! Мщеніе! Эта мысль придавала мнѣ силы и была единственнымъ счастіемъ, о которомъ я могъ мечтать! Я посвятилъ себя дѣтямъ; они доставили мнѣ счастіе, котораго я не ожидалъ, бѣдные дѣти! Могъ ли я предвидѣть, что я ихъ предавалъ въ руки этому проклятому роду?..»

Шестро снова былъ прерванъ слезами.

«Говорятъ, огорченія, продолжалъ онъ, укорачиваютъ жизнь: мон, напротивъ, заставляли меня невольно жить долѣе. Въ 1814 году, въ то время, когда Австріицы замѣнили Французовъ въ Ломбардіи, моему Андреа минуло двадцать девять лѣтъ; тебѣ, Луи-

джи, было двадцать семь. Я бы могъ тогда спокойно умереть... но нѣтъ!... надежда мщенія заставляла сильнѣе биться мое сердце. Боже мой! Боже мой! Кто бы могъ предвидѣть?... Это было въ ужасную, зимнюю ночь; тогда не было ни луны, ни звѣздъ, ни снѣга; небо было закрыто тучами, земля была сырая и скользкая. Нагруженные богатыми товарами, мы отправились отсюда въ часть поутру, въ числѣ пятнадцати, всѣ люди крѣпкіе и отчаянные. Мальчикъ шелъ передъ нами, освѣщая намъ путь. Я шелъ впереди другихъ съ моимъ бѣднымъ Андреа,—ахъ, какъ онъ любилъ меня! Лунджи былъ тогда занятъ въ Лугано. Надо было идти съ величайшею осторожностію, потому-что за нѣсколько дней передъ тѣмъ мы имѣли схватку съ таможенными и не могли ожидать пощады отъ нихъ, если бъ они насъ увидѣли. Въ разстояніи полумили отсюда, на возвышеніи, мальчикъ подагъ условленный сигналъ тревоги. Товарищи мои спрятались за кусты; я не успѣлъ, нагнулся у плетня и всматривался; рука моя готова была спустить курокъ ружья. Черезъ нѣсколько минутъ большой отрядъ таможенныхъ прошелъ мимо меня; они преслѣдовали моихъ людей, въ надеждѣ, что они бросятъ свои тюки. Я былъ на краю тропинки, которую они занимали. Одинъ изъ этихъ проклятыхъ прицѣлился въ нашего... Раздался выстрѣлъ и оторвалъ мнѣ ухо... Я поднял голову... Человѣкъ, который сдѣлалъ меня глухимъ, былъ Ипполито. И та же пуля, которая ранила отца, убила и сына. Да, мой Андреа упалъ, прострѣленный въ сердце пулей! Убіица услышалъ мое дыханіе и началъ ощупывать саблей плетень: Одинъ скачекъ, и я былъ въ сторонѣ и прицѣливался въ него въ свою очередь. Но я былъ слишкомъ взволнованъ, видъ этого злодѣя привелъ меня въ бѣшенство... Я выстрѣлилъ мимо въ шести шагахъ, тогда какъ я двѣнадцатю выстрѣлами убилъ одиннадцать ласточекъ; моя счастливая или несчастная звѣзда сберегала мнѣ этого человѣка для полнѣйшаго мщенія!... Эти два выстрѣла были сигналомъ общей битвы. Мои люди хотѣли отмстить за сына своего начальника, они остановились въ оборонительномъ положеніи передъ таможенными, которые вообразили, будто они имѣли право насъ убивать, когда мы не отдавали имъ своихъ тюковъ... Какая почъ! какая почъ! Насъ было пятнадцать, когда мы пошли, а возвратилось только семь!... Съ тѣхъ поръ я не могъ быть начальникомъ. Глухой — дурной солдатъ, и еще худшій командиръ; я покорился своей судьбѣ и призвалъ Лунджи, кото-

рый достойно замѣнилъ меня. Непріятель мой былъ въ нашей провинціи... Я только думалъ, какъ бы мнѣ захватить его и подвергнуть неслыханное преступленіе неслыханному наказанію. Я не нашелъ расправы между людьми, когда у меня похитили мою бѣдную жену; теперь я хотѣлъ расправиться самъ. Я подавлялъ бѣшенство въ глубинѣ души своей. Никто не зналъ, кѣмъ былъ убитъ мой сынъ: я скрылъ это отъ всѣхъ. Я проводилъ почти все время въ Комо въ погребкахъ, въ которыхъ часто собирались таможенные, и я выжидалъ благоприятнаго случая, для выполненія моихъ плановъ.

«Разъ какъ-то я остался тамъ позже обыкновеннаго и услышалъ, что нѣсколько человѣкъ изъ свиты Ипполито разговаривали о какой-то поѣздкѣ на озеро, на которую они должны были отправиться черезъ четверть часа. Я заплатилъ деньги и пошелъ скорымъ шагомъ къ тому мѣсту, гдѣ мой сынъ упалъ, раненный пулей проклятаго. Ипполито долженъ былъ пройти тамъ, возвращаясь домой сухимъ путемъ. Мои надежды сбылись; я стоялъ не болѣе часа, какъ убійца моей жены и моего сына показался на краю тропинки. Со мной не было никакого оружія, только палка, которая помогла мнѣ положить къ ногамъ моихъ этого человѣка. Тогда я взялъ его ружье, пистолеты и саблю, и все бросилъ въ пропасть.

«Потомъ, вынувъ изъ кармана бичевку, которую я носилъ всегда съ собой съ того дня, какъ лишился моего Андреа, я связалъ руки моему врагу и стащилъ его сюда. Я былъ одинъ съ этимъ человѣкомъ!... но могли придти свидѣтели... Никто изъ васъ не знаетъ, что подъ нашимъ погребомъ есть глубокій подвалъ. Въ этотъ самый подвалъ я стащилъ гнуснаго убійцу... привязалъ его ногами къ бревну, потомукъ...»

— Дѣдушка! вскричала Мадалена.

— Я наслаждался своимъ мщеніемъ восемь дней...

— Восемь дней! повторилъ Ансельмо, вздрогнувъ.

— Да, по прошествіи недѣли я похоронилъ его, надѣясь, что съ нимъ вмѣстѣ зарылъ и мысль о ненависти и думалъ ожидать приближенія смерти въ молитвѣ. Но надо было, чтобъ сынъ его пришелъ отравить послѣднее время моей жизни: вы не знаете всего что я чувствую съ тѣхъ поръ, какъ этотъ человѣкъ поселился въ нашей провинціи!... Да! этотъ человѣкъ, этотъ Джіованни есть достойный сынъ Ипполито и моей несчастной Розины... О! Боже мой! Боже мой! И этотъ человѣкъ, сынъ моей возлюблен-

ной, ломаетъ мнѣ кости, убиваетъ моего единственнаго сына и... Милосердый Боже, спаси Мадалену! спаси этого бѣднаго сироту!... Бываютъ минуты, когда мечь служить мнѣ утѣшеніемъ, но случаются и другія, когда внутренній голосъ...

— Не отвергайте этого голоса, дѣдушка! вскричала Мадалена, это самъ Богъ, который говоритъ вамъ. Прощайте въ эти высокія минуты, и Богъ сжалятся надъ вами и проститъ васъ.

— Это слова чистой ангельской души, отецъ мой, проговорилъ Луиджи, не пренебрегайте ими. Мщеніе для тѣхъ, которые остаются здѣсь, а тѣ, которые покидаютъ эту землю, должны прощать.

— Мщеніе? произнесъ Ансельмо, но развѣ оно не исполнено еще? Странная смерть этого несчастнаго таможеннаго развѣ не искупила всѣхъ преступленій?

— Ансельмо! сказалъ старикъ, застонавъ, Ансельмо замолчи! ты вызываешь угрызения моей совѣсти!

— Богъ тронулъ ваше сердце, дѣдушка, возразила кроткимъ голосомъ Мадалена; Богъ удостоилъ взглянуть на васъ милосердымъ окомъ, потому-что этотъ спасительный страхъ ведетъ къ раскаянію и спасенію. Позабудьте все, дѣдушка, думайте о Богѣ, къ которому вы скоро явитесь.

— Просите у него, чтобъ онъ простилъ вамъ эту ужасную мѣсть, прибавилъ Ансельмо съ чувствомъ. Покайтесь, дѣдушка, предъ Богомъ, который одинъ видѣлъ ваше преступленіе...

— И присягате Ему въ жертву всякую ненависть, всѣ страсти земныя, продолжала Мадалена, потому-что двери вѣчности открываются передъ вами, милый дѣдушка...

— Отецъ мой! отецъ мой! произнесъ Луиджи.

— Боже милосердый, вскричалъ старикъ, заливаясь слезами, заслужилъ ли я милость твою двадцати-пяти-лѣтнимъ страданіемъ? О Боже! я забываю мои страданія, если за нихъ ты посылаешь мнѣ въ предсмертный часъ, за немѣнимъ священника, двухъ ангеловъ, которые ведутъ меня къ тебѣ! Благодарю, благодарю, Спаситель мой! прости мнѣ, какъ я прошая Джіованни!

Восклицаніе радости вырвалось изъ груди трехъ присутствовавшихъ, потому-что въ этихъ спасительныхъ словахъ они видѣли вѣчное блаженство любимаго ихъ родителя.

— Мадалена! сказалъ еще Пьетро, помоги мнѣ молиться, моя голова такъ слаба.

И Мадалена стала молиться съ нимъ; Луиджи и Ансельмо участвовали въ этой горячей молитвѣ, одинъ на колѣняхъ, другой лежа, но съ поднятыми руками къ небу, съ тою душевною вѣрою, которую можно встрѣтить въ Италіи не только между контрабандистами, но и между самыми большими преступниками.

— Воды! воды! вскричалъ старикъ.

Мадалена подала ему воды, и онъ пилъ съ разстановкой, потомъ снова упалъ на матрацъ и произнесъ слабымъ голосомъ:

— Благословляю васъ всѣхъ, мои дѣти!

Ансельмо взялъ его руку и поцѣловалъ ее; рука была холодна. Старикъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Мадалена встала на колѣни по правую сторону, Ансельмо во лѣвую, и со слезами читали отходную. Такъ скончался Пьетро Сартти.

III.

Б А С Т А .

Ансельмо и Мадалена долго молились надъ трупомъ своего дѣда. Когда они встали, молодая дѣвушка дружески пожала руку своему брату, какъ бы благодаря его, за то, что помогъ ей обратить дѣда къ раскаянію. Ансельмо понялъ ея мысли, отвелъ ее къ окошку и сказалъ ей тихо, потому-что Луиджи уже нѣсколько минутъ отъ чрезмѣрнаго утомленія лежалъ съ закрытыми глазами.

— Однако я убью этого человѣка, если онъ не послушаетъ голоса природы.

— Ансельмо! вскричала Мадалена.

— Джіованни думалъ исполнить долгъ, ломая кости Пьетро Сартти, потому-что онъ не зналъ исторіи его жизни, но когда онъ распространяетъ свое мщеніе на тебя, сестра, на твоего отца и жениха, то онъ совершаетъ неизвинительное преступленіе и даетъ мнѣ право убить его.

— Ансельмо! повторила Мадалена: если въ сердцѣ твоёмъ хранится сколько-нибудь любви ко мнѣ, сестры твоей, то умоляю тебя всѣмъ, что есть святаго въ жизни, не мсти Джіованни. Богъ защититъ насъ отъ этого человѣка

— Ты не понимаешь меня, сестра; Джіованни объявилъ смертельную вражду нашему семейству; если его не остановить на дорогѣ, онъ уничтожитъ насъ всѣхъ безъ исключенія. Мы не будемъ нападать на него, а только защищаться. Если бъ я зналъ нѣсколько часовъ прежде наше положеніе въ отношеніи къ этому человѣку, то онъ бы не былъ страшенъ для насъ: князь Сфроча-Джезу избавилъ бы насъ отъ такого страшнаго непріятеля.... Но я не слышу шума на улицѣ!.... Не случилось ли какого-нибудь новаго несчастья? прибавилъ Ансельмо съ ужасомъ.

— Пресвятая Богородица, спаси моего жениха! вскричала Мадалена.

— Сойдемъ внизъ, сестра, я пойду узнаю.

Ансельмо сталъ заряжать свое ружье. Какъ только онъ успѣлъ привести его въ порядокъ, Мадалена, которая прислушивалась внимательно у окошка, приближалась къ нему и сказала на ухо:

— Я слышала шумъ шаговъ.

Ансельмо сталъ на колѣни, приложилъ ухо къ землѣ и оставался нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи, потомъ приподнялся, говоря тихимъ голосомъ:

— Ты права.

Въ эту минуту половина двери открылась, и Мадалена бросилась въ объятія Мостакино. Его чрезмѣрная блѣдность и потеря крови доказывали какую отчаянную битву онъ долженъ былъ выдержать. Когда Ансельмо поправилъ лампу, Мадалена пронзительно вскрикнула:

— Чтѣ съ тобой, Гаэтано? спросила она, глядя на своего жениха.

— Ничего, проговорилъ онъ. Но усиливающаяся слабость явно противорѣчила его словамъ; чтобъ не упасть, онъ долженъ былъ крѣпко опереться на несчастную дѣвушку.

— Постелей! постелей! вскричалъ одинъ изъ контрабандистовъ съ поспѣшностію.

Всѣ пошли на верхъ, и Ансельмо заперъ двери.

Раны Мостакино и Сфроча-Джезу были только опасны, а

раны товарищей ихъ были смертельны. Потому Мадалена перевязала прежде тѣхъ, которыхъ можно было спасти.

Пока это доброе существо старалось спасти отъ смерти своихъ ближнихъ, Ансельмо рассказывалъ Мостакению исторію, слышанную имъ отъ Пьетро Сартти и описывалъ завидную смерть его. Когда онъ кончилъ рассказъ, Гаэтано, послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ:

— Мы въ жалкомъ положеніи! Должны страдать за чужую вину!... Но будетъ ли конецъ мщенію этого ненавистнаго чловѣка?

— Я думалъ, что все уже кончено? возразилъ Ансельмо.

— Нѣтъ, я долженъ былъ выпустить добычу!... Я предчувствовалъ самъ, не знаю почему, несчастія, случившіяся здѣсь и хотѣлъ избавиться отъ этого непримиримаго врага или погибнуть.... Но адъ, который ему покровительствуетъ, послалъ противъ насъ вооруженныхъ людей изъ Чіассо. Надо было прекратить кровопролитіе. Довольно съ насъ, что мы вооружили противъ себя австрійское правительство; еще прибавить къ этому гоненіе швейцарскаго, значить потерять все безъ возврата.... Насъ было тринадцать, когда мы вышли отсюда.... роковое число! Теперь насъ только пятеро, если всѣ останемся живы.

На другой день послѣ похороны дѣдушки и двухъ контрабандистовъ, умершихъ въ домѣ ночью, Ансельмо нанялъ карету въ Чіассо и свезъ своего дядю, сестру, Сфроча-Джезу и Гаэтано въ домъ послѣдняго.

Искусный хирургъ ручался за жизнь трехъ больныхъ, и чрезъ мѣсяцъ Мостакенио и его преданный помощникъ были совершенно здоровы.

Въ это время Гаэтано имѣлъ всю возможность обстоятельно обдумать свою будущность. Онъ ясно видѣлъ всѣ опасности своего поприща и понималъ, что Мадалена избавится отъ преслѣдованій таможеннаго только въ Лугано, въ собственномъ его домѣ. Потому онъ и рѣшился заняться болѣе значительными дѣлами, чтобы быть въ состояніи черезъ нѣсколько времени жениться на любимой имъ дѣвушкѣ.

Пьетро, думалъ онъ, кончилъ свое поприще; Луиджи выздарила, Ансельмо и Мадалена страдали только изъ участія къ нимъ: и такъ всѣ наши потери могутъ легко вознаградиться. Мнѣ только слѣдуетъ теперь употребить всѣ мои силы, чтобы ускорить счастье моей возлюбленной невѣсты, моего небеснаго

ангела. Да сохранить меня Богъ въ продолженіе одного или двухъ мѣсяцевъ, и я перестану заниматься контрабандой, а займусь мелочной торговлей въ Лугано. Мадалена не хочетъ и думать о свадьбѣ прежде окончанія траура по ея дѣдушкѣ, но она согласится занять мѣсто въ моей скромной конторѣ, въ ожиданіи этого счастливаго дня. И такъ, потеримъ, и быть-можетъ еще будутъ счастливые дни для бѣднаго Гаэтано.

Надо было приняться за дѣла и слѣдовательно снова поселиться въ остеріи; потому-что Мостакенио предпринималъ всѣ свои дѣла пополамъ съ фамилією Сартти. Луиджи не хотѣлъ растаться съ своими друзьями, его перенесли въ его домъ, не смотря на запрещеніе доктора. Развѣстивъ въ остеріи семейство, которое онъ считалъ уже роднымъ, Гаэтано отправился въ Мендризіо, гдѣ набралъ двадцать чловѣкъ самыхъ отважныхъ контрабандистовъ. Въ тотъ же вечеръ онъ употребилъ ихъ въ дѣло. Въ одиннадцать часовъ они пришли, нагруженные товарами, къ невѣстѣ ихъ новаго начальника, гдѣ ожидалъ ихъ сытный ужинъ.

— Въ дорогу, ребята! вскричалъ Мостакенио, услыша, что на колокольнѣ Коло пробило двѣнадцать часовъ.

Звонъ этого колокола заставилъ вздрогнуть Мадалену, потому-что онъ былъ предвѣстникомъ ужасной ночи, къ послѣдній разъ, когда его бой былъ услышанъ ею. Однако молодая дѣвушка скрыла овладѣвшій ею ужасъ.

— Въ путь! повторилъ Мостакенио!

Всѣ контрабандисты въ одинъ голосъ желали успѣха.

— До свиданія! сказалъ онъ наконецъ своей невѣстѣ, пожавъ ей руку, потомъ, обращаясь къ своему будущему брату:

— Впередъ! вскричалъ онъ, и при малѣйшемъ признакѣ опасности условленную пѣсню, но не забывать осторожности.

— Понимаю, отвѣчалъ Ансельмо.

Небольшой отрядъ вышелъ изъ остеріи; Ансельмо гораздо опередилъ ихъ. Мостакенио и Сфроча-Джезу шли впереди. Четыре вооруженные чловѣка и безъ груза шли за ними. Потомъ слѣдовали двѣнадцать контрабандистовъ съ товарами за плечами, съ ружьями въ рукахъ и пистолетами за поясомъ. Четыре другихъ, также вооруженныхъ, заключали шествіе.

Ночь была прекрасная, луна сіяла въ полномъ блескѣ.

Контрабандисты перешли безъ приключеній границу и достигли высотъ въ порядкѣ в мѣрнымъ шагомъ.

Но лишь только они начали всходить на гору Ломпино, въ недалекомъ разстоянн отъ нихъ раздался звучный и чистый голосъ; онъ пѣлъ:

E'una storia ben curiosa,
Aup Là lirou liroula .

Это былъ голосъ Ансельмо. Контрабандисты спрятались за плетень, который отдѣлялъ дорогу отъ горъ, и держались наготовѣ. Тогда вдаль послышалось хлопанье въ ладоши, потомъ голоса, которые кричали:

— Браво! Повтори!

Ансельмо продолжалъ пѣть; но страшный грозный, какъ рыканіе льва, голосъ прокрывъ его дѣтскій пѣжный голосокъ и ужасное слово *баста* (довольно) раздалось въ воздухъ и откликнулось на вершинахъ горъ.

Въ это время слабый свѣтъ заблесталъ на вершинахъ Ломпино: раздался ружейный выстрѣлъ, и Ансельмо упалъ навзничь.

Онъ упалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестнадцать лѣтъ назадъ и за нѣсколько мѣсяцевъ прежде его рожденія, которое стоило жизни его матери, Пьетро началъ продолжительную и ужасную пытку отца Джіованни.

Залпъ изъ двадцати ружей вдругъ ударилъ въ старые дубы, которыми увѣнчана вершина Ломпино. Восемь контрабандистовъ, которые охраняли товары, отдѣлились и идя, по двумъ противоположнымъ дорогамъ, добрались до вершины горы, чтобы отыскать убійцу любимого брата Мадалены.

Они осмотрѣли, съ кинжалами въ рукахъ, около всѣхъ плетней, шарили въ кустахъ, искали въ ямахъ, но все безуспѣшно, убійца успѣлъ убѣжать. Печально вернулись они къ товарищамъ.

Рана, которую получилъ Ансельмо, была опасна. Надо было, не теряя времени, перевязать ее. Сфроча-Джезу вызвался самъ

* Это очень любопытная исторія,
Аюфъ, да лиру лирула.

снести мальчика въ остерію, но Мостакснн замѣтилъ ему, что надо побережъ Мадалену. Онъ просилъ своего преданнаго друга снести Ансельмо въ Чіассо, пригласить знакомаго ему доктора и потомъ перенести въ Лугано въ его домъ, если будетъ возможно. Сфроча-Джезу пошелъ проселочной дорогой съ своей драгоценной пошею; другіе контрабандисты продолжали путь съ своимъ начальникомъ.

Вскорѣ Мостакснн замѣтилъ въ нѣкоторомъ разстоянн пятиерыхъ таможенныхъ, которые шли къ нимъ на встрѣчу. Онъ далъ тихимъ голосомъ наставленіе своимъ людямъ и продолжалъ путь. Обыкновенно, когда таможенные были въ меньшемъ числѣ и не подъ командою неумолимаго Джіованни, они довольствовались небольшой платой, которую предлагалъ имъ одинъ изъ контрабандистовъ и дѣлалъ видъ будто не замѣчали товара... На этотъ разъ таможенная стража напрасно ожидала посланника мира; они робко подвигались, потому-что могли легко рассмотреть, не смотря на разстоянн, число своихъ противниковъ. Когда они были въ пятидесяти шагахъ отъ нихъ, Мостакснн произнесъ роковое слово: баста! и въ ту же минуту таможенные упали, будто пораженные громомъ.

Начиная съ этой ночи, баста! стало возгласомъ войны у контрабандистовъ: баста! значило мщеніе! возмездіе! Баста! служило приговоромъ къ неминуемой смерти. Смысль этого ужаснаго слова, непонятнаго для таможенныхъ, могъ имъ объяснить Джіованни, но Джіованни исчезъ для всѣхъ послѣ этой ужасной ночи; никто не зналъ, куда онъ дѣвался.

Мадалена, запершись въ комнатѣ своего отца, находилась въ ужасномъ положенн, въ невыразимомъ безпокойствѣ, сама не зная отъ чего. Малѣйшій шумъ заставлялъ ее вздрагивать; свистъ вѣтра казался ей томительною жалобою; неровное дыханіе Лупджи отдаленнымъ стономъ. Сидя у камина, она смотрѣла въ молитвенникъ и не могла прочитать ни слова. Наконецъ усталость превозмогла, и глаза ея сомкнулись.

Въ два часа по утру она видѣла страшный сонъ, въ которомъ Джіованни и Ансельмо играли главную роль, потомъ она проспала крѣпкимъ сномъ до четырехъ часовъ. Раздавшійся ударъ въ двери остеріи разбудилъ ее въ это время; это былъ Мостакснн, который, кончивъ свои дѣла въ Комо и отпустивъ своихъ людей, возвратился одинъ черезъ озеро, по своему обыкновенію.

Мадалена побѣжала отворить. Ее поразило, что женихъ ея пришелъ одинъ:

— Гаэтано, вскричала она, гдѣ Ансельмо?... Гдѣ мой братъ?... Отвѣчай же!

— Войдемъ прежде, отвѣчалъ Мостаккино въ смущеніи, взявъ дрожащею рукою Мадалены.

— Ансельмо нѣтъ съ тобою? Гдѣ же онъ? Боже мой! скажи же, Гаэтано!

— Успокойся, Мадалена, дай мнѣ вздохнуть....

— Гаэтано! вскричала молодая дѣвушка внѣ себя, если ты меня любишь, скажи, что случилось съ моимъ братомъ! Я люблю его, да, я люблю этого мальчика, какъ сына. О Пресвятая Богородица! Мой сонъ не обманулъ меня!... Я читаю въ глазахъ твоихъ истину, которую ты напрасно хочешь скрыть отъ меня... Ансельмо убитъ!

— Нѣтъ, но онъ опасно раненъ, отвѣчалъ Мостаккино, видя, что нечего было готовить ея къ этому несчастію.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ онъ? спросила Мадалена въ безпамятствѣ. Что сдѣлали вы съ моимъ Ансельмино? Куда дѣвали вы моего любимого брата?

— Не беспокойся, милая, теперь онъ уже у меня въ домѣ въ Лугано, гдѣ докторъ, который спасъ твоего отца и твоего жениха, спасетъ и его также. Успокойся, моя милая.

Мадалена оставалась нѣсколько времени неподвижною, какъ будто искала сама въ себѣ силы перенести это безмѣрное несчастье, потомъ спросила съ большимъ спокойствіемъ:

— Но кто, кто же осмѣлился поднять руку на мальчика? кто же этотъ извергъ?

— Джіованни.

Молодая дѣвушка упала на колѣни, сложила руки, подняла свои свѣтлыя глаза къ небу и произнесла съ одушевленіемъ:

— Боже мой! Прости Джіованни, прости Ансельмино, прости ныя всѣмъ! Матерь Божія! не оставь ихъ!

Потомъ она вошла съ женихомъ своимъ въ комнату отца. Луиджи принялъ это извѣстіе съ страшнымъ равнодушіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ медленно привсталъ и сказалъ своему будущему зятю ослабѣвшимъ отъ лихорадки голосомъ:

— Теперь-то я долженъ выздоровѣть во что бы то ни стало!... И я выздоровѣю, видитъ Богъ, выздоровѣю!

Въ продолженіе двухъ недѣль не видно было Джіованни ни на высотахъ, ни въ долинѣ, гдѣ стояла остерія, ни въ городѣ Комо и ничего не слышно было объ немъ. Контрабандисты утѣшались, думая, что нанесли ему смертельную рану, когда, замѣтивъ несчастье Ансельмо, они выстрѣлили на вершину горы Ломбини, гдѣ вѣроятно скрывался и тамеженный. Какъ бы то ни было, Мостаккино продолжалъ свои путешествія каждую ночь и увеличивалъ постепенно кругъ своей промышленности, частью, которую онъ бралъ себѣ. Въ одинъ вечеръ, напрасно ожидая Сфроца-Джезу, онъ направилъ путь къ высотамъ въ сопровожденіи своихъ людей. Это было въ первый разъ, что вѣрный Сфроца-Джезу не явился на мѣсто въ назначенный часъ. Начальникъ его, безпокоясь о немъ, не успѣлъ сдѣлать и трети предстоящей дороги, какъ встрѣтилъ этого преданнаго друга.

— Гдѣ ты пропадалъ? спросилъ онъ его полустрогимъ и полудушливымъ голосомъ.

— Я былъ въ погребкѣ. У меня родилось подозрѣніе... я хотѣлъ увѣриться.... Ты знаешь, что если что-нибудь меня беспокоитъ, я не могу оставаться спокойно на мѣстѣ....

— Знаю, но ты заставилъ насъ потерять добрый часъ.

— То, что я вмѣю тебѣ сказать, вознаградитъ потерю времени. Отгадай, Мостаккино, съ кѣмъ я пилъ сегодня вечеромъ?

— Я не волшебникъ, Сфроца-Джезу; напрямѣръ не съ прекрасною ли булочницею, за которую ты давно ухаживаешь?

— Я объ ней и забылъ сегодня вечеромъ. Съ Джіованни!...

— И ты не сказалъ: баста! вскричалъ Мостаккино, остановивъ и скрестивъ руки на груди.

— Я и не подумалъ этого, чортъ возми! нашъ молодецъ совсѣмъ перемѣнился.

— Перемѣнился, повторилъ начальникъ, пожавъ плечами; потомъ пошелъ впередъ и прибавилъ: какъ ты это понимаешь?

— Увѣряю тебя, что это не тотъ человѣкъ, что былъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Объяснись.

— Онъ чистосердечно раскаивается во всѣхъ несчастіяхъ,

которые причинилъ нашему семейству. Онъ болѣе не врагъ нашъ.

— Это было бы хорошо, но я ему не вѣрю.

— Гмъ! Онъ имѣлъ время пораздумать! опасная рана заставила его довольно пролежать въ постелѣ. Онъ мнѣ это самъ рассказывалъ. И это чудо произвела одна изъ нашихъ пуль. Онъ мнѣ поклялся, что не хочетъ болѣе продолжать своего мщенія... Ты знаешь?...

— Тѣмъ лучше для него.

— И для нашихъ дѣлъ тоже. Я чуть было не бросился къ нему на шею, когда услышалъ такіе рѣчи. Еще болѣе. Онъ имѣетъ сильное желаніе помириться....

— Съ кѣмъ? спросилъ Гаэтано, нахмуривъ брови и голосомъ, въ которомъ выказывался худо скрытый гнѣвъ.

— Онъ хотѣлъ бы, отвѣчалъ робко простодушный Сфроцца-Джезу, чтобы... дѣла шли прежнимъ порядкомъ.

— Это другое дѣло, возразилъ Мостакино съ спокойнымъ видомъ. Въ такомъ случаѣ надо было сговориться съ нимъ. Ты вѣдь знаешь, что я волюнѣ довѣряю тебѣ.

— Но... вотъ что... произнесъ съ разстановкой Сфроцца-Джезу, онъ хотѣлъ бы условиться именно съ тобой.

— Нѣтъ! вскричалъ начальникъ. Если такъ, я не соглашаюсь ни на какія условія...

— Однако... прибавилъ Сфроцца-Джезу.

— Ни слова болѣе! рѣшительно сказалъ Мостакино. Я могу дѣлать видъ, что не вижу этого человѣка, когда встрѣчусь съ нимъ; но если онъ встрѣтитъ меня на дорогѣ, когда я буду одинъ!... тогда! я не отвѣчаю за себя!

— Въ такомъ случаѣ я попробую уговорить его. Онъ назначилъ мнѣ свиданіе сегодня ночью въ половинѣ пятого часа?

— Гдѣ?

— На вершинѣ Ломпино.

— Не ходи, несчастный! Это обманъ!

— О! нѣтъ! если бы ты поговорилъ съ нимъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, какъ я, ты не подозрѣвалъ бы его.

— Сфроцца-Джезу! Я не могу тебѣ запретить, какъ начальникъ, но какъ другъ, совѣтую тебѣ, умоляю тебя, не ходить на это свиданіе. Если этотъ человѣкъ дѣйствительно раскаялся, онъ бы нашелъ другое мѣсто и время для вашихъ переговоровъ.

Къ чему подвергать жизнь опасности безъ всякой пользы?

— Ты думаешь, что я боюсь его?

— Я увѣренъ, что нѣтъ; но если онъ употребитъ хитрость, къ чему послужитъ твоя храбрость.

— Я буду остороженъ; и притомъ стѣбитъ ли моя жизнь, чтобы объ ней такъ заботиться?

— Упрямецъ!

— Что у насъ сегодня вечеромъ? спросилъ Сфроцца-Джезу, пожавъ плечами, показывая явное презрѣніе къ опасности.

— Множество вещей: сукна, кашемары, шелковыя матеріи для хозяина; кружева и разныя галантерейныя вещи собственно для меня. Это весьма не дурно. Если бы каждую ночь пенадались подобныя вещи, я бы черезъ мѣсяцъ уступилъ тебѣ свое мѣсто и начальство надъ моими людьми; это заставило бы тебя полюбить болѣе свою жизнь.

— Да, потому-что я тогда могъ бы надѣяться получить руку Форнарини.

Мостакино, дорогою въ Комо, старался представить своему товарищу пріятную будущность.

Выложивъ свои товары у покушниковъ, получивъ деньги за собственные, и росписку за хозяйскіе, онъ уговорился съ своимъ препоручителемъ о завтрашней доставкѣ. Потомъ отпустилъ людей и направилъ путь къ озеру. Три часа было на часахъ въ Комо, когда онъ садился въ лодку. Ночь была холодна, но прекрасна; луна уходила за горы, но ясное звѣздное небо было во всемъ своемъ великолѣпіи. Панорама города ясно отдѣлялась отъ чистой лазури небесъ; онъ лежалъ полукругомъ около порта; его бѣлые дома кокетливо любовались собою въ водахъ озера. Различныя лодки, множество рыбацкихъ ботовъ и нѣсколько гондолъ, принадлежащихъ богатымъ людямъ окрестныхъ дачъ, спокойно ожидали зари, чтобы плыть по всемъ направленіямъ. Направо и лѣво по берегамъ этого прекраснаго зеркала, едва подернутаго легкою зыбью, возвышались великолѣпныя дворцы, окруженные обширными садами, которые спускались амфитеатромъ къ самой водѣ. Надъ этими зданіями красивой архитектуры огромная, деревянная лѣстница примыкала къ голой скалѣ на вершинѣ горы. Деревья, правда, не красовались зеленью, но яркій блескъ свѣга мѣстами выказывалъ явственнѣе сѣрый грунтъ, на кото-

ромъ онъ лежалъ. Далѣ деревня Чернобіо, казалось, соединяла оба берега.

Всякій разъ, какъ Мостаксино переѣзжалъ черезъ озеро, онъ находилъ въ немъ какія-нибудь новыя красоты. Нѣсколько лѣтъ уже онъ наслаждался этимъ пріятнымъ отдохновеніемъ, каждый день послѣ своей работы и всегда находилъ въ этой ночной прогулкѣ невыразимую прелесть. Онъ сожалѣлся бы провести всю жизнь на этой прозрачной влагѣ, онъ тутъ уже не былъ контрабандистомъ, но поэтому. Воплиѣ предаваясь очарованію окружающей его природы, онъ дополнялъ мечтами остальное. Воображалъ себя сидящимъ возлѣ своего ангела, своей прекрасной невѣсты и медленно гребъ, мечтая на свободѣ.

Въ эту ночь, по случаю разговора съ Сфроча-Джезу, Мостаксино еще болѣе обыкновеннаго строилъ воздушныя замки, такъ что не замѣтилъ какъ пріѣхалъ къ Чернобіо. Но это еще успило его пріятное расположеніе духа. Онъ возвращался къ Ломпвино, не спѣша и безопасно затянувъ пѣсню:

La mamma che de mi lera gelosa,
Ben con ben stara bilaben,
La mi mandava
Diridon farà nina nina
A spigolar dolla linosa *.

Эхо гротовъ и горъ повторяло мелодію этой навпной пѣсни. Окончивъ куплетъ, Гаэтано обернулся, услыша вблизи шорохъ. Онъ увидѣлъ рыбацью лодку, которая приближалась къ нему; въ ней былъ только одинъ гребець.

Мостаксино продолжалъ:

Quando mi anca fini de spigolare etc.

* Эта пѣсня болѣе нарѣчія ломбардскаго, чѣмъ италіанскаго.

Моя мать, которая завидовала мнѣ,
Бенъ копъ бенъ стара билабенъ,
Посылала меня
Диридонъ фара нина нина
Собирать левъ.

Рыбачья лодка поровнялась съ лодкой Гаэтано. Контрабандистъ обернулся и сказалъ:

— Доброй ночи, товарищъ!

— Доброй ночи, отвѣтилъ грубымъ голосомъ, который видимо старался измѣнить сидѣвшій въ другой лодкѣ: ной, молодой человекъ, ты болѣе не будешь пѣть въ такомъ молодомъ возрастѣ *.

Мостаксино продолжалъ пѣть.

Онъ только-что кончилъ послѣднія слова, какъ что-то тяжелое ударило его въ голову, и слово баста! раздалось въ воздухѣ. Мостаксино упалъ на колѣни; второй ударъ весла повалилъ его. Тогда его противникъ нагнулся впередъ, оперся на край его лодки, она опрокинулась.

Потомъ Джіованни, — потому-что это былъ онъ, — скрестилъ руки и смотрѣлъ на поверхность озера, пока оно снова не сгладилось.... Тогда онъ удалился, повторяя послѣдній куплетъ, который началъ пѣть Мостаксино.

IV.

Шесть часовъ пробило на часахъ Чіассо. Было почти также темно какъ въ полночь. Густыя тучи закрывали небо отъ взоровъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ узкой долинѣ, посреди которой находилась остерія дель Галло, и нагибалъ почти до земли верхушки деревьевъ, лишенныхъ зелени; страхивая и разбитая снѣгъ, которымъ земля была покрыта, онъ наполнялъ воздухъ густымъ туманомъ. Ночная птица кричала отчаяннымъ воплемъ, и пѣтухъ, отвѣчая ей, казалось, призывалъ зарю, своимъ обыкновеннымъ прищвомъ. Въ долинѣ не слышно было человѣческаго голоса. Сидя у кровати отца, Мадалена горько плакала, закрывъ лицо руками. Гаэтано, приходившій всегда около четырехъ часовъ, еще не возвращался.

Большой проснулся и спросилъ у нея слабымъ голосомъ:

— О чемъ ты плачешь, дитя мое?

* Ломбардская пословица: Non cantorete mai piu cose giovane.

— Гаэтано еще не возвращался, прошептала молодая дѣвушка, не подымая головы:

— Который часъ?

— Шесть часовъ.

— Еще несчастіе! вскричалъ Лунджи, застонавъ.

Мадалена ничего не отвѣчала. Больной, вздохнувъ тяжело нѣсколько разъ, прибавилъ:

— Мадалена, откуда этотъ дымъ?

Молодая дѣвушка быстро приподняла голову и съ удивленіемъ замѣтила, что комната была полна дыму. Она подбѣжала къ другому краю комнаты и открыла окно. Снаружи было тоже самое что и внутри; весь домъ былъ окруженъ густымъ облакомъ дыма. Мадалена, не смотря на темноту, увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ противъ себя человѣка, который стоялъ неподвижно, скрестивъ руки и прислонясь спиною къ дереву. Она тотчасъ отгадала, что это былъ Джіованни. Она поняла, что между злодѣемъ и дымомъ, окружавшимъ домъ, было страшное сближеніе. Воскличаніе ужаса вырвалось изъ ея груди. Не говоря ничего отцу, она бросилась въ другую комнату, которая выходила на дворъ остеріи и открыла тамъ окно. Она не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Въ то самое время, какъ она выглянула въ окно, пожаръ вспыхнулъ съ этой стороны: вмѣсто дыма показалось сильное пламя, которое пзвиваясь, поднималось вверхъ; Мадалена хотѣла закричать, просить помощи, но, одумавшись, стиснула свои поблѣднѣвшія отъ страха губы. Какое живое существо услышитъ въ этой пустынѣ отчаянный крикъ ея, развѣ только отецъ, который не въ состояніи помочь ей, или этотъ злодѣй, который ожидалъ только случая, чтобъ броситься на свою добычу.

Молодая дѣвушка приложила руку къ поясу, чтобъ удостовѣриться тутъ ли ножъ Ансельмо, потомъ вышла въ сѣни, къ колодезю и начала съ кроткимъ хладнокровіемъ черпать воду.

Сѣноваль, какъ мы уже сказали, былъ въ самомъ низу подъ комнатою, въ которой начался пожаръ. Изъ окошка этой комнаты Мадалена напрасно истощала свои силы, поливая воду на пылающую крышу. Пожаръ, не смотря на ея усилія, продолжалъ свое разрушеніе.

Вдругъ отчаянный крикъ поразилъ слухъ молодой дѣвушки. Это былъ голосъ Лунджи, но судорожный и удивительно сильный въ его положеніи.

Мадалена бросила послѣдній взглядъ на неугасимое пламя и

бросилась къ отцу. Лунджи метался на своей кровати. Джіованни смотрѣлъ на него съ насмѣшливой, адскою улыбкой. Молодая дѣвушка замѣтила, что отецъ ея былъ крѣпко привязанъ къ кровати, и сдѣлала шагъ, чтобъ освободить его, но таможенный остановилъ ее, схватилъ за талию и поднявъ, какъ перышко, быстро сошелъ съ лѣстницы, открылъ сильнымъ толчкомъ ноги дверь трактира, потому что онъ вошелъ въ окно, которое Мадалена открыла, и вышелъ съ своей добычей, вскричавъ:

— Теперь, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчу на дорогѣ моей ни Ансельмо, ни Сфроча-Джезу!

Полчаса спустя, онъ вошелъ въ домъ, находившійся на горѣ, звѣрскимъ взоромъ впился въ лежавшую безъ чувствъ молодую дѣвушку, засвѣтилъ лампу, развелъ огонь и закурилъ трубку съ убійственнымъ хладнокровіемъ, потомъ сѣлъ спокойно передъ каминномъ, скрестилъ ноги и прошепталъ, выпуская большіе клубы дыма.

— *Eccoci all'ultima vendetta!* *

Онъ прислонился къ спинкѣ стула, какъ бы размышляя о чемъ-то и началъ говорить самъ съ собою:

— Посмотримъ! сказалъ онъ. Старика, убійцѣ моего отца, я изломалъ кости; внука убилъ; жениха, котораго я не могъ встрѣтить на землѣ безъ свидѣтелей, и въ котораго я не хотѣлъ стрѣлять, когда онъ былъ между товарищами, я оглушилъ и потопилъ въ озерѣ; повѣренный его, Сфроча-Джезу попалъ, какъ дуракъ, въ мои силки, и я закололъ его.... Теперь остался отецъ и дочь. Съ отцомъ я уже управился; онъ успокоится, лежа на своей роскошной кровати... а дочь, дочь теперь въ моей власти. Никто теперь не могъ бы вырвать у меня моей добычи! Черезъ часъ я вполне буду удовлетворенъ! Черезъ часъ или два, можетъ-быть, чтобъ она имѣла время вполне понять свое несчастіе!... Злодѣй, вотъ названіе, которымъ она меня величала... Мы увидимъ, не сыщеть ли она другаго помагача, чтобъ меня разжалобить.

Онъ молчалъ нѣсколько времени, потомъ вдругъ вскочилъ на ноги и вскричалъ:

— А если она умерла!

* Наконецъ мы достигли послѣдней жертвы мщенія.

Онъ бросился къ кровати и приложилъ руку свою къ сердцу молодой дѣвушки. Ужасная улыбка показалась на его губахъ.

Мадалена дышала еще.

Тогда онъ взялъ лампу, направилъ свѣтъ ея на лицо своей жертвы и долго любовался ею. Лицо его видимо измѣнилось, онъ становился блѣднѣе и блѣднѣе. Наконецъ онъ поставилъ лампу на столъ, сѣлъ, бросилъ свою трубку на доску камня, началъ мѣшать уголья щипцами и бить ногою тактъ музыки, которой самъ не понималъ.

— Джіованни! вскричалъ онъ наконецъ, остановившись ли ты, потому-что эта дѣвушка очаровательнѣе, нежели какъ она тебѣ казалась.... Ты будешь трусъ, извергъ, негодяи! Мужества! побольше мужества, прочь нерѣшимость! Онъ закрылъ лицо руками, потомъ черезъ минуту поднялъ голову и сказалъ:

— Джіованни, ты забылъ слова, сказанныя убійцей твоего отца у креста, который стоитъ на могилѣ его сына, въ ту достопамятную ночь, когда ты слѣдовалъ за нимъ на высоты? — «Я отмстилъ за тебя, сынъ мой, говорилъ онъ; убійцу твоего я повѣсилъ за ноги въ подвалѣ и тамъ пыталъ его, пока голодъ не принудилъ его испустить послѣдній вздохъ!» Какая ужасная пытка! И это былъ твой отецъ, Джіованни, твой отецъ, который такъ мучился. И послѣ этого ты еще будешь въ нерѣшимости?... Джіованни! ты не долженъ отступать отъ долга....

Онъ снова всталъ и пошелъ къ своей жертвѣ съ послѣдшнею, которая доказывала, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ. Мадалена открыла глаза. Таможенный остановился въ смущеніи.

Съ тѣхъ поръ, какъ Джіованни переведенъ былъ на границу Чіассо, онъ не имѣлъ случая видѣть такъ близко Мадалену, или по крайней мѣрѣ не могъ спокойно смотрѣть на нее. Во время дня онъ не смѣлъ подойти къ остеріи, а когда онъ рѣшился подходить ночью, то могъ разслушать что говорили, но видѣть было невозможно, потому-что окна были на восемь футовъ отъ земли и заклѣнены масляной бумагой, вмѣсто стеколъ. Это правда, что таможенный встрѣчался, сходилъ нѣсколько разъ съ молодой дѣвушкой, но это случалось въ минуты неминуемой опасности, которая не позволяла ему спокойно разсмотрѣть черты прекрасной Мадалены. Видя теперь это ангельское лицо, блѣдное, спокойное и ясное, любясь этими чертами, гдѣ невинность и чистота души сіяли во всемъ блескѣ, Джіованни почувствовалъ неизвѣстное ему дотохъ чувство, невольный тре-

петъ, очарованіе, которое не совсѣмъ укротило его, но ослабило въ немъ ненависть. Онъ напрасно старался пересилить это вліяніе, призывая на помощь воспоминаніе объ отцѣ.

Однако, когда онъ увидѣлъ Мадалену не застѣливую и болзливую, какъ онъ думалъ, но твердую и рѣшительную, вставшую съ постели, смотрѣвшую на него съ презрительною улыбкою, тогда злой демонъ, подстрекавшій его, сильно заговорилъ, и таможенный сдѣлалъ шагъ къ молодой дѣвушкѣ, въ твердой рѣшимости воспользоваться этой минутной злобой и заглушить свое состраданіе.

— Не подходи! вскричала Мадалена, не подходи, убійца!

Повелительное движеніе руки, презрительный взглядъ молодой дѣвушки, смутили снова разумъ Джіованни. Онъ улыбался изъ сожалѣнія, видя угрожающій видъ Мадалены; онъ чувствовалъ, что могъ побѣдить ея гордость, но оставался, какъ бы прикованный къ мѣсту, и подвергался невольному вліянію этого магнетическаго взгляда. Онъ не хотѣлъ сознаться, что чувствовалъ какое-то благоговѣніе передъ этой добродѣтельной и твердой дѣвушкой, и вздрагивалъ при одной мысли нѣжнаго къ ней сочувствія; онъ пожиралъ ее глазами и съ жадностію вдыхалъ ядъ, котораго страшился.

Мадалена казалась спокойною; ея фізіономія не выказывала внутренняго ея чувства. Она все потеряла, кромѣ чести, и потому призвала на помощь отчаяніе. Ея видимое спокойствіе было слѣдствіемъ этой мгновенной рѣшимости.

Въ напрасной борьбѣ съ этимъ неяснымъ, но непреодолимымъ чувствомъ, которое овладѣло имъ, таможенный рѣшился дать отдыхъ самому себѣ: онъ отошелъ и сѣлъ у камня.

Мадалена оставалась неподвижною на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Подойдите къ огню, сказалъ ей Джіованни. Вы долго лежали безъ чувствъ; вамъ должно быть холодно.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала.

Черезъ нѣсколько минутъ, Джіованни снова посмотрѣлъ на нее и возразилъ.

— Развѣ вы боитесь меня?... Или, прибавилъ онъ, улыбаясь, не ожидаете ли вы помощи?

— О! да, прошептала Мадалена, какъ бы говоря сама съ собою.

Она надъядась на Бога, бѣдная сирота.

— Образумьтесь, возразилъ таможенный, никто не можетъ придти къ вамъ на помощь. Ансельмо умеръ...

— Умеръ! вскричала съ горестію молодая дѣвушка.

— Конечно! Сѣрца—Джезу умеръ также, отецъ вашъ умеръ или умираетъ, Мостакино лежитъ на днѣ озера...

Джіованни остановился, видя, что Мадалена пошатнулась, но такъ какъ она не упала, онъ далъ ей время опомниться отъ этого сильнаго потрясенія, потомъ продолжалъ:

— Вы видите, что между вами и мной нѣтъ никакого препятствія!

— Боже милосердый! пропзнесла Мадалена, поднимъ руку къ небу съ смиреннымъ величіемъ.

Таможенный при этихъ словахъ расхохотался.

Тутъ послѣдовало молчаніе. Джіованни первый прервалъ его.

— Я хочу, чтобъ вы сѣли къ огню, возлѣ меня. Подите сюда! Не упрямитесь! я приказываю!

Видя, что его слова не имѣли никакого дѣйствія, онъ всталъ и вскричалъ:

— Если такъ, я силой васъ приведу!

— Если вы еще шагъ сдѣлаете, польется на васъ кровь, сказала ему спокойно молодая дѣвушка.

И вынувъ ножъ Ансельмо, она направила остріе къ своему сердцу.

Джіованни отступилъ назадъ въ ужасѣ и опустился въ свои кресла.

Мадалена поняла смущеніе этого человѣка и почувствовала надежду избавиться отъ самоубійства, котораго страшилась, потому-что оно запрещалось религіею.

Тогда было совершенно свѣтло. Таможенный погасилъ лампу и принялся насвистывать... Онъ боялся! боялся самого себя, боялся молодой дѣвушки, на которую не смѣлъ смотрѣть. Онъ готовъ былъ отдать половину своей жизни за кинжалъ, который она держала.

Онъ любилъ Мадалену!...

Прошелъ часъ въ глубокомъ молчаніи. Мадалена наблюдала за своимъ похитителемъ. Джіованни, казалось, забылъ свою первоначальную цѣль. Наконецъ молодая дѣвушка сказала ему рѣшительнымъ тономъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

Джіованни вздрогнулъ. Онъ подиалъ голову, удивленный этимъ неожиданнымъ воззваніемъ, и встрѣтилъ свѣтлый взглядъ, который проникъ глубоко въ его душу.

— Хотите вы моеи смерти? продолжала Мадалена; скажите одно слово, сдѣлайте хоть одинъ шагъ, и я проколю себѣ сердце. Въмѣсто меня вамъ останется трупъ. И такъ рѣшайтесь. Одно изъ двухъ, или смерть или свобода...

— О! никогда этого не будетъ! вскричалъ таможенный.

— Никогда? возразила молодая дѣвушка. Мы посмотримъ! повторила она, отступая, чтобъ оставить свободный проходъ къ двери. Теперь отворите эту дверь и выйдите прежде, сію же минуту, или я убью себя!

Джіованни вскопчилъ на ноги и вперилъ на Мадалену взглядъ, въ которомъ попеременно выражались гнѣвъ и любовь. Лицо молодой дѣвушки было безчувственно, неумолимо.

— Мадалена, вскричалъ таможенный, не будучи въ состояніи долѣе удерживать порывъ своего сердца. Мадалена, я люблю тебя! Я готовъ умереть скорѣй, чѣмъ потерять тебя!

Дочь Лупджи подняла глаза къ небу, благодаря Бога, за то что она услышала. Потомъ, обратясь къ Джіованни, она засмѣялась насмѣшливо и отвѣчала:

— О, я была увѣрена, что ты трусъ! Чтобъ убить старика, ты употребилъ измѣну; чтобъ умертвить ребенка, ты сиротался; чтобъ отнять жизнь у моего отца, ты подождалъ, чтобъ онъ изнурился продолжительною болѣзнію... Сознайся, что ты трусъ! Ты испугался меня, женщины! А я презираю тебя, проклинаю любовь твою и не боюсь тебя!

— Мадалена, вскричалъ таможенный.

— Отвори эту дверь!

— Нѣтъ!

— Нѣтъ?

Молодая дѣвушка подняла руку, чтобъ пронзить себя.

— Остановись! вскричалъ Джіованни и побѣждалъ отворить дверь.

— Выходи! сказала Мадалена.

И онъ вышелъ.

Молодая дѣвушка слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, и когда они вышли изъ дому, она пошла по дорогѣ, ведущей въ остерію. Потомъ обернулась и сказала своему похитителю:

— Не ходи за мною!

Джіованни повиновался.

Когда Мадалена осталась одна, она со слезами благодарила Бога, что онъ избавилъ ее отъ такой опасности. Съ трепетомъ приближалась она къ своему жилищу. Подойдя къ остеріи, она увидѣла одну грудь пепла.

Она упала на колѣни и долго, долго молилась о спасеніи души своего отца.

V.

Проклятый.

Мадалена молилась и плакала долго: ей оставалась одна надежда на Бога. Полагаясь на безмѣрную Его милость, она почувствовала въ себѣ болѣе твердости. Она думала посвятить Богу остатокъ своихъ печальныхъ дней. Но прежде чѣмъ приступить на-всегда со свѣтомъ, она хотѣла увѣриться, точно ли ничто болѣе не привязывало ее къ землѣ. Хотя Джіованни и сказалъ ей, что Ансельмо умеръ, но она не могла повѣрить, что женихъ ея обманулъ ее изъ ложнаго состраданія, увѣривъ, что мальчикъ выздоравливаетъ. Она хорошо знала Гаэтано, знала, что онъ скорѣй согласился бы сказать всю правду, чѣмъ обманывать, чтобы нанести потомъ сильнѣйшій ударъ. Она поспѣшила идти въ Мендривіо, не смотря на свою усталость, и сѣла въ карету, которая отправлялась въ Капо-ди-Лаго, откуда стоило только переѣхать озеро и потомъ пройти полмили до Лугано.

Какъ эта дорога показалась ей длинна! И сколько грустныхъ мыслей растравила неутѣшную печаль ея.

Выйдя на берегъ, она пошла по дорогѣ, окаймленной съ одной стороны озеромъ, съ другой садами и дачами. Наконецъ

вотъ и Лугано, этотъ маленькой городокъ, веселый и дѣятельный, богатый и гостепріимный. Чтò почувствовала тогда Мадалена, описать невозможно. Тамъ былъ домъ ея жениха, туда неслись тысячи мечтаній о будущемъ, которыя разрушились въ одну ночь; тамъ она встрѣчала всегда дружескую руку, которую жала ея рука; сердце, которое билось одинаково съ ея сердцемъ, тамъ теперь она не найдетъ никого. Можно сказать, что чѣмъ болѣе мы удручены несчастіями, тѣмъ болѣе находимъ силы переносить ихъ.

Эта слабая дѣвушка, которая прошла черезъ столько испытаній, имѣла твердость постучаться въ двери къ своему возлюбленному и ожидать, чтобы пришли отворить ей. Напрасное ожиданіе!... Такъ какъ всѣ въ городѣ знали, что она невѣста Гаэтано, то она могла попросить сосѣда выломать дверь.

Домъ былъ пустъ!

Увѣренность въ несчастіи, быть-можетъ, не такъ ужасна какъ сомнѣніе.

Мадалена не упала духомъ. Она возвела свою душу къ Богу и предалась въ Его святую волю.

Потомъ она возвратилась къ границѣ печальная, но болѣе прежняго спокойная, и остановилась въ Чіассо, гдѣ жила ея тетка, которая воспитала ее; та приняла ее съ материнскою любовью. Какія трогательныя сцены были тамъ, въ этомъ скромномъ жилищѣ! сколько утѣшительныхъ словъ было сказано съ той и съ другой стороны, этими двумя великодушными женщинами, которыя забывали себя, чтобы заниматься другъ другомъ. И Богъ услышалъ молитву этихъ женщинъ; желанія ихъ сбылись даже тѣ, о которыхъ онѣ и не думали.

Въ тотъ самый вечеръ, онѣ едва было не умерли отъ неожиданной радости. Мадалена сидѣла возлѣ тетки и грустила вмѣстѣ съ нею, какъ вдругъ услышала стукъ въ двери.... Онѣ начали вслушиваться... и услышали нѣжный и чистый голосъ.

Это былъ голосъ Ансельмо! Мадалена вскрикнула отъ радости и побѣжала отворить двери, придерживаясь за стѣну: дѣвушка была сильна во время скорби, но силы оставили ее отъ избытка радости.

Ансельмо былъ не одинъ, онъ несъ на рукахъ другаго человека, и этотъ человекъ былъ Луджи. Мадалена упала въ обморокъ.

Когда она опомнилась, она увидѣла отца, лежащаго на кровати возлѣ нея и смотрѣвшаго на нее съ улыбкою. Ансельмо стоялъ на колѣняхъ у ногъ ея; тетка держала ея руку и цѣловала ее.

— Боже мой! Боже мой! вскричала Мадалена, осматривая все вокругъ себя и проливая радостныя слезы. Облегчивъ сердце свое слезами, она спросила, какимъ образомъ отецъ ея спасся отъ пожара.

— Гаэтано хотѣлъ тебѣ сдѣлать сюрпризъ, сказалъ Ансельмо: онъ скрылъ отъ тебя нарочно, что уже три дня какъ я всталъ съ постели. Я долженъ былъ неожиданно, рано придти въ остерію. Я и пришелъ дѣйствительно; но вмѣсто удовольствія, которое себѣ представлялъ, я былъ пораженъ ужасомъ, увидя огромное пламя. Я тотчасъ подумалъ о дялюшкѣ и побѣжалъ въ его комнату, которая уже начинала горѣть. Къ счастью пламя еще не обхватило кровати. Твой отецъ лежалъ безъ памяти. Посуди, какъ я былъ изумленъ и испуганъ, видя его привязаннаго къ кровати. Богъ послалъ мнѣ довольно присутствія духа, чтобъ найти ножикъ, перерѣзать веревки и перенести его изъ этого несчастнаго мѣста. Я дошелъ до лѣсу, посадилъ дялюшку къ ручью и успѣлъ привести въ чувство. Тогда онъ мнѣ рассказалъ все что случилось въ эту ночь...

— А Гаэтано? спросила Мадалена со страхомъ?

— Мы ничего объ немъ не знаемъ, отвѣчала печально Луиджи; потомъ онъ прибавилъ: Благодари твоего брата, Мадалена, ты ему обязана тѣмъ, что еще видишь меня; напрасно искавъ тебя по всей долинѣ и даже въ домѣ проклятаго, онъ рѣшился принести меня сюда на своихъ еще слабыхъ рукахъ. Мадалена съ чувствомъ обняла Ансельмо, цѣловала и ласкала его со слезами.

Наконецъ мальчакъ вырвался изъ пѣжныхъ объятій сестры и пошелъ изъ дому, говоря:

— Я возвращусь, быть-можетъ, съ счастливыми новостями. Я пойду отыскивать твоего жениха.

И съ легкостію человѣка, который идетъ на доброе дѣло, онъ дошелъ до города Комо въ нѣсколько минутъ и зашелъ въ погребокъ. Первый человѣкъ, встрѣтившійся ему тамъ, былъ Джіованни, который вздрогнулъ, увидя его.

— Джіованни, сказалъ онъ ему, мнѣ надо поговорить съ вами.

— Со мной? спросилъ удивленный таможенный.

Науки и Искусства.

ДАВИДЪ ТЕНЬЕРЪ.

(Статья Арсена Гуссе.)

I. МОЛОДОСТЬ ТЕНЬЕРА.

Фламандскіе и голландскіе живописцы прославили кабаки и окружили ихъ какою-то поэзіею въ своемъ родѣ. Впрочемъ кабаки были не то, что теперь. Во Фландріи были знаменитые кабаки Рампоино, гдѣ собирались вельможи двора эрцгерцоговъ поужинать въ веселой и шумной кампаніи. Это было время грубыхъ, но наивныхъ и любопытныхъ нравовъ. Кто не ходилъ въ кабаки, тотъ не имѣлъ философіи.

Давида Теньера обвиняли въ томъ, что онъ изучалъ живопись въ каретѣ. Дѣйствительно, въ то время, когда онъ писалъ кабаки и семейный бытъ простаго народа, онъ жилъ въ замкѣ, какъ вельможа. Но и прежде того, онъ не велъ бродяжнической жизни, свойственной многимъ художникамъ тогдашняго времени; онъ жилъ въ связи съ пьяницами и курильщиками, посѣщалъ народные праздники и деревенскія свадьбы, по

не для того, чтобъ раздѣлять свою радость съ крестьянами, а чтобъ забавляться радостью крестьянъ.

Давидъ Теньеръ родился въ Антверпенѣ, въ 1610 году, въ мастерской своего отца; эта мастерская была въ одно и то же время и спальней и кухней и залой. Младенцомъ онъ уже смотрѣлъ, какъ писалъ старикъ Теньеръ, а когда ему минуло четыре года, отецъ засталъ его съ кистью въ рукѣ, пишущаго съ комическою важностію не доконченную картину.

Рубенсъ, пріѣхавъ къ старику Теньеру, остановился, чтобъ посмотреть на двухъ его сыновей Авраама и Давида.

Авраамъ продолжалъ спокойно заниматься, не заботясь о присутствіи знаменитаго мастера; Давидъ, встревоженный до слезъ, положилъ свою кисть. Рубенсъ, замѣти его замѣшательство, взялъ кисть и началъ продолжать рѣзкими чертами начатый эскизъ молодого ученика. Это былъ самый лучшій урокъ Давиду, потому-что Рубенсъ толковалъ ему каждую черту. Давидъ Теньеръ говорилъ впоследствии: «я получилъ талантъ отъ Бога, вкусъ отъ отца, совершенство отъ Рубенса.

Пятнадцатилѣтній Давидъ Теньеръ писалъ пейзажи въ семейныхъ картинахъ (de genre) отца. Онъ былъ рожденъ живописцемъ: онъ не любовался для удовольствія видѣть, но для удовольствія написать то что видѣлъ.

Отецъ Давида посылалъ его часто на ослѣ продавать свои картины въ Брюссель и Амстердамъ. Однажды Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ высокаго, восемнадцатилѣтняго мальчика, который спросилъ его, куда идетъ его ослѣ. «Онъ идетъ по дорогѣ ослѣ, отвѣчалъ Давидъ Теньеръ; вы видите, что это вашъ путевой товарищъ.» Высокій мальчикъ былъ Андрианъ Брауверъ. Довольный отвѣтомъ молодого Теньера, онъ продолжалъ съ нимъ путь, останавливаясь въ однихъ и тѣхъ же трактирахъ, чтобъ жить на чужой счетъ.

Поссорившись неизвѣстно почему съ Авраамомъ, Давидъ, увѣренный въ своемъ счастьи, открылъ мастерскую возлѣ собора. Андрей Брауверъ, не имѣя другой мастерской, кромѣ кабака, приходилъ писать къ Давиду. Это былъ новый, усердный и оригинальный учитель. Къ счастью, Давидъ слушалъ его только въ мастерской.

Однако рассказываютъ анекдотъ, который доказываетъ, что и Теньеръ иногда заходилъ въ кабакъ. Онъ былъ въ трактирѣ Ойсель съ палитрой и кистями. Денегъ у него не было, но ап-

петить давалъ себя сильно чувствовать. Онъ не зналъ, какъ ему согласить кошелькъ свой съ желудкомъ.

Въ то время, какъ онъ сидѣлъ за столомъ, пришелъ къ дверямъ кабака слѣбной нищій и сталъ шурать на флейтѣ. Онъ велѣлъ музыканту подождать у дверей. Послѣ завтрака онъ началъ писать съ него портретъ, и черезъ два часа картина была готова. Случился тамъ Англичанинъ лордъ Фальстоунъ, который предложилъ ему три червонца за его картину. «Я только этого и желалъ» сказалъ Теньеръ. Изъ трехъ червонцевъ одинъ достался музыканту, другой трактирщику, а третій живописцу.

Впрочемъ, счастье ему очень благопріятствовало. Его небольшія картинки продавались на расхватъ и изъ Антверпена отправлялись во всѣ сосѣднія страны за не слыханную цѣну. Говорили, что у него въ мастерской золотая руда.

II. АННА БРЕЙГЕЛЬ.

Онъ женился на Аннѣ Брейгель, воспитанницѣ Рубенса, плѣнившись ея красою; впрочемъ и самъ онъ былъ хорошъ собой.

Въ день ихъ свадьбы, эрцгерцогу Леопольду подарилъ ему золотую цѣпь съ своимъ портретомъ въ медальонѣ. Эта золотая цѣпь была счастливымъ предзнаменованіемъ. Анна Брейгель надѣла на него цвѣточныя цѣпи. У нихъ было четверо прекрасныхъ дѣтей.

Брауверъ и Фресбеке списали въ Антверпенѣ всѣ оригинальныя лица матросовъ и пьяницъ. Давидъ Теньеръ намѣревался открыть новый міръ и для этого уѣхалъ изъ Антверпена. Между Мехельномъ и Антверпеномъ, въ деревнѣ Пескъ, продавался замокъ, замокъ Трехъ-Башенъ, старинное готическое зданіе, достойное служить помѣщеніемъ принцу. Давидъ Теньеръ, который былъ принцъ между фламандскими живописцами, смѣло купилъ замокъ и рѣшился поселиться въ немъ. Мѣсто было прекрасное: острья башни, долины, пруды, живописныя рощи, музыканты, пьяницы, все чего искалъ Теньеръ, онъ нашелъ это въ Пескѣ и въ окрестныхъ деревняхъ. Онъ жилъ роскошно; имѣлъ большую прислугу, экипажи. Всего удивительнѣе, то, что онъ болѣе частью изучалъ танцы и кабаки изъ дворецъ своей кареты; онъ не подражалъ въ этомъ своему другу Брауверу, который пилъ и танцевалъ съ своими оригиналами.

Его помѣстье сдѣлалось однимъ изъ лучшихъ сѣдобицъ для охоты; эрцгерцогъ Леопольдъ, принцъ Оранской герцогъ де-Мальбургуъ, епископъ генскій, Дочь Жуанъ австрійскій и другіе, болѣе или менѣе знаменитые люди, назначали себѣ здѣсь свиданіе. Дочь Жуанъ австрійскій проводилъ иногда лѣто въ замкѣ Трехъ-Башенъ и бралъ уроки въ живописи у Теньера. Въ воспоминаніе дружбы, Дочь Жуанъ написалъ портретъ сына Теньерова. Теньерь не только былъ извѣстенъ во Фландріи и въ Голландіи; шведская королева Христина прислала ему письмо и свой портретъ въ медальонѣ, осыпанный драгоценными камнями. Франція, Германія, Италия наперерывъ раскупали его произведенія.

Однако этотъ живописецъ-вельможа не всегда изучалъ натуру въ каретѣ; въ его керсесахъ, мы видимъ его часто сидящаго на краю деревенскаго стола между женой и дѣтьми, и слѣдящаго пропитательнымъ взглядомъ за игрой физиономіи гулякъ, разсѣянныхъ вокругъ него; случалось, что онъ и самъ подливалъ имъ вино, но съ какимъ-то пренебреженіемъ, что представляетъ разительную противоположность съ этимъ вакхическимъ дѣйствіемъ.

Роскошь два раза разорила его. Первое разореніе онъ поправилъ, работая по почамъ, но не уменьшивъ нисколько своего расхода, онъ не продалъ ни одной лошади, не сократилъ прислуги и продолжалъ принимать по-прежнему всѣхъ важныхъ особъ. Работа поправила его финансы. Говорятъ, что онъ произвелъ до трехъ сотъ пятидесяти картинъ въ одинъ годъ. Но такое множество картинъ привело скоро въ отчаяніе покупателей; и потому много картинъ осталось на стѣнахъ мастерской. Тогда уже не находя средства, чтобы поправить свои дѣла, говорятъ, будто Теньерь, съ согласія жены и дѣтей, сказался мертвымъ. Ему воздвигли памятникъ въ саду; Анна Брейгель надѣла траурное платье; наконецъ комедія была такъ хорошо разыграна, что послѣдовала ожидаемая развязка. Картины Теньера продавались вчетверо дороже; это заставило его выйти изъ своей засады и предаться прежнему образу жизни. Но что думать обо всемъ этомъ? Теньерь былъ такъ набоженъ, что, кажется, не согласился бы играть комедію смерти. Притомъ, Анна Брейгель, эта обожаемая супруга, эта пѣнная и набожная мать, никогда не захотѣла бы осквернить слезы вдовства.

Давидъ Теньерь написалъ нѣсколько картинъ изъ своей домашней жизни въ замкѣ Трехъ-Башенъ. Въ одной изъ лучшихъ картинъ, которой такъ удивлялся въ осьмнадцатомъ столѣтіи, въ кабинетѣ герцога де-ла-Вальеръ, онъ представилъ себя съ семействомъ своимъ на террасѣ замка. Платье на немъ полу-фламандское, полу-испанское; онъ играетъ на віолончель, Анна Брейгель перелистываетъ музыкальную тетрадь. Младшій сынъ улыбается, стоя между ними; старшій, которому двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, идетъ изъ замка и несетъ рюмку и кувшинъ. Авраамъ Теньерь, завернувшись въ плащъ и съ шляпою, на головѣ, стоитъ вполонину закрытой дверью и съ важно-стію смотритъ на картину. Г-жа Теньерь очень просто одѣта: волосы ея падаютъ локонами, роза приколотая къ ея лифу, нѣжная материнская улыбка, вотъ ея нарядъ.

Въ другой семейной картинѣ, «гадальщица,» Анна Брейгель слушаетъ предсказаніе цыганки, которая держитъ ея руку. Они представлены въ открытомъ полѣ. Теньерь также тутъ, съ одной стороны группы: слыш его, удаляясь, тянетъ за собою большую гончую собаку, съ другой стороны—цыгане отдыхаютъ, дожидаясь своей спутницы. Всѣ физиономіи прекрасно выражены.

Замокъ Трехъ-Башенъ видѣнъ во многихъ пейзажахъ этого артиста; но Теньерь хотѣлъ ему посвятить вполнѣ одну картину. Она представляетъ замокъ безъ особеннаго характера и ствля. Однако есть что-то величественное въ его неровныхъ старинныхъ башняхъ. Теньерь представилъ себя на мосту съ женою и дѣтьми своими. Въ другой картинѣ онъ написалъ себя, катающагося въ лодкѣ по пруду, и съ плывущею за нимъ собакою. Авраамъ Теньерь оставилъ прекрасный портретъ Давида, писанный въ замкѣ Трехъ-Башенъ.

III. ИЗАБЕЛЛА ДЕ-ФРЕНЪ.

Онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ, когда лишился жены. Горестъ его была безгранична. Замокъ Трехъ-Башенъ, оживленный прежнимъ его счастіемъ, превратился для него въ мрачную и холодную могилу. Природа, обыкновенная его мастерская, только и говорила ему о достоинствахъ и добродѣтеляхъ

Анны Брейгель. Такъ какъ по свадебному своему контракту, онъ долженъ былъ, по смерти своей жены, отдать все свое имѣніе дѣтямъ, онъ остался бѣднымъ какъ прежде. Дѣти его конечно не стали бы требовать, чтобъ условія контракта были выполнены въ ихъ пользу, но Давидъ Теньеръ, не смотря на представленія всѣхъ и каждаго, захотѣлъ лишитъ себя всего, въ самый годъ своего траура, говоря, что онъ не хочетъ пользоваться сиротскимъ добромъ. И такъ замокъ Трехъ-Башенъ былъ назначенъ въ продажу. Его купилъ совѣтникъ брабантскаго парламента. Теньеръ удалился въ Брюссель съ самымъ малымъ имуществомъ. Однако онъ оставилъ себѣ одну лошадь, потому-что не могъ работать иначе, какъ по возвращеніи съ сельской прогулки. Никто не хотѣлъ вѣрить этой внезапной перемены. Конечно онъ продавалъ свои картины за половинную цѣну. Съ живописцемъ-вельможей не смѣли торговаться; обидѣвшему артисту баялись предлагать большія суммы. Притомъ же счастье устаетъ улыбаться все одиному и тѣмъ же лицамъ. Теньеръ жилъ уединенно; онъ обратилъ всѣ свои мысли къ своей милой Аннѣ и къ христіанской религіи.

Давидъ Теньеръ начиналъ находить какое-то тихое наслажденіе въ своемъ грустномъ, но спокойномъ существованіи; онъ предавался работѣ съ жаромъ первой молодости, какъ вдругъ романтическое приключеніе привело его къ прежнимъ мыслямъ. Нѣсколько разъ въ своихъ прогулкахъ верхомъ, онъ вѣдиль мечтать въ Пескъ, въ виду замка, о прежнихъ дняхъ счастья, славы и любви. Однажды вечеромъ, черезъ рѣшетку парка онъ увидѣлъ молодую даму, лицо которой имѣло сходство съ лицомъ Анны Брейгель. Онъ опустилъ поводья своей лошади, которая съ наслажденіемъ ощипывала листья старой пвы, и слѣдилъ пламеннымъ взоромъ за этимъ чуднымъ видѣніемъ. Молодая дама вскорѣ вползла въ густой аллеѣ сада, но Теньеръ все еще смотрѣлъ, то на прудъ, то на замокъ, то на густую аллею.

— Моя бѣдная Анна Брейгель, ты не умерла для меня, сказалъ Теньеръ печально, но съ радостнымъ предчувствіемъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, нѣтъ, ты не умерла. Я тебя вездѣ нахожу и здѣсь подъ этими деревьями, и въ этой лодкѣ, въ которой мы такъ часто катались.

Разсуждая такимъ образомъ, бѣдный артистъ не замѣчалъ, что лошадь его, которая также имѣла свои воспоминанія, шла пре-

спокойно по дорогѣ къ конюшнямъ. На мосту Теньеръ, вздохнувъ, взялъ поводья.

— Нѣтъ, мой вѣрный другъ, мы не имѣемъ болѣе права вступать на землю этого замка.

Въ этотъ день Теньеръ пріѣхалъ домой грустнѣе обыкновеннаго.

— Зачѣмъ продать я этотъ замокъ? говорилъ онъ съ досадою; я тамъ былъ бы все ближе къ моей любезной Аннѣ; я воображалъ бы, что ее еще вижу и слышу.

На другой день онъ опять поѣхалъ въ Пескъ. Совѣтникъ, встрѣтивъ его у пруда, просилъ войти въ замокъ и представилъ его своей дочери Изабеллѣ де-Френъ. Это была бѣлокурая, молодая дѣвушка необыкновенной бѣлизны, которая скучала уединеніемъ. Взгляды ея нѣжный и томный находилъ на взглядъ Анны Брейгель.

Теньеръ былъ восхищенъ ею.

Она занималась живописью; живописецъ предложилъ ей взять одинъ урокъ у него въ прежней его мастерской.

Между-тѣмъ погода переменялась; пошелъ проливной дождь. Совѣтникъ не пустилъ Теньера домой, и Теньеръ не сѣтовалъ на ненастье.

Ужинъ былъ самый оживленный. Живописецъ перенесся воображеніемъ въ прежнюю жизнь свою. Недоставало только кроткаго лица Анны Брейгель, для дополненія картины; но Изабелла де-Френъ также была прекрасна.

— Какъ это вы рѣшились разстаться съ этимъ замкомъ? сказалъ совѣтникъ. Чтобъ увеличить имѣніе вашихъ дѣтей, я знаю; но уже это переходитъ всякія границы отеческой любви. Для такого таланта, какъ вашъ, и дворецъ не былъ бы лишнимъ.

— Мой настоящій дворецъ, это природа, сказалъ живописецъ, окинувъ завистливымъ взоромъ стѣны замка Трехъ-Башенъ.

— Я бы желалъ, господинъ Теньеръ, чтобы вы проводили у меня каждое дѣло.

— Вы добры, совѣтникъ, я былъ бы вполне счастливъ въ такомъ приятномъ обществѣ; но время праздниковъ прошло для меня. Прежде я былъ богатъ, жилъ роскошно, а теперь я бѣдный живописецъ. Вся моя радость на палитрѣ. Я буду писать счастье, но счастье чужое.

Говоря это, Теньеръ нѣжно смотрѣлъ на Изабеллу. Молодая дѣвушка покраснѣла и обратила разговоръ на другіе предметы.

IV. НЕИЗЛЕЧИМАЯ ВОЛѢЗНЬ.

На другой день Теньеръ всталъ съ разсвѣтомъ и собрался въ Брюссель.

Пока его лошадь ѣла овесъ, онъ пошелъ прогуляться около своего любимого пруда.

Утро было свѣжее и ясное; легкій вѣтерокъ разгонялъ туманъ надъ долинами Вильворда; воздухъ былъ ароматическій, благодаря вчерашней грозѣ; восходящее солнце освѣщало верхушки башенъ и верхи деревьевъ; однимъ словомъ, это было утро, исполненное любви и надежды.

Теньеръ прислонился къ ивонному пню, чтобъ любоваться попеременно то прудомъ, то замкомъ. Онъ углубился въ свои любимыя воспоминанія, какъ вдругъ! поднявъ глаза быть-можетъ въ двадцатый разъ къ любимому окошку, гдѣ Анна Брейгель обыкновенно сидѣла въ прекрасныя, лѣтнія вечера, онъ увидѣлъ ея изображеніе какъ бы волшебствомъ.

Это она! Это ея блѣлые локоны! ея задумчивая улыбка!

Онъ хотѣлъ протянуть къ ней руки, но увидѣлъ, что это была Изабелла де-Френчъ.

— Увы! сказалъ онъ, опустивъ голову, это не она, однако....

Онъ возвратился въ замокъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ медленнымъ шагомъ.

Въ продолженіе цѣлой недѣли онъ ничего не сдѣлалъ хорошаго. Хотѣлъ писать портретъ Изабеллы де-Френчъ, но это было выше силъ его. Лишь только онъ набрасывалъ этотъ портретъ, онъ напоминалъ ему въ одно и то же время Анну Брейгель и Изабеллу де-Френчъ. Эти два прекрасныя лица были на-всегда слыты въ его воображеніи.

Онъ сталъ искать развлеченій, боясь серьезно влюбиться. Поѣхалъ во Францію; собрался ѣхать въ Итацію; но лишь только пріѣхалъ въ Ліонъ, любовь заградила ему дорогу.

Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя письмо отъ совѣтника, который упрекалъ его, что онъ забылъ ихъ.

«Пріѣзжайте, милостивый государь; наши крестьяне даже скончилились, не выдавши васъ, а дочь моя находитъ, что недостаточно одного урока живописи, даже и отъ такого учителя какъ вы.»

Теньеръ отправился въ Пескъ. Совѣтникъ просилъ его убѣдительно провести въ замокъ остатокъ лѣта. Теньеръ рѣшился остаться тамъ, во что бы то ни стало, не зная что лучше для него, избѣгать Изабеллы или видѣть ее безпрестанно.

Какъ бы нарочно у молодой дѣвушки была горничною одна изъ прислужницъ Анны Брейгель; это было новое обольщеніе для бѣднаго Теньера, который всякій разъ какъ встрѣчалъ ее, спрашивалъ гдѣ хозяйка ея. Горничная, вѣроятно по привычкѣ, одѣвала свою новую госпожу точно такъ, какъ одѣвалась прежняя: та же прическа, такое же перо на шляпѣ, тѣ же кружева, такой же цвѣтъ платья.

Теньеръ воображалъ часто, что это сонъ, мечта его воображенія. Нѣсколько разъ цѣлуя руку Изабеллы де-Френчъ, онъ думалъ, что прошедшее счастье его возвратилось; всякій день онъ открывалъ въ ней какое-нибудь новое сходство.

Наконецъ онъ думалъ, что сойдеть съ ума.

Однажды онъ бѣжалъ, не оглядываясь, изъ замка, боясь не совладѣть съ сердцемъ.

— Что съ вами, любезный гость мой? спросилъ его совѣтникъ, пораженный его разсѣянностію; нашъ образъ жизни вамъ не нравится? Ваше лицо не дѣлаетъ чести нашему гостеприимству.

V. ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Въ одинъ вечеръ, послѣ захожденія солнца, Теньеръ сидѣлъ у пруда, нагибая ногой тростникъ и предаваясь пріятнымъ воспоминаніямъ прошедшаго. Въ это время Изабелла де-Френчъ и ея горничная проѣхали мимо въ лодкѣ.

Такъ какъ уже было довольно темно и воображеніе артиста было настроено къ мечтательности; притомъ же большая собака плыла за лодкой, какъ во времена былыя, когда онъ катался съ своей милой Анной, Теньеръ не могъ болѣе владѣть собою.

Лодка катилась возлѣ самаго тростника; онъ видѣ себя бро-
сился къ ней.

— Анна! Анна! вскричалъ онъ. Изабелла, простите меня, воз-
разилъ онъ тотчасъ же, упавъ на колѣни передъ молодою дѣ-
вучкою.

— И такъ! сказала она съ увлеченіемъ, пусть будетъ это Ан-
на Брейгель, если вы хотите.

— Легко отгадать, что молодая дѣвучка, быть-можетъ немно-
го романтическая, любила Теньера; что она, тронутая его гру-
стію по Аннѣ Брейгель, рѣшилась утѣшить его, старалась по-
немногу, обманомъ воображенія, заступитъ мѣсто незабвенной
для него жены.

Три недѣли спустя, Теньеръ женился на дочери совѣтника.
Онъ снова переѣхалъ жить въ замокъ и повелъ тотъ же самый
образъ жизни, какъ въ прежнее счастливое его время.

Изабелла де-Френъ, полюбившая его за геній и благородное
обхожденіе, была предана ему до самой смерти. Зная, что она
напоминала ему первую его жену, она нисколько не жаловалась
и не сердилась за это, но напротивъ старалась мало-по-малу
перенять всѣ привычки Анны Брейгель, съ великодушнымъ на-
мѣреніемъ, не разочаровывать живописца.

И потому Теньеръ, въ восторгѣ, что нашелъ такую кроткую
подругу, любилъ ее за нес самоѣ и за Анну Брейгель.

VI. СМЕРТЬ ТЕНЬЕРА И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЕГО.

Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ умеръ. Смерть его
была тихая и спокойная. Одинъ изъ его сыновей, монахъ въ
Мехельнѣ, присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ его
жизни.

Благодари стараніямъ сына, онъ сдѣлался усерднымъ като-
ликомъ.

Давидъ Теньеръ былъ похороненъ въ Пескѣ, подлѣ колоколь-
ни, которая въ картинахъ его рисуется почти на всѣхъ го-
ризонтахъ.

Въ воскресенье правнуки крестьянъ, которыхъ онъ снималъ
въ кабакахъ или на кермессахъ, проходятъ по мраморной гроб-
ницѣ его съ грустной улыбкой.

Разказавъ нѣсколько страницъ изъ жизни Теньера, теперь
поговоримъ о его произведеніяхъ. Въ нихъ вы найдете чистую
натуру, отгѣненную легкимъ покровомъ поэзіи. Искусство, въ
какомъ бы родѣ оно ни было, никогда не потеряетъ своихъ правъ.

Поэзія Теньера болѣею частію поэзія веселья. Философія
его всегда въ кабакѣ.

Одна изъ его картинъ, которая называется *Фламандская
школа*, показываетъ, если вѣрять ему, истинную науку жизни.
Въ этой школѣ учитель отчаянный гуляка, который проповѣ-
дуетъ своимъ ученикамъ на откупоренной бочкѣ; онъ дер-
житъ въ одной рукѣ большую кружку, другою поддерживаетъ
трубку; онъ въ одно и то же время наслаждается и виномъ и та-
бакомъ и смотритъ въ окошко на проходящую мимо Марго.
Ученики достойны такого учителя; они учатся играть въ кар-
ты и любезничаютъ съ трактирщицей: они не знаютъ другой
азбуки.

Его пейзажи въ гармоніи съ его фигурами; чувствуешь, что
его деревья вблизи кабаковъ: на нихъ не раздается пѣніе птицъ.
Онъ писалъ первое попадавшееся ему дерево, какъ перваго по-
павшаго мужика, не скрывая недостатки природы. Его гориз-
зонты, его даль слишкомъ однообразны, всегда почти гориз-
онтъ замка Трехъ-Башенъ.

Воздухъ легкій и теплый, даль исчезаетъ въ безпредѣльности,
но въ нихъ столько же вкуса, какъ и въ деревьяхъ. Теньеръ не
ожидалъ, чтобъ поэтическое облачко пронеслось передъ его гла-
зами; онъ схватывалъ просто воздухъ безъ всякихъ прикрасъ. Ве-
личайшее его достоинство состояло въ чистомъ схватываніи всѣхъ
фізіономій. При первомъ взглядѣ на его картины, кажется, слы-
шишь не только стукъ, чоканье стакановъ и кружекъ, но и все то
что говорятъ весельчаки. Этотъ спорить, тотъ разсуждаетъ,
одинъ говоритъ съ трактирщицей, другой занимается полити-
кой. Каждое Теньеровское лицо имѣетъ свой особенный смѣхъ,
свою особенную манеру говорить, пить и курить. Въ его дере-
венскихъ праздникахъ васъ поражаетъ удивительно рѣзкое раз-
нообразіе. Богатый мужикъ не танцуетъ такъ какъ бѣднякъ;
вы легко отличите походку вельможи отъ разодѣтаго по-пра-
здничному деревенскаго учителя! Малѣйшіе отгѣнки выраже-
ны самымъ остроумнымъ образомъ. Марго не держитъ своего
платя какъ Жаннетонъ. Жакеллина не такъ улыбается какъ

Маргарита. Видно, что это не вымышленныя лица, не созданныя фантазіей живописца. Это мужчины и женщины, вѣрно снятыя съ натуры. Всякій имѣетъ свою роль, свое слово, свое чувство; ни въ чемъ нѣтъ недостатка, комедія совершенная во всѣхъ отношеніяхъ.

МАЛАККА, СИНГАПУРЪ, СИАМЪ И КОХИНЧИНА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ВОКРУГЪ СВѢТА ЛАПЛАСА НА ФРЕГАТѢ
АРТЕМИЗѢ.

Послѣ продолжительнаго и скучнаго плаванія, увидѣли мы наконецъ гору Офиръ; вершина ея была окружена облаками; они носились надъ мрачными лѣсами, которыми эта гора покрыта. Черезъ нѣсколько часовъ, когда мы были въ недалекомъ разстояніи отъ берега, фрегатъ бросилъ якорь предъ Малаккой. Климатъ Индіи и разныя безпокойства очень меня разстроили; но благодаря частымъ прогулкамъ, нѣжному обо мнѣ попеченію семейства резидента, а всего болѣе спокойствію души, здоровье мое начало мало-по-малу поправляться. Черезъ нѣсколько времени я былъ уже совершенно здоровъ. Почти все свободное отъ занятій время посвящаль я на изученіе страны. Каждое утро, снабдившись предварительно различными свѣдѣніями и указаніями, я отправлялся или нѣшкомъ, или въ посылкахъ, осматривать различные кварталы Малакки, чтобы изучить всѣ примѣчательности, которыя тамъ находятся. Такимъ образомъ посѣтилъ домъ правительственнаго совѣта, обширное зданіе чрезвычайно красивой архитектуры и живописно расположенное. Этотъ домъ принадлежалъ прежде голландскому правительству; нынѣ живетъ здѣсь губернаторъ Пуло-Ципанга, когда онъ осматриваетъ судебныя мѣста, ему подчиненныя. Я осматривалъ весьма много благотворительныхъ заведеній, между которыми особенно замѣчательна семинарія, въ

которой протестантскіе миссіонеры, присылаемые сюда лондонскимъ обществомъ миссіонеровъ, воспитываютъ молодыхъ Китайцевъ, предназначенныхъ собственно для духовнаго званія, и школы, устроенныя для обученія дѣтей туземцевъ и послѣдователей различныхъ сектъ.

Большая часть зданій подобнаго рода находится въ предмѣстьи, подлѣ рѣки, на берегу противоположенномъ тому, гдѣ возвышаются крѣпость, домъ правительственнаго совѣта и главнѣйшія публичныя заведенія. Не смотря однако жъ на это преимущество, этотъ послѣдній кварталъ не можетъ быть сравненъ ни по величинѣ, ни по многочисленности народонаселенія, ни по наружному виду домовъ, съ тѣмъ предмѣстьемъ, о которомъ я уже говорилъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя здѣсь много домовъ, по большей части одноэтажныхъ, но они чрезвычайно красивы и выкрашены яркими цвѣтами; улицы прямыя и вездѣ широкія. Правый берегъ рѣки оживленъ и веселъ столько же, сколько лѣвый пусть и скученъ. У воротъ каждаго дома толпятся утромъ и вечеромъ множество людей различнаго пола и возраста, пришедшихъ подышать прохлагою; между ними много жителей небесной имперіи, окруженныхъ своими семействами, своими дѣтьми. Близна кожа, правильныя черты лица и наконецъ красивое сложеніе тѣла нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣтей заставили бы меня усомниться въ происхожденіи ихъ отъ Малайцевъ, если бы я не зналъ какъ бывають хороши собой племена китайскаго происхожденія, живущія въ предѣлахъ отечественной страны; тамъ и самъ видны молодыя дѣвушки; по темному цвѣту ихъ кожи и полувосточнейшему наряду мнѣ легко было узнать въ нихъ португальскихъ метиссокъ. Многія изъ нихъ довольно хороши собой: большіе, черные глаза, тонкія черты лица, бѣлые зубы, стройная талія этихъ дѣвушекъ особенно привлекали мое вниманіе; но во взглядѣ и въ походкѣ ихъ есть что-то непріятное, отталкивающее, что подтверждаетъ невыгодные о нихъ отзывы нашихъ европейскихъ дамъ. Мужчины, принадлежащіе къ племени почти исчезнувшему, ставятся ни во что Европейцами, у которыхъ они исполняютъ самыя низкія должности. Ихъ обвиняють въ лѣности, развратѣ и непріязненныхъ чувствахъ. Всѣ они живутъ въ крайней бѣдности и въ этомъ отношеніи равняются съ Китайцами низшихъ сословіи, съ которыми и составляютъ самый послѣдній классъ всего малакккаго народонаселенія.

Что же касается до уроженцевъ небесной имперіи, которые поселились на полуостровѣ, и до потомковъ владѣтелей Гоа, то они составляютъ высшій кругъ тамошняго общества и бывають по большей части или купцами, или владѣльцами земель и домовъ;

они пользуются вездѣ большимъ уваженіемъ. Между Китайцами есть много такихъ, которые имѣють очень большой достатокъ и выказываютъ замѣтную роскошь въ расположеніи и мебелировкѣ своихъ комнатъ, чему Малайцы весьма завидуютъ. Хотя послѣдніе и составляютъ почти половину народонаселенія всей Малакки и ея окрестностей, однако живутъ по большей части въ бѣдности и смотрять обыкновенно на богатыхъ чужестранцевъ какъ на виновниковъ ея. Отъ этого происходитъ отвращеніе, которое чувствуютъ они къ чужестранцамъ, и которое, не смотря на всѣ старанія и предусмотрительность британскаго правительства, весьма часто доходитъ до грабежей, а подлѣ частъ и до убійствъ. Подобныя преступленія нѣсколько разъ были чрезвычайно строго наказываемы; но виновные скрывались въ лѣсахъ или убѣгали къ соседнимъ племенамъ и оставались тамъ, пока преступленіе ихъ не изглажилось совершенно изъ памяти.

Смотрѣвъ внутренность города, я захотѣлъ побывать и въ окрестныхъ селеніяхъ. Одинъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ, молодой человекъ очень милый и хорошо образованный, доставилъ мнѣ случай удовлетворить моему любопытству, пригласивъ меня къ себѣ, въ крѣпость, которую онъ командовалъ и которая отстояла отъ гавани на 15 миль. Я предпринялъ это путешествіе рано утромъ, въ маленькій каретѣ, подлѣ конвоемъ офицера.

Дорога, по которой мы ѣхали, была недавно проложена. Она чрезвычайно ровна, благодаря глинтъ, которая при солнечныхъ лучахъ чрезвычайно скоро твердѣетъ и которую велъ земля въ Малаккѣ кажется покрытою, какъ бы густымъ слоемъ. Земля, принадлежащая деревнямъ, лежащимъ по обѣимъ сторонамъ дороги, казалась мнѣ негодною для земледѣлія; исключая, впрочемъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ ручеекъ или какая-нибудь рѣчка орошали поля трудолюбиваго китайскаго селянина. Растительность, хотя и дикая, была полна силы, и чѣмъ дальше углублялся я въ страну, тѣмъ богаче она мнѣ казалась. Почва улучшалась все болѣе и болѣе и кой-гдѣ начинали показываться домики, окруженные со всѣхъ сторонъ цѣлыми рощами, или поля, засеянныя рисомъ; вѣжная зелень этихъ полей съ темной зеленью лѣсовъ представляла самый восхитительный видъ.

Мы встрѣчали цѣлыя толпы женщинъ, занимавшихся улучшеніемъ болотистой почвы; онѣ ходили по поясу въ водѣ: однѣ изъ нихъ трудились надъ осушеніемъ полей, то открывая, то снова запруживая небольшія плотины, сдерживающія воду; другія очищали рисовыя зерна; всѣ вообще занимались хлѣбопашествомъ.

Буйволы, которых ростъ и толщина меня поразили, управляемые дѣтми, боронили землю. Я не могъ рассмотреть ни одного взрослою мужчины: они или спали въ хижинахъ, которыя были тутъ расположены, или искали плодовъ въ окрестныхъ лѣсахъ, предоставивъ прекрасному полу работы самыя утомительныя. Таковъ обычаи многихъ азиатскихъ народовъ; мужчины почти всегда безчеловѣчно обходятся съ женщинами, хотя кротость, понятливость и физическая красота послѣднихъ совѣтъ не заслуживаютъ такого обхожденія.

Вскорѣ дорога, доселѣ почти пустынная, начала покрываться Малайцами, сбѣшавшими въ резиденцію или изъ одного любопытства, или по какимъ-либо дѣламъ. Тутъ же шли толпами и Китайцы, неся на продажу различныя произведенія своихъ плантацій или своихъ фермъ. Малайцы, дѣшво подвигавшіеся по дороге, не возбуждали къ себѣ никакого во мнѣ участія; они были небольшого роста, худо сложены, неопрятны, съ лицомъ широкимъ, силуэтуемымъ, бронзоваго цвѣта, и посляцимъ притомъ отпечатокъ самыхъ низкихъ страстей. Китайцы же, напротивъ, хотя сгорбившись подъ тяжестью ноши, которую взвалили себѣ на плечи, двигались быстро и кланялись намъ съ видомъ, исполненнымъ добродушія и довольства; большая часть изъ нихъ несла въ городъ корзины, полныя жирныхъ гусей, идѣкъ съ гребнями огненного цвѣта, кашуновъ, очень хорошихъ утокъ и куръ, золотистыхъ банановъ, апельсеновъ съ зеленой кожей, душистыхъ лимоновъ, превосходныхъ кокосовыхъ орѣховъ, и особенныхъ плодовъ, величиною съ дыню, съ кожей зеленой и шероховатой; внутренность этихъ плодовъ наполнена мякотью сочной и бѣловатой, но издающей самый неприятный запахъ. Европейцы и туземцы весьма любятъ эти плоды. Кстати должно здѣсь замѣтить, что и тигры весьма до нихъ лакомы, и для похищенія ихъ подходятъ иногда чрезвычайно близко къ жилищамъ плантаторовъ; появленіе тигровъ владѣльцы считаютъ несомнѣннымъ признакомъ зрѣлости этихъ плодовъ. Я замѣчалъ также отъ времени до времени небольшія телѣжки, везомыя буйволами; этотъ родъ ѣзды введенъ во всеобщее употребленіе лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чему впрочемъ очень много способствовали дороги, проложенныя на счетъ англійскаго правительства, во многихъ мѣстахъ полуострова. Эти телѣжки были наполнены аракомъ, перцемъ, сагой, кокосовыми орѣхами, бетелью, резиною, слоновою костью, кожей и клыками посороговъ, шкурами буйволовъ и оленей. Всѣ эти предметы промышленности получаютъ изъ владѣній компаній или изъ малайскихъ копторъ, вблизи находящихся, и предназ-

начаются по бѣльшей части для вывоза, равно какъ дичь и плоды, о которыхъ я уже говорилъ.

Мы встрѣчали ежeminутно цѣлыя конвои малайскихъ преступниковъ, присылаемыхъ сюда изъ Мадраса; они срубали лѣса и кустарники, для проложенія какой-либо новой дороги, или же строили мосты черезъ ручьи и рѣки. Эти люди казались мнѣ весьма здоровыми и нисколько не печальными о своемъ состояніи. Вообще начальство весьма довольно ихъ работами: большая часть изъ нихъ получаетъ позволеніе поселиться, по окончаніи работъ, въ той землѣ, которую сами изберутъ. Преступники мусульманскаго вѣроисповѣданія женятся на малайскихъ дѣвушкахъ и такимъ образомъ увеличиваютъ народонаселеніе.

Если немного углубиться въ эти лѣса, сказалъ мнѣ мой проводникъ, то можешь встрѣтить тамъ слоновъ, носороговъ, тигровъ, леопардовъ, черныхъ медвѣдей, кабановъ, оленей, лосей самой большой породы, дикихъ буйволовъ чрезвычайно опасныхъ для человѣка и цѣлыя стада свирѣпыхъ бизонныхъ, которые нападаютъ на человѣка и съ яростью топчутъ его ногами; кустарники покрыты ядовитыми насѣкомыми; между пресмыкающимися есть много породъ змѣй боа, до того расплодившихся на полуостровѣ, что жители находятъ ихъ часто въ городскихъ своихъ жилищахъ, куда онѣ пробираются во время ночи. Не менѣе многочисленна порода обезьянъ, которыя встрѣчаются не только въ лѣсахъ, но и около жилищъ; всѣхъ породъ этихъ животныхъ множество; вы увидите здѣсь начиная съ орангъ-утанга самаго высокаго роста до самой маленькой обезьяны. Въ этомъ убѣдился я собственнымъ опытомъ: по мѣрѣ того, какъ мы углублялись все болѣе и болѣе въ чащу лѣса, намъ стали слышаться самыя громкіе и отвратительные крики обезьянъ, пугавшихъ цѣлыя стаи птицъ; эти воздушные гости всякую минуту перелетали предъ нашими глазами съ дерева на дерево; между ними, по красотѣ перьевъ и яркости цвѣтовъ, всего болѣе понравился мнѣ золотой фазанъ.

Родъ человѣческой въ этихъ страхахъ не уступаетъ прочимъ тварямъ ни разнообразіемъ, ни многочисленностью, продолжалъ мой говорливый чичероне; если бы мы имѣли возможность проникнуть въ эти огромные лѣса, извѣстные лишь туземцамъ, то, безъ сомнѣнія, встрѣтили бы послѣ нѣсколькихъ дней ходьбы цѣлыя дикія племена, отличающіяся другъ отъ друга обычаями, правами и цвѣтомъ кожи. Эти породы занимаютъ всю цѣнь горъ, которая плетъ на протяженіи всего полуострова.

Тамъ живутъ Самагги и Мавасы; цвѣтъ кожи этихъ послѣд-

нихъ желтоватый, волосы длинные, не вьющіеся; сплюснутый носъ и толстыя губы еще болѣе обезображиваютъ ихъ и придаютъ всей физиономіи какое-то звѣрское выраженіе. Малайцы почитаютъ Мавасы чрезвычайно злыми, весьма ихъ боятся и обвиняютъ даже въ людоедствѣ; Мавасы обыкновенно вооружены копьемъ и тростью, сдѣланной изъ выдолбленнаго бамбука, не болѣе трехъ метровъ длины. Посредствомъ этихъ тростей Мавасы убиваютъ съ необычайной ловкостью, на довольно большомъ разстояніи, самыхъ мелкихъ птицъ, бросая въ нихъ или глиняные шарики или ядовитыя стрѣлы.

Якуты, другой родъ Негровъ, живутъ на возвышенныхъ мѣстахъ, и ни въ чемъ не походятъ на Саматовъ. Они высокаго роста и отличаются правильными чертами лица. Малайцы считаютъ ихъ весьма кроткими и обходительными. Якуты стрѣляютъ отлично изъ лука и охотятся на дикихъ звѣрей, которые составляютъ почти исключительное ихъ пропитаніе; хотя боятся и избѣгаютъ чужестранцевъ, однако жъ производятъ съ ними небольшую торговлю, преимущественно съ Китайцами, поселившимися у опушки большихъ лѣсовъ для сношеній съ этимъ народомъ. Торговля производится мирно и притомъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса, извѣстныхъ купцу и находящихся почти всегда близъ его жилища, дикіе приносятъ и раскладываютъ потихоньку слоновою костью, кокосовые орѣхи, бамбукъ и звѣрипыя шкуры; послѣ чего они удаляются съ крикомъ, какъ бы давая этимъ знать о своемъ прибытіи. Купецъ, зная по опыту тѣ предметы торговли, которые дикіе предпочитаютъ прочимъ, приносятъ туда табакъ, различныхъ грубыхъ матерій, мелочей изъ различныхъ металловъ, желѣза, разныхъ стекляныхъ бездѣлушекъ и возвращается спокойно домой; дикіе приходятъ снова, производятъ мѣну товаровъ сами, всегда впрочемъ съ удивительною честностью, и уносятъ тѣ предметы, которые имъ всего болѣе понравились. Но горе купцу, осмѣлившемуся употребить во зло довѣренность и прямоту дикихъ, особенно если онъ не вознаградитъ потомъ дикарей, имъ обдѣленныхъ; разъяренные Якуты нападутъ ночью на его жилище, разграбятъ, разрушатъ и сожгутъ до основанія.

Впрочемъ дикари не ограничиваются одной этой мѣной товаровъ: нѣкоторые изъ нихъ, похрабрѣе прочихъ своихъ собратьевъ, отираются въ малайскія деревни и продаютъ тамъ различные плоды и травы, которые почитаются жителями весьма полезными отъ накожныхъ болѣзней; эти травы цѣнятся весьма

высоко не столько по собственному своему достоинству, сколько по цѣлительнымъ свойствамъ, которыя имъ приписываютъ.

Якуты живутъ весьма дружелюбно и никогда межъ собой не воюютъ; большую часть времени проводятъ они въ лѣсахъ, отыскивая себѣ пищу; они нападаютъ съ изумительнымъ безстрашіемъ на самыхъ огромныхъ, сильныхъ и свирѣпыхъ звѣрей; они ловятъ оленей, которыхъ жажда влечетъ къ ручью, поражаютъ стрѣлами дикаго буйвола, въ то время, когда это страшное животное проходитъ мимо кустарниковъ или деревьевъ, въ листьяхъ которыхъ охотники обыкновенно прячутся; для ловли слоновъ они прибѣгаютъ къ тому же самому способу, какой употребляютъ и жители острова Цейлана, то-есть, пронзаютъ стрѣлами ноги слона въ ту самую минуту, когда онъ сходитъ съ какой-либо высоты. Но оружіе ихъ слишкомъ хрупко и не въ состояніи проколотъ толстую кожу гиппопотама, мясо котораго считается у нихъ самымъ вкуснымъ, лакомымъ блюдомъ. Охотники выжидаютъ той минуты, когда гиппопотамъ, водящійся преимущественно въ болотистыхъ мѣстахъ, погрузится въ илъ и совершенно въ немъ увязнетъ; бѣдное животное, не смотря ни на какія усилія, не можетъ уже оттуда выбраться и даетъ охотникамъ возможность приблизиться къ себѣ, безъ всякой для нихъ опасности, и даже обложить со всѣхъ сторонъ сухими вѣтвями, которыя потомъ поджигаютъ. Несчастная жертва, окружая со всѣхъ сторонъ пламенемъ, скоро издыхаетъ и превращается въ самое обильное и сочное блюдо; всѣ участвовавшіе въ охотѣ тотчасъ же сбѣгаютъ и начинается праздникъ.

Во все время прогулки, проводникъ мой не переставалъ говорить мнѣ о обычаяхъ и правахъ различныхъ обитателей полуострова; умные рассказы его такъ меня заняли, что я и не замѣтилъ какъ очутился у самой цѣли своей поѣздки, именно у ключа горячей воды, подлѣ котораго правительство выстроило нѣсколько лѣтъ тому назадъ госпиталь. Говорятъ, будто эта драгоценная вода вылечиваетъ отъ подагры, ревматизмовъ и множества другихъ болѣзней; она съ шумомъ вытекаетъ изъ небольшого колодца и посредствомъ жолобовъ проводится въ нѣсколько купаленъ, вырытыхъ въ землѣ. Эти купальни окружены довольно высокими, земляными стѣнами, покрытыми толстымъ слоемъ бѣлой извести. Эти стѣны, равно какъ и крыша всего зданія, были значительно повреждены дождями, но еще болѣе бѣлыми муравьями, истиннымъ бичемъ всѣхъ хлѣбопашцевъ и владѣльцевъ въ Азій и въ нашихъ колоніяхъ; гибельное прикосновеніе этихъ насѣкомыхъ разрушаетъ съ необыкновенной бы-

стротой легкія зданія, какія обыкновенно строятся во всѣхъ жаркихъ странахъ.

Прочія зданія, построенныя около источника, были точно въ такомъ же расположеніи, какъ госпиталь; бесѣдка, служащая убѣжищемъ для больныхъ извѣстнаго класса, госпиталь, предназначенный исключительно для военныхъ, и казарма, гдѣ помѣщается стража, охраняющая страну, были совершенно разрушены. Правда, эти зданія, построенныя изъ древесной коры и совершенно заброшенныя жителями, не оказывали такимъ образомъ большого сопротивленія острымъ зубамъ бѣлыхъ мурьевъ.

Дымъ, поднимавшійся съ поверхности земли, повсюду, гдѣ мы ни проходили, обозначалъ направленіе маленькихъ ручьевъ, текущихъ посреди сосѣднихъ жилищъ и окрестныхъ полей, растительность которыхъ безплодна, хотя вода, ихъ орошающая, кажется, сильно напитана строй; впрочемъ эта вода годится для питья, употребляется исключительно въ Малаккѣ и ея окрестностяхъ и, не смотря на бѣловатый, неприятный для глазъ, цвѣтъ, предпочитается всякой другой; она имѣетъ вкусъ нѣсколько сладковатый и славится своимъ гигиеническимъ достоинствомъ. Эту воду можно найти на глубинѣ одного метра, подъ землей, на прострѣтвѣ всего полуострова; потому-то каждый домъ, каждая хижина имѣетъ свой особый колодезь.

Чтобы видѣть теплый ключъ, находящійся въ самой крѣпости, намъ нужно было перейти чрезъ долину, открытую со всѣхъ сторонъ и довольно хорошо воздѣланную вблизи живущими туземцами: поле и огороды отдѣлялись другъ отъ друга группами плодовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ одни цвѣли, другія уже усыпаны были плодами, которыхъ насчитываютъ здѣсь до пятидесяти различныхъ сортовъ. Эти плоды, хотя дикіе, превосходны; рисъ растетъ чрезвычайно хорошо; сахарный тростникъ достигаетъ довольно большой высоты; кофейное дерево и перецъ сдѣлались бы несомнѣнно важнымъ предметомъ торговли, если бы ихъ лучше воздѣлывали и обработка стоила не столь дорого. Лѣса содержатъ въ себѣ множества деревьевъ годныхъ для построекъ и для токарскаго искусства; здѣсь же растетъ драгоцѣнное дерево, изъ котораго получается резина, предохраняющая зданія отъ черви насѣкомыми и червами и съ такимъ тщаніемъ собираемая въ Индіи, гдѣ ею покрываютъ борты судовъ и крыши домовъ.

Но въ этой странѣ, равно какъ и во всѣхъ прочихъ лежащихъ подъ одной и той же широтой, климатъ дѣйствуетъ чрезвычайно разрушительно на здоровье людей; различныя кож-

ныя болѣзни, самыя отвратительныя, какъ-то: проказа, вереды, горячки, оспа, кровавые поносы и даже холера, производятъ здѣсь самыя страшныя опустошенія, и не только между туземцами, но даже между иностранцами; войска, находящіяся въ крѣпостяхъ, нещадываютъ всѣ эти болѣзни, не смотря на всѣ предосторожности, которыя принимаетъ англійское правительство, отсылая ихъ въ Мадрасъ. Въ экспедиціи Артемизы стали появляться у нѣкоторыхъ матросовъ признаки холеры и многихъ другихъ вышеупомянутыхъ болѣзней.

Но такъ какъ къ концу іюля болѣзнь наша чувствовала одну слабость, которая могла пройти единственно отъ вліянія воздуха, то я рѣшился приготовить къ отплытію въ Кохинхину и Манилю, чтобы приплыть туда прежде начатія періодическихъ бурь, тахъ свирѣпствующихъ и чрезвычайно опасныхъ для мореплавателей. 28 іюля, въ восемь часовъ вечера, отправившись мы благополучно въ путь по направленію къ Сингапуру.

Мы плывемъ вдоль плодосныхъ береговъ королевства іогорскаго, славившагося своими отличными фруктами, чудесными лѣсами, употребляемыми для различныхъ построекъ и рѣзбы, золотомъ, слоновою костью, а всего болѣе оловомъ, доставляемымъ обширными рудниками. Столица этого королевства довольно велика, красива, и построена притомъ на оконечности Малайскаго полуострова, почти противъ Сингапура. Эта столица была основана въ 1512 году, сыномъ короля, изгнаннымъ Португальцами изъ Малакки. Векорѣ она сдѣлалась столь могущественною, что могла бороться съ усилкомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ могущественными владѣтелями Гоа, которые послѣ множества неудачныхъ попытокъ овладѣли ею въ 1608 году, но не могли долго въ ней держаться, не смотря на все свое желаніе остаться обладателями города, который производилъ въ ту эпоху очень обширную торговлю съ различными частями великаго архипелага Азій, и который считалъ у себя въ подданствѣ: Биптангъ, Баттамъ и множество другихъ большихъ острововъ, лежащихъ при входѣ въ проливъ губернатора.

Эта кровавая распря и опустошенія, которыя отъ нея произошли, имѣли слѣдствіемъ лишь возросшую ненависть природныхъ жителей страны къ христіанамъ. Дѣйствительно, жители іогорскаго королевства всегда были самыми смѣлыми и рѣшительными морскими разбойниками изъ всѣхъ жителей сосѣднихъ острововъ; предприимчивость и дерзость сдѣлали ихъ скоро чрезвычайно опасными для Европейцевъ. Впрочемъ основаніе Сингапура принудило и короля и подданныхъ отказаться отъ

разбойнической жизни и положило предѣлъ ихъ могуществу, которое съ этого времени начало слабѣть все болѣе и болѣе. Черезъ нѣсколько времени, королевство это сдѣлалось почти неизвѣстнымъ. Султанъ продалъ Голландцамъ за ежегодный пенсіонъ Биптангъ, а чрезъ нѣсколько времени уступилъ Англичанамъ и Сингапуръ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; столица стала производить торговлю единственно съ англійскими конторами; главнымъ предметомъ этой торговли сдѣлались съѣстные припасы, доставляемые окружающими провинціями.

Всѣ улучшения, которыя англійское правительство сдѣлало въ послѣдствіи, стали замѣтными лишь нѣсколько времени тому назадъ; трудно было приучить Малайцевъ къ новому, болѣе дѣятельному образу жизни, отъ котораго они совсѣмъ отвыкли. Минувавъ всѣ опасныя мѣста, фрегатъ Артемиза бросилъ благополучно якорь въ сингапурской гавани.

Въ эту минуту любовались мы самымъ восхитительнымъ видомъ, какой только можно себя представить. Заходящее солнце освѣщало блѣднымъ, умирающимъ свѣтомъ края темныхъ и густыхъ тучъ, собравшихся надъ горами югорскими, на другомъ концѣ горизонта. Молнія блистала непрерывно; сильные громовые удары предвѣщали бурю, чрезвычайно обыкновенную въ это время года и освѣжающую всякій разъ воздухъ. Эти бури рѣдко бываютъ сопровождаемы сильными вѣтрами и опасны лишь для небольшихъ кораблей, за которыми весьма плохо смотрятъ и которые почти всегда бываютъ весьма дурно оснащены.

Я любовался безъ всякаго страха и опасенія прелестнымъ видомъ острова Сингапура, его зелеными холмами и городомъ, который ясно обрисовывался на темномъ фонѣ облаковъ. Недалеко отъ насъ стояло на якорѣ множество иностранныхъ военныхъ кораблей. Ближе къ берегу толпились купеческія суда, симметрически расположенныя; тутъ же находилось много лодокъ туземныхъ промышленниковъ. На берегу расположены были цѣлыми рядами хорошенькіе, бѣлые домики, окруженные садами и украшенные, почти всѣ безъ исключенія, галереями и кровлями въ видѣ террасъ; при помощи зрительной трубы я ясно различалъ множество дамъ и *джентльменовъ*, толпившихся въ гавани и вѣроятно любовавшихся на нашъ фрегатъ, который готовился стать на якорѣ. Немного повыше, на скатѣ зеленого холма или въ чудесныхъ аллеяхъ, освѣяемыхъ большими деревьями, мнѣ легко было разсмотрѣть и узнать, по освѣтительной близости стѣнъ, нѣкоторые изъ общественныхъ заведеній и памятниковъ. Съ одной стороны зданіе суда, построен-

ное въ греческомъ вкусѣ; съ другой стороны казармы, которыя, съ различными пристройками, занимаютъ значительное пространство. Наконецъ я съ трудомъ могъ оторвать взоръ свой отъ прелестнѣйшей армянской церкви, отличающейся высокою колокольною, небольшими колоннами и шеголеватымъ портикомъ, который скрывается отчасти за густотою листьевъ и получаетъ отъ того еще болѣе прелести. Но всѣ эти прелестныя зданія ничего не значили въ сравненіи съ домомъ губернатора, замѣчательнымъ не по величественному фасаду или искусной постройкѣ, но по удивительному мѣстоположенію. Этотъ домъ, находящійся на возвышенности, откуда виденъ весь островъ и море, построенъ изъ дерева, съ плоской крышей, окруженъ со всѣхъ сторонъ галереями и весь сквозной. Легкіи вѣтерокъ освѣжаетъ безпрестанно обширныя комнаты, въ немъ заключающіяся, заслоненныя отъ солнца вѣковыми деревьями.

Хозяева этого прекраснаго жилища могутъ любоваться изъ своихъ оконъ на проливъ и долины югорскія; передъ домомъ, у подошвы холма, раскинуты джунгли и цвѣтники; британскій флагъ, развѣивающійся на высокой мачтѣ, какъ бы господствуетъ надъ всѣмъ островомъ.

Я побывалъ въ казармахъ и военномъ госпиталѣ, содержащихся въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ. Однако грустный и мрачный видъ солдатъ обратилъ на себя мое вниманіе. Я вспомнилъ о томъ движеніи, о той жизни, которую я замѣчалъ въ подобныхъ мѣстахъ въ Бомбѣи и Калькуттѣ; причиною ея было присутствіе семействъ Синаевъ. Здѣсь же я не встрѣтилъ ни одной женщины, ни одного ребенка; молчаніе самое глубокое царствовало повсюду; я узналъ, не безъ удивленія, что бенгальское правительство, для сокращенія издержекъ, при перевозѣ солдатъ съ материка на островъ, не позволяетъ имъ брать съ собой свои семейства. Эта жестокая мѣра имѣетъ самыя губительныя послѣдствія; несчастные Синаи, разлученные съ своими семействами, предаются пьянству, разврату, не соблюдаютъ ни малѣйшей дисциплины, становятся недовольны своимъ состояніемъ и наконецъ умираютъ во большей части въ госпиталѣ.

Къ сожалѣнію, я не могу отозваться съ похвалою о прочихъ общественныхъ заведеніяхъ, которыя я осматрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ. Гражданскій госпиталь содержится и управляется весьма дурно. Уголовный судъ, куда присылаются преступники изъ Мадраса, для производства публичныхъ работъ, въ особенности для проложенія новыхъ дорогъ, имѣетъ такъ

же весьма много недостатковъ и не соответствуетъ своему назначенію.

Осматривая городъ, я замѣтилъ однако жъ, что правительство сдѣлало въ городѣ весьма много улучшеній: большія улицы, проложенныя по прямому направленію, тщательно вымощены; проведены капавы для стока дождевой воды; устроены небольшие водопроводы, и наконецъ широкія, прочныя набережныя облегаютъ берега рѣки.

На всякомъ шагу я могъ радоваться успѣхамъ, которые торговля дѣлаетъ столь быстро у народовъ самыхъ непроевѣщенныхъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были болота, поросшія мхомъ и кустарникомъ, затопляемыя морскимъ приливомъ, тамъ видѣлъ я обширныя магазины, наполненные товарами различнаго рода. Съ какимъ любопытствомъ смотрѣлъ я на эту толпу людей, непрестанно предо мной движущуюся, дѣйствующую: одни съ торопливостью выгружали малайскіе корабли, стоявшіе у берега; другіе дѣятельно трудились надъ починкой купеческихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ бассейнахъ, которые были вырыты предъ магазинами богатыхъ негодантовъ. Дома, надъ постройкой которыхъ трудились сотни китайскихъ работниковъ, воздвигались вездѣ съ удивительной быстротой; но впадая быстроту, съ которой они строили, я справедливо считалъ работу ихъ весьма непрочной, и что эти, такъ сказать, напровизированныя постройки не могли долго сопротивляться вліянію атмосферы постоянно сырой. И въ самомъ дѣлѣ, большая часть изъ этихъ домовъ весьма скоро гниютъ и разрушаются, отчего Сингапуръ съ перваго взгляда кажется довольно старымъ городомъ.

Во внутренности города вась невольно поражаетъ самая разительная противоположность: величайшая роскошь и самая отвратительная нищета. Подлѣ домиковъ хорошеенькихъ и помѣстительныхъ вы увидите множество малайскихъ семействъ, стѣснившихся въ одну кучу въ тѣсной, развалившейся хижинѣ, посреди огромныхъ кучъ всякаго сора и лужъ; эти лужи изъ самой нечистой воды, покрытыя тиной, испаряются отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, падающихъ сквозь развалившуюся крышу. Очевидно, что подобныя жилища сдѣлались бы давно мѣстомъ заразительнымъ, если бы близъ нихъ не текли горные источники, освѣжающіе и очищающіе воздухъ. Но виды стараніе, съ какимъ разчищаютъ окружные холмы, можно легко предвидѣть, что рано или поздно эти источники должны непремѣнно высохнуть, и тогда Сингапуръ, оставшійся въ такомъ поло-

женіи, въ какомъ теперь находится, сдѣлается непремѣнно мѣстомъ заразительнымъ.

На площадяхъ и въ улицахъ толпилось множество народа всехъ возможныхъ азіатскихъ націй; вездѣ, особенно въ гавани, было замѣтно движеніе. Корабли находились тамъ во множествѣ и то выгружали свои товары, то нагружались снова; хотя это движеніе было теперь довольно велико, но оно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ должно было увеличиться еще болѣе, потому-что тогда обыкновенно приходятъ самыя большіе, малайскіе корабли, пользуясь хорошей погодой, представляющею обыкновенно періодическимъ бурямъ, привозятъ различныя произведенія своей страны и мѣняютъ ихъ на британскія. Съ другой стороны приливаютъ къ тому же времени и китайскія джонки изъ Кантона или Нанкина, богато-нагруженныя и съ многочисленными пассажирами. Наконецъ появляются арабскія лодки, наполненныя пилигримами, возвращающимися изъ Мекки, которые высаживаются здѣсь на берегъ, уступая свое мѣсто другимъ послѣдователямъ Магомета.

Въ эти мѣсяцы народонаселеніе въ Сингапурѣ, простирающееся до 25,000 душъ, еще болѣе увеличивается. Благодаря прибытію кораблей, всѣ магазины наполняются перломъ, камфорой, воскомъ, черепашками, перламутромъ и жемчугомъ, предназначеннымъ для вывоза въ Европу; тамъ же можно найти въ изобиліи птичьи гнѣзда—любимѣйшее блюдо китайскихъ гастрономовъ. Кромѣ вышеназченныхъ произведеній, должно прибавить сюда произведенія, доставляемыя англійскими конторами съ западныхъ береговъ Борнео, именно, кофе, рисъ и сурьма, также значительное количество золота и брилліантовъ. Товары, доставляемые китайскими джонками, хотя и не имѣютъ той цѣнности, не смотря однако жъ на то весьма скоро раскупаются; грузъ джонковъ составляетъ по большей части шелковыя матеріи, леденецъ, различныя медицинскія травы и тысячи другихъ произведеній небесной имперіи. Наконецъ, почти въ то же самое время, привозятся изъ Малакки резина и олово; сингапурскія набережныя бывають совершенно загромождены товарами.

Въ 1833 году цѣнность всѣхъ товаровъ, привезенныхъ въ Сингапуръ и Великобританію и вымѣненныхъ на упомянутые мной азіатскіе товары, простиралась, какъ говорятъ, до сорока пяти милліоновъ франковъ. Вѣроятно эта цѣнность, впослѣдствіи, возросла еще болѣе; впрочемъ въ число проданныхъ товаровъ входилъ и опиумъ, котораго весьма большое количество было ежегодно привозимо изъ Китая на джонкахъ, но начало войны Китай-

печь съ Англичанами безъ сомнѣнія прекратило вывозъ опиума. Дороги показались мнѣ не такъ хороши, какъ я сначала воображалъ; но когда я увидѣлъ множество осужденныхъ, занимающихъ осушкую болотъ, проводящихъ каналы для стока воды и наконецъ привелирующихся землю, то нашелъ, что здѣсь идетъ все къ лучшему, особенно когда проводникъ мой обратилъ мое вниманіе на множество дачъ, расположенныхъ въ прелестнѣйшихъ долинахъ. Постоянная свѣжесть воздуха, цвѣтники, лужайки, рощи старыхъ деревъ придавали этимъ дачамъ необыкновенный, восхитительный видъ; дачи, которыя я посѣтилъ, были отдѣланы отлично. Мнѣ удалось видѣть въ нихъ множество молодыхъ Китайцевъ, приѣзжающихъ ежегодно на джонкахъ въ Сингапуръ, гдѣ они занимаютъ въ услуженіе у богатыхъ Европейцевъ. Вообще они отличаются честностью, понятливостью и благопріеміемъ, чѣмъ отличаются отъ Китайцевъ низкихъ сословій, по большей части негодяевъ, которые дерзостью своею и склонностью къ воровству сдѣлались ненавистными жителямъ Сингапура.

Всѣ земледѣльцы, которыхъ жилища построены близъ города, принадлежатъ къ числу гражданъ небесной имперіи; эта голодная страна доставляетъ съ незапамятныхъ временъ купцовъ, барышниковъ и чернорабочихъ всему малайскому полуострову и великому архипелагу Азіи, гдѣ Китайцы занимаютъ въ обществѣ то же самое мѣсто, какое въ Европѣ занимаютъ жидаы. Туземцы ненавидятъ ихъ; начальство обложило ихъ податью; не смотря на это Китайцы всегда кажутся дѣтельными, трудолюбивыми, благосклонными другъ къ другу, но они чрезвычайно скуны и нисколько не смотрятъ на средства, которыми достигаютъ богатства. Въ Индо-Китаѣ, во всѣхъ европейскихъ заведеніяхъ, Китайцы занимаютъ самую большую часть всего народоселенія. Въ Сингапурѣ они по большей части занимаютъ ремеслами или строятъ дома, чинятъ корабли, а иногда воздѣлываютъ землю. Однако жъ и Малайцы занимаютъ съ меньшей охотой земледѣліемъ, въ чемъ я убѣдился собственнымъ опытомъ, именно, я видѣлъ нѣсколько человекъ Малайцевъ, разсаживавшихъ сахарный тростникъ или заставлявшихъ дѣйствовать небольшую машину для выдѣлки сахара, управляемую однимъ Китайцемъ. Хотя эта машина была устроена довольно хорошо, и сахарный тростникъ мнѣ показался чрезвычайно хорошъ, однако жъ, смотря выдѣланный сахаръ, я нашелъ въ немъ весьма много недостатковъ, которые впрочемъ приписалъ не качеству сахарнаго тростника, а неискусству туземцевъ управлять машиной. Сахарный тростникъ, растущій въ Сингапурѣ, употребляется туземцами съ большою пользою противъ желудоч-

ныхъ болѣзней: нѣкоторые изъ нашихъ больныхъ вполне почувствовали благотвѣтельное дѣйствіе этого тростника.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ провели мы въ гавани, гдѣ бури и ураганы рѣшительно неизвѣстны, то плавая по проливу, то ища разлеченій на берегу. Съ безпокойствомъ помышляли мы о предстоящемъ намъ путешествіи по Китайскому морю, гдѣ въ то время господствовали страшныя бури и было множество тифоновъ, тонившихъ корабли. Однако жъ надѣясь на свою счастливую звѣзду, мы отправились изъ Сингапура шестаго августа, и фрегатъ нашъ, благополучно миновавъ Педру-Бланку, вступилъ въ Китайское море. Погоймемый сильнымъ попутнымъ вѣтромъ, онъ, какъ стрѣла, неся къ Кохинхинѣ, въ которой мнѣ столько хотѣлось побывать.

Вѣтвь отъ насъ видѣлся обширный Сіамскій заливъ, усыпанный множествомъ мелкихъ острововъ. Берегъ, окаймляющій этотъ заливъ, составляетъ множество природныхъ гаваней, въ которыхъ весьма часто останавливаются иностранные моряки, укрываясь отъ непогодъ. Со стороны малайскаго полуострова особенно извѣстенъ портъ Пагангъ, куда привозятъ на корабляхъ, изъ Сингапура, значительный грузъ золотого песка, пріаныхъ кореньевъ, слоновой кости и дерева для токарной работы; также Триганго, жители котораго производятъ подобнаго же рода торговлю, и не менѣе злы и жестоки, какъ ихъ сосѣди изъ Патани и Сингора, привыкшіе къ разбою, въ слѣдствіе частыхъ на нихъ набѣговъ Сіамцевъ. Эти послѣдніе къ концу прошедшаго столѣтія совершенно подчинили ихъ себѣ. Всѣ туземные жители ходятъ вооруженные, и не знаютъ никакихъ законовъ; всякій расправляется какъ самъ знаетъ; имъ извѣстно одно только право сильного. Впрочемъ они храбры, предприимчивы и не терпятъ рабства. Тюремнаго заключенія у нихъ нѣтъ; кража или убійство наказываются пыткой или казнью; однако жъ, по большей части, родственники управляютъ вѣповныхъ, если не убѣдятъ ихъ бѣжать изъ отечества.

Немного выше къ сѣверу отъ послѣдняго города, о которомъ я говорилъ, начинается собственно такъ называемое сіамское королевство, гдѣ, во времена Людовика XIV, Франція производила столь обширную торговлю, и гдѣ нынѣ первое мѣсто заняли Англичане. Мало такихъ въ мірѣ странъ, которыя щедрѣе надѣлены природой, чѣмъ это королевство: берега его представляютъ множество природныхъ гаваней, куда привозятъ изъ внутреннихъ страны, по широкимъ, судоходнымъ рѣкамъ, различныя произведенія торговли. Въ прекрасныхъ лѣсахъ, покры-

вающихся горы, произрастаетъ болѣе сотни разнаго рода деревь, употребляемыхъ для построекъ и для наборныхъ работъ; особенно замѣчательны здѣсь индѣйскій дубъ (тикъ) и сосна, изъ которой въ Китаѣ строится ежегодно множество джонокъ; онѣ нагружаются наливсандровымъ деревомъ въ чрезвычайной большомъ количествѣ. Тѣмъ же самымъ путемъ доставляются каждый годъ богатая руды, которыми изобилуютъ всѣ возвышенныя мѣста королевства, также произведенія долинъ, содѣйственныхъ къ морю; золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, добываемые горными жителями на счетъ правительства; желѣзо, изъ котораго Китайцы выдѣлываютъ множество сосудовъ различной формы для домашняго употребленія, и которое съ нѣкотораго времени они отправляютъ въ Кантонъ; наконецъ перецъ, кофе, рисъ, сахаръ и разныя другія произведенія плантаціи, которыми покрыты берега почти всѣхъ рѣкъ, а въ особенности рѣки Менамъ, гдѣ находится Бангкокъ, главный городъ королевства. Всѣ эти произведенія развозятся множествомъ китайскихъ, малайскихъ и индѣйскихъ корабельщиковъ въ различныя части Азіи; они доставляются частью въ Сингапуръ, куда привозятъ кромѣ того, въ извѣстное время года, поваренную соль, мѣха пушпстыхъ звѣрей, кожи буйволовъ, слоновъ и носороговъ, слоновою костью, гуммилакъ, кардамонъ и птичьи гнѣзда. Эти послѣднія, доставляемые изъ Сіама, вывозятся въ большомъ количествѣ китайскими промышленниками въ Кантонъ.

Взавѣтъ такого множества туземныхъ произведеній, почти всѣ образованныя народы земнаго шара доставляютъ въ Бангкокъ мануфактурныя и другія произведенія. Европа доставляетъ туда сукна, бархаты, галуны, металлическія бездѣлушки, кристаллы, огнестрѣльное оружіе и военные снаряды; Индія снабжаетъ своимъ золотомъ, серебромъ, шерстяными матеріями, опиумомъ и различными пряностями; изъ Китая привозятся шелковыя ткани, чай, фарфоръ и тысячи лакированныхъ предметовъ; негодіанты сѣверной Америки присылаютъ ежегодно отъ пяти до шести судовъ, нагруженныхъ холстомъ, порохомъ, и вымѣниваютъ все это на сахарный песокъ. Что же касается до Франціи, то она уже не пользуется тѣмъ значеніемъ, которое имѣла прежде, хотя французскіе миссіонеры, находящіеся при дворѣ короля сіамскаго, приобрѣли его благосклонность.

Я говорилъ уже о Бирманской имперіи и о той ненависти, которую питаютъ другъ къ другу жители Явы и Сіама. Непрерывный рядъ войнъ и страшныя опустошенія были необходимымъ слѣдствіемъ этой ненависти. Однако счастье не благоприятствовало владѣтелю Бангкока; въ концѣ прошедшаго столѣтія

императоръ бирманскій овладѣлъ его столицей, впрочемъ держался въ ней не долго и былъ выгнанъ, но удержалъ за собой лучшіе порты: Мергюи, Мультейнъ и Таваи, которые въ 1824 году перешли во власть Англичанъ.

Съ подобными наклонностями къ войнѣ, народъ очевидно не можетъ сдѣлать быстрыхъ успѣховъ на поприщѣ образованія и промышленности, особенно когда онъ занятъ кровавыми революціями.

Конецъ семнадцатаго столѣтія былъ богатъ важными происшествіями, въ которыхъ приняли участіе три морскія европейскія державы. Съ 1662 года Англичане спорили съ Голландцами о первенствѣ при дворѣ сіамскомъ. Двадцать лѣтъ спустя эту политическую роль заняла Франція и поддерживала ее съ тѣмъ дотошествомъ, которое характеризовало вѣкъ и царствованіе Людовика XIV. Одинъ Грекъ, по имени Фольконъ, имѣвшій торговля сношенія съ Бангкокомъ, добившись милости у короля сіамскаго, достигъ достоинства перваго министра и выказалъ въ этомъ новомъ своемъ званіи удивительныя способности и необыкновенную энергію. Его старательныя порядки и спокойствіе снова были водворены въ королевствѣ; всѣ внутреннія возмущенія были погашены; чрезвычайно опасный мятежъ войскъ, набранныхъ въ Манкассаръ и составлявшихъ родъ тѣлохранителей полномочнаго министра, который хотѣлъ усмирить непокорныхъ гражданъ, былъ оставленъ въ самомъ началѣ.

Но Фольконъ, не довѣрившій прочимъ мандаринамъ королевства, поддерживаемымъ тайно Англією, послалъ во Францію, отъ имени своего государя, посла съ порученіемъ заключить мирный и торговый договоръ. Съ какой охотой это предложеніе было принято, извѣстно уже изъ исторіи. Шесть военныхъ кораблей, изъ которыхъ на каждомъ находилось по тысячѣ чотыреста человекъ разнаго оружія, бросили якорь при устьѣ рѣки Менама; вскорѣ французскіе солдаты стали строить цитадель въ Бангкокѣ, который тогда не былъ еще резиденціею.

Къ сожалѣнію это блистательное начало, отъ котораго столько можно было ожидать, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, не имѣло никакого результата. Фольконъ и его приближенные были умерщвлены во время одного возмущенія, и Англичане приобрѣли прежде свое вліяніе на управленіе этой страной, или, лучше сказать, возобновили споры съ Голландцами, которые, овладѣвъ Батавіей, производили торговлю почти со всѣмъ сіамскимъ королевствомъ.

Но такъ какъ Англичане и Голландцы вскорѣ увидѣли бѣдственное положеніе этой страны, безпрестанно терзаемой междоусобными расправами, то покинули совершенно свои конторы и явились снова въ Сіамъ лишь въ 1767 году; въ то самое время, когда Сіамцы, предводимые вождемъ, одареннымъ необычайными способностями, изгнали изъ своей родины Бирманцевъ и водворили такимъ образомъ спокойствіе.

Европейцы снова стали пріѣзжать въ Бангкокъ и производить тамъ торговлю. Но въ какомъ положеніи нашли они страну? Она была совершенно опустошена: народонаселеніе значительно уменьшилось отчасти отъ войны, отчасти отъ голода; такъ что, когда Европейцы возобновили свои торговые сношенія, то нашли въ Китайцахъ, толпами поселившихся въ королевствѣ, весьма опасныхъ соперниковъ, могущество которыхъ съ этого времени возросло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Китайцы почти исключительно ведутъ все дѣла, воздѣлываютъ землю, разрабатываютъ рудники и владѣютъ сахарными заводами; они же пріобрѣтаютъ изъ первыхъ рукъ все произведенія этой страны. Наврасно Англичане возобновили прежніе трактаты, и Американцы заключили новый въ 1833 году; они ничего этимъ не выиграли, до такой степени все иностранно внушаютъ къ себѣ недовѣрчивость государя, который, вѣроятно для того, чтобы воспрепятствовать пріѣзжать въ большее еще числѣ въ свое государство, отказываетъ имъ не только въ своемъ покровительствѣ по различнымъ дѣламъ, но не позволяетъ даже иностраннымъ консуламъ жить въ своей столицѣ и торговать безъ особеннаго съ его стороны разрѣшенія. Китайцы же пользуются въ этомъ отношеніи самой неограниченной свободой, платятъ небольшую пошлину, и одни скупаютъ главныя произведенія страны.

Должно впрочемъ полагать, что этотъ порядокъ вещей, столько вредный для европейской промышленности, долженъ въ скоромъ времени значительно измѣниться; потому-что, хотя чернь и погружена еще въ варварство и самое глубокое, закисѣлое невѣжество, однако жъ въ высшихъ классахъ общества успѣхи образованія весьма замѣтны; все князья, все начальники изучаютъ европейскія науки и искусства. Одинъ изъ нихъ, братъ короля, и, кажется даже его наследникъ, оказываетъ большое вниманіе и расположеніе къ иностранцамъ и спрашиваетъ часто ихъ мнѣнія и ихъ совѣтовъ. Онъ произвелъ при помощи Европейцевъ значительныя перемѣны въ составѣ войска, артиллеріи и флота. Съ другой стороны Англичане, владѣя Сиагапуромъ, весьма недовольны

недовѣрчивостью къ нимъ короля сіамскаго, земли котораго смежны съ ихъ владѣніями. Недавно еще, въ знакъ своего къ нему благорасположенія, они отдали на его произволъ земли короля Кедаха, стариннаго своего союзника. Изъ всего этого можно предвидѣть, какъ я уже и сказалъ, различныя перемѣны съ коммерческихъ сношеніяхъ Сіама съ Европейцами.

Слѣдовало бы желать, чтобы все эти перемѣны совершились какъ можно скорѣе, особенно если отъ этого улучшатся быть народовъ, которые, не смотря на свое трудолюбіе, находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Сіамскихъ мандариновъ вообще обвиняютъ въ скупости, безсовестности и сребролюбіи; однако жъ они, равно какъ и государь ихъ, терпятъ иностранцевъ, рѣдко ихъ обижаютъ и даже позволяютъ христіанскимъ миссіонерамъ свободно проповѣдывать ученіе евангельское и имѣть вездѣ свои храмы. Говорятъ, что нынѣшній король весьма радъ видѣть новыя зданія, украшающія площади его столицы; хотя онъ и принадлежитъ, наравнѣ съ своими придворными, къ числу послѣдователей Будды, однако жъ позволяетъ своимъ подданнымъ свободное отправленіе ихъ богослуженій.

Число жителей Бангкока простирается до 100,000 душъ. Въ этомъ городѣ находится множество школъ, гдѣ мальчики и дѣвочки могутъ быть обучаемы безплатно и гдѣ правительство дозволило миссіонерамъ преподавать законъ Божій.

Многочисленное народоселеніе Бангкока, гдѣ миссіонеры должны имѣть очень много занятій, состоитъ изъ Сіамцевъ, Малайцевъ, Китайцевъ и даже нѣкоторыхъ англійскихъ купцовъ, которые получили отъ короля позволеніе поселиться тутъ въ время. Впрочемъ туземцы живутъ въ самой ужасной бѣдности, особенно съ 1836 года, когда Менамъ вышелъ изъ береговъ и потопилъ все жилища и плантаціи. Отъ этого наводненія пострадали весьма много и плодовые деревья, которыя придавали равнинамъ, окружающимъ Бангкокъ, видъ садовъ и обширностью своей поражали путешественниковъ. Множество людей погибло, скотъ палъ по большей части отъ недостатка корма и почти совершенно истребился. Послѣ этого, благодаря трудолюбію и дѣятельности Китайцевъ, зло, происшедшее отъ наводненія, было отчасти исправлено. Съ 1838 стали снова возить сахаръ, перецъ и рисъ; множество джонокъ и кораблей загромождали какъ и прежде берега Менама, а мелкія суда безпрестанно прибывали со всехъ сторонъ въ столицу. Но самый городъ Бангкокъ есть не что иное, какъ множество хижинокъ, покрытыхъ соломой и смазанныхъ глиной; кой-гдѣ видѣются богатые дома зажиточныхъ китайскихъ купцовъ

или вельможъ сіамскихъ; дворець короля построенъ въ родѣ крѣпости и вооруженъ пушками; впрочемъ онъ не въ состояніи выдержать нападенія, равно какъ и старыя стѣны, которыми окруженъ весь городъ.

Очевидно, что картина города не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Правительство и полиція этого обширнаго города очень дурно устроены. Но, какъ я уже сказалъ, должно полагать, что королевство Сіамъ займетъ важное мѣсто въ ряду государствъ, сосѣдственныхъ къ Китайскому морю, какъ по плодородію земли и богатству произрастеній, такъ и по многочисленности и трудолюбію жителей.

Такъ размышляя я въ это время, какъ фрегатъ плылъ быстро по водамъ залива, омывающаго страны выше мной описанныя. Скоро достигъ онъ береговъ Камбоджа, прелестной провинціи, служившей долго театромъ войны между королемъ Сіама и королемъ Кохинхины, до того времени, какъ они окончательно раздѣлили ее между собой. Еще не такъ давно, король Кохинхины прислалъ туда армію, чтобы отметить королю сіамскому, которому онъ выдалъ короля Ласеа, искавшаго у него убѣжища, за то что тотъ не отблагодарилъ его за эту важную услугу. По счастью владѣтель Бангкока такъ испугался военныхъ дѣйствій, начавшихся противъ него, что исполнилъ тотчасъ же все, чего отъ него ни требовали; иначе, новыя несчастія поразили бы мирныхъ и трудолюбивыхъ жителей Кантубона и Канкао, двухъ главныхъ портовъ Камбоджа.

Эти два важные города, имѣющіе по тридцати тысячъ жителей и служащіе ередоточіемъ торговли между Китаемъ и другими странами, были разграблены жителями сосѣднихъ королевствъ, могущество которыхъ чрезвычайно вредно для ихъ торговли. Часто Сіамцы, всегда жестоко поступающіе въ отношеніи къ слабымъ или побѣжденнымъ, уведли въ рабство жителей этихъ двухъ городовъ. Но плодородіе почвы и выгодное мѣстоположеніе, занимаемое ими на берегахъ широкихъ рѣкъ, недалеко отъ моря, таковы, что, не смотря на все эти опустошенія, благосостояніе ихъ несомнѣнно еще изчезло. Толпы китайскихъ и малайскихъ лодочниковъ поврежнему загромаждаютъ гавани Кантубона и Канкао и доставляютъ въ Нанкинъ и Сіамъ тѣ драгоценныя произведенія, которыя Европейцы, въ свою очередь, вывозятъ изъ Сіама, считая ихъ за туземныя произведенія.

Немного выше къ сѣверу, находится обширная провинція Сіамна, присоединенная, въ концѣ прошедшаго столѣтія, къ

Кохинхинѣ императоромъ Гла-Лонгомъ, и столица которой, Сайгонъ, по величинѣ и важности своей, есть второй городъ во всей имперіи. Хотя эта провинція была прежде присоединена къ Камбоджу, однако народонаселеніе ея, по большей части мусульманскаго вѣроисповѣданія, гораздо храбрѣе и воинственнѣе жителей сосѣднихъ странъ, и кажется ни одного съ ними происхожденія. Потому-то Гла-Лонгъ, вѣроятно зная безошибочный характеръ своихъ новыхъ подданныхъ, велѣлъ тщательно укрѣпить Сайгонъ и содержать въ немъ постоянно значительный гарнизонъ.

12 Августа, 1839 года, въ то время какъ Артемиза бросила якорь предъ Тураномъ, эта великолѣпная гавань была совершенно пуста. Впрочемъ, иностраннымъ купцамъ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать; потому-что король, который получаетъ исключительно главнѣйшія произведенія страны, а именно сахаръ, отсылаетъ ихъ нынче въ Сингапуръ на военныхъ корабляхъ, которые доставляютъ ему взамѣнъ разнаго рода мануфактурныя европейскія произведенія, которыя онъ продаетъ своимъ подданнымъ по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Тѣ изъ нашихъ купцовъ, которые пришли бы въ какой-нибудь изъ портовъ Кохинхины, на-вѣрное не нашли бы тамъ ни покупателей, ни продавцовъ, кромѣ агентовъ казны, которые заставляли бы ихъ платить за сахаръ гораздо дороже, нежели сколько платятъ обыкновенно въ европейскихъ конторахъ Индо-Китая.

Съ какой досадой смотрѣлъ я на эту гавань, столь безопасную и красивую, однако осужденную на совершенное запустѣніе; столь выгодную, какъ въ политическомъ такъ и торговомъ отношеніи, и не смотря на это оставленную безъ вниманія; тогда какъ пріобрѣтеніе этого пункта доставило бы ей несомнѣнно первенство въ этихъ моряхъ и расширило бы кругъ ея торговли въ архипелагахъ, на сѣверъ отъ Борнео.

Когда Артемиза приплыла въ гавань Турана, маляринъ, начальствующій надъ городомъ и крѣпостью, взялъ тотчасъ противъ насъ предосторожности. Галера съ вооруженными солдатами бросила якорь подлѣ нашего фрегата. Изъ нашего экипажа рѣшительно никто не могъ отлучиться на берегъ, безъ сопровожденія нѣсколькихъ часовыхъ вооруженныхъ пирами, которые, хотя и не говорили намъ ни слова, однако паблодали за малѣйшимъ нашимъ поступкомъ.

Такъ какъ никто изъ насъ не могъ избѣгнуть подобной строгости, поэтому бѣднымъ миссіонерамъ нашимъ, поселеннымъ въ этой странѣ, не было никакой возможности дать мнѣ хотя

малѣйшее свѣдѣніе о своей участи и о томъ, какъ обходится съ ними король кохинхинскій. Это было мнѣ тѣмъ болѣе досадно, что я посѣтилъ Туранъ съ цѣлю убѣдиться въ дѣйствительности тѣхъ притѣсеній, которыя, какъ говорятъ, терпѣли наши миссіонеры отъ мѣстнаго начальства, и прекратить, сколько отъ меня это зависѣло, подобный порядокъ вещей, столь вредный для распространенія католической вѣры и утвержденія политическаго вліянія нашего въ этой странѣ.

Великій мандаринъ, который посѣтилъ меня, былъ тотъ самый, съ которымъ имѣлъ я дѣло въ 1829 году, и показалъ, какъ и прежде, большую осторожность во всемъ, что касалось политическихъ вопросовъ. Онъ дѣлалъ мнѣ, отъ имени императора, самыя блистательныя увѣренія въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціею; старался убѣдить меня, что государь его очень доволенъ тѣмъ, что купцы наши пріѣзжаютъ торговать въ его владѣнія. Но не смотря на все эти увѣренія, надзоръ за нами становился все строже и строже. Я остался, послѣ этого посѣщенія, еще нѣсколько дней на якорѣ, надѣясь, что миссіонерамъ удастся наконецъ доставить мнѣ свѣдѣніе о ихъ настоящемъ положеніи. Я твердо рѣшился, возвратити имъ свободу въ томъ случаѣ, если бы они были заключены въ темницу. Но было ли преслѣдованіе уже прекращено, или полагали миссіонеры, что мое посредство можетъ имъ только повредить, или же думали, и не безъ причины, что, нарушивъ законы этой страны, они должны будутъ уже безпрекословно подвернуться наказанію, предписываемому законами; какъ бы то ни было, но я не получалъ никакой отъ нихъ вѣсти. 21 августа, вечеромъ, Артемиза отплыла въ Манилью, куда призывали меня различныя торговые интересы.

Кривука и Бислюграфія.

Воспоминанія Оаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Части IV и V. Спб. 1848 года.*

Авторъ намѣревается довести выше названныя мемуары до новѣйшаго времени. Это *третій* выпускъ. О двухъ *первыхъ* говорили мы довольно подробно въ двухъ критическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ III-мъ и IV-мъ нумерахъ (въ книгахъ мартовской и апрѣльской) Сына Отечества за 1847 годъ. Такъ какъ число подписчиковъ нашего журнала за текущій годъ, противу прошлагодняго, умножилось слишкомъ *вплатеро*, то мы, относительно столь важнаго сочиненія, каковы разсматриваемыя «Воспоминанія» г. Булгарина, и считаемъ за нужное оглянуться назадъ, для указанія новымъ подписчикамъ нашимъ: *какую* мы себѣ, въ тѣхъ двухъ статьяхъ опредѣлили точку зрѣнія на предметъ и на *что* преимущественно обращаемъ — и впередъ будемъ обращать — вниманіе, въ продолженіе выхода этихъ мемуаровъ.

Въ нашей первой статьѣ, поставивъ на видъ общій, важнѣйшій, еще совершенно новый въ нашей журналистикѣ — вопросъ о *значеніи мемуаровъ* вообще, и индивидуальности въ особенности, мы сказали, что великая историческая эпоха, изображае-

мая передъ нами, съ современной точки зрѣнія, искусною рукою современника—какъ ни важна и занимательна для насъ, не есть однако главное въ автобіографическомъ эпосѣ; что есть предметъ еще важнѣйшій, еще занимательнѣйшій: герой этого эпоса—самъ авторъ! Изслѣдывая философически этотъ вопросъ, доказывая, почему общая любовь къ романамъ, въ слѣдствіе закона естественности, должна возвыситься до наклонности къ мемуарамъ, автобіографіямъ, письмамъ и тому подобнымъ индивидуальностямъ, и почему для насъ всего интереснѣе индивидуальность, мы дошли до слѣдующаго результата: «Съ успѣхами истиннаго просвѣщенія, индивидуальность человѣка становится все значительнѣе, самобытнѣе и различнѣе отъ другой индивидуальности. Если справедливо—и несомнѣнно справедливо—замѣчаніе, что между двумя необразованными народами менѣе разницы, чѣмъ между двумя образованными *лицами*; если, въ добавокъ, столь же справедливо, что чистое понятіе объ индивидуальности, при отвлеченной идѣе о человѣкѣ, пребудетъ на-всегда вышею цѣлю нашихъ размышленій и разысканій, потому-что для человѣка, какъ уже сказано, всего интереснѣе и всего выше индивидуальность человѣческая: то какъ же не заслуживаетъ нашего тщательнѣйшаго вниманія тотъ писатель, котораго до высокой степени образовала самая жизнь; который, испытавъ ее во столькихъ измѣненіяхъ и колоратностяхъ судьбы, нахваталъ столько матеріи, т. е. *существенной* жизни, и который, бывъ современникомъ и очевидцемъ столькихъ важныхъ историческихъ событій, принялся рассказывать намъ свои похождения, въ теченіе полулѣтка, отъ первыхъ воспоминаній дѣтства своего до нашихъ дней? Какъ же не на *цель*—на замѣчательнѣйшей личности изъ всѣхъ нашихъ писателей, лежитъ обязанность, въ *мемуарахъ* своихъ, не забывать, что *онъ самъ*, посреди всѣхъ важныхъ, имъ описываемыхъ происшествій и изображаемыхъ лицъ, все-таки занимательнѣйшій для насъ предметъ!»—Потомъ, разсматривая тотъ же вопросъ въ *правственомъ* отношеніи, рѣзко различая индивидуальность отъ *эпоэзма*, доказывая, что она—есть концентрическая сила души, духовное тѣло ея, умственная и въ смерти съ нею неразлучная форма, начальное условіе ея самобытности, мы получили слѣдующій важный выводъ: «На индивидуальности основана вся нравственность и священная истина личной ответственности передъ Все-

вышнимъ Судьею! Поэтому, конечною и вышею цѣлю нашей жизни и всякой добродѣтели человѣческой—должно быть елико-возможное усовершенствованіе нашей индивидуальности; коренное условіе этой возможности есть наибольшее познаніе своей личности—а всего лучше мы познаемъ себя въ *другихъ* индивидуальностяхъ! Слѣдовательно: все общее имѣетъ для насъ только второстепенный интересъ; *любить* же, въ особенномъ смыслѣ слова, мы ничего не можемъ, кромѣ индивидуальнаго—и въ этомъ чувствѣ заключается всякая другая возвышенная любовь. Законъ: Люби своего ближняго какъ *себя самого*—глубоко проистекаетъ изъ врожденнаго влеченія къ другой личности. Это влеченіе есть, въ то же время, *и трагическая* черта. Каждый изъ насъ не болѣе, какъ индивидуумъ, а индивидуумъ существуетъ здѣсь только эфемерно—и невозвратно теряется на свѣтѣ! Мы дружески гостимъ въ чужой индивидуальности также и для того, чтобы тамъ оставить память о нашей собственной; въ мемуарахъ своихъ мы выказываемъ себя и для того, чтобы сохранилась на землѣ наша индивидуальность!...»

Съ этой субъективной точки зрѣнія, съ такими понятіями о высшей важности индивидуальнаго, мы, во *второй* статьѣ, разсматривали первые три тома мемуаровъ. Этими же правилами будемъ мы руководствоваться, при разсматриваніи IV и V тома.

Содержаніе этихъ двухъ частей—финляндская война, общая политика, государственное управленіе, очерки замѣчательныхъ лицъ той эпохи и прочая. Разумѣется, все это рассказано, очерчено, изложено—какъ всегда излагаетъ, очерчиваетъ, рассказываетъ Булгаринъ, — ясно, живо, искусно! Эти подробности о Финляндіи и финляндской войнѣ, этотъ широкій кругозоръ политическій, анекдоты, относящіеся къ важнымъ событіямъ—все это имѣетъ общій интересъ и, конечно, понравится публикѣ.... понравится и намъ, съ *общей* точки зрѣнія! Но, въ слѣдствіе нашей вышеизложенной теоріи автобіографіи, мы должны стать на индивидуальной точкѣ зрѣнія—и отсюда кажется намъ, что авторъ, который здѣсь долженъ быть главнымъ лицомъ своего эпоса, какъ-то мало замѣтенъ посреди этихъ массъ общен историческихъ; что, по крайней мѣрѣ, нѣтъ того живаго интереса, который, въ первыхъ трехъ частяхъ, такъ скромно и искусно сосредоточенъ на его личности—чего именно и требуется въ сочиненіяхъ такого рода. Г. Булгаринъ, что ни говори о сво-

ихъ *благопріятельхъ*—зюлахъ, все-таки, какъ намъ кажется, пишутъ свои мемуары подъ вліяніемъ нѣкотораго опасенія, что всякій правдивый его о самомъ себѣ, сколько-нибудь къ добру относящійся рассказъ послужитъ пищею для клеветы, будетъ растолкованъ, какъ выдумка самохвальства; и потому, очевидно съ *намыреніемъ*, авторъ теряется въ толпѣ *неважныхъ* лицъ своего автобіографическаго эпоса. Принявшійся за свои мемуары не долженъ, не можетъ отказаться какъ отъ правъ, такъ и отъ серьезной обязанности автобіографа, именно по высокой значительности индивидуальнаго. Передъ нею исчезаетъ иное мелкое приличіе! Клевета скоро забудется; останется истина и свое возьметъ; всякій безпристрастный читатель ее какъ разъ вычувствуетъ! Живой—и живѣйшій—интересъ къ герою автобіографіи отнюдь не есть *пристрастіе*! Сіе послѣднее—слѣпо; между тѣмъ, какъ нашъ психологическій интересъ, къ кому бы то ни было, имѣетъ зоркій глазъ и тотчасъ примѣтитъ умышленное уклоненіе отъ истины. И Булгарину ли опасаться клеветы, при несмѣтномъ числѣ безпристрастныхъ читателей и великомъ множествѣ горячихъ приверженцевъ? Ниже, мы еще будемъ имѣть случай повторить этотъ упрекъ автору; здѣсь же, покада, замѣтимъ, что г. Булгаринъ оказываетъ излишнюю честь *благопріятельмъ*, всегда упоминая о нихъ, въ своихъ предисловіяхъ. Такъ и теперь: «Обрадуются мои благопріятель, что нашелся случай къ *критикѣ*! Браните, господа, браните покрѣпче, собственно для вашего утѣшенія и наслажденія! Ни читать васъ, ни отвѣчать вамъ не стану! Благонамѣренныя замѣчанія приму съ благодарностью и воспользуюсь ими.» (См. предисл. къ IV части, стр. IV).

За исключеніемъ самаго начала IV части, гдѣ авторъ выражаетъ свой восторгъ при полученіи перваго ордена за храбрость, засвидѣтельствованную Высочайшимъ рескриптомъ, тутъ же помѣщеннымъ (стр. 4), мы, почти во все продолженіе этой IV части—точнѣе: до конца пятой главы—какъ-то не совсѣмъ ладимъ съ авторомъ, по вышесказанной причинѣ, т. е. за то, что онъ умышленно отклоняетъ отъ себя подобающее ему главное участіе наше; но шестая (послѣдняя) глава этой части, названная *Эпизодомъ*: «Солдатское сердце,» вполне помирила насъ съ авторомъ! Обратнымъ дѣйствіемъ на всѣ пять прочитанныхъ главъ накопила она замѣченный нами недостатокъ *индивидуальнаго* ин-

тереса и, разумѣется, еще легче покрыла своими теплыми лучами и всю V часть.... такъ глубоко было возбуждено наше сочувствіе; такъ искусно, въ самой *серединѣ* этихъ двухъ частей, имѣющихъ главнымъ содержаніемъ Финляндію и финляндскую войну, вставленъ этотъ крупный алмазъ, который, приводя въ автобіографическое единство движущіяся около него массы, соотвѣтствуетъ вполне требованію нашей теоріи мемуаровъ! Дозволимъ себѣ представить жгучій перечень этого восхитительнаго *эпизода*, потому-что мы имѣемъ присовокупить къ нему нѣчто немаловажное.

«Разскажу теперь съ историческою точностью то, что уже разсказано было съ примѣсью литературныхъ цвѣтовъ. Но какъ самое дѣло противно военной дисциплинѣ, то представлю дѣйствителя въ *третьемъ* лицѣ, не называя по имени.»—Въ финляндскую войну, молодой офицеръ Н. Н., будучи на очереди, на службѣ, является, по приказанію, къ графу Н. М. Каменскому, который, быстро взглянувъ на него, сказалъ: «Вы знаете послѣднее происшествіе. Взбунтованными мужиками, которые разбили нашъ транспортъ съ продовольствіемъ и перерѣзали прикрытие, начальствовалъ пасторъ. Меня извѣстили, что пасторъ теперь дома, верстахъ въ пятнадцать отсюда, и пробудетъ у себя до завтрашняго дня. Поѣзжайте туда и захватите его. Долго мы гладимъ по головкѣ этихъ господъ; но они не унимаются, и на этомъ разбойникѣ я покажу первый примѣръ! Глаза графа при этихъ словахъ засверкали.»—Слѣдуетъ нѣсколько наставленій, окончивающихся словами: «Если исполните хорошо порученіе, я васъ не забуду; а оплошаете, строго взыщу!»

Офицеръ, сопровождаемый взводомъ, въ темную, сентябрьскую дождливую ночь нагрязнувшись въ располхъ на домъ пасторскій, окружилъ его и постучался у дверей. Полуодѣтая служанка, отпершая двери, отшатнулась отъ русскаго офицера, который, выхвативъ у нея свѣчу изъ рукъ, входитъ въ другую комнату и, послѣ нѣсколькихъ краткихъ объясненій съ тещею пастора, возопившею въ ужасъ: «Дунза, Дунза! Русскіе, Русскіе за твоимъ мужемъ!» вторгается въ самую спальню. «Офицеръ бросился къ кровати,—и увидѣлъ, что два мѣста явственно означали, что на постелѣ покоились недавно два человѣческія существа. На стулѣ лежало *мужское* платье. У изголовья кровати помѣщался огромный, высокій шкафъ дубоваго дерева, а возлѣ шкафа стол-

ла женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, въ одномъ бѣльѣ, съ наброшеннымъ на грудь платкомъ. Офицеръ остановился...»

Скажемъ вкратцѣ: передъ двадцатиплѣтнимъ офицеромъ стояла женщина дивной красоты и, что болѣе нежели красавица—«стояла мать, и съ тренетомъ, съ отчаяніемъ во взглядѣ, съ полуотверзтыми устами ожидала рѣшенія своей участи. На вопросъ офицера, красавица отвѣчаетъ кратко, что мужа ея нѣтъ; что онъ уѣхалъ съ вечера... она не знаетъ куда. Офицеръ указываетъ на двоекое *полчиное*: постель и платье. Она покрасивъ... Съ вѣю спала *маменька*; платья еще не успѣли убрать! «Офицеръ сдѣлалъ шагъ впередъ, и тутъ собаченка стала лаять, то *оглядываясь* на *шкафъ*, то бросаясь на офицера...» (Проклятая собаченка: такъ и показываетъ, что пасторъ въ *шкафѣ*!) «Молодая женщина снова поблѣднѣла, едва держалась на ногахъ... но вдругъ, какъ влохновенная, приблизилась на шагъ къ офицеру и сказала съ сильнымъ выраженіемъ чувства:

«Если бы даже мужъ мой и былъ дома, то неужели вы рѣшились бы взять его отъ жены и ребенка и предать на вину погубель? Мы знаемъ, что ожидаетъ его... мы читали ваши прокламаціи! Погубя его, вы убьете весь родъ его—отца его, мать, меня и это несчастное дитя! Я не переживу его ни одною минутою и брошусь въ воду съ этимъ несчастнымъ сиротою! Камень у васъ, или сердце? Есть ли у васъ отецъ, есть ли мать, сестра или братъ? Неужели вы ихъ обнимите тѣми же руками, которыми умертвите цѣлое семейство? Хотите видите дѣло семейство? Хотите видите смерть человѣка—убейте меня!...» Зачѣмъ же вашъ мужъ подвергалъ такой страшной участи себя и свое семейство? Зачѣмъ онъ не оставался спокойно въ своемъ домѣ?

Пасторша поклялась Богомъ, что мужъ ея совершенно невиновенъ и рассказала, кто виновникъ! Ландманъ, который сватался за красавицею и которому предпочла она пастора. Тотъ, съ толпою вооруженныхъ хмельныхъ крестьянъ взялъ пастора силою, напалъ на русскій транспортъ и русскому же генералу допелъ на пастора, который былъ какъ въ плѣну между крестьянами. «Ужели все это правда?»—Она поклялась своимъ груднымъ младенцемъ! «Можете ли вы дать мнѣ честное слово за вашего мужа, что онъ не только не пріиметъ никакого участія въ войнѣ, но и удалится немедленно въ Швецію?» Она даетъ слово.

«И такъ вашего мужа нѣтъ дома? Прощайте!» и хотѣлъ идти. «Она бросилась къ офицеру, какъ изступленная и, схвативъ за руку, воскликнула: постойте! Скажите мнѣ вашу фамилію?»—Зачѣмъ? это лишнее!—«Нѣтъ, счастье мое, счастье всего нашего семейства будетъ не полное, если мы не будемъ въ состояніи произносить вашего имени при каждой молитвѣ, благословлять васъ! О! скажите, скажите, ради Бога, какъ васъ зовутъ?» Офицеръ сказалъ свою фамилію. «Еще одна просьба: возьмите на руки этого младенца, благословите и поцѣлуйте! Это будетъ ему на память и принесетъ счастье!» Офицеръ взялъ младенца на руки, перекрестилъ и прижалъ къ сердцу. Мать залилась слезами и, положивъ руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы: «Да воздастъ вамъ Богъ добромъ!...» Она не могла долѣе выдержать и бросилась въ кресла, рыдая... Офицеръ самъ прослезился; отдалъ ребенка матери молодой женщины, взглянулъ еще разъ на красавицу, еще разъ поцѣловалъ младенца и вышелъ изъ комнаты.»—На обратномъ пути, офицеръ размышляетъ о томъ, что пасторъ (за неимѣніемъ свидѣтелей передъ русскимъ генераломъ) не могъ бы *доказать* свою невиновность; «да и стали ли бы его слушать въ такую пору, когда нуженъ былъ *примьеръ строгости*; а противъ него было показаніе! Графъ Н. М. Каменскій былъ добръ, но онъ былъ скоръ и притомъ выведенъ изъ терпѣнія!» И такъ на-вѣрное разстрѣляли бы пастора!

«Не засталъ дома пастора, ваше сіятельство: онъ съ вечера отправился въ шведскій лагерь!» и вслѣдъ за тѣмъ офицеръ рассказываетъ графу Каменскому, что онъ узналъ отъ пасторши.

—«Шашни и шлетни! а вы и повѣрили! Вѣрно пасторша хороша собою!»—Офицеръ молчалъ.—«Отвѣчайте!»—«Не дурна!»—«Ну вотъ и бѣда посылать *молокососовъ*! Извольте идти на гаунтвахту... подъ арестъ!» Тѣмъ дѣло и кончилось. На другой день выступили въ походъ; черезъ три дня завязалось сраженіе, и офицеру возвратили саблю.»

Спрашиваемъ: могъ ли бы графъ Каменскій *такъ* говорить, еслибы и самъ, подобно тому офицеру, не увѣровалъ въ невиновность пастора, какъ только узналъ, что ландманъ влюбленъ въ пасторшу. Вопросъ о ея красотѣ и драгоценное въ его устахъ слово: *молокосось*, и легкое наказаніе *отловашаго* офи-

цера свидѣтельствуютъ о томъ, что графъ, въ душѣ, одобрялъ поступокъ его.

Черезъ тридцать лѣтъ, въ 1838 году, «тотъ самый офицеръ—давно уже пивальдъ»—встрѣчается, въ Стокгольмѣ, съ чело-вѣкомъ въ цвѣтѣ возраста, объявляющимъ, что онъ—тотъ *младенецъ*, чьихъ родителей спасъ офицеръ въ финляндскую кампанію, котораго онъ благословилъ и поцѣловалъ.... Читайте весь эпизодъ у автора, и вы увидите, сколько прекраснаго долженъ былъ исключить нашъ сжатый перечень! Въ заключеніе эпизода, г. Булгаринъ говоритъ:

«Покойный Н. А. Полевой, изъ *романическаго повѣствованія*, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ о разсказанномъ теперь правдиво событіи, составилъ театральную піэсу, подъ заглавіемъ: *Солдатское сердце*. Піэса не имѣла успѣха, хотя и была умно составлена, потому-что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Піэсу эту Н. А. Полевой (съ которымъ наши дружескія сношенія уподоблялись барометру) посвятилъ мнѣ. Въ память даровитаго писателя, и для взаимности, я назвалъ этотъ разсказъ именемъ его драмы».

Мы отдали полную справедливость превосходному *Эпизоду*; но къ эпивогу ея позвольте намъ придаться—не по пустому, какъ вы увидите, или какъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется. Къ сожалѣнію, мы не читали упоминаемаго вами *романическаго повѣствованія* въ Сѣверной Пчелѣ; мы не видали и піэсы Полеваго, переставъ читать и видѣть его театральныя піэсы съ той поры, какъ убѣдились, что онѣ только *составляются* умно, а не *создаются* поэтически и драматически. А справляться некогда: до 1-го ноября, когда статья эта должна явиться въ печати, остается немного дней; мы живемъ далеко, in palustribus, т. е. подлѣ деревни *Палюстрова*, гдѣ вы, любезные читатели, живете лѣтомъ на дачѣ.... Погода дождливая; грязь по колѣна; до редакціи Сѣверной Пчелы, гдѣ могли бы мы получить хоть одну справку, верстъ около десяти; а піэса Полеваго, не имѣвшая успѣха, вѣроятно бухнула въ Лету.... гдѣ же справляться? Однимъ словомъ: мы не имѣемъ другихъ *данныхъ*, кромѣ вашего «Эпизода»—исторически точнаго разсказа—и вашего *мнѣнія*: почему *Солдатское Сердце* покойнаго Полеваго не имѣло успѣха! И такъ, вступая въ споръ противъ этого мнѣнія, мы, въ нижеслѣдующемъ, можемъ, *безъ вѣдома своего*, совпадать иногда съ содержаніемъ или піэсы Полеваго, или того рома-

ническаго повѣствованія—въ чемъ, буде случится, напередъ извиняемся передъ публикою, передъ вами и передъ тѣнью Полеваго.

Вы говорите, что піэса сего послѣдняго не имѣла успѣха потому, что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Никогда не берись за театральныя піэсы тотъ, кто изъ *подобной* сцены не умѣетъ создать *полной драмы*, т. е. дополнять, посредствомъ поэтическихъ вымысловъ, того, чего, въ сюжетѣ, недостаетъ, для органическаго развитія драмы. Но, въ настоящемъ случаѣ, и вымышлять не надо: вся *драма*, или точнѣе: все то, что должно предшествовать извѣстной прекрасной сценѣ, содержится въ *разсказѣ* красавицы—пасторши: изложеніе, интрига, завязка! Та сцена есть катастрофа; отъ офицера зависитъ исходъ ея и конечная развязка: *ему* ли погибнуть за нарушеніе дисциплины, или пастору? Быть ли драмѣ, или трагедіи—это рѣшить русскій генераль! Какъ же въ этомъ событіи нѣтъ драмы? Напротивъ! лучшихъ драматическихъ мотивовъ и желать нельзя: трагическая причина вражды ландсмана къ пастору; огнелышная ревность отвергнутаго искателя, столь понятная по дивной красотѣ Луизы; адскій замысль впутать невиннаго пастора въ дѣло хмѣльныхъ мужиковъ, содѣлать его—повиннымъ смерти передъ Русскими; на него же донести русскому генералу; указать время, *когда* можно захватить пастора и тѣмъ очистить ландсману путь ко второму искательству руки Луизиной; наконецъ, отравленіе офицера за пасторомъ.... тутъ болѣе, чѣмъ нужно, превосходнаго матеріала драматическаго для трехъ актовъ. Четвертый же начинается появленіемъ офицера въ домѣ пастора. Вы знаете эту дивную сцену!... Но вотъ опять случай показать, что драматическій писатель никогда не можетъ воспользоваться и самымъ превосходнымъ сюжетомъ точь-въ-точь въ такомъ видѣ, въ какомъ находится его въ исторіи; что, въ частности, всегда нужна бываетъ передѣлка, называемая возсозданіемъ сюжета! Если «Эпизодъ» разсказанъ съ *историческою точностью*, какъ увѣряетъ авторъ (мы это изслѣдуемъ ниже), то *беззаметный* офицеръ долженъ нѣсколько *иначе* дѣйствовать въ *драмѣ*. Онъ можетъ идти по слѣдамъ исторіи до той минуты, когда убѣждается въ невинности пастора—не красотою и отчаяніемъ *жены*, но тѣмъ, что *мать* клянется своимъ груднымъ младенцемъ, моля Бога, чтобъ Онъ на столько былъ милостивъ къ ней и къ младен-

цу, на сколько говорит она правду русскому офицеру. Тутъ послѣдній, въ оправданіе своихъ бурныхъ дотошъ поступковъ, въ немногихъ выразительныхъ словахъ долженъ объяснить пасторшѣ важность, необходимость, святость военной дисциплины, нарушеніе которой столь справедливо, особенно въ военное время, наказывается смертью; но что *ему*, въ эту минуту, представляется одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ въ жизни случаевъ, когда священный долгъ сталкивается съ долгомъ еще священнѣйшимъ и на столько высшимъ перваго, на сколько небесное выше земнаго—тотъ случай, когда, въ *человѣкъ*, гражданинъ неба долженъ пожертвовать гражданиномъ земли, для удовлетворенія земнаго закона. Въ драмѣ, офицеръ могъ сказать пасторшѣ, что убѣжденный въ невинности ея мужа—потому, что она поклялась своимъ груднымъ младенцемъ, а *мать* не клянется ложно своимъ *дитятемъ*—но равно убѣжденный и въ томъ, что мужъ, за невозможностью имѣть свидѣтелей своей невинности передъ судомъ непріятельскаго генерала, вѣроятно погибнетъ, онъ долженъ, по закону высшей моральности, принести себя въ жертву—для спасенія невиннаго человѣка и семейства его, для искупленія своей вины передъ дисциплиною! Теперь, когда сцена перенесена въ высшую моральность, какъ понятно, какъ трогательно изстуженіе, съ какимъ красавица исторгаетъ у офицера имя его и проситъ его принять на руки младенца, благословить и поцѣловать.... она вѣруеть всю душою, что благословеніе и поцѣлуй человѣка, который приноситъ себя въ жертву за отца его и мать, возложитъ на младенца знаменіе всякихъ добродѣтелей... этого человѣка, освященнаго, въ ея глазахъ, своимъ самопожертвованіемъ, она сама можетъ обнять и поцѣловать.... Вспомните, что сцена разыгрывается уже на моральной основѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ свѣтскихъ приличій!—Офицеръ отправляется съ своею командою. Выходитъ изъ дубоваго шкафа пасторъ незримый свидѣтель или слушатель всей этой сцены. Отъ даннаго ему въ драмѣ характера зависитъ, что онъ сдѣлаетъ? Если онъ человѣкъ обыкновенный, слабого характера, то скорѣе по-добру по-здорову уберется въ шведскій лагерь. Если же у него душа возвышенная, то онъ скажетъ женѣ: «Видишь ли, какъ передъ нами оклеветали Русскихъ! Когда простой офицеръ поступилъ такъ благородно и можетъ жертвовать собою, для спасенія невиннаго; то и этотъ невинный можетъ смѣло довѣрять свою жизнь русскому генералу! Я завтра же поѣду къ графу Камен-

скому, чтобы спасти этого офицера: военный судъ продолжаетъ только 24 часа—и разстрѣливаютъ! Оправдаю офицера: скажу, что я былъ въ шведскомъ лагерѣ, куда я уѣхалъ ранѣе, чѣмъ предполагалъ, потому—что меня тотчасъ извѣстили о лукавомъ на меня доносѣ ландсмана! Но, получивъ отъ жены вѣсть о происшедшемъ, въ полночь, въ моемъ домѣ, я почелъ своею обязанностью явиться къ графу на судъ и оправдаться, да не подумаетъ никто, чтобы пасторъ—служитель алтаря—могъ быть сообщникомъ грабителей и разбойниковъ. Произвольное мое появленіе послужитъ доказательствомъ моей невинности,» и проч. Во всякомъ случаѣ, здѣсь кончается четвертый актъ. Въ пятomъ, офицеръ является къ новому генералу съ правдивымъ донесеніемъ, что онъ, отстраняя всякое приличіе, внезапно ворвался въ спальню, засталъ пасторшу въ одномъ бѣльѣ, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, и мать ея; болѣе никого не было: пасторъ, по ихъ словамъ, уже съ вечера уѣхалъ; что офицеръ, убѣдившись разказомъ пасторши, особенно ея *клятвою* во имя своего *груднаго младенца*, въ невинности пастора, не обыскалъ всего дома, боясь найдти пастора и привлечь на вѣрную гибель человѣка, который не могъ бы, передъ его сіятельствомъ, доказать свою невинность. Офицеръ отданъ подъ судъ. Если приѣдетъ пасторъ, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то генераль, тронутый великодушіемъ офицера и также убѣжденный въ невинности пастора, можетъ прекратить судъ надъ офицеромъ, или—буде сочтетъ нужнымъ—предоставить его всей строгости закона. Если офицеръ уцѣлѣетъ, то восхитительнымъ эпилогомъ драмы будетъ *свиданіе* его, черезъ тридцать лѣтъ, съ этимъ семействомъ. Разумѣется, что и пасторъ и пасторша должны быть еще живы. Какая сцена!... Если бы судьба предлагала намъ на выборъ въ собственность: мѣзу *Карлову*, при Дерптѣ, и эту *сцену*, — мы живо схватили бы эту сцену! *Фил* хороша, и—право—знаешь ей цѣну, претерпѣвъ нужду во всю жизнь свою; по *безсмертію* все-таки лучше—а въ *такой* сценѣ есть что-то безсмертное, безконечное!...

Ужели упустили мы въ эти драматическія подробности только для того, чтобы доказать, какъ несправедливо мнѣніе, будто бы въ этомъ событіи *нѣтъ драмы*, а есть *одна* только драматическая сцена? Нѣтъ! мы имѣли еще другую цѣль. Мы сказали выше, что безразрастанный читатель вѣрнымъ чувствомъ тот-

часть возникает, въ автобіографическихъ мемуарахъ, *умышленное* уклоненіе отъ истины. Не боимся отдать правдивость своего чувства на испытаніе г-ну Булгарину и тому *безыменному* офицеру: только *имъ обомъ* извѣстна историческая истина описаннаго событія. По нашему чувству, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы начали дополнять драматически и воссоздавать сюжетъ историческій, — есть какой-то пропускъ, долженствовало быть *ничто*, похोजее на нашъ поэтическій замыселъ о самопожертвованіи, и вотъ, что утверждаетъ нашу догадку о пропускѣ, въ *Эпизодѣ*: при словахъ офицера: «И такъ вашего мужа нѣтъ дома.... прощайте!» Красавица — если судить по тому, что предшествовало этимъ словамъ—никакъ не могла бы прійти въ то восхищительное изступленіе, которое описано выше. Она—вспомните о ея крайнемъ *нелюбви*—стала бы только на колѣни, помолилась бы Богу и промолвила бы офицеру: «Да благословитъ васъ Господь!» Одною *благодарностью* никакъ не объяснится ея изступленіе! Тамъ долженствовало быть — и навѣрное былъ — другой мотивъ! Повторяемъ: вся сцена должна перенестись прежде на основу высшей моральности, чѣмъ становится понятнымъ, въроподобнымъ патетическое изступленіе красавицы! А вотъ *второе* наше доказательство тому, что, въ означенномъ мѣстѣ, долженъ быть пропускъ! Мы, по уходѣ офицера, читаемъ въ «Эпизодѣ» слѣдующе: «Вѣтръ не переставалъ бушевать; дождь лилъ по-прежнему, но офицеру было душно. Кровь его была въ волненіи. Онъ былъ растроганъ и не въ ладахъ съ самимъ собою. Хорошо ли онъ слѣлалъ, или дурно, этого не могъ онъ разрѣшить, потому, что увлекся чувствомъ, а не разумомъ, повѣривъ на слово женѣ и матери... Точно ли пасторъ спрятанъ былъ въ шкафъ, къ которому приступить защищала собаченка? А если пастора тамъ не было?»...

Могло ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что пасторъ въ шкафѣ! Если бы его не было тамъ, то изъ чего же красавицѣ прійти въ такое изступленіе? Она промолвила бы проницески офицеру: «Милостивый государь! вы, вопреки всѣмъ приличіямъ, вторглись въ мою спальню! Выходите, хотя на минуту, чтобы я могла одѣться прилично; а потомъ обещите весь домъ! Мужа моего вы не найдете: онъ съ вечера уѣхалъ въ шведскій лагерь!» Да и мать ея, къ возгласу: «Луиза! Русскіе пришли за твоимъ мужемъ!» Конечно прибавила бы: «Слава Богу, что его нѣтъ!» И какъ же согласовать поступки этого

офицера? Онъ стремительно штурмуетъ спальню, не только не отступаетъ передъ молодою женщиною въ одномъ бѣльѣ, но и указываетъ ей безжалостно на *брачную* постель и на *мужское* платье! Стало быть, онъ строго исполняетъ данное ему приказаніе! Но между этимъ строгимъ исполненіемъ приказанія и познѣйшимъ поступкомъ офицера долженъ быть переходный моментъ; и какъ же не знать офицеру, слѣлалъ ли онъ хорошо, или дурно? Для чего пропущенъ, въ «Эпизодѣ», этотъ переходный моментъ? Вѣроятно, авторъ «Эпизода», страшась за этого *безыменнаго* офицера, какъ и за самого себя, клеветы и злоязычія *благопріятелей*, считалъ нужнымъ пропустить *лучшее* въ своемъ Эпизодѣ.

Въ V части (стр. 14) находимъ любопытное біографическое извѣстіе о храбромъ полковникѣ (впоследствии генералѣ) Эриксонѣ. «Онъ происходилъ изъ самаго простаго званія: онъ былъ сынъ мельника, верстахъ въ двухъ отъ Дерпта. Городовой магистратъ оказалъ ему какою-то несправедливостъ, и онъ, съ горя, пошелъ добровольно въ солдаты. Честностью, хорошимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и отличною храбростію онъ вышелъ въ офицеры, постепенно дослужился до полковничьяго чина и командовалъ тѣмъ же полкомъ, въ которомъ началъ службу солдатомъ. Весьма замѣчательна черта его характера: будучи уже генераломъ, онъ пришелъ въ Дерптъ съ полкомъ. Никто не подозрѣвалъ и не догадывался, что это тотъ Эриксонъ, который лѣтъ за тридцать пять передъ тѣмъ пошелъ въ солдаты; но Эриксонъ помнилъ всѣхъ родственниковъ и пріятелей и приказалъ ихъ собрать на своей квартирѣ. Бѣдные эти люди не знали, зачѣмъ ихъ требуютъ къ генералу. Эриксонъ сказалъ имъ, *кто онъ таковъ*, угостилъ и всѣхъ обдарилъ... Разумѣется, что родителей его уже не было въ живыхъ!... Выходя изъ Дерпта, онъ послалъ въ магистратъ нѣсколько сотъ рублей, для раздачи бѣднымъ, при изъявленіи благодарности за оказанное ему правосудіе, безъ котораго онъ былъ бы до сихъ—поръ мельникомъ.»

На страницѣ 130-й той же части читаемъ: «Если бы меня въ то время спросили, чтѣ я думаю о *Байонскихъ событіяхъ*» (т. е. о поступкѣ Наполеона съ испанскими королями—отцемъ и сыномъ) «я отвѣчалъ бы знаменитою фразою Тальрана, произнесенною имъ послѣ казни герцога Ангенскаго: *C'etait plus*

qu'un crime, c'était une faute (т. е. это было болѣе нежели преступленіе: это была ошибка)! «Эту фразу произнесъ не Тальранъ, а Фуше! Тальранъ не могъ этого сказать уже потому, что самъ былъ главнымъ виновникомъ гибели герцога Ангенскаго—чего многіе еще не знаютъ, чего не знали и покойный Полевой, сочинитель «Исторіи Наполеона». Наполеонъ посылаетъ государственнаго совѣтника Реаля присутствовать при допросѣ герцога и привести его въ Мальмезонтъ (къ Наполеону), если онъ человѣкъ порядочный. А онъ былъ не только порядочный, но мыслятъ Наполеона, но и восторженный поклонникъ гениальнаго полководца. Савари, уже на обратномъ пути изъ Венсенскаго замка, встрѣчаетъ въ Парижѣ Реаля съ извѣстіемъ, что герцогъ уже разстрѣлянъ! Тальранъ увѣрилъ Мюрата, что они такою торопливою казнію уголятъ Наполеону, который, по словамъ Савари—вѣстника этой казни, пораженный чрезвычайнымъ удивленіемъ, вскрикнулъ: «Ахъ, несчастный Тальранъ! Чтѣ ты заставилъ меня сдѣлать!» То есть—я, передъ свѣтомъ, долженъ принять на себя это дѣло!

Почтенный авторъ да позволитъ намъ поживиться еще *однимъ* изъ замѣчательныхъ анекдотовъ этой V части! (Стр. 183). «Во время одной перестрѣлки, двѣ роты пѣхоты и полкъ-эскадрона уланъ поставлена была въ лоцинѣ, чтобъ поддержать лашу стрѣлковую цѣпь, еслибъ она подалась въ тылъ. Пули переметали безвредно надъ нашими головами. Капитанъ Верещагинъ (не помню Низовскаго или Азовскаго полка), лихой малый, сѣлъ на камень, поставилъ передъ собою барабанъ и сказалъ: «Господа, я закладываю банкъ — не угодно ли поиграть *передъ смертью!*» Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась съ полчаса, пока выстрѣлы не стали усливаться. Тогда Верещагинъ попросилъ одного изъ не игравшихъ товарищей донести за него банкъ, и сказавъ: «Пойду взглянуть, чтѣ наверху дѣлается!» взомель на возвышенную окранию лоцины, взлѣзъ на камень и, посмотрѣвъ въ поле, обернулся къ намъ лицомъ и сказалъ игравшимъ: «Конецъ игрѣ!» Шведская пуля не дала ему кончить, и онъ свалился въ лоцину. Лекаръ, игравшій также въ банкъ, подошелъ къ нему, осмотрѣлъ рану и сказалъ: «Убить сонника!» Пуля раздробила несчастному Верещагину черепъ и засѣла въ мозгу. Игра кончилась, игравшіе расчитались, и деньги Верещагина взялъ старшій капитанъ,

для отдачи полковому казначею на сохраненіе; а между-тѣмъ приближалъ унтеръ-офицеръ изъ стрѣлковой цѣпи, требуя помощи. Резервъ вступилъ въ дѣло, и Верещагинъ остался на вѣки на мѣстѣ. Ужасно, когда видишь человѣка здороваго и веселаго, который черезъ минуту уже не существуетъ! Но, наконецъ, и къ этому привыкнешь».

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА. *Сочиненіе Николая Полеваго. Пять частей. Въ 12 д. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1844, 1846 и 1848 г.*

(Статья I).

Неутомимый, во всю жизнь свою, труженикъ нашей словесности, легшій отдохнуть въ преждевременную могилу, будто бы и тамъ еще трудится для насъ, вѣрный своей житейской привычкѣ—подобно тому, какъ тѣни древнихъ продолжали, въ Елисейскихъ поляхъ, занятія своей земной жизни.... Изъ полуразвершей могилы рука Н. А. Полеваго кладетъ на жертвенникъ нашей исторической Музы свое *посмертное* твореніе (оенге posthume): «Исторія Наполеона!» Безмолвствовавъ нѣсколько минутъ въ благоговѣніи къ герою исторіи и подъ влияніемъ горестнаго чувства ранней утраты историка, мы вспоминаемъ свою обязанность: отдать критическій отчетъ объ этомъ посмертномъ твореніи. Пріймитесь разрѣзывать листы; а мы, между-тѣмъ, поведемъ вступительную рѣчь, предисловіе къ рецензії.

Черезъ полвѣка, или немного болѣе, когда уже не будетъ ни одного изъ современниковъ автора этой исторіи; когда съ ними сойдутъ въ могилу всѣ тѣ мелкія о немъ свѣдѣнія, которыя не вносятся въ исторію литературы и часто не проскользаютъ даже въ жизнеописаніе героевъ ея,—Н. А. Полевой, передъ судомъ потомства, могъ бы подвергаться нареканію за многочисленность сочиненій его, за торопливость, бывшую причиною ея и явную препятствовавшую ему ознаменовать болѣе совершенствомъ, окончательною отдѣлкою, лучшія свои произведенія. Полиграфія т. е. многописаніе—дѣло довольно сомнительное; къ полиграфу и къ полиистору относится несчастное изрѣченіе: *ab omnibus aliquid, in toto nihil!* (всего понемногу, а въ совокупности нѣтъ ничего!) Каждый изъ современниковъ нашего незаб-

веннаго полинстора, знавшій житейскія условія, подъ которыми дѣйствовалъ онъ въ литературѣ, и надѣющійся перекинуть свое свидѣтельство на судилище потомства, да поспѣшить оправдать полиграфію Николая Алексѣевича Полеваго, или — по крайней мѣрѣ — свидѣтельствовать о облегчительныхъ обстоятельствахъ, (*les circonstances atténuantes*) этого литературнаго грѣха.

Причина полиграфіи бываетъ *тройкая*, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Когда ржавчина любостыжанія завелась въ душѣ писателя, т. е. когда онъ пишетъ единственно для денегъ, такъ уже не ждуть отъ него произведеній, достойныхъ *кедроваго масла и кипариснаго шкафа* (драгоценнѣйшихъ въ древности средствъ для предохраненія книгъ отъ моли и всякой другой порчи и символически означающихъ достоинство хранимаго)! Ужели Горацийъ говоритъ это не въ шутку, въ своемъ посланіи къ Пизонамъ, *de arte poetica*? Ужели, въ его время, были талантливые писатели, предпочитавшіе *curam pecuniae* (заботу о наживаніи денегъ) — безсмертію? Нѣтъ, онъ *шутитъ*! Талантъ, чувствующій себя способнымъ творить безсмертное, хотя и цѣною великихъ трудовъ и съ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ, не откажется отъ своего возвышеннаго жребія, погнушается мыслію: посредствомъ ничтожныхъ писаній, накопить деньжонокъ! Какъ животному нельзя отдѣлаться отъ своего инстинкта, такъ сказать, выйти изъ него; подобно тому и геній, влекомый инстинктомъ своей возвышенной природы, до мелкихъ расчетовъ унизиться не можетъ! Одна *середина* людская, между животнымъ и геніемъ, — двумя соприкасающимся крайностями, лишена инстинкта, руководствуется разумомъ, умомъ, или земными страстями и расчетами. Одни бездарные писальщики могутъ писать для денегъ, пользуясь выгодными для нихъ обстоятельствами, безвкусиемъ своей публички — и дѣлаться жалкими многописцами: иначе не могло быть и во времена Горация!

Есть *другая*, отнюдь не предосудительная, ржавчина, убійственная для талантливаго писателя, отрывающая его насильственно отъ инстинкта геніальной природы — *нужда*, заставляющая его трудиться для того, чтобы содержать себя и семейство свое! При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, никакой въ мѣрѣ геній не сохранитъ непрерывно свойственной ему силы и свѣжести, не доведетъ своего труда до послѣдняго совершенства.

Третья же причина полиграфіи заключается въ самой природѣ нѣкоторыхъ талантовъ: они одержимы необузданною страстью *писать*, летѣтъ всегда *впередъ* своимъ перомъ, по принятому направленію, безъ оглядки! Эти таланты лишены *обратнаго* — ретроспективнаго — вдохновенія, пересоздательнаго творчества; они не могутъ возвращаться къ своему написанному, не могутъ его передѣлывать, даже исправлять! Къ подобнымъ талантамъ примѣняется, въ полномъ смыслѣ слова, русская поговорка: «Что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ!»

Это весьма важный недостатокъ въ писателѣ. Одна только природа, по вѣчнымъ законамъ Божиимъ, творитъ безошибочно съ-разу и безъ остановки можетъ стремиться впередъ, въ своемъ творческомъ процессѣ; но человекъ ограниченный очень рѣдко успѣваетъ съ перваго разу, и даже этотъ *успѣхъ* нуждается еще во тщательной отдѣлкѣ; всего же чаще нужна бываетъ радикальная передѣлка, чтобы написанное было достойно искусства. Вы восхищаетесь гладкостью, звучностью стихотвореній Пушкина; вамъ кажется: это такъ и вышло духомъ, выточено съ-разу, какъ на токарномъ станкѣ! Поглядѣли бы вы, сколько помарокъ въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина: малѣйшая пѣса лирическая подвергалась такой тщательной отдѣлкѣ, что только изрѣдка оставалось первоначальное слово! Для человека нѣтъ иного способа достигать доступнаго ему, по таланту, совершенства. *Такъ* поступалъ Пушкинъ не только съ небольшими лирическими пѣсами, но и съ сочиненіями значительнаго объема: *три раза* передѣлалъ онъ за-ново Исторію Пугачевского бунта прежде, нежели передалъ его тиспенію! Рекомендуемъ этотъ художническій обычай серьезному размышленію нѣкоторыхъ писателей нашихъ! Новѣйшая русская литература страдаетъ именно отъ поспѣшности этихъ, вообще талантливыхъ, многописцевъ нашихъ, о которыхъ мы, однако, не думаемъ, чтобы они были увлекаемы основнымъ, неодолимымъ побужденіемъ своей художнической природы. Напротивъ того, намъ кажется: по недостатку критики, для нихъ, что ни взбрѣдетъ на умъ, *все* годится! отъ этого скоро пріобрѣтается легкость писать, павыкъ; они руки набили — катать-валить! Если *такъ*, то да попытаются господа полиграфы возвращаться къ своему написанному; при строгомъ разсмотрѣніи написаннаго одушевляться этимъ обратнымъ, ретроспективнымъ вдохнове-

ниемъ, побуждающимъ къ исправленію, къ передѣлкѣ: это дѣло необходимо! *Открытіе*, въ природѣ своего таланта, *способности* къ пересоздательному творчеству должно радовать даровитаго писателя болѣе, чѣмъ десятковъ накапанныхъ имъ, безъ оглядки, драмъ, или повѣстей и романовъ; ибо способность эта есть послѣднее освященіе таланта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доступъ къ чистѣйшему, сладчайшему вдохновенію. Съ какою бы успѣшностью ни работали многописецъ, первоначальное изложеніе все-таки не иное чтѣ, какъ *работа очериль*, и такая работа не обойдется безъ темныхъ минутъ, безъ изгрызенныхъ перьевъ, безъ нѣкоторыхъ мукъ производства. Если же ваша страсть писать превыситъ наконецъ ваши силы умственные, и вы, для подкрѣвленія ихъ, принуждены будете прибѣгать, отъ времени до времени, къ дарамъ госпожи Кликко, — этому вредному, мутному суррогату естественнаго вдохновенія; то это будетъ вполнѣ насилуваніе вашего таланта, отъ котораго не ждате добра для искусства, и которое не дастъ никакого понятія о чистыхъ, легкихъ восторгахъ естественнаго творчества умственнаго. Вы считаете себя неспособными къ пересоздательному творчеству, къ обратному вдохновенію; вы, по своему мнѣнію, въ словесности, маршалы *Vorwärts* (впередъ), какъ Блюхеръ; полководцы наступательные (*des généraux d'invasion*), какъ Наполеонъ! Мы вамъ укажемъ самый простой способъ убѣдиться въ томъ, что вы, на этотъ счетъ, заблуждаетесь: вамъ стѣдуетъ только приняться самимъ, хоть разъ, за переписываніе вашего торопливо-набросяннаго сочиненія — и увидите: переписываніе будетъ въ то же время и передѣлываніемъ! На досугъ, въ свѣтлыя минуты отдохновенія, вамъ тотчасъ бросятся въ глаза всѣ недостатки вашего перваго писанія; родемъ прилетать мыслямъ — умѣйте только выбирать изъ нихъ! благодарительною Феєю явится и *душа*, вдохнетъ свою высокую жизнь въ милое вамъ дѣтище умственное, поможетъ вамъ всѣчески изукрасить его, во славу вашего таланта; вы вразумитесь, что это — самое пріятное на свѣтѣ занятіе, въ которомъ *возрожденіе*, сопровождается непрерывнымъ — самымъ чистымъ и сладостнымъ — вдохновеніемъ, вовсе вамъ неизвѣстнымъ, если вы никогда не передѣлывали своего черноваго писанія. Какъ же не сожалѣть о васъ, что вы, провозгласивъ такъ много, во 1-хъ, не достигате возможнаго для васъ совершенства и, во 2-хъ, будучи труженникамъ словесности, не наслаж-

даетесь выспреиниами, сладчайшими минутами умственнаго творчества!

Желаю вамъ добра, указывая такое пріятное средство усовершенствоваться, считаю себя въ правѣ высказать, безъ обиняковъ, то, чтѣ мнѣ всегда приходитъ въ голову, когда читаю ваши скоросѣблыя писанія: вы, можетъ-быть, слышали о *конь*, на олимпийскихъ играхъ, который названъ былъ *вѣтромъ*, по легкости бѣга? Съ этого коня — и въ ипподромѣ — слетѣлъ хозяинъ именемъ Филотасъ; но конь все-таки продолжалъ правильно свой бѣгъ и, кончивъ его, остановился передъ судьями, для полученія преміи своему хозяину, который, въ это время, только что стряхивалъ съ себя песокъ. Премію выдали. Всѣ вы, господа многописцы, такіе Филотасы: въ самомъ началѣ бѣга, вы падаете, съ своего иппогрифа, и онъ *одинокъ*, безъ *сагъ*, довершаетъ бѣгъ, останавливается передъ журналистами и заслуживаетъ похвальное слово *вамъ, лежащимъ въ песокъ!* Въ томъ-то и дѣло, что немногіе изъ журнальныхъ рецензентовъ понимаютъ, остановился ли, на концѣ бѣга, иппогрифъ *съ сѣдокомъ*, или *безъ сѣдока*.

Признаться, мы зашли въ сторону, удалились немного отъ своего предмета, по неодолимой склонности: мимоходомъ, при удобномъ случаѣ, касаться хоть одного изъ тѣхъ препятствій, которыми повита наша повѣйшая словесность, и устраненіе которыхъ такъ возможно, такъ легко, лишь бы господа многописцы увѣрвали въ погрѣшительность своего слишкомъ бѣлаго пера, лишь бы захотѣли внимать голосу доброжелательной и, въ этомъ дѣлѣ, опытной критики. Какъ бы то ни было, наше дѣло, наша обязанность: высказывать, повторять — и *часто* повторять — полезныя для словесности истины.

Мы перебрали всѣ *три* причины многописанія. Которая изъ нихъ относится къ полиграфіи Н. А. Полеваго?

Вторая и третья!

Стѣпенныя обстоятельства житейскія привели его къ необходимости непрерывныхъ трудовъ литературныхъ; а умъ его, столь удивительный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не былъ одаренъ способностью — или побудительностью — къ обратному вдохновенію. Обширный, обнимавшій — по крайней мѣрѣ стремившійся объять — вселенную, онъ былъ рѣшительно умъ завоевательный! Единный шагъ назадъ, малѣйшая остановка на томъ, чтѣ было уже сдѣлано имъ — но, конечно, не *совершенно* —

внушили бы ему опасение: не пропустить ли онъ, при такихъ остановкахъ, удобнѣйшее время для новыхъ наступательныхъ дѣйствій — миръ умственный такъ великъ! — и достанетъ ли вѣка людскаго, для окончанія замышленного витяземъ всемирнаго подвига? И если бы какія-либо неодолимая препятствія принудили нашего витязя остановиться, прекратить свой завоевательный путь, обратиться назадъ, для приведенія своихъ завоеваній въ болѣе устроенное; то онъ восплакалъ бы, какъ герой македонскій, на берегу Гифазиса, у края пустыни, когда войско его отказалось идти далѣе, довершить завоеваніе Индіи! Обратный путь Александра Великаго былъ — безславная оргія, прекратившая жизнь его. Кто-то, за долго до неудачъ Наполеона, сказалъ о немъ: «Его система превосходна для наступательныхъ дѣйствій; но, если прійдется ему отступать, онъ погибъ!» — *si jamais il recule, il est perdu!* Два отступленія его, — отъ Москвы и отъ Лейпцига — доказали безошибочность этого предвѣщанія, или взгляда тактическаго! Можетъ статься, столь же неудаченъ былъ бы и обратный путь *Полеваго*, къ своимъ сочиненіямъ. Но ему не довелось отступать.... Гдѣ плакалъ *Александръ Великій*, не могшій довершить предположеннаго, тамъ *Полевой* смѣло, по слѣдамъ *Тамерлана*, углубился въ пустыню, прошелъ ее благополучно, достигнувъ Дели, проникъ еще далѣе, какъ и Тамерланъ, до знаменитаго утеса Коупельскаго (Коупеле). Коупельскимъ утесомъ Полеваго была «*Исторія Наполеона*», долженствовавшая окончиться на *утесъ Святой Елены* — кое-какъ мы свели концы хогъ на *утесахъ*! Право, мы сами усмѣхнулись, увидѣвъ, въ какую *грозную* компанію, здѣсь у насъ, попалъ нашъ любезный, столь кроткій въ обращеніи Полевой! если онъ, какъ мы сказали, полководецъ наступательный, то никто насъ и не осудитъ, что мы, совершенно *безъ умысла*, и только увлеченные тождествомъ природныхъ качествъ, ввели Полеваго въ компанію Александра Великаго, Тамерлана, Наполеона! Возвратимся къ своему предмету.

Очень быть можетъ, что *вторая* — нами поименованная — причина полиграфіи, т. е. повелительная надобность трудиться безпрерывно и приниматься всегда за *новое* дѣло — привила нашему автору эту склонность завоевательную, превратившуюся у него, навослѣдокъ, въ природу, во всепоглощающую страсть; что, при другихъ житейскихъ обстоятельствахъ, въ началѣ его литературнаго поврища, умственная дѣятельность Полеваго не

разошлась бы такъ широко на всѣ четыре стороны; сосредоточилась бы въ *одной* опредѣленной сферѣ — вѣроятно, въ области исторіи — и за это ограниченіе въ протяженіи была бы съ лихвою вознаграждаема внутреннею силою и глубиною, всѣми достоинствами, не составляющими атрибута поспѣшности. Въ послѣдніе же годы его жизни, если бы не чаплина фортуна и слѣдила его даже Крезомъ, то все-таки не могла бы уже изменить у него закоренѣлой привычки: онъ *такъ* же дописывалъ бы свой вѣкъ въ безпрерывной, неимовѣрной дѣятельности! *такъ* же угасъ бы роковымъ избранникомъ умственнаго страдальчества, посреди своихъ предположеній въ будущемъ — стремительныхъ, обширныхъ, безконечныхъ предположеній, блистательнымъ вѣнцемъ окружавшихъ душу его, при отлетѣ въ вѣчность... Здѣсь нельзя не вспомнить одного прекраснаго мѣста, въ предисловіи къ его «*Очеркамъ Русской Литературы*»:

«Съ какою радостью желалъ бы я передать юному, свѣжему силамъ поколѣнію все, что многолѣтній опытъ, размышленіе и трудъ дали мнѣ, все, что таится въ душѣ моей, для пользы ближнихъ, для чести отечества, для присокупленія въ сокровищницу знаній, и что, вѣроятно, *погибнетъ не высказанное, умретъ со мною!*... Сколько еще предметовъ для работы, сколько труда, почетнаго, прекраснаго въ настоящемъ состояніи нашего просвѣщенія и образованія! Желалъ бы я указать на сіи труды и работы, ожидающія дѣлателей; желалъ бы сказать: «Дорожите каждымъ часомъ, каждою минутою нашего невѣрнаго, мимолетнаго бытія; помните, что только пользою и добромъ оцѣняется наша жизнь — *здѣсь и тамъ*, и если не всякому изъ насъ дано, если только не многимъ избраннымъ дано призваніе творца, поэта, художника, то ни у кого изъ насъ не отнята воля на трудъ; а при сильной волѣ, человекъ можетъ сдѣлать многое, очень многое, больше, нежели онъ себя сначала воображаетъ. Но помните, что только трудомъ и размышленіемъ покупается честь и успѣхъ, упорствомъ въ стремленіи къ положенной цѣли, и что не рѣдко — *часто* даже — насъ встрѣчаютъ неблагодарность, злоба, своекорыстіе, насмѣшка. Не робѣйте, друзья! Больше всего гоните отъ себя *духъ унынія*; ищите награды въ самомъ трудѣ, не ожидая другой награды — прійдетъ и она, можетъ быть....»

Вотъ, что двигало душою Полеваго! вотъ, чѣмъ можно оправ-

дать полиграфію его—и еще оправдать тѣмъ, что, надъ уровнемъ его писаній, возвышаются и такія произведенія, которыя, не възявъ на недостатокъ окончательной отдѣлки, все-таки признаешь достойными *кедроваго масла* и *кипариснаго шкафа*! Прямѣра Полеваго отнюдь не могутъ примѣнять къ себѣ другіе наши многописцы, не бездарные, но далеко не *Полевыя*!

Полеваго, обыкновенно, ставятъ въ строй полдѣ Ломоносова; намъ кажется не довольно основательною такая раяжировка: между Ломоносовымъ и Полевымъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ пнаго тождества, кромѣ того, что оба—незнатнаго происхожденія—(родъ Полевыхъ, впрочемъ, «былъ однимъ изъ старинныхъ и почетныхъ посадскихъ родовъ въ Курскѣ») сдѣлались *витязами* нашей словесности! Согласитесь, что это тождество довольно общее, нисколько не оправдывающее отдѣльной, совмѣстной классификаціи! Нѣтъ узаконенной касты, изъ которой избирались бы верховные жрецы Музы, съ прочею коллегіею и со всѣмъ причетомъ! Напротивъ, мы видимъ, что Музы сами изъ всѣхъ сословіи берутъ себѣ *тыхъ*, на кого, при рожденіи, возложили свое роковое знаменіе. Кажется, почтенный редакторъ «Библіотеки для Читенія», извѣщая своихъ читателей о кончинѣ Н. А. Полеваго и начавъ свою статью многозначными словами: *Diis abeunt* (уходятъ боги)—этими же словами кончаются «Мученики» (*Les Martyrs*) Шатобриана—первый подаль мысль къ этому сближенію Полеваго съ Ломоносовымъ; но О. И. Сенковский, пораженный—какъ и мы всѣ—нежданною утратою столь замѣчательнаго и столь полезнаго для нашей литературы писателя; будучи въ томъ скорбномъ расположеніи духа, въ которомъ восклицаютъ: *Ergo Quinctilium regretius sorog urget!* (И такъ вѣчный сонъ сковалъ *Квинктилія*!) конечно не думалъ, чтобы мысль его—совершенно справедливая въ *друмомъ*, вышемъ, не всякому понятномъ отношеніи,—растолковали такъ, будто бы Ломоносовъ и Полевой—*одною полл модки*, между-тѣмъ, какъ они рѣшительно антиподы, отстоятъ другъ отъ друга на *сто восемьдесятъ градусовъ*, что весьма не трудно доказать, и въ немногихъ словахъ: Ломоносовъ—*геній*, многосторонній, универсальный геній, и—потому выше національности! Полевой—*умъ*, практическій, восприимчивый, предприимчивый, на все способный, смѣтливый *русскій умъ*. Ужели *такой геній* и *такой умъ*—не антиподы? Но говорить, есть среда (*medium*), въ которой холмогорскій

рыбакъ и иркутскій купецъ сходятся, сходствуютъ между собою—*побѣдительная сила воли!* Разсмотримъ ее повнимательнѣе—и разведемъ опять обоихъ витязей на 180 градусовъ, т. е. на цѣлый поперечникъ земнаго шара!

Воля и *сила* ея могутъ проявляться только тогда, когда человекъ, по лучшему разумѣнію, по высшей идеѣ о достоинствѣ людскомъ, о цѣли жизни своей, принужденъ вступить въ борьбу—и геройски выдерживаетъ эту борьбу—съ своими наклонностями и страстями, улаживающими его отъ этой цѣли. *Нѣтъ*—и *быть не можетъ*—*воли* тамъ, гдѣ преобладаетъ гений, и когда человекъ, такъ сказать, поглощенъ своимъ гениемъ! Нѣтъ даже разсудительности: разсудокъ *генія* и разсудокъ *ума* между собою весьма различествуютъ! Дѣйствія *генія*, проистекающія прямо изъ высше-разумной природы его, часто бываютъ, по понятіямъ *ума*—безразсудствомъ, безуміемъ! Можетъ ли *воля*, т. е. чистая сила управляющаго нами духа человѣческаго, стремить насъ къ безумію, если мы только не помѣшаны, или не влекомы бурною, недостойною страстью, которая также—родъ помѣшательства? Ломоносовъ, въ возрастѣ между отрочествомъ и юношествомъ, съ береговъ Бѣлаго моря тайно ушелъ въ Москву, чтобы *учиться*. Онъ, конечно, еще не понималъ всей пользы ученія, еще не могъ руководствоваться собственно такъ называемою *волею*; онъ слышалъ голосъ: «Не угашайте духа!» слѣпо повиновался своему генію, жаждавшему знаній... Кинулся опрометью туда, куда тотъ его толкалъ мощною рукою... «Какое геніальное безуміе въ этомъ шестнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, когда онъ бѣжитъ въ жестокой морозъ, въ одномъ нагольномъ тулупѣ; нагонять, на семидесятой верстѣ, обозъ съ мерзлою рыбою, умоляетъ приказчика взять его съ собою»—въ Москву! (Слова Полеваго о Ломоносовѣ.) Но выкладкѣ здраваго законодательнаго ума (*воля* есть *исполнительная* власть въ человекѣ, согласно предписаніямъ ума), этотъ мальчикъ долженъ бы былъ—или замерзнуть до той семидесятой версты, унавіи отъ усталости, или пропасть въ Москвѣ, безъ денегъ, безъ покровительства, даже безъ знакомства—во всякомъ случаѣ, сдѣлаться жертвою своего безразсудства. Но безразсудство генія оправдалось на Ломоносовѣ, доказало, что то была высшая мудрость. Замѣтьте, что онъ не писывалъ стишковъ и вообще не сочинялъ ни въ законоспасской семинаріи, ни въ Кіевѣ (латинскіе же стихи

его относятся къ изученію этого языка) — ничего не сочинялъ, оттого, что онъ, подъ всепильнымъ вліяніемъ своего генія, жаднаго къ знаніямъ—и къ знаніямъ систематическимъ, могъ только учиться—и учиться систематически! Ода его на Взлѣтѣ Хотина, писанная, такъ сказать, въ аудиторіи философа Вольфа, относится уже къ тому времени, когда Ломоносовъ, освоившись систематически почти со всѣми науками и художествами, началъ дѣйствовать, какъ самобытный геній и, естественнымъ образомъ, долженъ былъ приняться за нужнѣйшую въ русскомъ стихотворствѣ реформу. Только универсальности этого генія обязаны мы тѣмъ, что онъ сдѣлался и поэтомъ, литераторомъ, основателемъ нашей словесности. Могъ ли не сдѣлаться имъ—знаетокъ древнихъ языковъ, математикъ, физикъ, химикъ, минералогъ, философъ, ботаникъ, землѣцъ, астрономъ, мозаичный живописецъ, риторъ, грамотей? Было бы неслыханное диво, если бы Ломоносовъ, съ такимъ многостороннимъ геніемъ, при такихъ данностяхъ—*не былъ* Ломоносовъ! Всегда и вездѣ дѣйствовалъ онъ только по внушенію своей геніальности; никогда и нигдѣ не проявлялась въ немъ *воля*. Если бъ онъ, хотя по малой мѣрѣ, былъ одаренъ этою силою, то конечно воспользовался бъ ею, чтобы, для спокойствія своей жизни, уживаться хоть кое-какъ съ тогдашними учеными Нѣмцами, не понимавшими многосторонности этого удивительнаго генія и надѣлавшими ему столько горькихъ хлопотъ. Но онъ и тутъ, да еще въ лѣта самой зрѣлой разсудительности, когда опытъ житейскій обыкновенно обуздываетъ и эксцентрическую геніальность, могъ дѣйствовать только подъ вліяніемъ своей геніальной природы, не могъ поладить съ Миллерами, Бауерами, Эйлерами—и вся жизнь его была *страдальчествомъ генія!*

Прослѣдите, хоть бѣгло, жизнь Н. А. Полеваго, и вы во всемъ усмотрите совершенную противоположность жизни Ломоносова! Вы увидите раннее проявленіе истинно-русскаго ума и другихъ свойствъ національных! Десяти лѣтъ отъ роду, Полевой уже *преисправный* конторщикъ; въ свободныя часы читаетъ книги, усердно пишетъ стихи и прозу; самъ не зная, по собственному признанію, что такое *стихи и проза*, онъ принимается вдругъ за многое, за все: за газету «Азіятскія Вѣдомости»; за журналъ «Другъ Россіи»; за драму «Бракъ царя Алексѣя Михайловича»; за трагедію «Бланка Бурбонская»; за пинтермедію «Петръ Великій въ храмѣ Безсмертія»; за «Путешествіе

по всему Свѣту» и, наконецъ рѣшается «Свести воедино Дѣянія и Дополненія—Голикова!» Подумайте: за все это принимается—десятилѣтній отрокъ! Стало-быть, этотъ отрокъ былъ избранъ судьбою, чтобы проявить, въ полномъ блескѣ, какую-нибудь основную характеристическую черту своего народа, поелику въ немъ преобладаетъ народность! Эта ранняя охота *писать*, не свидѣтельствуя несколько въ пользу таланта, тѣмъ болѣе увеличиваетъ скороспѣлую самоувѣренность, бойкую предприимчивость, многостороннюю дѣятельность, то есть качества, которыми всегда отличался Полевой! Десятилѣтній *скорохватъ* ображаетъ вполне издателя Московскаго Телеграфа, историка русскаго народа, сочинителя несчетныхъ пѣснь театральныхъ, неутомимаго труженника литературнаго—однимъ словомъ: ображаетъ *умъ*, считающій себя способнымъ *на все*, а потому *за все* и принимающійся съ увѣренностью въ своихъ силахъ! Какъ бы ни морщился *солідный* нѣмецкій умъ, какъ бы ни казалось безразсудною такая предприимчивая самоувѣренность, въ ней есть какая-то обаятельная поэзія! Мы повѣримъ съ первой минуты, что юный Аннибалъ, задумавшій проложить небывалый—и считавшійся невозможнымъ—путь черезъ Пиренеи и Альпы, *успѣетъ* въ своемъ предпріятіи, потому, что геніальная смѣлость такого замысла можетъ быть внушаема только *свыше*; мы также, съ первой минуты, повѣрили бы, что десятилѣтній отрокъ Полевой, принявшійся за столько гигантскихъ дѣлъ, предназначенъ ознаменоваться чѣмъ-то блистательнымъ въ исторіи нашей словесности! Мы опять не можемъ не усмѣхнуться, сведши здѣсь Полеваго и съ Аннибаломъ! Какая-то демоническая сила побуждаетъ насъ помѣщать *Витязя Полеваго* въ обществѣ Александра Македонскаго, Тамерлана, Наполеона, Аннибала! Между Аннибаломъ и Полевымъ есть какое-то избирательное сходство! Вы, безъ сомнѣнія, знаете сочиненіе Цицерона: De Divinatione, о науцѣ, quam Graeci *ματιτικὴν* appellant, id est, praesensionem et scientiam rerum futurarum — т. е. предвѣдѣніе и знаніе будущаго, что Греки называютъ *маитикой*, или *маитикѣ* — какъ вамъ угодно, по произношенію или Рейхлина, или Эразма. Въ этомъ сочиненіи (XXIV гл.), Цицеронъ рассказываетъ чудный сонъ Аннибала: Юпитеръ велитъ ему проникнуть въ Италію, съ предостереженіемъ: не respiceret (чтобъ онъ не оглядывался назадъ); чтобъ онъ *шелъ* себя только *впередъ*, ut pergeret *protinus!* Разумѣется, десятилѣтній, ничему не обучавшійся Поле-

вой въ Иркутскѣ не звалъ этого сочиненія Цицерона; но тѣмъ удивительнѣе, что онъ, влекомый-инстинктомъ, пошелъ по слѣдамъ Аннибала, держась тѣхъ же правилъ: идти всегда *впередъ* безъ оглядки!

Перешедъ уже за двадцать лѣтъ, въ той же должности конторщика (онъ и не думалъ подражать гениальному безумію Ломоносова, спокойно оставаясь на мѣстѣ, съ похвальною исправностью исполняя свою должность и, какъ олицетворенный умъ, довольствуясь изъ міра книжнаго тѣмъ, что было ему доступно)—Полевой уразумѣлъ необходимость учиться кое-чему, прежде, чѣмъ приняться серьезно за перо литературное — дотолъ, по учебной части, онъ долженъ былъ ограничиться однимъ чтеніемъ книгъ. *Геній*, въ лицѣ Ломоносова, приступаетъ къ учебно систематическому, къ древнимъ языкамъ, къ наукамъ, терпѣливо переноситъ насмѣшки: «Малые ребята» (товарищи его по школѣ) «кричатъ и перстами указываютъ: смотри, какой болванъ: лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!» (Письмо Ломоносова къ Шувалову). *Умъ*, въ лицѣ Полеваго, совершенно справедливо признаетъ нужнымъ: прежде всего поотвѣдать языковъ нѣмецкаго и французскаго, набраться ходячихъ званій, составляющихъ невещественный капиталъ, удобообращаемый въ существенную пользу.... Здѣсь видѣвъ практической, расчетливый умъ! Конечно, удивительнымъ умственнымъ способностямъ Полеваго должно приписать, что онъ, въ немного лѣтъ, приобрѣлъ этихъ ходячихъ знаній столько, сколько, покаместъ, было нужно, для вступленія на поприще словесности. Разумѣется, онъ вездѣ могъ хватать только верхушки, ничего не изучалъ фундаментально; собиралъ оптомъ въ кладовыя своей необыкновенной памяти столько свѣдѣній, сколько было можно. Теперь въ какое пуститься предпріятіе? Какъ употребить съ болѣею пользою благопріобрѣтенныя пожитки—эти довольно разнообразныя, но довольно и поверхностныя свѣдѣнія? Взяться ли за какую-нибудь ученый трудъ? — Нельзя: не достаетъ твердой, систематической учености, какую, напримѣръ, отличался Ломоносовъ? Писать ли повѣсти и романы? — Дѣло невѣрное: предполагаемое дарованіе еще не испытано; и безыменному писателю какъ состязаться съ известными въ то время писателями! Прежде всего нужна *известность*; но какъ ее всего скорѣе, всего легче добудешь? — Какъ *издатель новаго журнала*! Такъ приступить за журналъ! Для этого не нужна глубокая ученость.

Если Полевой пи въ чемъ не тождественъ Ломоносову, что же *общаго* между ними, на разстояніи 180 градусовъ? То, что они—два противоположные *полюса* нашего литературнаго міра: одинъ—міровой *геній*; другой—міровой *умъ*! *Ломоносовъ* — русскій геній, который такъ основательно, такъ глубоко могъ освоиться съ науками,—естъ весьма отрадное явленіе, послѣ Петровскаго, преобразовательнаго вѣка. *Полевой* — русскій умъ, достойный быть другимъ полюсомъ нашей словесности, потому, что онъ столь же замѣчательнъ, какъ и геній—а, можетъ-быть, еще замѣчательнѣе, какъ фениксъ, какъ единственный на свѣтѣ экземпляръ въ своемъ родѣ! Это—умъ-самородокъ, безъ всякой примѣси *гениальности*. И этотъ умъ, безъ собственно-творческихъ силъ, *сотворилъ* столь многое почти во всѣхъ родахъ словесности! Не знаемъ—то должно рѣшить время: есть ли это—*сады Адописа*, или вѣчто болѣе прочное? Но знаемъ навѣрное, что эта разнообразная литературная смѣсь завоевана однимъ *умомъ* Полеваго, не создана силою творческою. Упомянемъ здѣсь только о театральнхъ піесахъ его: онъ имѣлъ успѣхъ на сценѣ, и болшой успѣхъ а, между-тѣмъ, онъ—невъносимъ въ чтеніи, ничтожны, какъ драмы, оттого что онъ созданы однимъ умомъ, приравливающимъ все къ способностямъ извѣстныхъ актеровъ, разсчитывавшимъ все только на временный успѣхъ. *Первое* мѣсто, въ сочиненіяхъ Полеваго, принадлежитъ его историческимъ трудамъ. Такъ и быть долженствовало: историку всего нужнѣе умъ—умъ міровой! Его «Исторія Петра Великаго» весьма уже выказывается, по *искусству* историка: здѣсь уже видно, что онъ разумѣлъ, въ *цель* дѣло! Не достаетъ только *языка*, соответственнаго достоинству этой исторіи—языка самобытнаго, искрометнаго, молніеноснаго, какъ и герой ея! Такую рѣчь создаетъ себѣ только *гениальность*, которой не доставало Полевою; языкъ у него вялый, бездѣятный, *ляляющій*! Обширный умъ доказалъ, что онъ можетъ сдѣлать все, или поддѣлаться подо все, кромѣ *языка*! Этотъ недостатокъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о немъ нѣпніи гениальности.

Здѣсь, мы опять сошлемся на предисловіе къ «Очеркамъ Русской Литературы», Полеваго. Онъ разсказываетъ обстоятельно, какъ приступалъ онъ къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ, о древнихъ же языкахъ,—о латинскомъ и греческомъ, упоминаетъ только глухо, и даже *послѣ* этой замѣчательной фразы: «Грамматика Академіи и *Исторія Государства Россій-*

скаго не удовлетворяли меня, когда я сравнивал первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, а вторую, съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями, по изложенію фактовъ.»

Съ способностями, съ удивительною памятью Полеваго (онъ самъ говоритъ, тутъ же, что память у него была такая, какой онъ ни у кого другаго не встрѣчалъ) можно выучиться *всему*, будучи дѣловымъ человѣкомъ, ежедневно отъ утра до вечера занятымъ въ купеческой конторѣ — *всему*, *кроль древнихъ языковъ*! Все прочее стѣить только прочесть или пройти одинъ разъ, при *такой* памяти — и *знаешь*! Но древніе языки требуютъ постояннаго, почти исключительнаго ими занятія, въ продолженіе многихъ лѣтъ, а потому Полевой, во всю жизнь свою трудившійся безъ отдыха, сперва по торговымъ, наконецъ — по литературнымъ дѣламъ, никакъ не могъ знать — и дѣйствительно не зналъ — древнихъ языковъ. Изложеніе фактовъ, сравниваемыхъ съ лѣтописями — это другое дѣло: тутъ можно быть *иногда* мнѣніа! Но не чудно ли, что именно *Полевой*, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ — безъ изыятія — весьма не отличавшійся природнымъ русскимъ языкомъ, *первый поморщился надъ слогами Карамзина*, надъ тѣмъ слогомъ, которымъ мы *всѣ* безъ исключенія, *восхищаемся* донынѣ, и по которому твореніе Карамзина будетъ читаемо всегда, какъ бы далеко ни ушелъ русскій языкъ въ своемъ развитіи, какія бы ни открылись новыя историческія идеи, или новыя археологическія свѣдѣнія, по части нашей *допетровской* Исторіи! Тацитъ преведенъ на всѣ новѣйшіе языки; но ни одинъ переводъ и приблизительно не даетъ понятія объ особенностяхъ слога Тацита! Еще болѣе: самый *латинскій* языкъ современныхъ, — или немного позднѣйшихъ — соотечественниковъ Тацита, желавшихъ, по новѣйшимъ лучшимъ понятіямъ, кое-что измѣнить въ текстѣ знаменитаго историка — не рѣшился поддѣлаться подъ его неподражаемый слогъ: надо было *исключить* всѣ тѣ мѣста, расстрепать творенія его — о чемъ краснорѣчиво сѣтуетъ Мишель Монтенъ, во второй книгѣ своихъ *Essais*, въ XIX главѣ.

Ни одного изъ нашихъ литераторовъ, послѣ Пушкина, мы не напугивали въ вѣчность такимъ горькимъ сожалѣніемъ, какъ Н. А. Полеваго; мы и здѣсь отнюдь не намекаемъ на то, будто бы Полевой похвастался знаніемъ того, чего не зналъ онъ! Можетъ статься, мы, въ области журналистики, критическими

когтиами перевѣдывались бы съ *живыми* орломъ, по *мертвого* орла щипать не станемъ! Да кто же и *повзриль* бы, чтобы столь почтенный человѣкъ (*такимъ* мы всѣ его знали) — человѣкъ, одаренный отъ природы блистательными качествами ума, имѣлъ надобность чѣмъ-либо хвататься! Но вотъ, въ чемъ дѣло: тотъ же умъ міровой, который служилъ *вѣрно* Полевою во всѣхъ его завоеваніяхъ, выдалъ его — *головою*, когда онъ понадѣялся на него и тамъ, гдѣ безсиленъ и умъ міровой! Полевой, по кое-какимъ переводамъ, или сужденіямъ о Тацитѣ, безъ сомнѣнія полагалъ, что онъ *инстинктивно* выразумѣлъ особенность слога Тацита — и обмолвился такъ странно! Онъ не зналъ, что *вѣрный* инстинктъ бываетъ только у *гений*, отчасти и у *тааланта*, но не *бываетъ* ни у *какого* ума, который долженъ дѣйствовать только по ясному уразумѣнію и сознанію, несколько не убѣждаясь темными чувствами. Если бы Полевой изъ самого Тацита хоть въ половину выразумѣлъ слогъ его, то никогда не пришлось бы ему въ голову — столь умному человѣку — примѣнять слогъ Тацита къ новѣйшимъ языкамъ, и что всего удивительнѣе, замѣчать отсутствіе этого слога *въ прекрасномъ языкѣ Карамзина*! Довѣряя ошибочному инстинкту, Полевой вдался въ обманъ и этотъ обманъ есть второе несомнѣнное доказательство тому, что мы сказали выше: онъ умъ, обширный, міровой умъ, но *не гений*! Мы не разъ имѣли случай убѣждаться въ томъ, какъ *вѣрно* Пушкинъ гениальнымъ инстинктомъ понималъ то, чего онъ не зналъ, чему не учился! Да и Дельвингъ нашъ, при совершенномъ незнаніи греческаго языка, прекрасно выразумѣлъ древній эллинизмъ!

Въ доказательство, до какой степени Полевой вдался въ этотъ само-обманъ, относительно Тацита, приведемъ еще слѣдующее: не задолго до его смерти, я нечаянно встрѣтился съ нимъ въ одной книжной лавкѣ. Между прочимъ, онъ горько жаловался на высшее искаженіе русскаго языка, въ нѣкоторыхъ журналахъ: «Да и тѣ, примолвилъ онъ, кто его не искажаетъ, не умѣютъ имъ пользоваться: его можно бы развить чуднымъ образомъ!» Я замѣтилъ, что, въ этомъ отношеніи, было бы весьма хорошо, если бы даровитый человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и *полный хозяинъ* языка, принялся за переводъ Гётевой Ифигеніи. «Правда! но еще лучше бы было переводить Тацита! я непременно, при первомъ досугѣ, переведу что-нибудь изъ Та-

цита!» Я, въ скромныхъ выраженіяхъ, изъяслялъ свое сомнѣніе въ успѣхѣхъ, упираясь на то, что мы повѣйшіе, по характеру нашихъ языковъ, по аналитическому свойству нашего ума, по извѣженной, весьма не стойческой природѣ,—по *всему* не способны передавать эту римскую силу воли, которая выражается не только въ стилѣ исторической живописи, но и въ самомъ языкѣ Тацита; что мы никогда не удовлетворимъ того, кто можетъ читать Тацита въ подлинникѣ, и что *я*, съ своей стороны, радуюсь невозможности такого перевода, заставляющей человека любозпательнаго—учиться *латинскому* языку.—Какъ же это не самообманъ, и самый горькій, со стороны столь умнаго человека! Можетъ быть, русскій языкъ и способности всѣхъ прочихъ, для воспроизведенія языка Тацита—но такое дѣло потребуетъ гения, первокласнаго гения!

Н. А. Полевой скончался, не дописавъ своей «Исторіи Наполеона»—высшаго, въ наше время, предмета, не только для *ума*, но и для *гения*! Что случится съ этою неоконченною исторіею? Кто ее допишетъ? Только *другъ*, *родная* душа! Н. А. Полевой говоритъ: «Я нашелъ *друга*, съ которымъ могъ дѣлиться моими надеждами, моими мечтами—друга, съ которымъ потомъ пошли мы по дорогѣ жизни, рука въ руку, которому одолженъ я увѣренностью, что дружба не мечта *поэзии*, но точно святой даръ неба, существующій на землѣ: этотъ другъ—былъ братъ мой *Ксенофонтъ*!»—И дѣйствительно, этотъ *другъ* и *братъ* его, Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой—*дописалъ* исторію, безъ малаго *два тома*!

«Обязанность кончить это сочиненіе»—говоритъ онъ—«принялъ я на себя, по просьбѣ издателя книги, и тѣмъ охотнѣе, что во всю жизнь мою былъ связанъ съ авторомъ самою искреннею, братнею дружбою; зналъ его идеи при сочиненіи «Исторіи Наполеона» и много разсуждалъ съ нимъ о ней, еще не задолго до его смерти. Въ довершеніи труда его, одушевляла меня мысль, что я отдаю какъ бы послѣдній долгъ уваженія и дружбы незабвенному брату, съ которымъ, при жизни его случалось мнѣ раздѣлять литературные его труды.»

Честь и слава ему, за этотъ подвигъ братней любви. Радуюсь за автора «Домоносова», мы съ глубокимъ умиленіемъ вспоминали этотъ милый о нихъ обоихъ рассказъ покойнаго брата: «раза по три въ недѣлю, я уходилъ послѣ обѣда изъ богатаго дома моего хозяина, гдѣ жилъ тогда, въ смиренную квартиру на

нижней Сергіевской улицѣ (въ Курскѣ), гдѣ отецъ мой нанялъ себѣ двѣ-три комнатки. *Ксенофонтъ* нетерпѣливо ждалъ меня, и пока отецъ отдыхалъ послѣ обѣда, мы уходили за крыльцо, и тамъ въ углу, на чистомъ дворѣ, разстилали рогожу, садился на нее; я вынималъ книги и начиналъ учить Ксенофонта, чему самъ выучился въ прошедшіе два-три дня!» *Учи* своего брата—онъ воздастъ тебѣ *братски*: допишетъ достойнымъ образомъ твоё *лучшее* сочиненіе!

Да, мы прочли всѣ пять томовъ! Право, никакой *романъ* не можетъ быть такъ интересенъ, какъ эта *Исторія*, потому, что никакой романистъ не выдумаетъ такого идеала, какимъ, пѣз-подъ руки Творца, вышло явленіе существенное, *Наполеонъ*!

Приобрѣтайте поскорѣе это важное сочиненіе! а намъ дайте время перечитать его, хорошенько вразумиться въ соображенія автора—или *авторовъ*; тогда мы, во второй статьѣ объ этой исторіи, промолвимъ нѣчто, въ родѣ критическаго сужденія.

Баронъ Розенъ.

Иванъ Матвѣевичъ Пряпковъ и Ѳома Михенчъ Бирюковъ, оба—люди русскіе. *Пестрота* въ рассказъ и рассказы въ *пестротъ*, изъ юмористическихъ записокъ бурсака. Санктпетербургъ, въ типографіи Департамента Виллинсей Торговли, 1848 года, въ 8 дол. листа, 150 стр.

Издатель этой книги говоритъ въ предисловіи, что авторъ ея недавно умеръ; что онъ издаетъ ее съ благотворительною цѣлью, и что онъ, издатель, считаетъ долгомъ предупредить рецензентовъ, чтобы они удержались отъ произнесенія суда въ отношеніи *къ лицу* сочинителя, потому-что голосъ ихъ не дойдетъ уже до автора. Не знаемъ, какъ другіе журналы, но *Сынъ Отечества* никогда не произноситъ суда въ отношеніи *къ лицамъ* сочинителей, считая *личность* каждаго автора внѣ правъ критики, а разбираетъ только ихъ сочиненія, по чистой совѣсти и убѣжденію. Слѣдовательно предостереженіе господина издателя въ отношеніи *къ Сыну Отечества* совсѣмъ лишнее. Въ концѣ предисловія своего, издатель приводитъ латинскую пословицу: «De mortuis aut bene, aut nihil.» (Т. е. О мертвыхъ говори хорошо, или ничего не говори.)—Что же угодно издателю? Что хотѣлъ онъ

сказать эту поговорку? «Или хвали мое изданіе, или молчи.» Странное приказаніе! Ломоносовъ, Фонъ Визинъ, Карамзинъ, Державинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ и многіе другіе, рускіе писатели умерли, но объ ихъ сочиненіяхъ говорятъ рецензенты до-сихъ-поръ, и никто имъ не вздумалъ и не вздумаетъ сказать: *De mortuis aut bene, aut nihil.*

Но оставимъ предисловіе, и обратимся къ разбору *Пряликова и Бирюкова.*

Если насъ спросятъ: «какого рода это сочиненіе?» мы отвѣтимъ: «не знаемъ.» Самое заглавіе, придуманное авторомъ, доказывается, что онъ самъ не зналъ, къ какому роду причислить свое сочиненіе. Онъ назвалъ его: «*пестрота въ рассказъ и рассказъ въ пестроту.*» Это совершенно новый родъ сочиненій. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что намъ никогда не нравились изысканныя и сложныя заглавія, и что эта изысканность всегда предубѣждаетъ читателей какъ-то невыгодно противъ сочиненія автора. Правда, что нѣкоторые журналы, для эффекта своихъ обертокъ и газетныхъ объявленій, растягиваютъ немѣрно заглавія своихъ статей; но тутъ есть *абсолютно-нормально-консеквентная* причина. Положимъ, что статья, напечатанная въ журналѣ, оригинальная или переводная, называется: «*О грибахъ.*» Кажется, достаточное и понятное для всѣхъ заглавіе? Такъ нѣтъ! Тутъ непременно прибавятъ: «Исторія грибовъ съ со-творенія міра.—Состояніе ихъ во времена паденія Рима.—Ихъ значеніе, въ объективномъ и субъективномъ отношеніяхъ, въ эпоху открытія Америки.—Споръ нѣкоторыхъ европейскихъ натуралистовъ о рыжикахъ и груздяхъ.—*Гуманное* рѣшеніе этого вопроса.—Различіе или, явѣе сказать, дифференція между сыроѣжкой и бѣлымъ грибомъ.—*Субстанціальность* мухомора.—Тотъ же мухоморъ *по себѣ и за себѣ.*—*Виртуозность* березовика.—*Доктрина* о томъ, какъ печь пироги съ грибами, или жарить грибы въ сметанѣ.—*Принципъ и прогрессъ артистичнаго* соленія грибовъ.»—И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но всѣ эти журнальные примѣры не должны увлекать сочинителей книгъ, отдѣльно издаваемыхъ. Изысканность и растягиваніе заглавій ни къ чему не ведутъ. Прочитавши иногда предлинное, пренудобрное, презатѣйливое заглавіе, прочитаешь потомъ самое сочиненіе, да и повторишь очень часто, почти всегда, русскую поговорку: «Грибъ съѣлъ!»

Перестаемъ толковать о заглавіяхъ! Скажемъ нѣсколько словъ о сочиненіи автора «*Пряликова и Бирюкова.*»

По всему видно, что перо автора было молодое, увлекшееся примѣромъ такъ называемой *натуральной школы* *.

Главное правило, коренной уставъ этой *натуральной* школы очень удовлетворительно и удачно изъяснены въ слѣдующихъ стп-

* Для маленькаго образчика основательныхъ познаній и глубокаго просвѣщенія этой натуральной школы (именно *школы*), укажемъ здѣсь, мимоходомъ, на статью полбредкой книги *Современника*, напечатанную въ отдѣлѣ назначенномъ для выраженія въ остроуміи господъ редактора, издателя и сотрудниковъ. Въ этой статьѣ заключаются нападки на одного изъ сотрудниковъ *Сына Отечества*, извѣстнаго нашего писателя, Барона Розена. Незвѣстный, ученый и натуральный критикъ *Современника* подсмѣивается надъ Барономъ Розеномъ, что въ его идилліи: *Сороковая весна*, напечатанной въ октябрьской книгѣ *Сына Отечества*, сказано, что на берегахъ Волги растетъ виноградъ. По этой намѣшкѣ и по этому глубокомысленному и ученому замѣчанію, должны мы неизбежно заключить, что натурально-ученый критикъ видѣлъ Волгу только въ Твери, пробѣдомъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, и что познанія его о Волгѣ, главной рѣкѣ Европейской Россіи, не далеко простираются. Вторяяно онъ полагаетъ, что Волга впадаетъ въ Ледовитый океанъ, какъ Лена и нѣкоторыя другія рѣки. Долгою считаемъ уведомить *натурально-ученаго* критика, участвующаго въ *учено-литературномъ* журналѣ, *Современникъ*, что Волга впадаетъ въ Каспійское море, которое находится на Югѣ отъ Твери, а не на Сѣверѣ, и что по берегамъ этой рѣки, въ южныхъ губерніяхъ, *растетъ виноградъ.* Стало быть, *Сынъ Отечества* и Баронъ Розенъ правы, а натурально-ученый критикъ, вмѣстѣ съ редакторомъ *Современника* и его издателемъ, поналы въ небольшой и очень забавный просякъ со своими остроумными заключеніями, которыя составляютъ ихъ страсть, ихъ извѣстную слабость. Советуемъ имъ, для утѣшенія себя, пробѣдаться по Волгѣ, отъ Твери до Каспійскаго моря, и удовлетвориться собственными глазами въ основательности своей учености, считающей виноградъ на берегахъ Волги дѣлать невозможнымъ и баснословнымъ. При этой пріятной и весьма продолжительной пощакѣ, предлагаемъ имъ пить, для раздѣченія себя, извѣстную всей Россіи, старинную изюно:

«Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ,

«По широкому раздолью, и проч.

Съѣмъ ихъ увѣрить, что пробѣдившись отъ Твери до Каспійскаго моря и обратно, они съ удивленіемъ увидятъ и виноградъ на берегахъ Волги, и много другихъ вещей, которыя имъ еще вовсе неизвѣстны, какъ по всему видно, съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный почтенный, уважаемый и нами, и всеми, профессоръ санктпетербургскаго университета А. В. Шкитенко суждался отъ знанія редактора *Современника.*

хахъ нашего остроумнаго водевиллиста П. А. Каратыгина, пропѣтыхъ много разъ въ театрѣ, при оглушительномъ аплодиссментѣ петербургской публики:

«Тутъ не ученость нужна, а призванье,
«Сила и воля души;
«Если призналъ кто въ себѣ дарованье,
«Просто—садись и пиши!»

Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, познаніе древнихъ и новыхъ языковъ? Къ чему основательное образованіе? Къ чему чтеніе классическихъ произведеній древности и изученіе образцовыхъ, средневѣковыхъ и новыхъ, произведеній знаменитыхъ писателей, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ? Къ чему основательное познаніе русскаго языка и искусство слога?

«Просто—садись и пиши!»

Это можно сдѣлать безъ дальнихъ хлопотъ, *просто*, то есть *проще нельзя!* Для чего же себя затруднять? Следуя этой легкой и удобной методѣ, многіе достигли, въ самое короткое время, извѣстности.

Правда, что извѣстность или слава бываютъ весьма различны. Тредьяковскій своими стихотвореніями достигъ извѣстности и славы, которая и теперь гремитъ и долго еще будетъ гремѣть въ потомствѣ. Знаете ли вы, наиримѣръ, его прелестную загадку:

«Стоитъ древесно
«Къ стѣбѣ примкнуто.
«Коль пальцемъ ткнуто,
«Гремитъ чудесно!»

Не угодно ли эту загадку отгадать? Мы увѣрены, что вы ее не разрѣшите, хотя бы вы были самъ Эдипъ, разрѣшившій въ древности знаменитую загадку Сфинкса. Загадка Тредьяковского, по своей трудности, можетъ равняться не только загадкѣ Сфинкса, но парижскимъ и другимъ иностраннымъ *rebuses* (*rebuses*), которыхъ никто не понимаетъ, пока въ слѣдующемъ номерѣ иностраннаго журнала не объяснятъ ихъ смысла.

Загадка Тредьяковского, которую онъ навѣрное погубилъ бы

древняго Эдипа, объясняется словомъ: *фортепьяно*. Оно и древесно, и къ стѣбѣ примкнуто, а коли пальцемъ ткнуто, то гремитъ чудесно, точно такъ же, какъ и слава знаменитаго профессора зловкенціи и автора этой загадки, Бэды на островѣ любви, Телемахиды и другихъ твореній...

Также гремитъ слава и другихъ, очень многихъ писателей и новыхъ, потому, что она древесна, къ стѣбѣ примкнута и пальцемъ ткнута, или указана.

Впрочемъ рѣчь идетъ не о томъ, а объ Ивасѣ Матвѣичѣ Прямыковѣ и Фомѣ Михенчѣ Бирюковѣ. Оба они — *люди русскіе*, какъ сказалъ авторъ въ своемъ заглавіи.

Что это за выраженія: *русскіе люди*, *русскій человекъ*? Извѣстному нашему писателю Гоголю, если не ошибаемся, пришла фантазія когда-то написать: *русскій человекъ*. Вся ватага его подражателей, которая слѣдуетъ за каждымъ талантомъ, подхватила это выраженіе, и давай вездѣ писать и повторять: *русскій человекъ!*

Спрашиваемъ всѣхъ нашихъ почтенныхъ писателей и надѣемся на добросовѣстный ихъ отвѣтъ: что сказали бы вы объ насъ, если бы мы вздумали писать и печатать: «Французскій человекъ, нѣмецкій человекъ, итальянскій человекъ, малороссійскій человекъ, англійскій человекъ, шведскій человекъ, турецкій человекъ, китайскій человекъ, сѣверо-американскій человекъ, испанскій человекъ, португальскій человекъ, и такъ далѣе?» Вы бы навѣрное подумали, что *Сынъ Отечества*, по малороссійскому выраженію, сбился съ панталыку. Вы бы сказали, что это глупо. Отчего же однихъ русскихъ, — самую могущественную въ цѣломъ мірѣ, самую счастливую въ нынѣшнія времена націю, — можно называть *русскими* *человѣками* или *людьми*? Французскіе *человѣки* называются Французами, нѣмецкіе *человѣки* — Германцами или Нѣмцами, итальянскіе *человѣки* — Итальянцами, испанскіе *человѣки* — Испанцами, и такъ далѣе. Мы называемся не русскими *человѣками*, или *людьми*, а *Русскими*. Взглянувъ на западъ и внимательно разсмотрѣвъ, что за неурядица, что за ужасы тамъ происходить, и какъ тамъ страдаютъ отъ этого французскіе, нѣмецкіе, итальянскіе и прочіе *человѣки*, — невольно перекрестившись, возблагодаривъ отъ глубины души Бога и съ благородною народною гордостью скажешь: «Слава Богу! Я — *Русскій!*»

Изгоните же навсегда, господа писатели, изъ словесности вѣлбныя слова: «русскій человекъ, русскіе люди.» Мы — Русскіе! и только. Болѣе ничего объяснять не нужно. Все остальное понятно не только журналу, выходящему подъ заглавіемъ: *Сынъ Отечества*, и основанному въ 1812 года, но и вѣмъ сынамъ отечества, которыхъ не скоро перечтешь; ибо они живутъ въ несмѣтномъ числѣ, отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана, отъ Чернаго моря до Бѣлаго, предапы отъ искренняго сердца Богу, Царю и Отечеству, смотрятъ спокойно на западъ и на всѣ четыре стороны свѣта, и повторяютъ величественныя, утѣшительныя слова, вѣмъ памятна: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Послѣ такихъ разсужденій мы находимъ неудобнымъ входить въ дальнѣйшій и подробный разборъ *Пряликова и Бирюкова*, которыхъ назвалъ авторъ *русскими людьми*. Скажемъ вообще, что сочиненіе автора очень слабо, по изобрѣтенію, плану и исполненію; что слогъ его очень часто неправиленъ; что его *русскіе люди* вовсе не похожи на настоящихъ *Русскихъ*; но что, при всемъ томъ, намѣреніе автора было похвальное, патриотическое: онъ хотѣлъ доказать, что Русскіе ни въ чемъ не уступаютъ иностранцамъ и во многомъ превышаютъ ихъ, и что не слѣдуетъ никогда предпочитать отечественному чужеземное. За это намѣреніе — честь и хвала покойному автору!

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Очерки современной жизни. Сочиненіе М. Корсини. Томы I и II. Санктпетербургъ. 1848 г.

Имя автора *Очерковъ современной жизни* уже извѣстно читающей публикѣ. Года три тому, явилось въ свѣтъ первое сочиненіе г-жи Корсини: *Мысли и помысли, посвященныя юношеству*, сочиненіе, которое, не смотря на свое назначеніе для юношества, привлекло къ себѣ вниманіе не однихъ юныхъ читателей. Теперь передъ нами новое произведеніе г-жи Корсини, или лучше сказать начало обширнаго созданія, которое будетъ состоятъ изъ отдѣльныхъ разсказовъ, но пропикнуто одною общею идеею. Эта идея выражена въ самомъ названіи: *Очерки современной жизни*. Въ первыхъ двухъ, вышедшихъ теперь, томахъ заключается повесть: *Семья ассессорини*.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ разбору этой повѣсти, остановимся на предисловіи, въ которомъ авторъ излагаетъ свои мысли о свойствахъ, необходимыхъ современному писателю. Объясненія этого рода въ наше время нельзя считать излишнимъ, потому-что отъ непрерывныхъ споровъ и разсужденій, о сочиненіяхъ и сочинителяхъ, понятія теперь такъ перенутаны, что иногда въ обширномъ и многословномъ развитіи идей о литературѣ не отыщешь и тѣни опредѣленной мысли о томъ предметѣ, о которомъ говорится.

«Становясь судьей и критикомъ своихъ собратій, онъ (повѣствователь о жизни современной) долженъ имѣть въ виду впечатлѣніе, которое онъ на нихъ произведетъ, и послѣдствія представленныхъ имъ картинъ. Наблюдательность такого человека должна сопровождаться доброжелательствомъ и любовью къ людямъ. Онъ долженъ доказать на дѣлѣ, что проникаетъ въ сокровенныя тайны ихъ ежедневной жизни, чувствованій, понятій и привычекъ не для того, чтобы осмѣять ихъ и опозорить, не указавъ никакого исхода изъ жалкаго ихъ положенія. Онъ выставляетъ заблужденія (только?) то въ смѣшныхъ и легкихъ, то въ сильныхъ и рѣзкихъ краскахъ для того, чтобы замѣнить ихъ отрадными вѣрованіями, чтобы указать нравственную опору шаткимъ понятіямъ и убѣжище въ душевной силѣ отъ преслѣдованій нужды и бѣдствій. Иначе для чего же писать и терять драгоценныя часы?... Не говори уже о призваніи и талантѣ, безъ которыхъ никого нельзя признать писателемъ, ему необходимы еще: наблюдательность спокойная (раздражительный и излишне самолюбивый человекъ не въ состояніи справедливо оцѣнить другаго), способность входить въ положенія избранныхъ характеровъ и проникаться ихъ жизнію и духомъ такъ, чтобы себя чувствовать на ихъ мѣстѣ.... Не менѣе другихъ качествъ необходимы писателю: образованный вкусъ, проникательность, даръ правильно взвѣшивать побужденія каждаго поступка и воспримчивость впечатлѣній, развитая до такой степени, чтобы онъ могъ сказать: «Ничто человѣчное мнѣ не чуждо.»

Вотъ идеи и убѣжденія автора *Очерковъ*. Всѣ онѣ ясны, отчетливы и вѣрны. Можно замѣтить только пропускъ одной и очень важной стороны, на которую писатель долженъ обращать вниманіе, при изображеніи человѣчества. Это сторона идеальная: возвышенныя чувствованія, благородные порывы души, стремленія къ прекрасному и высокому, великіе подвиги самопожерт-

вованія. Высокія совершенствова въ чловѣчествѣ столько же дѣйствительны, какъ и заблужденія и шаткія понятія, которыхъ коснулся авторъ. Современный писатель непременно долженъ коснуться этихъ совершенствъ, если не хочетъ быть одностороннимъ—въ изображеніи современнаго общества. Но для чего онъ будетъ выставлять ихъ? Этотъ вопросъ оставленъ безъ вниманія.

Не совсѣмъ понятна еще слѣдующая мысль автора, въ томъ же предисловіи: «Когда онъ (писатель) сумѣетъ находить счастливый выходъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, безпрестанно встрѣчающихся въ жизни и не оробѣетъ духомъ, не дойдетъ до унынія; тогда можно отдать на его судъ чловѣческое сердце.» Противъ этого можно сказать то, что бываютъ столько запутанныя обстоятельства, что попавшій въ нихъ чловѣкъ иногда цѣлую жизнь не найдетъ выхода. А между-тѣмъ въ этой безвыходной борьбѣ съ трудными обстоятельствами, онъ гораздо лучше другихъ изучаетъ людей, и потому имѣетъ болѣе права произносить судъ надъ чловѣческимъ сердцемъ. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать о нравственной опорѣ, на которой чловѣкъ, стѣсненный житейскими неприяностями, можетъ утвердить свое непорушное спокойствіе. Во всякомъ случаѣ это условіе слишкомъ частное.

Но мы съ удовольствіемъ повторимъ слова автора о двухъ условіяхъ, которымъ, по его убѣжденію, воплѣ раздѣляемому нами, долженъ подчиняться романистъ и которыя всего менѣе соблюдаются въ наше время. «Становясь судьей и критикомъ своихъ собратій, онъ долженъ имѣть въ виду впечатлѣніе, которое онъ на нихъ произведетъ, и послѣдствія представленныхъ имъ картинъ.» Это первое, а второе то, что писателю необходимо «образованный вкусъ.» У насъ такъ много писали о цѣли и безцѣльности литературныхъ произведеній, что наконецъ, въ видѣ рѣшенія вопроса, сковали странное слово: *самозцѣль*, вѣроятно по образцу слова: самострѣль. Но все-таки это ничего не объяснило. Авторъ *Очерковъ* удачно указалъ на впечатлѣніе, производимое сочиненіемъ на читателя. Писатель можетъ имѣть нравственную цѣль, но при всемъ томъ написать безнравственный романъ, смотря потому, какія избираетъ онъ средства къ достиженію своей цѣли. — Высокая цѣль не оправдываетъ низкихъ средствъ; пружины низости набрасываютъ черную тѣнь и на добрыя слѣдствія.

Это правило жизни можно приложить и къ сочиненіямъ. Роковое заблужденіе—видѣть нравственные уроки въ тѣхъ произведеніяхъ, изъ которыхъ логически можно вывести нравственное наставленіе. Не изрѣченія, приклеенныя къ роману, какъ въ концѣ басни, сообщаютъ ему то или другое вліяніе на читателя, а общее настроеніе разсказа, духъ, которымъ проникается все твореніе. Какого же рода должно быть это вліяніе или впечатлѣніе, производимое художественнымъ созданіемъ на читателя? Отвѣтъ на это вытекаетъ изъ самаго понятія о дѣйствителѣ и предметахъ его дѣйствія. Дѣйствуетъ чловѣкъ—существо нравственное на существа себѣ подобныя, слѣдовательно и дѣйствіе или вліяніе перваго на послѣднихъ должно быть также нравственное: пробужденіе и развитіе благороднаго самознанія и возвышенныхъ стремленій. Говоримъ: должно, хотя возможно и совсѣмъ противное; натуры бываютъ разныя.

Признаніе необходимости этого вліянія вовсе не есть ограниченіе, стѣснительное для творческаго таланта, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Безспорно писатель можетъ создавать все по своему произволу, и дѣйствіе, и сцену, гдѣ происходитъ это дѣйствіе, и лица, которыя являются на сценѣ. Все въ его полномъ распоряженіи, и природа со всѣмъ своимъ разнообразіемъ и чловѣчество со всѣми своими совершенствами и недостатками. Но при этомъ необходимо одно условіе: пужно имѣть «образованный вкусъ.» Этотъ-то вкусъ руководитъ писателя въ употребленіи матеріаловъ для его созданія и спасаетъ его отъ односторонности, въ которую впадаютъ нѣкоторые сочинители нашего времени, не лишеныя впрочемъ ни воображенія, ни таланта. Воображеніе этихъ сочинителей какъ будто осуждено пресмыкаться въ грязныхъ слояхъ общества и рыться въ темныхъ закоулкахъ современныхъ нравовъ; оно какъ будто бѣгаетъ освѣжительной атмосферы истины—нравственной и умственной жизни и съ любовью льнетъ только къ тому, что есть грубаго и циничческаго въ дѣйствительности. Отъ такого прихотливаго полета воображенія, порхающаго не по цвѣтамъ, происходитъ то, что вмѣсто изящнаго созданія является что-то въ родѣ сточной трубы... Надо сказать, что только нашему избѣгательному времени принадлежитъ поэтическая странность возводить на степень художественнаго созданія разговоры и сцены, которые можно собрать въ харчевняхъ, и тому подобнымъ мѣ-

стностях, не отличающихся изяществом. Говорят даже, что подобныя изображенія производятъ могущественное дѣйствіе на умы!... Но окончимъ эти разсужденія, которыя могли бы завлечь насъ слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли изобразить всѣ странности и ошибочныя идеи нѣкоторыхъ писателей, исключительно привязанныхъ къ пошлымъ и грубымъ проявленіямъ человѣческой природы. Теперь дѣло не объ этихъ писателяхъ.

Семья Ассессори,—какъ называется повѣсть, разсказанная авторомъ въ *Очеркахъ современной жизни*,—представляетъ намъ черты современнаго быта, общія каждому обществу людей, стремящемуся, по законамъ Провидѣнія, къ развитію нравственныхъ и уметвенныхъ силъ. Всегда находятъ люди, предпочитающіе, по разнымъ побужденіямъ, уклоненіе отъ пути нравственнаго совершенствованія. Одинъ ищутъ спокойствія въ тѣни безмятежнаго захолустья, представляющаго всѣ удобства для отдыха... потомковъ отъ трудовъ предковъ. Не прилагая ничего собственнаго къ тому, что получено отъ отцовъ, они сохраняютъ безвишнюю апатію къ уметвенной дѣятельности. Другіе, одаренные безнокійною дѣятельностію воображенія, думая забѣжать какъ-нибудь впередъ, бросаются куда ни пошло, лишь бы быть не въ ряду съ другими. Тѣ и другіе роншаютъ на трудолюбивую и полезную дѣятельность своихъ ближнихъ; первые находятъ въ ней неумѣтно быстрое развитіе, а послѣдніе напротивъ жалуются на медленность и даже неподвижность своихъ ближнихъ, и тратятъ время на эти жалобы, иногда производящія сильное впечатлѣніе... на умы слабые, не замѣчаютъ, что ихъ ближніе, благодаря дѣятельности, уходятъ далеко, далеко впередъ. Эти явленія имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣческой и повторяются во всѣ времена. Еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашего времени, одинъ изъ провидѣльнѣйшихъ наблюдателей челоѣчества, жаловался на слабость своихъ современниковъ, что они порицали все настоящее и обсыпали похвалами прошедшее, и объяснялъ эту слабость злобою людей*. Объясненіе не совсемъ справедливое; есть много добрыхъ людей, которые увлекаются похвалами старинѣ. Воспоминаніе всегда придаетъ прелесть юнымъ лѣтамъ; съ чѣмъ сроднился челоѣкъ въ прежніе годы,

* Vitio malignitatis humanae vetera semper in laude, praesentia in fastidio esse. Tacit.

когда былъ воспримчивѣе для всѣхъ впечатлѣній, то дорого его сердцу особенно въ ту пору, когда дыханіе времени охладитъ его воспримчивость. Если есть комическая сторона въ этомъ обращеніи къ старинѣ, то она заключается въ одностороннемъ сужденіи о молодыхъ людяхъ. Съ другой стороны, въ молодости, челоѣкъ, чувствуя въ себѣ полную энергію силъ, еще не испытанныхъ опытомъ, натурально воображаетъ себя способнымъ къ обширной дѣятельности и, смотря неопытнымъ взоромъ на другихъ, находитъ въ нихъ стороны, достойныя порицанія, съ его точки зрѣнія. Напримѣръ, благоразуміе и осторожность кажутся ему недостаткомъ характера; медленность въ дѣйствіяхъ, — пропеходящая отъ того, что опытъ, разширяя горизонтъ зрѣнія, научаесть челоѣка видѣть не только свѣтъ и лазурь, но и всѣ тѣни и дальніе признаки непогоды, — кажется слабостью. Отсюда рождается въ юныхъ мудрецахъ противоборство нравственнымъ началамъ, тѣмъ болѣе заманчивое, что производитъ въ душѣ пріятную игру уметвенныхъ силъ. И это также натуральное явленіе развитія духа челоѣческаго, который, носясь надъ міромъ существованія, до поры сопрікосновенія съ нимъ, рисуетъ себя въ какомъ-то гигантскомъ величіи; потомъ чѣмъ болѣе опредѣляетъ свои отношенія къ міру дѣйствительному, тѣмъ яснѣе сознаетъ свои границы, покуда наконецъ не доидетъ до полнаго самосознанія. Но есть люди, которые, не любя серьезныхъ размышленій о себѣ самихъ и о людяхъ, остаются при блаженномъ сознаніи своего воображаемаго величія, и съ энергіею, достойною лучшей доли, поддерживая свои противорѣчія началамъ нравственнаго порядка, входятъ наконецъ въ роль Мефистофелей, которую разыгрываютъ до поры до времени. Эти-то характеры, свойственные, какъ мы сказали, каждому обществу, но, по различію мѣста и времени, являющіеся подъ разными формами, олицетворены въ *Семьи ассессори*.

Дѣйствующія лица, въ которыхъ сосредоточивается интересъ повѣсти.— Ваия и Настя, дѣти бѣдной и большой вдовы, коллежской ассессори. Ваия, молодой челоѣкъ былъ учителемъ въ одномъ заведеніи и кромѣ того давалъ частные уроки. Впрочемъ эти занятія мало согласовались съ его наклонностями. Онъ желалъ вполне предаться наукамъ и литературнымъ трудамъ; но бѣдность препятствовала ему слѣдовать внутреннему призванію. Онъ долженъ былъ посвящать

большую часть времени урокамъ, чтобы этими трудами доставить пропитаніе себѣ и своему семейству. Настя, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, была воспитана, подъ руководствомъ своего брата; она жила вдали отъ общества и своими трудами облегчала участь своего семейства; она занималась рукодѣльемъ для продажи. Но вознагражденіе за эти труды было слишкомъ скудно, и она рѣшилась посвятить себя воспитанію дѣтей. Пріятель Вани, Грохницъ отрекомендовалъ ее своимъ знакомымъ.

Грохницъ олицетворяетъ собою характеръ современныхъ юныхъ мудрецовъ, которые имѣютъ довольно ума, чтобы быть людьми образованными, но не сознаютъ истиннаго значенія образованія и ограничиваются одною вѣдностью, стараясь подражать въ своихъ пріемахъ людямъ такъ называемымъ европейскимъ, и прибавляя къ тому еще небольшой запасъ поверхностныхъ свѣдѣній. «Онъ любилъ чтеніе и много читалъ, но никогда не доискивался до настоящаго смысла сочиненія; не возбуждалъ его идеи, не разсуждалъ объ ней; а запомнивъ одни слова, онъ ловилъ паскоро какое-нибудь повое для себя выраженіе и разоисилъ его по всемъ своимъ знакомымъ. Если кто осмѣливался сомнѣваться въ высокомъ достоинствѣ его словъ, то Грохницъ шумѣлъ, кричалъ и тѣмъ еще больше искажалъ смыслъ безъ сознанія повторяемыхъ имъ фразъ.» Этотъ мудрецъ между-тѣмъ имѣлъ доброе сердце и желая оказать услугу бѣдному семейству, самъ пришелъ узнать, согласна ли сестра его пріятеля принять мѣсто, которое онъ предложилъ ей.

Дочь ассесорши съ благодарностію приняла предложенное ей мѣсто гувернантки, черезъ нѣсколько дней простилась съ своимъ семействомъ и перѣехала въ тотъ домъ, гдѣ должна была принять обязанность гувернантки. Мы познакоимъ читателей съ этимъ домомъ, въ которомъ бѣдная дѣвушка встрѣтила съ одной стороны невѣжество, поспрающее истинное образованіе, а съ другой обманчивый блескъ свѣтскаго образованія, закрывающій отъ неопытнаго взгляда пустоту души и отсутствіе нравственныхъ правилъ. Авторъ раскрылъ эти стороны въ нѣсколькихъ сценахъ, которыя развиты очень счастливо.

«Сама хозяйка и мужъ ея Оома Ильичъ очень ласково приняли новую гувернантку и показали ей прекрасными людьми. Скоро вошли и будущія питомицы Насти, три дѣвочки. Онѣ

осмотрѣли воспитательницу съ ногъ до головы, и старшая сказала второй:

«Посмотри, Соня, какое платье-то у нея; сптецъ точно у нашей кухарки.» Соня взглянула, потихоньку размѣялась и шепнула Самѣ: «Смотри-ка, смотри, чтѣ за перчатки; какъ пальцы-то впяты!»

Оома Ильичъ, поручая своихъ дѣтей попеченію Насти, просилъ ее не утруждать ихъ надъ книгами и не учить много, потому-что «онѣ не мальчики, не для книгъ рождены.» Не смотря на эту странную просьбу, Настя съ усердіемъ занялась воспитаніемъ дѣтей и старалась образовать ихъ умъ и сердце, утѣшая себя мыслию о благодарности родителей и дружеской привязанности своихъ воспитанницъ, когда онѣ будутъ взрослыми. «А въ далекомъ туманѣ будущаго инстинктивно презрѣвала еще кого-то, кто бы открылъ ей тайну иного чувства, иной любви.» Но все эти утѣшительныя мечты скоро должны были разсѣяться. Она лишилась расположенія хозяевъ и навлекла на себя ненависть и преслѣдованіе одного друга дома. Оома Ильичъ негодовалъ на гувернантку за то, что она тратитъ много денегъ на книги. Любовь Родіоновна, супруга Оомы Ильича, была недовольна перемѣною дѣтей. «Прежде они забавляли ее разными гримасами и наемѣшками, а съ появленіемъ въ домѣ Насти советъмъ бросили свои шалости.» Изъ этого Любовь Родіоновна заключила, что «Мамзель и сама не дальпаго ума, и не понимаетъ, какъ должно вести ся дочерей.»—Но все это были небольшія неприятности въ сравненіи съ тѣми, которымъ подверглась Настя, благодаря друга дома, Аноллона Евсевича.

Характеръ Аноллона Евсевича очерченъ рѣзко и выдается болѣе другихъ. Правда, и въ изображеніи другихъ лицъ обнаруживается способность автора анализировать и мастерство обрисовывать характеры; но иногда отбѣнки, группируясь одинъ возлѣ другаго, затемняютъ главный, преобладающій цвѣтъ, полъ которымъ должно являться дѣйствующее лицо въ романѣ. Это можно сказать о Грохницѣ, въ которомъ притязаніе на уметвенное образованіе смѣшивается съ притязаніемъ на свѣтскость. Уметвенное и свѣтское образованіе — двѣ совершенно различныя стороны, которыя также легко могутъ слиться въ одномъ лицѣ, какъ и обойтись одна безъ другой. Но эта неопредѣленность натурально происходитъ отъ того, что Грохницъ не представляетъ вполнѣ образовавшагося характера; онъ еще молодъ; онъ

еще может переменить свой образ мыслей и жизни. Между-тѣмъ Аполлонъ Евсеичъ—въ тѣхъ лѣтахъ, когда перемена нравственная есть уже не побѣда надъ собою, а естественная, певольная покорность законамъ органическаго развитія. Потому-то черты его характера обозначены опредѣленно, точно. Это старій холостякъ, растратившій и духовныя и физическія силы въ бурномъ потокѣ молодости «Умъ его расчелливый, а иногда и острый, не имѣлъ однако же ни точности, ни благородства, ни стремленія къ истинному, и это, можетъ быть, оттого, что слишкомъ былъ погруженъ въ матеріальные интересы. Молодость свою провелъ Аполлонъ Евсеичъ бурно, предаваясь безъ границъ чувственнымъ наслажденіямъ; а съ наступленіемъ зрѣлаго возраста онъ поналъ свою безотрадную будущность и съ ожесточеніемъ старой кокетки видѣлъ приближеніе неудачъ и безелія. Остаткомъ своей крѣпости хотѣлъ пользоваться какъ можно больше и предавался страстямъ своимъ съ какою-то бѣшенствомъ... Не имѣя ни нравственныхъ, ни религіозныхъ убѣжденій, онъ сочинилъ особенныя для себя правила...»

Аполлонъ Евсеичъ, давно уже замѣтившій цвѣтущую молодость Насти и давно искавшій случая сблизиться съ нею, воспользовался неудовольствіемъ хозяевъ и взялся быть парламентаромъ, чтобы передать ей желаніе Любови Родіоновны насчетъ методы воспитанія дѣтей. Онъ велъ себя такъ обдуманно, искусно, что наконецъ пріобрѣлъ расположеніе и довѣріе Насти, когда она, не подозрѣвая его притворства, нашла въ немъ единственнаго человѣка, понимающаго ее и принимающаго въ ней участіе. Ома Ильичъ, судившій о требованіяхъ воспитанія и о значеніи образованности по своимъ понятіямъ, былъ раздраженъ до послѣдней степени докучливыми просьбами о покупке книгъ. «Дѣвушкамъ что за книги? говоритъ онъ. Не въ службу имъ опредѣляться, не профессорами быть; а партію себѣ и безъ книгъ могутъ составить, умѣли бы показать себя привлекательно. Да у меня же есть книга, прибавляетъ онъ, французская грамматика; еще отъ покойнаго дѣда мнѣ досталась; формата преогромнаго; съ этакой книгой чего бы, кажется, не доставало? Такъ нѣтъ, мамзель говоритъ, что слогъ не хорошъ; старо, вишь, говоритъ, сочиненіе. Какой тамъ у нея слогъ, кто ее знаетъ? Я подозреваю, что сама она въ книгахъ толку не разумѣетъ. Тамъ есть еще у меня географія, тоже отъ покойнаго дѣда, и здоровая такая книжица; преподавайте, говорю, по этой, и половину выучать, такъ

довольно. Куда! моя мамзель и слушать не хочетъ; по ней и города-то ужъ не тѣ и земля не та,—и такую чепуху замолоча, что я махнулъ рукой.» Эти сужденія такъ живо выражаютъ умственное достоинство Омы Ильича, что нѣтъ надобности прибавлять, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые не пренебрегаютъ образованіемъ, но, не слѣдя за ходомъ просвѣщенія, остаются неподвижными среди успѣховъ наукъ, и даже ропщутъ на умственное движеніе, въ увѣренности, что и каждый могъ бы ограничиться предѣлами ихъ личнаго образованія. Ома Ильичъ особенно не любилъ философіи, хотя не имѣлъ объ ней ни малѣйшаго понятія, но опирался въ своихъ сужденіяхъ объ этой наукѣ, на примѣръ своего пріятели. «Досталъ онъ какую-то книгу, наивно замѣчаетъ Ома Ильичъ, и ну читать, да читавшито такого страху набрался, что говоритъ волосы дыбомъ становятся, а объяснить не умѣлъ, что вычиталъ. Вотъ, прошу покорно разсудить, какова философія!» Эта черта сужденія схвачена чрезвычайно удачно и выражена съ ядовитымъ сарказмомъ. Читатель приходитъ въ ужасъ отъ книги, а не умѣетъ объяснить, что такое онъ читаетъ! Ома Ильичъ всегда ссылается на чей-нибудь авторитетъ. Но главный авторитетъ для подобныхъ людей—преданія старины. Потому-то Ома Ильичъ, услышавъ невыгодный отзывъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ о книгѣ, принадлежавшей его дѣду, отвѣчаетъ энергически: «Эта книга тоже изъ бібліотеки моего дѣда, а онъ былъ умный человѣкъ и получше другихъ зналъ толкъ въ книгахъ; слѣдственно чепухи тутъ не можетъ быть.»

Мысли Насти, противорѣчившія такимъ убѣжденіямъ Омы Ильича, а въ слѣдствіе того и его супруги, натурально измѣнили расположеніе къ ней хозяевъ. Этимъ случаемъ, какъ мы сказали, воспользовался Аполлонъ Евсеичъ, и мало-по-малу вкрался въ довѣріе неопытной дѣвушки. Наблюдательность автора *Очерковъ* ярко блещетъ въ изображеніи расчитанныхъ, тонкихъ пріемовъ Аполлона Евсеича, посредствомъ которыхъ онъ дѣйствовалъ на сердце Насти и, чтобы не быть опрометчивымъ ни въ какомъ случаѣ, заставлялъ ее обнаруживать раждавшіеся въ ея душѣ новыя чувства къ повому другу. Вліаніе Аполлона Евсеича было такъ могущественно, что Насти, проводившая прежде каждый праздникъ и каждое воскресенье въ домѣ своей матери, теперь находила болѣе удовольствія проводить эти дни въ домѣ Омы Ильича, гдѣ могла блеснуть своимъ новымъ платьемъ,

ешитымъ по мысли Аполлона Евсевича. Ваня, нѣжно любившій свою сестру, въ одно воскресенье, рѣшился самъ идти въ домъ Любови Родіоновны, чтобы увидѣться съ Настею и узнать причину, почему она не порадуетъ мать и его своимъ посѣщеніемъ. Мы выпишемъ сцену свиданія брата съ сестрой, сцену простую, безыскусственную, но исполненную теплоты и трогательнаго чувства.

«Векорѣ выбѣжала въ прихожую Настя, обняла брата и въ замѣшательствѣ не знала въ первую минуту, что ему сказать. Молча она взяла его руку и потянула за собой. Когда они вошли въ маленькую комнату подлѣ столовой, братъ съ изумленіемъ увидѣлъ пышный нарядъ сестры. Сердце молодого человѣка невольно стѣснилось, но онъ скоро побѣдилъ себя и сказалъ почти ласково: «Какъ ты хороша сегодня, сестра! И какъ идетъ къ тебѣ это платье!»

«Неожиданныя похвалы брата странно отозвались въ ушахъ Насти; она слегка покраснѣла и сказала:» Любовь Родіоновна подходитъ, что до сихъ поръ я одѣвалась слишкомъ просто.»

— А она знаетъ состояніе твоей матери? спросилъ Ваня; но опомнясь продолжалъ кротко: «Впрочемъ точно ты должна угождать Любови Родіоновнѣ, тѣмъ болѣе, если и тебѣ это нравится. Я радъ, что ты весела; прощай, не забывай насъ.»

— Ахъ, постой, Ваня! Скажи, что дѣлаетъ маменька? Каково ея здоровье?

— Все у насъ хорошо, сказалъ Ваня, со вздохомъ: ты довольна, а это первое условіе нашего счастья.... Прощай!

— Еще одну минуточку! вскричала сестра и схватила брата за руку. Вспомнивъ щегольство Аполлона Евсевича, она дружески сказала: Ваня, какія у тебя жесткія руки! Отъ чего ты не поспишь перчатокъ? Если бы ты видѣлъ, какія руки у нихъ...

— У кого? спросилъ угрюмо Ваня.

— У знакомыхъ Любови Родіоновны.

— А что тебѣ до ихъ рукъ?

— Маленькое щегольство пріятно въ мужчннѣ, милый Ваня. Ты бы, напримѣръ, вмѣсто этой косынки купилъ себѣ атласный галстукъ, да еще модный жилетъ, какъ носить теперь, съ косымъ воротничкомъ, это премило. Всѣ порядочные люди одѣваются по модѣ; въ модномъ платьѣ ты былъ бы прелесть, Ваня!

«Ваня съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ сестру и не узнавалъ свою добрую Настю, не имѣвшую прежде и понятія о

туалетѣ и модахъ. Въ груди молодого человѣка заняло. «Настя въ бѣдномъ платьѣ, подумалъ онъ, была въ тысячу разъ прекраснѣе; ее украшала простота и смиреніе, а теперь она тщеславна и малодушна.» Такъ думая, Ваня печально посмотрѣлъ на сестру; она хотѣла спросить, о чемъ онъ задумался, но помѣшалъ ей вошедшій Аполлонъ Евсевичъ. Онъ бросилъ небрежный взглядъ на Ваню и, подавая ей руку, сказалъ: «Васъ давно ждутъ, васъ ищутъ; а вы, какъ фалка, скрываетесь въ уединеніи; но есть сердце, всегда угадывающее вашъ пріютъ.»

«Настя смѣшалась отъ этого привѣтствія: Аполлонъ же Евсевичъ сталъ пристально разсматривать ея брата, которому она торопливо сказала: «До свиданія, мой другъ; поклонись отъ меня нашимъ. Въ будущее воскресенье непременно постараюсь къ вамъ быть.»

«Сердце Вани раздиралось, когда онъ ушелъ отъ сестры, въ мигъ передъ нимъ разрушилось зданіе, строенное годами и многими пожертвованіями.»

Въ слѣдъ за этою прекрасною сценою описываются горесть, размышленія и наконецъ свиданія Вани съ тремя литераторами, у которыхъ онъ рѣшился искать совѣта и ободренія своимъ литературнымъ опытамъ. Эти сцены, сколько онѣ ни занимательны сами по себѣ, вредятъ интересу разсказа, вредятъ художественной отдѣлкѣ дѣлаго созданія, потому что лица выступаютъ на сцену не по необходимому сцѣвленію обстоятельствъ, не по волѣ судьбы, связывающей ихъ существованіе неразрывными нитями съ существованіемъ героя романа, а только потому, что Ваня, пытая счастья, заходитъ нынче къ одному, завтра къ другому, а наконецъ къ третьему литератору; вездѣ натурально встрѣчается что-нибудь новое, вездѣ вступаетъ въ разговоръ; и не смотря на интересъ этихъ новыхъ лицъ и ихъ идей, разсказъ неприятно прерывается такими эпизодами, тѣмъ болѣе, что эта связь сценъ, не совсѣмъ художественная, довольно обыкновенна, чтобы не выразиться: избита. Талантъ автора, ярко блестящій на многихъ страницахъ романа, могъ бы пренебречь такую методою. Читая подобныя сцены, не знаешь, гдѣ авторъ положить нмъ границы, боишься, чтобы они не были безконечны; притомъ тогда, когда онѣ оканчиваются, не понимаешь, почему онѣ не продолжались долѣе или почему не прервались раньше. Повторяемъ, что лица, въ романѣ, удерживаются за собою интересъ только тогда, когда являются въ слѣдствіе необходимости, а не какъ призраки, не какъ фантазмагорическія фигуры, быстро смѣняющія другъ друга.

Послѣ посѣщеній, которыя дѣлаетъ Ваня литераторамъ, мы находимъ сцену, нѣсколько утрированную. Грохнѣтъ, отуманенный идеями новѣйшихъ романовъ и разнаго рода системъ, схваченныхъ съ воздуха, рѣшается освободить Настю изъ варварскаго, по его мнѣнію, дома Оомы Пльича и прѣзжаетъ за ней, чтобы перевести ее не къ матери, а на свою квартиру! Но по-

слѣ этого опять является Аполлонъ Евсепчъ съ своими уточненными, метафизическими идеями и приемами. Авторъ мастерски обрисовываетъ эти идеи и приемы, которыми Аполлонъ Евсепчъ старается покорить себѣ молодую дѣвушку. Онъ объясняетъ Настѣ, что дружба состоитъ «въ доставленіи удовольствія тому, кто пріятель или кого любишь» и требуетъ блаженства цѣловать ея ручки. Потомъ, опровергая со всею изворотливостію развращеннаго ума добрыя начала своей собесѣдницы, онъ заставляетъ ее признаться, что она считаетъ его своимъ другомъ и что любить его. Но страстные объясненія Аполлона Евсепча открыли Настѣ его намѣренія, и она съ презрѣніемъ отвергаетъ его искуательства. Обиженное самолюбіе Аполлона Евсепча породило въ немъ мысль—вредить и мстить беззащитной дѣвушкѣ.—Вся эта сцена ведена прекрасно.

Аполлонъ Евсепчъ достигъ того, что Любовь Родіоновна отказала Настѣ отъ своего дома. Бѣдная дѣвушка, впервые испытавшая горькое разочарованіе, воротилась домой, но съ благодѣтельными урокомъ жизни,—цѣнить въ людяхъ не наружность, а внутреннее достоинство. Въ томъ же домѣ, гдѣ жило ея семейство, она нашла теперь друга въ одной молодой и образованной вдовѣ. Не станемъ разсказывать судьбы этого интереснаго въ повѣсти лица; выпишемъ только нѣсколько словъ, которыми характеризуетъ его авторъ, умбющій въ немногихъ словахъ, со всею ясностію, обрисовать нравственную физиономію лица. «Ея сердце было молодо и горячо, было обмануто первою любовью; силы его, почти дѣтственныя, не были расточены на минутныя увлеченія, долго сдерживались уединеніемъ и наконецъ стали проситься на свободу, искали той искры, которая должна была зажечь пламень, таившійся подъ пепломъ». Эта искра была брошена Ванею, котораго она спасла своими заботами отъ смерти, когда душевныя страданія довели его до жестокой болѣзни. Во время этой же болѣзни, Лемовъ, другъ Ваня, часто навѣщавшій больного, влюбился въ Настю.

Не разсказываемъ болѣе, потому что не можемъ передать въ сухомъ очеркѣ содержанія послѣднихъ главъ, которыя по своему развитію, по обстановкѣ сцены могутъ быть оцѣнены не иначе, какъ въ полномъ объемѣ. Для этого намъ слѣдовало бы выписать эти главы вполнѣ, но мы привели довольно мѣстъ изъ этого сочиненія, чтобы познакомить читателей съ талантомъ автора. Читатели могли замѣтить ясность и отчетливость изложенія, чистоту языка, вѣрный анализъ чувствъ и мастеровское воспроизведеніе характеровъ.

Мы, вѣроятно, скоро будемъ имѣть случай говорить о новыхъ произведеніяхъ г-жи Корсини. На оберткѣ изящныхъ, разсмотрѣнныхъ нами, томиковъ, находимъ пріятное извѣстіе, что приготовлены уже къ печати слѣдующія сочиненія: *Любовь святскихъ людей*, 1 т., *Удачная перелыца*, 1 т., *Самолюбіе губитъ насъ*, 2 т., (книжка для дѣтей), и *Недоразумѣнія*, 3 т.

Смѣсь.

ЗАОЧНАЯ ЛЮБОВЬ. *Разсказъ Альфонса Карра.* Прекратилось хлопанье дверьми и замолкъ даже стукъ экипажей. Въ залѣ, освѣщенной множествомъ догоравшихъ восковыхъ свѣчъ, у потухавшаго каминна, сидѣли двѣ особы, женщина, лѣтъ около тридцати, и мужчина, который, казалось, былъ нѣсколько помоложе.

— Я часто, въ своей жизни, имѣла случай проклинать людей, сказала баронесса.

— Надѣюсь, сударыня, что не учителей.

— Нѣтъ, Рауль, это тѣхъ, которые уѣзжаютъ съ бала въ два часа утра и увлекаютъ за собою все общество. Прекращая танцы къ двумъ часамъ, налагаютъ на васъ самый тяжкій трудъ— всю остальную ночь провертѣться на постели. Знаю на-вѣрное, что мнѣ придется, по крайней мѣрѣ, еще часа два мучиться безъ сна. Пожалуйста, Рауль, побудьте со мною; дѣти мои сегодня утомились, и я позволила имъ встать завтра попозже; значить, и профессоръ можетъ сдѣлать то же. Разскажите мнѣ какую-нибудь исторію, или лучше отвѣтите на одинъ вопросъ: которая изъ вѣхъ женщинъ, какихъ вы когда-либо знали, вамъ показалась самою прекрасною?

— Не считая васъ, сударыня?

— Да, исключая меня.

— Такъ это та, которой я никогда не видалъ.

— Вотъ странность.

— Не совѣмъ: я сужу о красотѣ не по математическимъ размѣрамъ лица и тѣла, но по произведенному на меня впечатлѣнію; самъ, страстная, самая пламенная, самая поэтическая лю-
К. XI. — Отд. VII.

бовь, какую я испытала на своемъ вѣку, была внушена мнѣ женщиною, которой я никогда не видалъ въ лицо.

— Не исключая даже и той дамы, въ голубомъ платьѣ, которую я просилъ васъ пригласить на танцы?

— Которую напередъ вы такъ расхвалили мнѣ?

— Да.

— Я не видалъ ея. Лишь только я хотѣлъ пробраться къ ней сквозь толпу танцоровъ, она вышла изъ залы, подавъ руку другому болѣе счастливому меня.

— Или болѣе ловкому.

— И я видалъ только голубое ея платье, по которому вы велѣли мнѣ примѣтить ее.

— Расскажите мнѣ, Рауль, вашу исторію. Она длинна?

— Напередъ сказать не могу. Если я буду руководиться одною намятью, она будетъ коротка, потому-что въ ней не много встрѣчается приключеній, нѣтъ безпрерывныхъ завязокъ; но если, при разсказѣ, воображеніе мое перенесется въ былое время, если снова пробудятся живыя движенія сердца, я ни за что не могу отвѣчать.

— Нужды нѣтъ: если она будетъ хороша, я забуду свою безсонницу; а если скучна, такъ уснуть меня.

— Значитъ, я могу быть увѣренъ въ благосклонности моихъ слушателей. Это вниманіе такъ лестно, что нельзя не воспользоваться имъ. Я начинаю.

— Позвоните; пусть подложатъ дровъ въ каминъ.

— Я самъ это сдѣлаю.

— Вы прямой ораторъ: боитесь, чтобы минутное присутствіе слуги не уничтожило моего расположенія слушать вашу повѣсть и не разсѣяло моихъ мыслей.

— Нѣтъ, я скорѣе, можетъ быть, жалю прислугу, которой и безъ того сегодня было много хлопотъ.

— О, вы большой филантропъ! Ну, начинайте же.

— Мнѣ было двадцать лѣтъ... .

— Я угадывала это.

— Почему?

— Потому-что только въ этомъ возрастѣ предаются такимъ необдуманнымъ, такимъ романтическимъ, безразсуднымъ страстямъ.

— Скажите лучше, такимъ благороднымъ, чистымъ, истиннымъ. О, если бы женщины видѣли сколько любви заключается въ сердцѣ двадцатилѣтняго юноши къ первой обожаемой имъ женщинѣ; если бы чувствовали всю преданность, всю уваженіе, какія онъ питаетъ къ предмету своей страсти; если бы знали,

что для любящаго юноши онѣ составляютъ жизнь со всею ея наслажденіями, эдемъ съ его таинственными радостями; если бы понимали, что онѣ сосредоточиваетъ на своей возлюбленной все человѣческія страсти! Слава для него — быть любимымъ ею; гордость — лобызать ея волосы; счастье — хранить первое ея письмо, полу-истертое поцѣлуями! Но, по своему безразсудному презрѣнію къ неопытному юношѣ, по своему страшному предпочтенію съ существамъ пресыщеннымъ, потерявшимъ всякое чувство прекраснаго, женщины предоставляютъ гризеткамъ и горничнымъ наслаждаться этою истинною, пламенною, безкорыстною любовію! Упоительно-благодаря розѣ суждено разцвѣтать на кучѣ мусора!

— Позвольте, господинъ профессоръ, ваше отступленіе не можетъ обойтись безъ возраженій: во-первыхъ, не вѣтъ дано испытывать эту первую любовь, которую вы такъ живописно изобразили; только существа, богато одаренныя природою, способны чувствовать ее. А сверхъ того, ужели вы думаете, что не удивительно для женщины, когда ее обожаютъ за мнимыя прелести, расхваливаютъ за воображаемая совершенство; развѣ ей не досадно быть только зеркаломъ, въ которомъ отражаются блестящія мечты ея возлюбленнаго? Повѣрьте мнѣ, гораздо пріятнѣе и надежнѣе быть любимою за то, что имѣешь, за свою красоту, за свои качества, а не быть просто полотномъ, которое восторженныи поклонникъ покрываетъ яркими красками. Посмотрите, сколько есть предметовъ, недостойныхъ тѣхъ пламенныхъ страстей, какія питаютъ къ нимъ, и вы убѣдитесь, что женщины обожаютъ потому только, что не могутъ любить.

— Ахъ, сударыня, оглянитесь на прошлое, и вы увидите, что все доброе, все прекрасное въ жизни человѣческой, существуетъ только въ нашемъ воображеніи. Мечты — лучшее богатство челоука; прежде чѣмъ отбросишь ихъ, надо узнать, существенны ли, истинны ли то, чѣмъ думаешь замѣнять ихъ. А любовь едва ли можетъ назваться мечтою: это чары, которыми даритъ васъ душа; они существенны, мы наслаждаемся ими въ дѣйствительности; любовь, столько могущественная надъ тѣмъ, кто ее испытываетъ, имѣетъ такое же сильное вліяніе и на ту, которая внушаетъ ее, и если мы представляемъ васъ на высотѣ, такъ это наша любовь возвышаетъ васъ.

— Вѣроятно, вы въ состояніи наказать мнѣ еще много прекраснаго объ этомъ предметѣ, но я боюсь такой любви, которая поставитъ меня на пьедесталъ, гдѣ я не смѣла бы пошевелиться, пзъ опасенія, чтобы не упасть и не сломить себѣ шеи. Начнете ли вы вашу исторію?

Рауль началъ:

«Уже нѣсколько мѣсяцевъ я прожилъ на берегахъ Бретани. Принявъ на себя обязанность наставника двухъ сыновей послѣдняго члена одной знатной фамилии, я съ удовольствіемъ отправился съ своимъ патрономъ въ его лѣтнюю резиденцію. Это прекрасное, немного обветшалое, но за то чрезвычайно живописное жилище; оно такъ близко расположено къ морю, что волны почти постоянно бьются о невысокую скалу, служащую ему основаніемъ. День я посвящалъ занятіямъ съ моими воспитанниками, или прогулкамъ съ ними по берегу моря. Вечеромъ, игралъ въ шахматы съ ихъ отцомъ и пилъ съ нимъ пуншъ.

«Однажды, выпивъ болѣе обыкновеннаго, я не могъ заснуть и вышелъ въ садъ. Наслаждаясь тишиною и свѣжестью ночи, я вдругъ услышалъ пріятный женскій голосъ, напѣвавшій одну бретанскую пѣсню. Долго я напрасно искалъ, откуда несся этотъ голосъ, который, казалось, слеталъ съ неба или, по крайней мѣрѣ, съ высокихъ, густыхъ деревьевъ, разсаженныхъ около садовой стѣны. Наконецъ, я замѣтилъ огонекъ въ небольшомъ окнѣ, прикрытомъ зеленью. Безъ всякаго сомнѣнія, окно принадлежало дому, примыкавшему къ стѣнѣ: въ этомъ домѣ жили только двѣ женщины и нѣсколько человекъ ихъ прислуги. Голосъ замолкъ, и свѣтъ погасъ. Еще нѣсколько времени я оставался въ саду подъ магическимъ впечатлѣніемъ. Ночью, я съ трудомъ могъ заснуть; но на утро, уже не думалъ болѣе ни о чемъ.

«Между-тѣмъ, съ наступленіемъ вечера, сумерки напомнили мнѣ о маленькомъ окнѣ и млномъ голосѣ, и я, какъ только кончилъ партію въ шахматы, вышелъ въ садъ. Въ окнѣ, по-вечерашнему, былъ огонь, который, между густою зеленью деревьевъ, скорѣе походилъ на чернышка, свѣтящагося въ травѣ. Но голоса не было слышно. Умъ мой терлся въ неопредѣленныхъ мечтахъ; я старался представить въ своемъ воображеніи хозяйку этой комнатки. Судя по ея голосу, я могъ сдѣлать только одно заключеніе, что она должна быть молода.

«Прошло нѣсколько дней, я сталъ было забывать о своей мечтѣ. Однажды, прогуливаясь съ своими воспитанниками по морскому берегу, я увидѣлъ мальчика, который иногда приходилъ въ нашъ домъ съ плодами. Я подозревалъ его къ себѣ и, случайно или отъ нечего говорить, спросилъ его, откуда онъ идетъ.

«Да ужъ я бѣгалъ, бѣгалъ, отвѣчалъ мальчикъ, и все даромъ: госпожа Полина сердится, что не можетъ достать цвѣтовъ къ

имянинамъ своей матери; а сѣверный вѣтеръ нынче всѣ цвѣты сгубилъ въ садахъ.

«— Кто эта госпожа Полина? спросилъ я.

«— Это ваша сосѣдка: добрая барышня, и прекрасная, какъ ангель. За то, что я иногда ей услуживаю, она учитъ меня читать и писать, чтобы, со временемъ, и мнѣ можно было занять должность клерка.

«Мое любопытство было затрунуто, и я сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ. Я узналъ, что мои сосѣдки нигде не выходятъ; что маленькое окно, закрытое деревьями, принадлежитъ Полинѣ, и что эта комнатка служитъ ей спальнею. Мечты снова закружились въ моей головѣ, и остальное время прогулки мысли мои сосредочены были единственно на Полину. Когда воспитанники мои возвратились домой, я отправился къ одному садовнику, у котораго, я зналъ, всегда было можно достать какихъ угодно цвѣтовъ.

«Ночью, когда былъ увѣренъ, что всѣ уже спали, я вскарабкался на одно изъ деревьевъ, окружавшихъ домъ, гдѣ жила Полина; сердце мое сильно забилось, когда я приблизился къ самому окну ея спальни; окно было закрыто, въ комнатѣ не было свѣта. Я прикрѣпилъ къ окну букетъ цвѣтовъ и спустился внизъ съ незначительнымъ ушибомъ и съ порядочною царапиной.

«Я не смѣлъ явиться въ садъ въ то время, когда она должна была увидѣть цвѣты; но на другой день, я замѣтилъ, что цвѣтовъ уже не было.

«Я тотчасъ же позвалъ къ себѣ маленькаго комиссіонера Полины; мнѣ пріятно было говорить со всякимъ, кто видѣлъ ее, кто слышалъ ея голосъ. Я также хотѣлъ чему-нибудь научить его и далъ ему нѣсколько уроковъ въ арифметику. Вскорѣ послѣ начатія нашихъ уроковъ, онъ сказалъ мнѣ: «Госпожа Полина очень довольна, что я учусь считать; она говорила, чтобы я никогда не забывалъ вашихъ заботъ обо мнѣ.» Узнавъ изъ этого, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Полиной, я опасался слишкомъ много дѣлать ему вопросовъ о ней. Однажды, я замѣтилъ на шляпѣ Луи голубую ленту, которою онъ, казалось, очень гордился: онъ сказалъ мнѣ, что эту ленту подарила ему госпожа Полина. Я предложилъ ему за ленту нѣсколько денегъ, но онъ рѣшительно отказался разстаться съ нею. По лентѣ я заключилъ только, что моя сосѣдка должна быть блондинка. Все это чрезвычайно занимало меня.

«Въ одинъ вечеръ, при закатѣ солнца, поднялся чрезвычайно сильный юго-западный вѣтеръ, море страшно бушевало. Волны, поднимавшіяся высоко, казалось, хотѣли поглотить землю. Часъ

отъ часу буря свирѣѣла. Все населеніе было въ ужасномъ безпокойствѣ: нѣсколько судовъ, вышедшихъ на ловлю, еще не возвратились. Женщины и дѣти вышли на берегъ и напрасно смотрѣли вдаль. Деревянный крестъ, стоявшій у церкви, былъ окруженъ молящимися.

«Я возвратился домой, чтобы не пропустить времени, когда появлялся огонекъ между зеленою деревьевъ. Въ комнатѣ было свѣтло; я услышала пѣжный голосъ: «Женеваева, завтра лишь только встанешь, приди ко мнѣ сказать, не случилось ли какого несчастія. Эта буря пугаетъ меня.» Потомъ, хлопнула дверьми, и свѣтъ въ комнатѣ сдѣлался слабѣе. Минуту спустя, я услышала молитву къ Пресвятой Девѣ, покровительницѣ моряковъ. Съ благоговѣніемъ внимала я этой молитвѣ, и, по невольному движенію, самъ опустился на колѣни, чтобы вымѣстъ молиться.

«Послѣ того, я возвратился на берегъ: не болѣе, какъ на два ружейныхъ выстрѣла отъ берега, видѣлись два судна; но море съ такимъ бѣшенствомъ бросало ихъ съ волны на волну, что несчастные рыбаки каждую секунду должны были ожидать неизбежной гибели.

«Вдругъ вѣтеръ пересталъ свистѣть, и только слышался вдали глухой стонъ; море, во всю ширину, поднялось горою; оно какъ будто касалось неба; и эта безграничная волна, клубясь и пѣнясь, всюю массою пошла на берегъ. Крикъ отчаянія вырвался у всѣхъ бывшихъ на берегу. Два судна взлетѣли на волнѣ и потомъ исчезли изъ глазъ.

«Вскорѣ суда появились снова, но такъ были разбиты волнами и взаимнымъ ударомъ одно о другое, что едва держались на водѣ. Волна подняла ихъ и, бросивъ на берегъ, далеко раскатилась по песку; но на обратномъ пути, она подхватила суда и снова увлекла ихъ на нѣкоторое разстояніе. Между тѣмъ, нахлынулъ другой валъ и опять бросилъ ихъ на берегъ; въ этотъ разъ, суда разбились на части. Рыбаки, исключая одного взрослого и другаго мальчика, были спасены.

«Среди этого ужаснаго зрѣлища, Полина ни на минуту не выходила у меня изъ головы. Я желалъ, чтобы представился случай, гдѣ бы я могъ оказать какую-нибудь пользу. Я былъ влюбленъ, и любилъ любовію благородныхъ душъ, тою любовію, которая возвеличиваетъ и возвышаетъ насъ, и требуетъ самопожертвованій. Море выкинуло на берегъ тѣло мальчика: всѣ считали его умершимъ; но я видѣлъ въ немъ еще искру жизни и старался подать помощь. Я имѣлъ счастье привезти его въ чувство. Мать не имѣла времени поблагодарить меня и увнесла

своего сына. Я возвратился домой и на-скоро написалъ на лоскуткѣ бумажки: *Бурей разбило два судна. Кроль Якова, всѣ спасены.*

«Потомъ, я взлѣзъ на дерево и прикрѣпилъ записку къ окну.

«На другой день, подѣ вечеръ, я прогуливался въ саду; вдругъ подошло ко мнѣ нѣсколько человекъ, они схватили мои руки и осыпали ихъ поцѣлуями: это были родственники спасеннаго мною мальчика. Я былъ тронутъ этою благодарностію и инстинктивно взглянулъ на маленькое окно; я замѣтилъ, что кто-то быстро отскочилъ отъ него. Значитъ, Полина видѣла меня: сердце мое пріятно сжалось.

«На-завтра, около полудня, окно было открыто; я изобразилъ на дерево и могъ видѣть комнату; она меблирована была очень просто. Я съ трепетомъ смотрѣлъ на чистую постель, на коверъ, по которому ступали ножки Полины, и на маленькія сафьянныя туфли. Я по всему дѣлалъ заключенія, но величавъ туфель и по забытымъ на столѣ перчаткамъ. Представте мою радость, когда на задвижкѣ окна я нашелъ два длинныхъ волоса, которые, безъ сомнѣнія, печально зацѣпились наканунѣ, когда Полина, при моемъ взглядѣ, быстро отскочила отъ окна.»

— И эти волосы были свѣтлорусые и чрезвычайно тонкіе, замѣтила баронесса.

Рауль останоился на минуту и съ изумленіемъ взглянулъ на свою слушательницу. Но полагая, что эти слова были сказаны случайно или въ слѣдствіе общаго описанія героини романа, онъ продолжалъ, открывъ свой перстень:

«Вотъ эти волосы, я никогда не расстаюсь съ ними.

«Я поспѣшилъ увидѣться съ маленькимъ Луи. Полина сдѣлала ему нѣсколько обо мнѣ вопросовъ. Она видѣла благодарность рыбаковъ и говорила, что, смотря на радость этихъ добрыхъ людей, она не могла удержаться отъ слезъ.

«Драгоценныя слезы. Я отдалъ бы половину крови за то, чтобы владѣть платкомъ, которымъ онѣ осушались. — «Я пойду, сказалъ Луи, можетъ-быть, госножъ Полины что-нибудь нужно; она, должно быть, уже возвратилась.»

«— Возвратилась! вскричалъ я; развѣ она куда ходила?

«— Да, она ушла, съ своею матушкою, къ обѣднѣ.

«Я побѣжалъ къ церкви. Луи послѣдовалъ за мною. Только что мы вышли, онъ указалъ мнѣ вдали на двухъ женщинъ: *Вонъ онѣ.* Я видѣлъ только складки благаго платья той, которая шла впередъ. Луи сказалъ мнѣ: *Это она,* и пошелъ за нами въ домъ. Я съ грустію вернулся назадъ.

«Однажды, я цѣлый вечеръ не видѣлъ огня въ комнатѣ По-

ливы. На другой день я узналъ, что мать ея очень нездорова, и что послали уже въ городъ за лекаремъ. Я тотчасъ же сѣлъ на лошадей и во весь опоръ помчался къ доктору. Посланный монахъ съѣдокъ былъ еще на половинѣ дороги, а между-тѣмъ докторъ уже явился къ больной, потому-что я отдалъ ему свою лошадь, а самъ вернулся пѣшкомъ.

«Я часто спрашивалъ у лекаря о состояніи больной; онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ никакой надежды, что болѣзнь можно протянуть еще на мѣсяцъ, но во всякомъ случаѣ, мать Полина не можетъ остаться въ живыхъ.

«Отзывъ медика чрезвычайно безпокоилъ меня; я представлялъ себѣ отчаяніе молодой дѣвушки, ея сиротство, одиночество. Ничто не давало мнѣ права предложить ей свое утѣшеніе, поддержать ее въ минуты скорби, которыя приближались къ ней съ каждымъ днемъ.

«Разъ, когда я говорилъ съ лекаремъ, какой-то человѣкъ вышелъ отъ отца монахъ воспитанниковъ и, остановившись вблизи насъ, казалось, съ большимъ вниманіемъ вслушивался въ нашъ разговоръ. Лишь только мы разстались съ лекаремъ, незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «Это плохой лекарь; онъ уморитъ свою больную; ей непременно надо пустить кровь.»

«— Ахъ, милостивый государь, вскричалъ я, схвативъ его за руки, ради Бога, зайдите къ ней и спасите ее!

«— Я этого сдѣлать не могу, отвѣчалъ онъ, я самъ медикъ, и не могу идти на-перекоръ своему собрату. Притомъ же мнѣ дорогъ каждая минута; если промедлю съ четверть часа, я могу потерять все и лишитъ своихъ дѣтей послѣдняго куска. Велите вашему лекарю пустить больной кровь, и она спасена.

«— Милостивый государь, вы совершенно увѣрены въ этомъ? спросилъ я.

«— Повѣрьте мнѣ, я сорокъ лѣтъ занимаюсь медицинскою практикой, и на-обумъ никогда не лечилъ больныхъ; я въ этотъ разъ я еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь, увѣренъ въ спасительности моего средства.»

«Съ этимъ словомъ, онъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ.

«Я по-прежнему прикрѣпилъ къ окну слѣдующую записочку: *«Ради Бога, велите пустить вашей матушкѣ кровь. Одинъ опытный докторъ увѣрилъ меня, что кровопусканіе спасетъ ее.»*

«Три дня я не слышалъ ничего о состояніи больной; ужасная тоска мучила меня. На четвертый, я чрезвычайно былъ изумленъ, увидѣвъ свою записку прикрѣпленную къ окну, тогда какъ прежде ея тутъ не было. Что бы это значило?

«Я постарался достать ее; но то была уже другая бумажка, съ надписью: *Сильсъ или ангелъ, благодарю.*

«Это писала она. Мать ея была спасена; она чувствовала необходимость отблагодарить меня.

«Черезъ нѣсколько времени, мнѣ пужно было отлучиться изъ дома, дней на восемь. Когда я возвратился, мать и дочь уже оставили деревню. Я былъ пораженъ. Никто не зналъ куда онѣ уѣхали: мнѣ могли только сказать, что *онѣ не возвратятся.* Я посѣтилъ также оставить эти мѣста, которыя сдѣлались для меня невыносимы: два года я провелъ въ путешествіяхъ; это нѣсколько уменьшило мою печаль, но не искоренило глубокой задумчивости. Послѣ того, я былъ принятъ въ вѣшемъ домѣ.»

— Благодарю васъ за рассказъ, любезный Рауль, сказала баронесса. Но надо вамъ сказать, что никогда слушатели не были такъ благосклонны: я слушала вашу исторію, а между-тѣмъ знала ее.

Рауль знакомъ выразилъ удивленіе.

— Я доскажу вамъ конецъ: Полина вышла замужъ и черезъ годъ сдѣлалась вдовою.

— Ахъ, сударыня, возразилъ Рауль, это жестокая шутка.

— Я не шучу. Я отъ нея самой слышала вашу исторію; и теперь, какъ я вамъ говорю, она отправляется къ своей матери, которая уже поселилась въ домѣ съ маленькимъ окномъ.

— Какъ, вы знаете ее?

— Это та дама, въ голубомъ платьѣ....

— Ужели!

— Это Полина.

— Она уѣхала?

— Уѣхала.

— Въ Бретань?

— Да. Если бы вы представились ей, какъ я вамъ совѣтовала, она на-вѣрное узнала бы васъ.

— Какъ! вы знали, что въ ея исторіи шло дѣло обо мнѣ?

— Нисколько.

На другой день Рауль отправился въ дорогу. Пока онъ ѣдетъ, бравится съ почтарями, проклинаетъ путешественниковъ, досадуетъ на малѣйшую остановку, мы посмотримъ, что происходитъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда онъ возвращается.

Полина прибыла къ своей матери наканунѣ пріѣзда Рауля. Она съ нѣкоторымъ волненіемъ вошла въ свою прежнюю комнату; она снова увидѣла своего воспитанника, своего любимца. Луи сдѣлался уже славнымъ молодцомъ; по смерти дяди, онъ

заявлять должность клерка. Онъ чрезвычайно обрадовался возвращенію Полины. Онъ ей былъ обязанъ занимаемою имъ должностію и тѣмъ уваженіемъ, какое оказывали ему поселане. На другой день, послѣ своего прѣзда, Полина захотѣла видѣть море. Погода была прекрасная, ни одно облачко не помрачало небесной лазури; прозрачную, спокойную поверхность моря лишь взрѣдка рябилъ легкій восточный вѣтерокъ.

Луи предложилъ прогуляться въ лодкѣ; ясная погода побудила принять его предложеніе.

Что можетъ быть пріятнѣе прогулки по водѣ! какъ морской воздухъ освѣжаетъ голову! какъ умъ становится свободнымъ и отдѣляется отъ всѣхъ заботъ, оставляя ихъ на землѣ!

Какая гармонія можетъ сравниться съ журчаніемъ воды подъ рулемъ и съ плесками ея о борты судна! Сколько очаровательныхъ мечтаній охватываютъ тогда воображеніе и лелѣютъ его!

Полина вполне предалась прелестямъ этой прогулки. Между всендневными происшествіями человѣческой жизни, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, проведенныхъ вдали, Полина очень скоро забыла Рауля. А въ это время, мечта ея невольно перенеслась въ прошедшее, питая въ умѣ ея какую-то неопредѣленную надежду; снова увидѣвъ свой домъ, свою комнату и маленькое окно, она вспомнила объ ангелѣ или сивѣфѣ, который такъ преданъ былъ ей и предупреждалъ всѣ ея желанія... Но Луи, какъ клеркъ, былъ плохой морякъ. Неправильнымъ оборотомъ руля онъ слишкомъ накренилъ лодку и ужасно перепугалъ Полину и ея мать. По невольному движенію, онѣ обѣ бросились на противоположную сторону, и лодка, потерявъ равновѣсіе, перевернулась.

Ужасный крикъ раздался на берегу.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ, верхомъ на лошади, скакалъ вдоль берега.

Онъ старался придать своей лошади крылья и въ минуту уже былъ противъ того самаго мѣста, гдѣ случилось несчастіе.

— Что это? что это значитъ?

Ахъ! вотъ бѣлое ея платье колышется на водѣ!

Онъ бросается въ воду.

Море чисто, спокойно отражаетъ въ себѣ небесную лазурь. Прекрасное заходящее солнце рисуется въ безграничной синевѣ водъ своими пурпуровыми и огненными цвѣтами.

Онъ скоро доплылъ до платья; но онъ не былъ искуснымъ пловцомъ, позволилъ Полинѣ схватиться за свои руки, и они оба исчезли. На другой день, морскимъ проливомъ вынесло на берегъ труны матери Полины и Луи. Два другіе труна были

судорожно сжаты, на ихъ искаженныхъ страданіемъ лицахъ выразалось отчаяніе: то были Рауль и Полина.

Эмансипированныя женщины четырнадцатаго вѣка. Въ одной изъ хроникъ монастыря Св. Винченца въ Испаніи, описано одно весьма забавное приключеніе.

Въ 1372 году, 10 апрѣля, говоритъ Герера, авторъ этой хроники и извѣстный испанскій писатель, въ то время, какъ всѣ братья собирались идти къ вечерѣ, на площади Палосской сдѣлалось страшное смѣтеніе. Шумъ увеличился до того, что настоятель нашего монастыря далъ мнѣ приказаніе отравиться съ тремя братьями на площадь и изслѣдовать въ чемъ было дѣло.

Придя на площадь, мы увидѣли не безъ удивленія около двухъ сотъ женщинъ, вооруженныхъ пиками и палашиами. Онѣ порывались пробраться къ морю, но чернь, повидному, не хотѣла пропустить ихъ и старалась всячески загородить имъ дорогу.

Начальница отряда женщинъ лишь только замѣтила меня въ толпѣ, тотчасъ подошла ко мнѣ и объявила, что беретъ меня въ посредники: «Я донья Мерседесъ де Каза-Реаль, сказала она. «Будучи осѣплена страстью, я слѣдовала повсюду за путешественникомъ Хилемъ Перейрою. Всѣ знаютъ какими низкими поступками, какими обидами отвѣчалъ онъ на мою любовь. Я рѣшилась собрать всѣхъ женщинъ, которыя, подобно мнѣ, оскорблены вашимъ поломъ; мы намѣрены составить отдѣльную общину и изгнать изъ нея всѣхъ мужчинъ. Для этого изготовили мы, на свои собственные издержки, корабль, который уже ждетъ насъ въ гавани, и ѣдемъ искать, внѣ предѣловъ отечества, убѣжища, гдѣ могли бы жить свободными отъ тягостнаго рабства мужчинъ. Горе тѣмъ, которые осмѣлятся «насъ останавливать!»

Я принялся-было усовѣщивать донью Мерседесъ, старался отклонить ее отъ исполненія столь сумазброднаго предпріятія и съ сожалѣніемъ убѣдился, что всѣ мои просьбы, всѣ мои увѣщанія были напрасны. Ничто не могло поколебать твердой ея рѣшимости. Въ толпѣ стали раздаваться угрозы и крики: *mueren las enemigas de los hombres* (умертвите непріятельницъ мужчинъ).

Послѣ тщетныхъ попытокъ усовѣтить своеправныхъ бѣглецовъ и видя всю опасность, которой онѣ подвергались отъ нападенія взволнованной черни, я усмирилъ съ большимъ усиліемъ, отчасти ласкою, отчасти угрозами, окружавшую меня толпу.

Донья Мерседесъ де Каза-Реаль и ея спутницы сѣли на корабль, и къ вечеру онъ отплылъ изъ гавани. Страшная буря, свирпствовавшая въ продолженіе цѣлой ночи, заставила меня сильно опасаться за жизнь прекрасныхъ пассажировъ. Я считалъ ихъ уже навѣрно погибшими.

Посудите же, каково было мое удивленіе и радость, когда я узналъ, что вся эта женская колонія благополучно пристала къ берегамъ острова Граціозы, находящагося въ архипелагѣ Азорскихъ острововъ.

Амазонки острова Граціозы дѣйствительно прервали всѣ сношенія съ мужчинами. Только однажды въ году, въ маѣ мѣсяцѣ, назначается была экспедиція, съ тѣмъ, чтобы завлечь на островъ или обитателей соединенныхъ острововъ, или матросовъ какого-либо европейскаго корабля. Послѣ праздника, продолжавшагося не болѣе двѣнадцати часовъ, всѣ мужчины были выпроваживаемы съ острова, безъ всякой надежды на вторичное посѣщеніе. Женщины брали всѣ возможные мѣры, чтобы воспрепятствовать хотя одному мужчине поселиться на ихъ островѣ.

ПРЕДУЧУВСТВІЕ МАТЕРИ. Одинъ креоль, бывшій свидѣтелемъ ярости гнѣва черныхъ, рассказывалъ слѣдующій случай. Единственный сынъ одного негра пропалъ изъ своего жилища, и отецъ его, приписывая эту пропажу нерадѣнію своихъ господъ, рѣшился жестоко отомстить имъ.

У г-на и г-жи Б... была дочь пяти лѣтъ, прелестная дѣвочка, отъ которой родители были безъ ума. Пинто (такъ назывался Негръ), сговорился съ своими товарищами убить этого ребенка, или по крайней мѣрѣ задержать, пока сынъ его не отыщется.

Семейство Б..., узнавъ о заговорѣ, бѣжало, такъ же какъ и другіе, при свѣтѣ факеловъ, и преслѣдуемые кинжалами, достигли до ближайшей саванны. Супруги, братья, друзья всѣ, уже два дня скрывались въ чащѣ лѣса; вдругъ ужасный пожаръ, произведенный Неграми, заставилъ ихъ выйти изъ послѣдняго ихъ убѣжища.

Нѣтъ ничего ужаснѣе пожара въ саваннахъ! Представьте себѣ тысячи смолистыхъ деревьевъ, зажигающихся постепенно, какъ взрывы огромнаго фейерверка. Вы тамъ увидите и вертящіяся штыи и лопающіяся ракеты, круги всѣхъ цвѣтовъ, букеты, ужаснѣйшій трескъ, потоки пламени, искръ и дыма.

Видя не миавшую опасность, г-жа Б... не хотѣла поручить никому приемотрѣ за дочерью. Она взяла ее на руки и побѣжала вмѣстѣ съ другими искать себѣ убѣжища. Вскорѣ отъ усталости она не могла поспѣвать за ними и, въ страхѣ, не

замѣтила, что сбилась съ дороги, и очутилась одна въ непроходимомъ и пустынномъ лѣсу.

Утомленная, обезсиленная, она остановилась и увидѣла, что мимо нея пробѣгали дикіе звѣри, гонимые пожаромъ.

Можно себѣ представить ея ужасъ, при видѣ подобной картины!

Но вскорѣ она была поражена еще сильнѣйшимъ ужасомъ. Она увидѣла въ недалекомъ разстояніи шайку черныхъ, подъ предводительствомъ Пинта, съ факелами и кинжалами. Они искали дочери г-жи Б..., чтобы убить ее.

Пинто съ этимъ намѣреніемъ зажечь саванну; онъ преслѣдовалъ свое мнѣніе черезъ это море огня и дыма.

Г-жа Б... думаетъ только о спасеніи дочери... Она бросается въ самую чащу, царапаетъ себѣ руки и лицо, чтобы только найти неприступное убѣжище... Вдругъ она отступаетъ назадъ съ восклицаніемъ ужаса... Передъ нею—логовище разъяренныхъ львицъ, оскалившихъ зубы, съ ужаснымъ рыканіемъ, и готовыхъ истерзать всѣхъ, кто приблизится къ ихъ дѣтямъ, которыхъ скрывались съ ними какъ за стѣной.

Она рѣшается на отчаянное средство... Бросаетъ дочь въ неприступное логовище, а сама безъ памяти падаетъ въ кусты.

Она опомнилась черезъ два часа послѣ того; какова была ея радость, когда она увидѣла себя посреди родныхъ и между ними дочь свою, которая была здрава и невредима; Пинто стоялъ на колѣнахъ передъ нею и ожидалъ, чтобы она пришла въ себя, чтобы не просить себѣ прощеніе...

Ей рассказали все, что случилось и какъ ея предчувствіе оправдалось.

Негры не замѣтили ея въ кустахъ, но увидѣли ея дочь между львицами. Чтобы достигнуть до своей жертвы, они начали бой съ дикими звѣрями. Нѣсколько Негровъ были опасно ранены. Ярость львицъ увеличивалась по мѣрѣ опасности, ожидавшей ихъ дѣтей. Наконецъ Негры одолѣли ихъ, и черезъ пораженныхъ непріятелей они проникли до самаго гнѣзда.

Пинто уже схватилъ дѣвочку и держалъ кинжалъ надъ нею, но одинъ изъ его товарищей, удерживая его руку, сказалъ ему съ чувствомъ:

— Неужели мы будемъ безжалостнѣе и злѣе дикихъ звѣрей, которые пощадилъ этого ребенка. Не господа твои виноваты въ потерѣ твоего сына; я похитилъ его, чтобы продать. Я знаю, гдѣ онъ, и возвращу тебѣ его черезъ часъ.

И такъ г-жа Б..., не будучи въ состояніи защитить свою дочь, спасла ее, отдавъ подъ защиту львицъ. Сердце матери сказала

ей, что эти матери будутъ защищать своихъ дѣтей до послѣдняго издыханія, а Провидѣніе докончило остальное и услышало ея молитву.

— И вотъ, дитя, спасенное какъ Даниилъ, прибавилъ авторъ этого разсказа, показывая на жену свою, которая сидѣла возлѣ него.

Что касается до Пинто, раскаяніе и преданность всей его жизни загладили его преступленіе; съ тѣхъ поръ, онъ не переставалъ быть вѣрнѣйшимъ нашимъ слугою.

Разскащикъ всталъ и послѣдовалъ за старымъ Негромъ, который доложилъ ему, что карета подана.

ИГРА ПРИРОДЫ. Въ селѣ Лозакъ, въ 18... было двое близнецовъ, мальчикъ и дѣвочка, которыхъ звали Матиоренъ и Матиорина. Вамъ конечно извѣстно, что во всѣхъ романахъ, близнецы походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды; что у нихъ всегда одно сердце, одинъ умъ, одни мысли. Природа, которая часто идетъ наперекоръ романшетамъ, сдѣлала тутъ совершенно противное. Она вложила мужественную душу, въ дюжее тѣло Матиорины и женскую душу въ слабое тѣло Матиорена. Когда эти двое дѣтей пасли коровъ на пажитяхъ, и если надо было перелезть высокой тынъ, или перескочить чрезъ протокъ, или разорить гнѣздо сорокъ на верхушкѣ дерева, сестра храбро бросалась первая, и рѣдко случалось, чтобъ братъ осмѣливался слѣдовать за нею. Онъ думалъ, что бѣдняжка разобьется, становился на колѣна, молился за нее на другой сторонѣ протока, или подъ деревомъ, или на скатѣ вала. Нѣсколько разъ онъ убѣгалъ и прятался отъ волка, тогда какъ Матиорина, обративъ свое вереніе въ палку, дожидала неприятеля съ оружіемъ въ рукѣ и прогоняла его съ помощью своей доброй собаки. Матиоренъ показывался, когда опасность проходила, приемыженный, но благодарный; становился на колѣни передъ своей сестрой, удивлялся ей, благодарилъ, цѣловалъ со слезами и клялся быть мужественнѣе, при первомъ встрѣтившемся случаѣ. Случай приходилъ, а мужество не показывалось. Бѣдный мальчикъ былъ уже такимъ отъ природы; онъ не могъ себя передѣлать...

Вообразите его страхъ, когда онъ достигнулъ возраста, въ который могъ быть выбранъ въ рекруты... Видя его однажды въ слезахъ, Матиорина совѣтовала ему вступить въ семинарію, и такимъ образомъ избѣгать мундира и надѣть рясу. Матиоренъ заплакалъ еще сильнѣе и признался, что онъ любитъ Суазикку Пюдронъ, свою сосѣдку, съ которою онъ танцовалъ на новой площади... Тогда Матиорина не пошла съ просьбой въ ванп-

ской коллегіумъ, а отправилась къ сосѣдкѣ Суазиккѣ и начала ходатайствовать въ пользу сердца своего брата и дѣйствовала такъ усердно, что успѣхъ былъ на ея сторонѣ... Но прежде дня свадьбы, надо было явиться въ рекрутское собраніе и вынуть билетъ. Бѣдный братъ былъ бы вдвое несчастнѣе, если бы вытянулъ несчастный билетъ.

Онъ не могъ спать отъ безпокойства, и все семейство было разстроено вмѣстѣ съ нимъ. Матиорина одна смѣялась за всѣхъ. У нея были свои замыслы въ головѣ!

Наканунѣ роковаго дня, она встаетъ рано, идетъ проститься съ большимъ братомъ, который отъ страха лежалъ въ постелѣ; беретъ потихоньку его платье, надѣваетъ его, откидываетъ свои длинные, черные волосы назадъ и отправляется въ Квестембергъ, гдѣ должны были собраться всѣ лозакскіе рекруты. Отецъ, увидя, что она отправляется, принялся бранить ее, но въ это время вошелъ деревенскій священникъ и приказалъ ему замолчать. Почтенный человекъ зналъ это и одобрялъ намѣреніе Матиорины.

На другой день объявили Матиорену, чувствовавшему себя хуже вчерашняго, что одинъ изъ его товарищей возьметъ билетъ за него въ Квестембергъ и что все семейство будетъ молиться, чтобы Богъ помогъ ему вынуть спасительный билетъ. Молодой человекъ немного успокоился и ожидалъ жизни или смерти.

Вечеромъ постучали въ дверь. Вошла Матиорина, уже переодѣтая въ женское платье. Она бросается въ объятія брата и объявляетъ, что ему достался хорошій номеръ; сообщаетъ эту новость и Суазиккѣ, которая прибѣгаетъ поздравить его, и въ тотъ же вечеръ оба семейства отпраздновали обрученіе.

Всѣ повѣрили доброй дѣвушкѣ, однако она солгала; вскорѣ всѣ это узнали, пеклочая ея брата. Вотъ что случилось въ Квестембергѣ: когда выкликнули Матиорена, подошелъ молодой царенъ, съ твердостью опустилъ руку въ урну и вынулъ... номеръ первый! «Прекрасно, вскричалъ префектъ, вотъ будетъ славный солдатъ нашему императору!» Матиорина сначала немного поблѣднѣла, но потомъ вскорѣ оправилась. «Я прошу, сказала она, прежде переключки, чтобъ меня назначили въ канцлерію.» «Да это какъ пельзи лучше!» возразилъ префектъ, восхищенный такою рѣдкою поспѣшностію, и удостоилъ пожатіемъ руки рекрута, который доставилъ ему случай помѣгити въ рапортѣ краснорѣчивую фразу. Матиорина возвратилась въ Лозакъ довершить свой великодушный обманъ, думалъ уѣхать тогда, когда совершенно устроитъ счастье брата.

Въ нѣсколько дней все было приготовлено къ празднованію свадьбы Матюрена и Суазки... Сестра послѣ того надѣла мужское платье, простилась съ отцомъ и съ матерью и поступила въ ряды императорской кавалеріи. Она участвовала, подъ именемъ своего брата, во всѣхъ компаніяхъ 1812, 13, и 14 годовъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября 1815, по селенію Лозакъ, проходилъ драгунъ въ мундирѣ, со шрамомъ на вискѣ и съ крестомъ Почетнаго Легіона... Онъ остановился у дома священника и постучалъ сильною рукою... Священникъ вышелъ самъ отворить ему дверь и, узнавъ Матюрину, поцѣловалъ драгуна. Старая прислужница чуть было не упала въ обморокъ отъ удивленія, но, узнавъ въ свою очередь Матюрину, она, откуда взяли ноги, побѣжала сообщить эту новость Матюрену.

Вонизъ сохранилъ всю нѣжность сердца и хотѣлъ доставить своимъ роднымъ удовольствіе неожиданнымъ своимъ возвращеніемъ. Невозможно описать восхищеніе родныхъ. Праздники продолжались три дня безостановочно, и вся община участвовала поочередно. Поздоровавшись съ каждымъ и перецѣловавъ каждую, Матюринъ снялъ свой мундиръ и саблю, надѣла свое женское платье и прежній головной уборъ, повѣсила свой почетный крестъ въ большой уголъ, и поселился въ домъ своего брата. Многие, молодые парни просили руки ея, но она объявила, что не выйдетъ замужъ, и дала почувствовать есеѣ своей сабли тѣмъ, которые вздумали фамильярничать съ нею.

Нынче Матюринѣ пятьдесятъ семь лѣтъ, она живетъ въ Лозакѣ у Матюрена. Каждый годъ, въ день выбора рекрутовъ, она надѣваетъ мундиръ и крестъ, и ведетъ рекрутовъ въ назначенное мѣсто... Бѣда тому, кто вздумаетъ плакать или оглядываться назадъ!... Матюринна даетъ ему пощечину и заставляеть его идти впередъ ударомъ своей сабли. Она провожаетъ ихъ всѣхъ до конца прихода, цѣлуетъ крѣпко кажлаго и придаетъ имъ твердости на семь лѣтъ. Потому, съ 1815 года, не было въ селѣ Лозакѣ ни одного бѣглаго.

Нѣкоторыя привычки и странности людей. Есть люди, привыкшіе разсуждать, настоящіе мыслители, которые собираютъ и приводятъ въ порядокъ свои мысли, не иначе какъ держа перо или кура трубку. Г-жа Сталь, которая съ такимъ блескомъ и съ такою прелестью умѣла вести разговоръ, чувствовала себя болѣе способною поддерживать занимательность спора, перебирая въ рукахъ маленькую вѣтку какого-нибудь растенія. Одинъ ученый литераторъ, который обыкновенно не показывалъ большой легкости въ разговорѣ, скорѣе прилеживалъ

пристойное выраженіе, когда онъ могъ тихонько катать въ рукахъ шарикъ хлѣба или воска. Можно было бы посоветовать многимъ заграничнымъ ораторамъ катать между пальцами хлѣбный или восковый шарикъ, для того, чтобы рѣчи ихъ были умѣе и толковѣе. Очевидно, что они говорятъ свысока разными разности безъ восковыхъ и хлѣбныхъ шариковъ, и очень часто безъ здраваго смысла.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Разнообразіе предметовъ въ дамскомъ туалетѣ такъ велико, что мы не знаемъ, съ чего начать наше описаніе. Бросимъ жребіи; что выйдетъ?—Шляпки! Ладно.—Зимнія шляпки очень мало измѣнились въ фасонѣ противъ прошлыхъ годовъ. Тѣ же выпуклыя тульи, только объемъ полей немного увеличился и края ихъ почти сходятся, когда шляпка завязана. Бульонъ уже перестаютъ носить, но его замѣняютъ лентами съ небольшою примѣсью шелкового тюля или блонды. Цвѣты и перья никогда не выйдутъ изъ моды. Вуалетки по прежнему въ употребленіи. Шляпки изъ неразрѣзнаго бархату съ каждымъ днемъ появляются много въ лучшихъ нашихъ магазинахъ.—На прогулкахъ встрѣчаешь бархатныхъ бурнусовъ и ватныхъ платьевъ съ одинокими мантиліями, обшитыми горностаемъ. Бархатъ никогда не выходитъ и не выйдетъ изъ моды. Бурнусы также дѣлаютъ изъ шелковыхъ и шерстяныхъ, чаще одноцвѣтныхъ матерій, и вышитой байки. Отдѣлываютъ бурнусы аграмантомъ, тесмами, шурками, или обшивкою изъ бархата.—На платьяхъ фалбалы съ зубцами донынѣ любимое украшеніе. Платья изъ шелковыхъ матерій обшиваютъ по краямъ въ три ряда узенькой бархатнойкой это довольно ново, платья съ тюниками въ большомъ употребленіи. Бальные платья дѣлаются съ гладкими, открытыми таліями. Для полу-туалета, талія съ отворотами напередъ входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе. Для этого фасона талій необходимы канзу или шемпетки, на изящество которыхъ теперь обращено большое вниманіе. Онѣ украшаются англійскими вышивками. Рукавчики, выходящіе изъ-подъ рукавовъ платья, дѣлаются буфами въ нѣсколько перехватовъ. Вышивки по батисту или кисеѣ, вмѣстѣ съ тюлемъ, въ большой модѣ. Такимъ образомъ вышиваютъ носовые платки, чепчики и воротнички. Для носоваго платка узоръ долженъ быть по краямъ фестонами. Когда вышивка окончена, батистъ вырѣзывается, и узоръ остается на прозрачномъ тюлѣ. Такіе платки не обшиваются кружевами.

» сафьянномъ корешкѣ	1	55
» въ сафьянномъ (chagrin)	2	50
» полною сафьянѣ, на веленовій бумагѣ и съ золотымъ обрѣ- зомъ.	3	50

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжномъ магазинѣ коммиссіонера воен-
но-учебныхъ заведеній и библиотекъ гвардейскаго корпуса,

Л. А. ПСАКОВА,

въ С. Петербургѣ, въ Гостиномъ дворѣ, подъ № 22,

Цѣны на серебро безъ пересылки.

- Constant.* Guide formulaire légale pour faire soi même secréte-
ment sans frais et d'une manière certaine son testament. in
18. 35 c.
- Schmit.* Nouveau manuel complet décorateur-ornemaniste 1 vol.
in 18 avec Atlas. Paris. 1848. 2 r. 10 c.
- Clerq.* Formulaire à l'usage des consulats, suivi d'un appen-
dice contenant le tarif des chancelleries consulaires et les prin-
cipales lois et ordonnances relatives aux consulats. Un vol. in
8. Paris. 1848. 3 r. 80 c.
- Alletz.* Harmonies de l'intelligence humaine. Paris. 1846.
2 vol. in 18. 2 r. 95 c.
- Houel.* Histoire du cheval chez tous les peuples de la terre
depuis les tems les plus anciens jusqu'à nos jours T. 1. in 8.
2 r. 30 c.
- Rubens.* Traité des maladies des arbres fruitiers et des moyens
de les prévenir et de les guérir. Traduit par A. Mall. 1 vol.
in 12. 35 c.
- Vidal.* Des Hernies ombilicales et épigastriques in 8. Paris.
1848. 75 c.
- Sedillot.* De l'insensibilité produit par le chloroforme et par
l'éther et des opérations sans douleurs 1 vol. in 8. Paris.
1848. 90 c.
- Vernhes.* Monographie sur le dioptré ou spéculum. De quelques
états organopathiques qui reclament son application, avec 50
gravures dans le texte. Un vol. in 8. Paris. 1848. 1 r. 20 c.

- Rochoux.* Notice sur la structure et sur quelques maladies.
1 vol. in 8. Paris 1848. 1 r. 45 c.
- Rendu.* Etudes topographiques, médicales et agronomiques sur
le Bresil. Paris. 1848. 1 vol. in 8. 1 r. 5 c.
- Martin.* Manuel d'hygiène, à l'usage des européens qui viennent
s'établir en Algérie 1 vol. 8. Paris. 1847. 1 r. 45 c.
- Rodet.* Essai sur les accidents qui peuvent résulter de l'emploi de
l'iodeure de Potassium. 1 vol. in 8. Paris. 1847. 50 c.
- Bousquet.* (J. B.) Nouveau Traité de la vaccine et des érup-
tions varioleuses. Paris. 1848. 1 vol. 8. 2 r. 5 c.
- Gerhardt.* Introduction à l'étude de la chimie par le système
unitaire. Paris. 1848. 1 vol. in 12. 1 r. 20 c.
- Hoefler.* Nomenclature et classifications chimiques suivies d'un
lexique historique et synonymique. Paris. 1845. 1 vol. in
12. 90 c.
- Hoefler.* Dictionnaire de chimie et de physique. Paris. 1847. Un
vol. in 12. 95 c.
- Lhéritier.* Eléments populaires de chimie agricole ou résumé
élémentaire des connaissances chimiques, dans leur applica-
tion à l'agriculture. Paris. 1847. 1 vol. in 12. 1 r. 5 c.
- Liebig.* (Justus) Lettres sur la chimie considérée dans ses rapports
avec l'industrie, l'agriculture et la physiologie; traduites de
l'allemand par Bertès-Dupiney et Dubreuil-Helion. Paris.
1845. 1 vol. in 12. 95 c.
- Sacc.* Précis élémentaire de chimie agricole. Paris. 1848. 1 vol.
in 12. 1 r. 5 c.
- Wheaton.* Histoire des progrès du droit des gens en Europe et
en Amérique. 2 vol. in 8. 4 r. 35 c.
- Plisson.* Les mondes, ou essai philosophique sur les conditions
d'existences des êtres organisés dans notre système planétaire.
1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Jurien Delagravière.* Guerres maritimes sous la république et
l'empire. 2 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 90 c.
- Coulier.* Description générale des phares et fanaux 1-c édition
augmentée 1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Manuel* encyclopédique du recrutement et de la réserve de l'ar-
mée. Un vol. in 18. Paris. 1848. 65 c.
- Griffiths.* Manuel de l'artilleur anglais, trad. par Rieffel. Un vo-
lume in 8. Paris. 1848. 3 r. 50 c.
- Blois.* Traité des Bombardements 1 vol. in 8. 2 r. 20 c.
- Splingard.* Notice sur une fusée shrapnel. 60 c.
- Sageret.* Almanach et annuaire des batiments des travaux publics
et de l'industrie pour 1848. Un vol. in 12. Paris. 1848. 1 r.
30 c.

- Lefranc.* Manuel des aspirants au baccalaureat es-lettres 1 vol. in 18. Paris. 1848. 60 c.
- Gallois.* Les Corsaires français sous la république et l'empire. 2 vol in 8. Paris. 1847. 3 r.
- Rémusat.* Passé et présent. Mélange. 2 vol. in 12. Paris. 1847. 2 r.
- Mutter.* De l'état moral, politique et littéraire de l'Allemagne. 2 vol. in 8. Paris. 1847. 4 r. 35 c.
- Moreau Jonnés.* Eléments de statistique. 1 vol. in 12. Paris. 1847. 1 r. 5 c.
- Delegorgue.* Voyage dans l'Afrique australe. 2 vol. g-d in 8. Paris. 1847. 7 r.
- Gaume.* Les Trois Rome, journal d'un voyage en Italie 4 vol. in 8. Paris. 1847. 6 r. 45 c.
- Xylander.* Etude des armes, 3-e édition augmentée par Klemens schédel. Paris. 1846. 1 vol. in 8. pour 3 liv. 3 r. 55 c.
- Decker.* Expériences sur les shrapnels faites chez la plupart des puissances de l'Europe accompagnées d'observation sur l'emploi de ce projectile. Paris. 1837. 1 vol. in 8. 2 r. 30 c.
- Oudinot.* De l'armée et de son application aux travaux d'utilité publique. Paris. 1845. 1 vol. in 8. 1 r. 20 c.
- Marmont.* (M-al) De l'esprit des institutions militaires. Bruxelles. 1846. 1 vol. in 12. 85 c.
- Dupont.* Eléments abrégés d'un cours d'équitation militaire. Paris. 1847. 1 vol. in 18. 60 c.
- Maurice.* Essai sur la fortification moderne, ou analyse comparée des systèmes modernes français et allemands. 1 vol in 8. Paris. 1845. 3 r. 45 c.
- Reinaud.* Du feu grégeois, des feux de guerre et des origines de la poudre à canon. Paris. 1845. 1 vol. in 8 et atlas in. 4. 3 r. 50 c.
- Adanson.* Cours d'histoire naturelle fait en 1772 avec une introduction et des notes par M. J. Payer. Paris. 1845. 2 vol. in 12. 3 r. 35.

Гг. многогородные благоволятъ относиться съ требованіями своими по вышеозначенному адресу, подписывая на конвертахъ имя книгопродавца.

Печатать позволяется, 30 октяб. 1848 г. Старшій цензоръ Рсчфортъ.